

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Вяч.Вс. Иванов (Москва). Типология языков бассейна Амазонки. II. Числительные и счет	3
А.В. Лушников (Москва). Календари Северной Евразии и Сибири как источник для реконструкции древней картины мира	11
А.К. Шапошников (Москва). Indoагіса в Северном Причерноморье	30
А.С. Николаев (Санкт-Петербург). Тох. А <i>šamantär</i> и индоевропейский претерит с продленной ступенью аблаута в корне	68
Е.В. Падучева (Москва). Еще раз о генитиве субъекта при отрицании	84
Д.С. Ганенков (Москва). "Контактные" локализации в нахско-дагестанских языках....	100

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Н.А. Купина, О.А. Михайлова (Екатеринбург). <i>Л.П. Крысин</i> . Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике	117
В.В. Потапов (Москва). <i>Г.В. Колпакова</i> . Семантика языковой единицы	123
О.В. Никитин (Москва). <i>А.Д. Дуличенко</i> . Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов	128
А.В. Костыркин (Москва). <i>S. Nirenburg, H.L. Somers, Y. Wilks</i> (eds.). Readings in machine translation	133
С.А. Минор (Москва). <i>K. Hale, S.J. Keyser</i> . Prolegomenon to a theory of argument structure.....	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	146
----------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.А. Плунгян* (отв. секретарь), *Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2005 г. ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ БАССЕЙНА АМАЗОНКИ. II. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И СЧЕТ

В статье рассматриваются особенности выражения счета, а также некоторых других языковых и знаковых категорий (местоимений, цветообозначений и др.) в одном из языков бассейна Амазонки – пирахан. Исследование ведется на фоне изучения особенностей различных америндейских языков (тупи, мундуруку). Выясняются причины отсутствия числительных в языке пирахан в свете новейших открытий, посвященных характеристикам счета в амазонских языках.

С самого начала установления характерных черт языков Амазонии, оставшихся долгое время неизвестными или мало использовавшихся в общем языкознании, исследователей занимало, соблюдаются ли в них универсальные типологические закономерности, сформулированные до их открытия. Если обнаруживаются отклонения от таких закономерностей, они должны получить объяснение, которое окажется важным и для теории языка, и для исследования данной конкретной системы¹. В самое последнее время вопрос рассмотрен на примере числительных первого десятка.

1. Пирахан – язык без числительных? На языке пирахан (последний сохранившийся язык некогда важной для всей Амазонии изолированной семьи мура, другие уцелевшие представители которой перешли на португальский) говорит около 200 человек, живущих рыбной ловлей, охотой и собирательством. Они сообща верят в злых духов и их постоянно видят. Индейцы пирахан обитают в маленьких поселениях (по 10–20 человек в каждом) в бассейне реки Майей в нижнем течении Амазонки в Бразилии. В своей массе они одноязычны, знание португальского ограничивается несколькими фразами, в которые не входят числительные. Кажется вероятным, что и в пирахан нет числительных в строгом смысле слова. В языке есть только два слова, относительно которых можно спорить, служат ли они также и числительными – соответственно со значениями “один” и “два”. С этой точкой зрения, в недавнее время развитой антропологом П. Гордоном [Gordon 2004], не согласен Д. Эверетт [Everett 2004a, b] – наиболее крупный исследователь языка пирахан, занимающийся им на протяжении почти 30 лет, владеющий им в совершенстве и напечатавший серию работ, описывающих его грамматику и фонологию [Everett 1982–2004]. Он вместе со своей женой К. Эверетт, хорошо знающей язык практически и внесшей вклад в изучение его слоговой структуры и просодии [D. Everett, K. Everett 1984; K. Everett 1998], были первыми, кто заметил своеобразие счета у членов племени пирахан. Супруги Эверетты вместе со своими тремя детьми (тогда 3, 6 и 9 лет) в 1980 г. попытались устроить занятия для обучения пирахан элементарному счету европейского (португальского) типа. После восьми месяцев занятий от затеи пришлось отказаться, ни один из обучавшихся не усвоил арифметических правил. Д. Эверетт полагает, что в пирахан вообще нет числительных, а слова, обозначающие самые малые количества, могут употребляться и в значении, близком к числительным в европейских языках. Узнав от Эвереттов об этой особенности пирахан, Гордон разработал целый набор тестов с целью выяснения

¹ В первой из статей настоящей серии с этой точки зрения были рассмотрены некоторые из вопросов фонологической и грамматической типологии [Иванов 1988; 2004а: 24, 51].

возможностей счета у говорящих на этом языке и с помощью К. Эверетт провел два месяца за тестированием. Гордон полагает, что при попытках счета в пирахан выявляются слова со значением “один” (по Эверетту “совсем маленькое число или размер”: *hói* с падающим тоном) и “два” (по Эверетту “немного большее число или размер”: *hoí* с восходящим тоном) и количественное слово “много” (*aibaagil'ibai*, по Эверетту *há à gí sò*, буквально “вызвать совместное нахождение”). Они сочетаются с пальцевыми обозначениями таким образом, что каждому числу первого десятка при счете могут в реальном употреблении соответствовать один или два пальцевых жеста в комбинации с одним или двумя из трех количественных слов или числительных (см. табл. 1):

Таблица 1

Пример обозначения чисел при счете в пирахан (по Гордону и Эвереттам)

Число предметов	Количественные слова или числительные	Номера пальцев
1	<i>hói</i> “совсем малое число или размер, 1”	—
2	<i>hoí</i> “несколько большее число или размер, 2”	2
3	<i>hoí</i> “несколько большее число или размер, 2” + <i>bá à gí sò</i> “много”	3
4	<i>hoí</i> “несколько большее число или размер, 2” + <i>bá à gí sò</i> “много”	5/3 ²
5	<i>bá à gí sò</i> “много”	5
6	<i>bá à gí sò</i> “много”	6/7
7	<i>hói</i> “совсем малое число или размер, 1”	1 + 5/8
8	—	5/8/10
9	<i>bá à gí sò</i> “много”	5/10
10	—	5

Хотя на первый взгляд может показаться, что каждое число от 1 до 10 изображается способом, отличным от другого, очевидна неоднозначность, заметная и при пальцевом счете (ср., в частности, употребление 5-го пальца по отношению к числам 5 и 10), но особенно нарастающая в словесных обозначениях, которые при числах, больших чем $5 + 2 = 7$, становятся невозможными. По отношению к пальцам отсутствует система соотношений жестового счета (очень слабо развитого, поскольку, по Эверетту, нет системы пальцевого указания предметов) со словесным, потому что у пальцев в пирахан нет названий.

Гордон исследовал соотношение множеств предметов, подлежащих счету и раскладываемых перед информантом или помещаемых в сосуд, и результирующих обозначений (словесных, жестовых или других условных, например, предлагавшихся исследователем палочек как символов единиц). При исследовании того, что А.А. Холодович называл “общей теорией множеств в языке”, Гордон выяснил, что у пирахан рекурсивный счет отсутствует³. Группы сосчитываемых предметов могут разбиваться на подгруппы по одному или двум в каждой (поэтому на табл. 1 слово с возможным значением “1” появляется при попытке подсчитать 7 предметов: $5 + 1 + 1$). Пирахан обладают интуитивной способностью различать большие и меньшие группы предметов и относительно большие числа, но у них нет ничего, напоминающего понятие точного числа. Согласно Гордону *hói* “совсем малое число или размер, 1” имеет значение “при-

² Знак / обозначает переход от одного пальца к другому в пределах сложного жеста, + означает соединение пальцевых жестов.

³ О значении рекурсивности в системах числительных и счета в языках мира ср. типологические наблюдения: [Menninger 1969; Hurford 1987].

близительно один; что-то вроде одного". Предложение *tí ʔítʔisí hóí hì ʔàbàʔàígìd ʔòògàbàgàí*, по Эверетту, можно понимать и как "я (*tí*) только (*ʔàbàʔàígìd*) хочу (*ʔòògàbàgàí*) одну (*hóí*) рыбку (*ʔítʔisí*)" или "я только хочу пару рыбешек" или наконец "я только хочу маленькую рыбку": разница между количественным и качественным эпитетом стирается. Соответственно предложение *tí ʔítʔisí hóí hì ʔòògàbàgàí* означает или "я (*tí*) хочу (*ʔòògàbàgàí*) две (*hóí*) рыбки (*ʔítʔisí*)" или "я хочу примерно две рыбки" или "я хочу рыбку немного побольше". Предложение *tiobáhai hóí hii* либо значит "ребенок мал", либо переводится "один (единственный) ребенок" или "детей совсем мало". Судя по этим контекстным употреблениям, количественные слова, хотя в речи они и могут соответствовать числительным других языков, в системе языка не выступают как числительные (грамматически они сближаются с прилагательными в предикативном употреблении).

2. Другие языковые и знаковые категории, отсутствующие в пирахан. По мнению Эверетта, отсутствие числительных в пирахан соотнесено с целым рядом других значимых отсутствий казалось бы широко распространенных и чуть ли не универсальных категорий. Эта связь очевидна в случае отсутствующего в пирахан множественного числа существительных. Любая именная форма в пирахан может пониматься и как единственное число ("рыбка" и "ребенок" в приведенных фразах), и как множественное число ("рыбки" и "дети" в выше разобранных примерах).

К другим случаям категориального отсутствия статистической универсалии относится возможное свособразие цветообозначений. В последних сводных обзорах по типологии названий цвета предполагается, что в пирахан есть слова для четырех цветов, но буквальный их перевод этому противоречит (см. табл. 2).

Таблица 2

Цветообозначения в пирахан

Фраза в пирахан	Цвет, отрезок спектра	Перевод по Эверетту
<i>bio pai ai</i>	коричнево-пурпурный	кровь грязная
<i>ko biai</i>	белый	предмет выглядит
<i>hi i sai</i>	красно-желто-пурпуровый	похожий на кровь
<i>a hoa saa ga</i>	зелено-синий	временно незрелый

Как и по отношению к счету по табл. 1, кажется целесообразным различить речевые употребления слов и их роль в системе. В этом смысле дефектность системы цветообозначений, ее размытость и отсутствие однозначных терминов в принципе похожи на то, что наблюдается при счете.

Отличие от типологически распространенных или универсальных структур Эверетт видит также в отсутствии сложных синтаксических "вложенных" ("встроенных" — embedded) конструкций в пирахан, заменяемых соположением простых предложений, а также в том, что в языке нет семантического соответствия перфекту (предшествованию в терминологии А.И. Смирницкого) как относительной глагольной категории [Everett 1993]. Другие отмечаемые Эвереттом свойства носят скорее общий антропологический и семиотический характер. К ним принадлежит особая роль пограничных ("лиминальных") событий, исключительная простота системы родства, отсутствие мифов и выдуманных историй, а также некоторые принципы крайне упрощенного строения жилищ и другие черты весьма специализированной материальной культуры, нацеленной на изготовление и использование очень небольшого набора предметов. Особый интерес может вызвать распространение в общении пирахан необычных видов коммуникации, в том числе неязыковых (свиста, гудения) [Everett 1985]. Едва ли все эти особенности вместе с исключительностью самой количественно простой системы фонем [Everett 1982] складываются вместе в единую картину. Но позволительно вы-

сказать предположение, что могут быть обнаружены единообразные факторы, которые в конце концов могли привести к перечисленным разнообразным отступлениям от лингвистических и общеантропологических универсалий или достаточно распространенных во многих других языках и обществах черт.

3. Диахроническая гипотеза: влияние тупи в некогда креолизованном языке? Современная сравнительно-историческая грамматика америндейских языков позволяет думать, что в предполагаемом исходном праязыке этой макросемьи (по Сепиру, Суодешу, Мейтсон и Гринбергу) были числительные. Языки мура, последним живым представителем которых является пирахан, не были исключением. Поэтому нужно выяснить, что вызвало исчезновение числительных в одном из этих языков. Аналогичный вопрос возникает и по поводу ослабления у пирахан значимости пальцевого счета, который распространен в америндейских сообществах в формах, которые отличаются значительным сходством⁴ и напоминают пальцевый счет в других языках мира. Нейролингвистические данные, относящиеся к так называемому синдрому Герстмана, позволяют полагать, что связь пальцев и их названий со счетом является общечеловеческой универсалией, которая должна иметь генетические корни. Для установления возможных причин далеко зашедших типологических особенностей пирахан, в этом и других отношениях отличающихся от остальных индейских языков, значительный интерес представляет гипотеза происхождения системы личных местоимений пирахан, предложенная (в развитие давно высказанного предположения Родригеса) Эвереттом в его недавних работах. Он полагает, что все эти местоимения заимствованы из языков тупи (-гуарани) – либо из одного из более поздних языков последней семьи – нхеенгату (формы которого близки к реконструируемым пратупи-гуарани [Jensen 1998]) или тенхарим (см. табл. 3), либо (что кажется возможным по фонетическим критериям) из праязыка тупи-гуарани. Гипотеза Эверетта исходит из предположения, что ко времени заимствования личных местоимений из языков тупи-гуарани фонемная система пирахан была достаточно близка к современной. Поэтому в ней отсутствовал ряд фонем, имевшихся в заимствованных местоимениях тупи. Последние были перекодированы, чтобы соответствовать фонемной системе пирахан.

Таблица 3

Личные местоимения в пирахан и тупи

Число	Лицо	Пирахан (семья мура)	Семья тупи-гуарани	
			нхеенгату	тенхарим
единственное	1	<i>ti</i> [c ^h i]	<i>xe</i>	<i>j^hi</i>
	2	<i>gi(a)</i> [<i>ni(a)</i>]	<i>n(d)e</i>	<i>n(d)e</i>
	3	{ (мужчина) <i>hi</i> женщина <i>?i</i> не человек <i>?is</i>	<i>ahe</i>	<i>hea</i>

Теоретическая возможность такого заимствования обосновывается Эвереттом и Томасон в работе, широко использующей, в частности, типологию медновского смешанного русско-алеутского креольского языка⁵. Если гипотеза Эверетта верна, она может говорить о существовании в более ранний период истории диалектов мура-пи-

⁴ О северноамериканском индейском языке жестов см. проницательные мысли [Cushing 1990].

⁵ [Everett, Thomason 2001]. Типологически разное поведение таких частей речи, как глагол и местоимение, при креолизации в медновском диалекте напоминает недавно обнаруженные смешанные хурритско-аккадские клинописные тексты из области Катна (близ Кадеша, Сирия, 2-е тыс. до н.э.).

рахан интенсивного двуязычия, сделавшего возможным заимствование из тупи-гуарани некоторых структурных элементов, в частности, местоимений. В это время под влиянием тупи-гуарани (где система числительных основана на двоичной базе [Bariero Saguier 1986]; ср. о других языках этого ареала [Ferreira 1976]) могли измениться и принципы счета⁶. Из смешанного креольского языка (или пиджина?) тупи-мура-пирахан мог позднее развиться современный язык пирахан, сохраняющий некоторые характерные черты креольского языка (в частности, неполное развитие ряда категорий). Но при нем уже не используется (в отличие от того, что можно предположить в реконструируемый период тупи-мура билингвизма) параллельно язык семьи тупи, в котором соответствующие категории (в том числе числительные) были представлены. Это и делало необязательным их использование в креольской системе общения (и в пальцевом счете, значение которого тоже могло ослабнуть в период гипотетического тупи-гуарани двуязычия). Но эта гипотеза должна быть подкреплена более детальным анализом истории грамматики и словаря пирахан, где надо было бы выявить и другие следы этого двуязычия и креолизации.

4. Предельно упрощенная система числительных и счет у тупи: язык мундуруку. В самое последнее время подробно изучен счет в языке мундуруку [Pica, Lemer, Izard, Dehaene 2004], принадлежащем к семье тупи-гуарани. На нем говорит около 7000 человек в Центральной Бразилии (штат Пара). Исследованы были возможности счета у 55 говорящих на мундуруку (около половины из них двуязычна, дети после 10 лет получают школьное образование большей частью по-португальски). В языке мундуруку используется набор числительных от 1 до 5, отражающих преобладание изначального пальцевого (ручного) счета, см. табл. 4.

Таблица 4

Числительные и количественные слова в мундуруку

Число, количество	Слово	Значение и внутренняя форма
1	<i>pūg, pūg ma</i>	Один
2	<i>xep xep</i>	Два
	<i>eba</i>	Две руки
3	<i>eba-pūg</i>	Три $3 = 2 + 1$
4	<i>eba-dip-dip</i>	Четыре $4 = 2 + 1 + 1$
5	<i>pūg pōgbi</i>	Одна рука
количественные слова	<i>adesū</i>	“несколько, немного”
	<i>burumākū</i>	“мало”
	<i>ade</i>	“много”

Основной вывод экспериментов последних лет заключается в размытости значений числительных. Счет в точном смысле отсутствует. Числительные употребляются в таком приблизительном смысле, который делает возможным употребление каждого из них по отношению к нескольким числам, близко стоящим друг к другу. Особенно велики трудности по отношению к числительному 5 (“одна рука”, “горсть”, типологически значение, близкое к универсальному), которое может употребляться и по отношению к 6, 7, 8, 9 сосчитываемым единицам (у этих чисел нет единой словесной формы выражения, что и делает возможными колебания).

⁶ О других возможных антропологических причинах исчезновения числительных в так называемых “первобытных” обществах [Schuhmacher 1975].

При отсутствии понятия точного числа в экспериментах выявляется интуитивное представление о таких очень больших количествах, средств точного изображения которых нет ни в пальцевом счете, ни в словах, используемых в мундуруку как неточные (приблизительные) числительные. Сходство системы мундуруку с основными свойствами счета у пирахан несомненно и может говорить о некоторой общеамазонской особенности, возможно распространившейся под влиянием языков тупи-гуарани.

5. Общеамазонское и общечеловеческое по отношению к счету. В связи с изложенными новейшими открытиями относительно характеристик счета в амазонских языках развернулась дискуссия по поводу того, подтверждают ли они гипотезу Уорфа. Гордон полагал, что в согласии с идеями Уорфа суть счета у пирахан связана с отсутствием числительных с точными значениями [Gordon 2004]. Не соглашаясь с этим, Гелман и Галлистел усматривают в фактах пирахан и мундуруку проявления доречевых закономерностей: выявлено наличие независимых от языка представлений о числах и количестве. Гипотеза Уорфа в слабой форме предполагает значение языка для формулировки представлений о точном числе [Gelman, Gallistal 2004, ср. Spelke, Tsivkin 2001]. Обнаруженная у носителей пирахан и мундуруку способность интуитивного представления больших количеств, независимого от языковых форм их выражения, находит параллели в выводах психологии детского развития (у Пиаже и его учеников) и в наблюдениях антропологов относительно наглядного счета⁷, но также и в исследованиях о возможностях интуитивного определения количеств животными. Особый интерес представляет возможность арифметических действий с несловесными представлениями чисел (как бы их платоновскими идеальными прообразами). Возвращаясь к высказанной гипотезе о креольском происхождении языка пирахан, можно было бы думать, что в духе выводов Бикермана об упрощении правил на этапе усвоения ребенком креольской системы осуществлялся возврат к ранним принципам недискретного определения количеств. Вместе с тем не стоит преувеличивать только архаические черты в описанных способах обращения с количествами. Почти универсальная связь неопределенного артикля с числительным “один” показывает, что размытое значение последнего не составляет особенности только пирахан; наличие качественных значений у производных от числительного “два” тоже представлено в разных языках⁸, а И.М. Тронский давно обращал внимание на приблизительное значение малого количества у грамматического двойственного числа в древнегреческом и других древних языках.

По отношению к австралийцу, который не желал заниматься большими числами (превышавшими возможностями счета по пальцам и другим частям тела) как “выдумками белого человека” [Иванов 1998], уже отмечалось, что на другом уровне культуры отчасти похожее отрицание абстракции, не подтвержденной набором операций, нужных для построения соответствующих объектов, было развито (в частности, по отношению к большим числам) в интуиционистской и конструктивной школах современной математики – у последователей Л. Броуэра и А.А. Маркова. Для любого современного человека вполне понятно выделение “астрономически больших” чисел. Некоторые специальные числовые границы по отношению к макромиру (число атомов во Вселенной) и микромиру (в частности, планковское число) составляют особый предмет рассмотрения для ученых нашего времени [Rees 1999]⁹. Соотношение приблизительного и точного остается в центре внимания науки, имеющей точные способы измерения (представления о больших числах, как и роль приблизительных вычислений, меняются и по мере роста компьютерных возможностей).

⁷ Ср. [Deshaene 1997; Butterworth 1999; Gelman, Gallistal 1978; 2004]. См. обзор в главе о предистории математики [Иванов 1998: 463–496]; там же см. о числовой интуиции Рамунаджана, относившейся к точным числам, в том числе и очень большим.

⁸ См. выборочные примеры и библиографию [Иванов 2004б].

⁹ Идеями новой нумерологии был одержим А. Эддингтон.

Выделение очень больших чисел и отделение от них непредставимо больших чисел, по отношению к которым счет не работает, было давно – задолго до появления научных нумерологических построений – проведено в развитых мифологиях Старого Света. Например, в сравнительно недавно открытой древнехурритско-среднехеттской билингве (около середины второго тысячелетия до н.э.) после описания принесения в жертву на том свете Богу Грозы Тешшупу десяти тысяч быков и тридцати тысяч жирнохвостых овец, названы другие домашние животные (ягнята и козлики), по отношению к закланию которых “счета (числа) нет” (хуррит. *širi-manga tid-i-bade* = хетт. *kapruwa-uwar NU.GÁL*¹⁰). Такие большие числа в ту раннюю пору могли образовываться только в мифологии. Мысль Эверетта о связи особенностей счета в пирахан с отсутствием у них мифологии кажется обоснованной в том отношении, что в мифологии возникли бы условия для подсчета таких больших чисел, которых нет в реальной жизни племени. Эверетт замечает, что пирахан стремятся только к сиюминутному удовлетворению потребностей, не откладывая ничего на будущее. Их манера жизни и язык предельно реалистичны и прагматичны – и злые духи для них – часть реальности (были), а не мифа. В мире ограниченного числа вещей счет может быть сведен к минимуму или отсутствовать.

При всех технических отличиях счета индейских племен Амазонии от общепринятого в нем можно обнаружить проявление некоторых общечеловеческих закономерностей, преобразующихся в их языках по мере изменения и оттеснения идеи точного числа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов 1988 – Вяч.Вс. Иванов. Современные проблемы типологии (к новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки) // ВЯ. 1988. № 1.
- Иванов 1998 – Вяч.Вс. Иванов. Нечет и чет // Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998.
- Иванов 2004а – Вяч.Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
- Иванов 2004б – Вяч.Вс. Иванов. К семантической типологии производных от числительного “два” // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004.
- Bariero Saguier 1986 – R. Bariero Saguier. La numeracion en guarani // Amerindia. 11. 1986.
- Butterworth 1999 – R. Butterworth. The mathematical brain. London, 1999.
- Cushing 1990 – F.H. Cushing. The correspondence and journals 1879–1884. Cushing at Zuñi / J. Green (ed.). University of New Mexico Press, 1990.
- Deshaene 1997 – S. Deshaene. The number sense. Oxford, 1997.
- Everett 1982 – D.L. Everett. Phonetic rarities in Pirahã // Journal of the International Phonetics Association. December. 1982.
- Everett 1985 – D.L. Everett. Syllable weight, sloppy phonemes, and channels in Pirahã discourse // Proceedings of the Berkeley Linguistics Society, 11. 1985.
- Everett 1986 – D.L. Everett. Pirahã // Handbook of Amazonian languages. I / D. Derbyshire, G. Pullum (eds.). Berlin, 1986.
- Everett 1987 – D.L. Everett. Pirahã clitic doubling // Natural language and linguistic theory. 5. 1987.
- Everett 1988 – D.L. Everett. On metrical constituent structure in Pirahã phonology // Natural language and linguistic theory. 6. 1988.
- Everett 1992 – D.L. Everett. A Lingua Pirahã e a Teoria da Sintaxe. Campinas, 1992.

¹⁰ См. текст с комментарием и дальнейшей библиографией [Wegner 2000: 186–188]. Я. Пухвелью принадлежит замечательная этимология хеттск. *kapruwa*- “считать” [Puhvel 1997], которое он отождествил с лат. *com-putō* (< **kom-* + *pu-*), что позволяет удревить индоевропейскую праформу для современных названий компьютера, возведя их в конечном счете к глаголу, описывавшему в древности преимущественно ритуальные и мифологические применения счета, см. о хеттских контекстах употребления глагола [Francia 2002: 99–101].

- Everett 1993 – *D.L. Everett*. Sapir, Reichenbach and the syntax of tense in Pirahã // The journal of pragmatics and cognition. 1. 1993.
- Everett 2004a – *D.L. Everett*. General constraints on grammar and cognition in Pirahã. – Another look on the design features of human language // The University of Manchester, Department of Linguistics, 2004 (текст в Интернете: <http://lings.in.man.ac.uk/info/staff/DE/cultgram.pdf>).
- Everett 2004b – *D.L. Everett*. On the Absence of number and numerals in Pirahã. Abstract for paper in progress. 2004a (текст в Интернете: <http://lings.in.man.ac.uk/info/staff/DE/cultgram.pdf>).
- Everett D.L., Everett K. 1984 – *D.L. Everett, K. Everett*. On the relevance of syllable onsets to stress placements // *Linguistic Inquiry*. 15. 1984.
- Everett, Thomason 2001 – *D.L. Everett, S.G. Thomason*. Pronoun Borrowing. University of Michigan; University of Manchester, 2001 (текст в Интернете: <http://lings.in.man.ac.uk/info/staff/DE/cultgram.pdf>).
- Everett 1998 – *K. Everett*. The Acoustic correlates of stress in Pirahã // *The Journal of Amazonian linguistics*. 1. 1998.
- Ferreira 1976 – *M.K.L. Ferreira*. When 1 + 1 = 2: making mathematics in Central Brazil // *American Ethnologist*. 24 (1). 1976.
- Francia 2002 – *R. Francia*. Le funzioni sintattiche degli elementi avverbiali di luogo ittiti *anda(n)*, *appa(n)*, *katta(n)*, *katti*, *peran*, *parā*, *šer*, *šarā*. Roma, 2002.
- Gelman, Gallistel 1978 – *R. Gelman, C.R. Gallistel*. The child's understanding of number. Cambridge (Mass.), 1978.
- Gelman, Gallistel 2004 – *R. Gelman, C.R. Gallistel*. Language and the origin of numerical concepts // *Science*. V. 306. № 5695. 2004.
- Gordon 2004 – *P. Gordon*. Numerical cognition without words: Evidence from Amazonia // *Science*. V. 306. № 5695. 2004.
- Hurford 1987 – *J.R. Hurford*. Language and number. Oxford, 1987.
- Jensen 1998 – *C. Jensen*. The use of coreferential and reflexive markers in Tupi-Guarani languages // *Journal of Amazonian linguistics*. 1/2. 1998.
- Menninger 1969 – *K. Menninger*. Number words and number symbols: A cultural history of numbers. Cambridge, 1969 (пер. П. Броннера с нем.: *Zahlwort und Ziffer*. Göttingen, 1958).
- Pica, Lemer, Izard, Dehaene 2004 – *P. Pica, C. Lemer, V. Izard, S. Dehaene*. Exact and approximate arithmetic in an Amazonian indigene group // *Science*. V. 306. № 5695. 2004.
- Puhvel 1997 – *J. Puhvel*. Hittite etymological dictionary. V. IV: Words beginning with K. Berlin; New York, 1997.
- Rees 1999 – *M. Rees*. Just six numbers. London, 1999.
- Schuhmacher 1975 – *W.W. Schuhmacher*. On the liquidation of numerals in "Primitive" Societies // *Dialectal Anthropology*, 1. 1975.
- Spelke, Tsivkin 2001 – *E.S. Spelke, S. Tsivkin*. Language and number: a training study // *Cognition*, 78. 2001.
- Wegner 2000 – *I. Wegner*. Hurritisch. Eine Einführung. Wiesbaden, 2000.

© 2005 г. А. В. ЛУШНИКОВА

**КАЛЕНДАРИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙ КАРТИНЫ МИРА**

Статья посвящена актуальной и малоизученной теме – возникновению представлений о счёте времени в Северной Евразии и Сибири.

До сих пор этнографический и лингвистический народные календари анализировались в контексте отражения явлений природы (сезонные изменения окружающей флоры и фауны, перемены погодно-климатических условий, циклы Луны и Солнца) и производственно-хозяйственной деятельности населения.

В настоящей статье древние календари (в частности, охотничье-промысловые календари Северной Евразии и Сибири) и символизм созвездий впервые рассматриваются в системе мировоззренческих представлений, как своеобразно закодированная картина Мира, обусловленная хозяйственно-бытовой жизнью древнего населения и наблюдениями за живой природой, годовым движением Солнца, движением Луны, расположением звезд. Календарь понимается как воплощение пространственно-временной модели Универсума, имеющей определенную логику соотношения структурных элементов.

Являясь системой счисления времени, календарь, выступает как один из способов освоения окружающего мира – структурирования пространства, познания природных явлений, осознания человеком своего места в системе мироустройства. Календарь связан с представлениями о Хаосе и Космосе, о земле, небе, звездах, человеческой жизни. Он представляет собой круг отрезков времени – дней, месяцев, сезонов, слагающих год, в течение которого Солнце совершает кругооборот на фоне определенных звезд и созвездий.

Специальные работ по календарям народов Сибири немного. Имеющиеся публикации [Макаренко 1913; Дульзон 1950; Орлова 1966; Славнин 1972; Кузнецова 1976; Кузьмина 1977; Мазин 1986 и др.] касаются отдельных языков или языковых групп, содержание их сводится, в основном, к констатации названий месяцев и сезонов в связи с отражением сезонно-хозяйственных и природных явлений, а также к перечислению звездных наименований, иногда приводятся этимологические замечания и сравнительно-типологические сопоставления. Среди немногочисленных работ обобщающего характера, посвященных собственно календарному счёту времени в Северной Евразии и Сибири, следует отметить статьи Т.И. Петровой (1937), В.И. Васильева, А.В. Головнева (1980); Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколовой (1993). Материалы, отражающие названия месяцев, содержатся также в словарях, в статьях и этнографических исследованиях на этнографические и языковые темы. Наиболее значимыми среди них являются по коми [Сидоров, Лыткин 1966; Конаков 1987; 1990а, б]; по обско-угорским народам [Steinitz 1966; Соколова 1966; 1988]; по самодийцам [Попов 1944; 1948; Терещенко 1965; Пелих 1972; Кузнецова 1976; Кузьмина 1977; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980; Третьяков 1869; Сорокина, Болина 2001]; по тунгусо-маньчжурским народам: (эвенки) [Кривошапкин 1865; Титов 1926]; (эвены) [Попова 1981; РЭС 1948] (нанайцы) [Оненко 1980]; (орочи) [Леонтович 1896; Ларькин 1964; ТМС 1975; 1977]; по палеоазиатским народностям: (чукчи) [Богораз 1937; Кузнецова 1957]; (эскимосы) [Меновщиков 1954; Рубцова 1971]; (кеты) [Алексеев 1967]; (нивхи) [Шренк 1903; Крейнович 1973; Савельева, Таксами 1970; Смоляк 1989]; по тюркским народам Сибири [Вербицкий 1884; Катанов 1897; Дульзон 1950; Вайнштейн 1961].

Народные календари (охотничье-промысловые, пастушеско-скотоводческие, аграрно-земледельческие) несут информацию о погодно-климатических условиях, а также отражают конкретный уклад хозяйственной жизни их создателей. Считающиеся наиболее архаичными промысловые календари до сих пор не утратили своего значения у народностей севера Евразии и Сибири, в силу сохранения традиционных способов ведения хозяйства, основанных на охоте и рыболовстве. В календарях этих народов названия периодов года отражают сезонные изменения в природе и жизни промысловых животных с учетом наблюдений за Солнцем, Луной, положением определенных звезд и созвездий. Месяцы нередко имеют несколько наименований и разную продолжительность, маркируя сезонные явления, неравные по длительности или приходящиеся приблизительно на один и тот же период.

Архаичным представляется **деление года на два сезона** – зимний и летний, при промежуточном положении весны и осени. Эта традиция выявляется в календарной обрядности народов Западной Европы [Календарные обычаи 1977: 3–4, 139, 190, 274, 314; 1983: 24]. Есть все основания полагать, что данный бинарный код еще более древен и универсален, о чем свидетельствуют народные календари Сибири и Дальнего Востока [Конаков 1990а: 13]. У тунгусских племен зима и лето были основными подразделениями года, каждое из которых считалось за самостоятельную единицу [Петрова 1937: 106]. У народов Нижнего Амура и Сахалина год делился на два почти равных по длительности полугодия – зимнее и летнее, отсчет начинался со времени установления охоты на пушных зверей и окончания гона у лосей–олень [Симченко и др. 1993: 216, 252].

Осень – начало зимы и годового отсчета. На севере Евразии и в Сибири наступление зимы связывалось с осенним временем (с месяцем “октябрь–ноябрь” или “сентябрь”), которое обычно принималось за начало года. С сентября (месяца *siruzan* “период спаривания оленей–лосей”) начинался год у ряда тунгусских народностей [Петрова 1937: 80–104]. О связи начала года с осенью у коми и других уральских народов свидетельствует объединение в одном термине понятий “года”, “осени”, “охоты” (коми *ap* “осень, год (о возрасте)”, (удорск. д-т) *apöc* “осенняя охота”; удм. *ap* “год”, манс. *âârem* “время” и т.д.) [КЭСЯ 1970], что объясняется ведущей ролью охотничьего промысла в жизни древнего населения и важностью осеннего сезона в нем.

Лось (олень) – основа исчисления годового цикла. Выделение в народных календарях периода с сентября по май связано с традицией сопоставлять годовой цикл с наблюдением за жизнью основного промыслового животного – оленя (лося) и считать за зимний период время от течки до отела важенок. У нгансан год подразделялся на летний период из четырех месяцев и зимний – из восьми. Зимний сезон открывался “месяцем сохатого” (вторая половина сентября – первая половина октября) и связывался с началом брачного периода лосей и оленей. С рождением телят заканчивалась зима (*сюондяку-тодю-китеда* “первых телят время”, вторая половина апреля – первая половина мая) и наступало лето [Попов 1948: 16; Симченко и др. 1993: 205, 206].

Как показывает изучение археологических находок Сибири и европейского Севера России, выявляющих календарный характер, наблюдение за жизнью диких копытных составляло основу исчисления годового цикла для древних охотников эпохи палеолита. По результатам Б.А. Фролова, ок. 20 тыс. лет назад представители мальтийской культуры (о. Байкал) делили год на три части (подобно современным народностям Севера – нгансанам, эскимосам, чукчам), из которых две трети года – зима, или срок беременности самки северного оленя (243 дня); одна треть – лето (122 дня) [Фролов 2002: 62].

Промысловый календарь древних коми и бинарная оппозиция сезонов

Промысловый календарь древних коми представляет собой плоское бронзовое кольцо (толщиной 2 мм, диаметром внутренней окружности 50 мм, внешней – 90 мм) с девятью зооморфными фигурками по кругу лицевой стороны (найдено во время археологических раскопок в 1975 году на берегу р. Вычегды). Дешифровка, проведенная

Н.Д. Конаковым [Конаков 1987; 1990а], показала, что животные, принадлежащие к местной, северной фауне, маркируют 9 неравных по продолжительности периодов года в соответствии с их биологическими циклами и сезонным промыслом: медведь (22.03.–27.04.), северный олень (28.04.–02.06.), горностай (03.06.–04.07.), росомаха (05.07.–09.08.), лось (10.08.–04.11.), выдра (05.11.–19.12), лисица (20.12.–24.01.), белка (25.01.–21.02.), куница (22.02.–21.03). Само бронзовое кольцо датируется рубежом I–II тыс. н. э., однако семантика изображений имеет более глубокий по времени характер.

В календаре древних коми выделяются период Медведя и период Лося (лосьихи), которые соответственно включают весеннее и осеннее равноденствия. По Н.Д. Конакову [Конаков 1990а; 1990б], медведь выступал в качестве символа весенне-летнего сезона, связанного с воспроизводством природы, лось – осенне-зимнего, связанного с охотой. Отмечая универсальный характер данных образов для древней календарной символики, Н.Д. Конаков основывает свои обобщения на фактах обрядовой практики, приуроченной к рубежу сезонов.

Однако, несмотря на тот факт, что жизнь медведя распадается на два главных периода – активную деятельность в течение ранней весны, лета и осени и долгий срок бездействия, зимнего покоя в берлоге [Огнев 1931: 43], а переход его из одного состояния в другое мог служить знаком наступления весны или прихода зимы, образ этого животного вряд ли был способен воплотиться в обобщающий символ весенне-летнего сезона в силу следующих наблюдений и соображений: 1) Обрядовые праздники ряженья (в медведя, волка) у индоевропейцев, а также “медвежьих праздники” Урало-сибирских народов не столько были приурочены к весеннему равноденствию, сколько распространялись на все зимнее время с конца декабря; 2) У народов Евразии и Сибири “медвежьи” названия месяцев встречаются нечасто; 3) Специфика биологических ритмов таких крупных хищников, как медведь и волк, являющихся основными противниками лосей–олений, и увязанная с ней соответствующая семантика их образов и обрядовых действий, соотносят эти персонажи с периодом зимы, с мифологической областью нижнего мира, наделяя их функцией посредника в мировоззрении народов Евразии; 4) Начало весенне-летнего сезона для древних охотников и скотоводов Евразии выходило за рамки весеннего равноденствия и календарно связывалось с апрелем–маем, о чем свидетельствуют смысл обозначений периодов года и астрономические ориентиры археологических памятников.

Бинарная оппозиция сезонов в архаичной календарной символике скорее выражалась не через семантику противопоставлений медведь (весна–лето) – лось (осень–зима), а через логику наименований, близкую к той, которая, присутствует, например, в календаре эвенков или вепсов. У эвенков с мая по октябрь считался олений период, с октября по май – охотничий [Мазин 1986: 120–125]. У вепсов от Егорьева или Николина (9/22 мая) дня продолжался сезон *paimenan aig*, букв. “пастушеское время”, а с Покрова начинался сезон *veraz aig*, букв. “чужое время” [Винокурова 1988: 8]. Мы имеем в виду, что соотношение зимы и лета, включенное в древнюю мировоззренческую картину мира, раскрывалось соответственно через оппозицию образов жертвователя и жертвы, охотника и его добычи, понятий смерти и бессмертия, выраженную зооморфно в древней календарной системе через противопоставление хищных животных (хищных птиц) копытным или функционально подобным образам (водоплавающие птицы). Этот же смысл оппозиции у народов Евразии распространяется на звездные наименования, выявляется в противопоставлении нижней и верхней частей годового пути Солнца, присутствует в Урало-сибирских сюжетах о космической охоте [Лушникова 2003].

Обозначения периодов года в календарях народов Северной Евразии и Сибири. В прошлом территория Северной Евразии входила в зону расселения палеолитических охотников, для которых дикий олень был главным объектом промысла и условием существования [Симченко 1976]. Так как олень и лось определяли устойчивость существования древнего населения, в названии календарных месяцев отразились характер-

ные явления их жизни: обдирание рогов, спаривание, отел, сезонные охота и жертвоприношения.

Осень – период гона и брачного сезона лосей и оленей. Это время связано с охотой на диких копытных и древними обычаями их жертвоприношения.

Уральские языки. В саамском (диал.) период октября именуется *Колге (Golgok, Gologodet* “изнуряться от соития (об оленях)”) [Островский 1888: 4–5]. У коми к октябрю относится название *ерым*, которое, по мнению Н.Д. Конакова, происходит от слова *йöра* “лось” [Конаков 1996: 16] (В.И. Лыткин возводит к *йыр* “холод, замерзание” [Сидоров, Лыткин 1966]). В промысловом календаре древних коми осень (август – начало ноября) символизирована образом лосихи [Конаков 1987; 1990а, б]. В хантыйском (васюган.) среди обозначений осеннего периода находим *п’öүр-һәпсәт-iki* “охоты на лося месяц” [Steinitz 1966: 35–36]. В ненецком время, приблизительно соответствующее октябрю, называется: *хор” ирий* “месяц самцов-оленей” [Терещенко 1965: 147, 771]. Период со второй половины сентября до первой половины октября нганасаны именуют “месяцем сохатого” *кау китедә* [Попов 1948: 16] или *кау кичеда* (по записям Ю.Б. Симченко) и связывают с гоним лосей и охотой на диких оленей. Период *та-кичеда* “домашних оленей время” (вторая половина октября – первая половина ноября) совпадает с гоним домашних оленей; *баби-кичеда* “диких оленей время” (вторая половина ноября – первая половина декабря) связывается с гоним у диких оленей [Симченко и др. 1993: 205]. В энецком названия *кора дири* “месяц оленя-самца” и *кезер кора дири* “месяц гона диких оленей” соответствуют октябрю [Сорокина, Болина 2001: 51, 57]. В календаре тазовских селькупов термином *хорыль ира* (букв. “месяц самца-оленя”) обозначен сентябрь [Третьяков 1869: 290].

Тунгусо-маньчжурские языки. В эвенкийском языке известно сезонное обозначение лося-оленя: *ира* “лось в октябре” [РЭС 1948: 138]; *ирэ ~ ирун ~ иручэн ~ (һ)иро ~ һирэ* “дикий олень, лось (осеннее название)” [ТМС I: 328]; осенний период называется следующим образом: август–сентябрь – *иркилэхэни* “ранняя осень, период обдирания рогов”, *иркин* “период обдирания оленями кожицы с рогов (сентябрь); дикий олень (ранней осенью)” [ЭРС 1956: 178; Петрова 1937: 85]; *иркин бэйг’ан* “начинает обдираться шкура с рогов оленя”, август [Симченко и др. 1993: 218–219]; сентябрь–октябрь – *сигизан ~ һигизан* “период спаривания оленей-лосей” (от эвенк. *сирү ~ сурү ~ һерү ~ һирү ~ ширу* “олень-самец”) [Петрова 1937: 85; ТМС II: 96]. В эвенском сентябрь называют *ор’эн бәү’эн* или *ор’эн батнаһһэ бәү’эн*, что дословно означает “месяц домашнего оленя, месяц спаривания домашних оленей” (при эвен. *ор’эн ~ оран ~ орон*, эвенк. *орон ~ хорон* “олень (домашний)”) [ТМС II: 24–25], а также у эвенов Магаданской области известно сезонное обозначение *энтивчөк* “время спаривания оленей” (приблизительно сентябрь – начало октября) [Попова 1981: 60–62]. Орокский *без гикку* “месяц лосиной течки”, “сентябрь” [Ларькин 1964: 110]; *сегды гуени* “гон сохатых”, “сентябрь” [Симченко и др. 1993: 217]. Орокский (о. Сахалин) *нуч сирокку бени* и *даи сирокку бени* “малый и большой месяц гона оленей”, (примерно август – сентябрь) [Симченко и др. 1993: 218].

Палеоазиатские языки. В чукотском языке отмечаются следующие названия осеннего периода: *пес-илген* “месяц сбрасывания оленьих рогов” (прибл. август), *гытга-элгьн* “осенний месяц” или *ьлвәҗҗә-илгьн* “месяц течки диких оленей” (с начала сентября до начала октября) [Богораз 1937: 63]. В эскимосском осенний период имеет обозначения: *тук’утивик* “время убоя оленей” (прибл. август) [Меновщиков 1954: 130]; *туңтум қалыьвигә* букв. “крик дикого оленя” (прибл. октябрь) [Рубцова 1971: 510], ср. *к’алг’иг’вик* “время крика, время течки (у животных)”, *к’алг’их’та* “олений бык; кричащий зверь” [Меновщиков 1954: 68].

Тюркские языки Сибири. У шорцев сентябрь называется *куран сыбырыжын* “гон косули”, октябрь – *сыгын сыбырыжын* “гон маралов” [Симченко и др. 1993: 250], у алтайцев сентябрь именуется *сыгын-ай, ораг-ай* “промышлять маралов и пролагать тропу к пашням для жнива месяц” [Вербицкий 1884: 42; Симченко и др. 1993: 250], у тувинцев-тоджинцев *хулбус айы* “косули месяц” (сентябрь) [Вайнштейн 1961: 66, 68].

Индоевропейские языки. В русском народном календаре август называется *зарев*, сентябрь – *ревун* (от глагола *реветь, зареветь*; и.-е. **reu-*, **ru-* “реветь” [IEW 1959: 867–868]), слав. *рюень* “сентябрь” (период рева, течки оленей или лосей) [Даль II: 370, IV: 89]; болгар (южн.) *Rüyen* – “сентябрь”; в осетинском народном календаре сентябрь именуется *гухсепу/рухсәи* “месяц рева оленей” от глагола *рухун/рухин* “реветь”; и.-е. **reuk-* “реветь” одно из сохранившихся древних, дохристианских названий месяцев у осетин [Абаев 1970: 4]. В качестве семантической параллели к осетинскому В.И. Абаев приводит абхазское *с,әббра-мза* “месяц рева быков” (сентябрь) [Абаев 1995: 21]. В древнеиндийском календаре месяц сентябрь–октябрь именуется *āśvinā-* т. или *āśvaucija-* т. (от др.-инд. *āśva-* т. “конь”) [Тумег 1966: 41, 66], с котора соотносят по времени проведения римский ритуал жертвоприношения коня – *Equus October* [Иванов 1974: 107]. Название древнеиндийского месяца, очевидно, отражает более ранний культ лося–оленя (ср. например, рогатые кони Пушана *ajāśva* (PB VI 55, 3) изображения рогатых коней в славянском, финно-угорском, скифском искусстве; синкретизм в обозначении и семантике образов рогатых копытных и лошади) [Лушникова 2001]. В связи с этим следует заметить, что у тюркоязычных народов Западной Сибири наиболее распространенным названием периода, приблизительно соответствующего сентябрю, является *ярыш*. Оно отмечено у чувлымских татар (*ярыш*), алтайцев (*дъарыс ай*), шорцев (*ярыш ай* или *чарыш ай*), в абаканских наречиях (*ярыш ай, ярыс ай*) [Вербицкий 1884: 6; Дульзон 1950: 62]. В алтайских и абаканских наречиях название связывается со словом *ярыш* “конская скачка, бег”, а его появление, следовательно, – с условиями жизни кочевников-скотоводов, как считает А.П. Дульзон (у чувлымских татар при сохранении самого слова значение его переосмыслено в “осеннюю светлую луну” и соотнесено с *яры* “сиять, блестеть, быть светлым” в силу иных материальных и природных условий существования) [Дульзон 1950: 62]. (По другой этимологии *ярыш* – “половина”, связано с тюрк. *яр-* “резать, рубить” [ЭСТЯ 1985].)

В календарях почти всех без исключения народов Нижнего Амура присутствует название “месяц петель” как обозначение периода, соответствующего октябрю–ноябрю. С этого времени велся годовой отсчет, отмеченный следующими событиями: завершился период гона сохатых и открывался сезон охоты на пушных зверей, в частности, путем установки ловушек на соболя, шкурка которого созревала к этому сроку [Симченко и др. 1993: 216, 217, 252].

Зимнее время, по данным древних культур, соотносится с наиболее важными ритуалами жертвоприношений, которые воспроизводили первоначальный акт творения Вселенной и совершались во имя возрождения жизни. Ср., например, др.-инд. *dākṣāy-antā-* “жертвоприношение” (особенно в период зимнего солнцестояния) [Кочергина 1978: 264]. У лопарей, по сообщению Д.Н. Островского, период, соответствующий декабрю, называется *Паз (Basse)*, что ранее означало “место жертвоприношений, святилище”, а теперь имеет значение “готовить мясо в пищу”, так как в это время закалывают оленей и едят мясо всласть [Островский 1888: 4–5]. У хантов (громьеганских) период, приблизительно соответствующий январю, называется *aj jir қоғ* “малые жертвоприношения”, октябрь – *әтәт jir қоғ* “большие жертвоприношения”. У коряков зимний забой оленей в первой декаде декабря был следующим за осенним календарным праздником. В период с 22 декабря по 13 января коряки отмечали “праздник возвращения Солнца” [Симченко и др. 1993: 230–231]. В декабре–январе оленные чукчи проводили *тэнатрытвангыргын* “праздник зимнего забоя оленей” [Кузнецова 1957: 263–326].

Следует заметить, что образным представлением созвездия Орион, которое можно наблюдать на северном небе зимой ночью, нередко выступает расчлененное жертвенное животное, что, по-видимому, свидетельствует о связи этого созвездия в мифологическом сознании с космической драмой великого жертвоприношения во имя сотворения и возрождения жизни: кетск. *sel'd* “голова оленя”, “созвездие Орион” [Анучин 1914]; эвенк. *оглэткин* букв. “нога лося” и *токи дууки* букв. “лосиный вертук” являются наименованиями созвездия Орион [Титов 1926: 110, 142]. По наиболее древ-

нему варианту эвенкийского мифа о космической охоте медведь Манги, настигнув Лося, объедается сохатиной и разбрасывает недоеденные куски по небу (также *токи* (*x*)*алгинин* “лосиные ноги”, “созвездие Большой Медведицы” [Титов 1926: 142].

Др.-инд. *Mrga-sirṣa*- служит обозначением месяца “ноябрь–декабрь”. Ряд древнеиранских мифов связывают с созвездием Орион. Во время первого жертвоприношения, которое организовал Дакша, Рудра отрубает голову Праджapati, которая возносится на небо, пронзенная стрелой, в виде созвездия *mrga-sirās*- m. “голова антилопы” (Орион) [Tilak 1955; Топоров 1994а; 1994б]. Праджapati считается установителем жертвоприношений, прародителем жрецов и патриархов, от которых пошел род человеческий.

В народном сознании зимний сезон связывался с образом хищника (медведя, волка, собаки, лисы). Обозначения данного времени года в народных календарях отражают биологически важные моменты в жизни этих животных. “Медвежье” название носит период от середины января до середины февраля у хакасов (сагайцев): *азыӷ аҗы* “месяц медведя” [Катанов 1897: 237; Симченко и др. 1993: 251]. Тот факт, что период с конца декабря по февраль–март (в зависимости от конкретной природно-климатической зоны) связан с рождением медвежат [Огнев 1931: 49–50], является одной из причин соотношения названия данного времени года с медведем, зафиксированное в народных календарях. У североамериканских индейцев племени омаха период, соответствующий декабрю, называется месяцем, когда рождаются медвежата [Fletcher, La Flesche 1972: 111].

В промысловом календаре древних коми период, включающий зимнее солнцестояние, отмечен образом лисицы [Конаков 1987; 1990а; 1990б]. Кетты называли лисой (*ko:n*) созвездие Орион [Алексеев 1976: 85], наблюдаемое зимой на ночном небе. Орион, надо полагать, отождествлялся не только с жертвенным животным или добычей, но и с самим жертвователем или преследователем, объединяя противостоящие друг другу образы. Здесь можно привести следующие примеры. Др.-инд. Рудра (*Rudrā*), отрубающий голову Праджapati (*Prajāpati*) в уже упомянутом мифе о жертвоприношении Дакши, считается божеством звезды *ārdrā* на правом плече Ориона [Tilak 1955]. В греческой мифологии Орион выступает в образе охотника с помощниками в виде *Canis Minor* и *Canis Major*. В одной из эвенкийских легенд Орион – это охотник, преследующий созвездие *Ursa Major*, которое виделось в образе лося [Василевич 1936: 274–275].

В промысловом календаре древних коми на ноябрь–декабрь приходится месяц выдры (05.11–19.12) [Конаков 1987]. В мифологических представлениях индоевропейцев выдра воспринималась собакой. У древних иранцев выдра относилась к песьей породе [AiW 1961: 387, 1611]. В одном из вариантов ирландской саги о смерти Кухулина собака появляется перед самой кончиной героя в виде выдры, которая в кельтских языках называется “собакой воды” – ирл. *dobor-chu*, валл. *dyfr-gi*. Истекая кровью, Кухулин видит, что выдра пьет его кровь. Далее в повествовании, как замечает В.В. Иванов, слово *dobor-chú* “выдра” заменяется словом *cú* “пес, собака”, входящим в обозначении выдры в качестве второго компонента: “...и когда Кухулин увидел, что собака пьет его кровь, текущую из тела, он нанес собаке такой удар, что она от него подохла” [Иванов 1964: 453–454].

В ряде языков зимние месяцы называются волчьими: чеш. *vlčec*, *vlči měsíc*, латыш. *vilka mēnesis* “декабрь”, букв. “волчий месяц”; нем. *wolfsmonat*, *wolfsmo* “ноябрь, декабрь, январь” [Grimm 1913: 1273–1274]; греч. *λυκάβας* “годовой солнцеворот” – древнее обозначение зимы как волчьего сезона [Maas 1926: 259–270]; др.-перс. *Varkazana* “месяц людей-волков”, “октябрь–ноябрь” (*varka-* “волк” + *zana-* “человек”) [Kent 1950: 207]. Совпадение балто-славяно-германских обозначений волчьего сезона с иранским и греческим, по мнению В.В. Иванова, говорит не только об общиндоевропейском уровне обозначений, но и о столь же древнем характере зимних обрядов ряженья людей волками [Иванов 1975: 407]. Иногда в народных календарях “волчьим месяцем” называется февраль: эст. *hundi kuu* [Лунин 1853: 73; Wiedemann 1869: 462], баскск. *otsaila*; русск. *лютый*, польск. *lut* “февраль” [БПРС 1967: 381] (ср. *лютый*

мороз и лютый зверь, ассоциирующийся с волком). У закамских удмуртов сохраняется древнее название, связанное с зимним сезоном: *кион вузон дыр* “волчьего воя время” [Миннихметова 2000: 106]. В.С. Миллер обратил внимание на связь обозначений зимних месяцев с физиологическими явлениями в жизни волка [Миллер 1876: 144]. Дело в том, что в конце декабря у волков начинается период течки, который колеблется в зависимости от региона и приходится на январь–февраль (у молодых волков время течки наступает позднее, чем у зрелых) [Огнев 1931: 197]. В русском языке имеется образное выражение “на Святках волки женятся”, т.е. в период от Рождества до Крещения бывают только “волчьи свадьбы”, а у людей свадеб нет [Тульцева 2002: 283]. В.С. Миллер приводит следующую сербскую поговорку, связанную с волком: “Спрашивали волка: когда наибольшая зима? А он отвечал: когда солнце рождается, т.е. в декабре” [Миллер 1876: 144].

Годичная жизнь волка распадается на два приблизительно равных периода: на бродячую зимнюю жизнь, охватывающую позднюю осень, зиму и раннюю весну, и оседлую летнюю, связанную с появлением потомства и заботой о нем. Волчата рождаются обычно в мае (самое раннее – в середине апреля) [Огнев 1931: 194–202].

Биологическая жизнь волка находит отражение в народных поверьях. По представлению славян время разгула волков совпадает с разгулом нечистой силы и календарно продолжается приблизительно с конца октября, т.е. с наступления зимнего периода, до конца апреля – начала мая, т.е. до начала летней поры. У восточных славян считалось, что волки распушены и нападают на всякий скот с осеннего Юрия (26 ноября / 9 декабря) до весеннего Юрия (23 апреля / 6 мая), который “отмыкает” и “замыкает” им пасть. За начальную дату мог также приниматься конец октября (день св. Димитрия, 26.X.). С разгулом волков связаны так называемые “волчьи праздники”, календарно относящиеся к собственно периоду перехода к зиме и весне, а также солнцевороту; среди них выделялись ноябрьские (нередко до начала декабря), святочные и сретенские (начало февраля). Считалось, что волки наиболее опасны в эти дни, поэтому устанавливались различного рода запреты, направленные на защиту скота и человека. Период разгула волков завершался появлением волчьего потомства в апреле – мае, по поверьям восточных славян ко дню св. Юрия, который являлся покровителем волков, а также охранителем стад. Считалось также, что волк не делает вреда там, где выводит волчата [Гура 1997: 132–143].

Волк – один из центральных персонажей народных поверий, сказок, легенд. В народном восприятии волк по своим чертам близок к другим хищникам, в том числе ворону, коршуну, кошачьим, собаке, медведю. Образы волка и медведя объединяет связь с нижним миром, медиативная функция, мужская символика (особенно в брачной тематике), признак “чужого”, обряды ряженья, взаимозаменяемость в сходных фольклорных текстах, лексические корреляции. У финно-угров и славян жених соотносится с образом волка (медведя), а невеста – рогатого копытного, основного предмета волчьей охоты. В болгарском сватовском приговоре невеста и жених представляются как волчонок и телушка: “У вас молодая телушка, а у нас молодой волчонок. Давайте запрежем их вместе в плуг, чтобы они вспахали ниву”. В белорусском свадебном фольклоре съеденная волком коза символизирует доставшуюся жениху невесту [Гура 1997: 125–127].

В народных воззрениях волк выступает как посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, выполняя, таким образом, медиативную функцию. В представлениях о волке как хищнике, задирающем и уносящем скотину, присутствует мотив жертвы, предназначенной Богу, по воле которого она совершается, и потому может сулить хозяину удачу. Это понимание иллюстрирует, напр., русская поговорка “Что у волка в зубах, то Егорий дал” [Гура 1997: 143–144].

В славянской фольклорной традиции среди свойств, определяющих волка, как персонажа, связанного с потусторонним миром, выделяются его хромота и сломанный хребет [Гура 1997: 158]. Хромым представляется бог преисподней в мифологиях разных народов мира, на что указывает А. Голан в работе “Миф и символ” [Голан 1994:

191]. Лексемы, определяющие др.-инд. Яму (др.-инд. *Yamá* “близнец”; иран. *Yima*), хозяина царства мертвых, указывают на его хромоту и некоторые волчьи черты: др.-инд. *vrkodara* “с волчьим брюхом”; *kālakuntha* “хромой, калека на все времена” (“stirple throughout Time”) (по А. Вайману, на основании др.-инд. *kālā-* т. “время, судьба, смерть”, *kuntha-* от корня *kunth-* “быть хромым, покалеченным, ослабленным”); *padbīṣa* “пути” (foot-fetter), используемое также для описания хромоты лошади; *śīrnāṅghri* или *śīrnāpāda* “имеющий высохшие ноги” [Wayman 1959: 46–47; Monier-Williams 1956: 289; Turner 1966: 167; MacDonell 1897: 172]. Б. Тилак связывает образ др.-инд. Ямы с областью Ориона и Большого Пса [Tilak 1955]. Приведем для сравнения также чукот. *Rútaennin* букв. “кривоспинник” (созвездие Орион) [Богораз 1937: 138]. В легендах некоторых индейских племен Орион представляется как одноногий или хромой персонаж, а одно из названий созвездия переводится как “небесный крюк”, подчеркивая хромоту мифологического образа, связанного с ним. Ср. по одному из вариантов мифа греческий Орион погиб от укуса Скорпиона в ногу или Скорпион откусил ногу Ориона [Szyjewski 1999: 257]. В венгерском языке Сириус называется *Sánta Kata* “хромая Ката”, *Sánta lány* “хромая девушка” (которая несет воду или обед Косарям, обозначающим созвездие Орион) [Mándoki 1958]. В связи с понятиями “слабости, хромоты” отметим, что у народов Памира (которые определяют время года по выбранным точкам на местности) Солнце считается совсем слабым (*веджунай* букв. “без души”), когда оно достигает точки зимнего солнцестояния, где задерживается дольше всего – на 7 дней [Рахимов 1957: 73–87].

В календарно-мифологическом и астрономическом плане зимний период сюжетно мог осмысливаться следующим образом: преследователь (зверь-хищник или человек-охотник) настигает свою добычу, которую убивают или ритуально приносят в жертву, при этом происходит символическое соединение противоположных образов, а обновленная жертва весной возрождается.

Данный мотив раскрывается в сибирских мифах о космической охоте на Лося. Момент преследования был одним из центральных в весенних обрядах таежных охотников. Во время зимнего солнцестояния у обских угров начинался медвежий праздник, который продолжался вплоть до весеннего равноденствия. Один из заключительных этапов мистерии посвящался охоте на лося. В праздничной пантомиме убитый охотниками космический зверь воскресал, а вместе с ним воскресала вся природа [Чернецов 1971: 58]. Мотив космической охоты был важным звеном в весенних обрядах оживления, которые совершали сымские эвенки. Разыгрывавшееся действие имитировало погоню за космическим лосем, его убийство и чудесное воскресение, которое, по представлениям эвенков, символизировало возрождение природы.

В русских святочных играх мотивы умирания и воскресения реализуются через ролевое участие персонажа, переодетого козой [Игры 1995: 38].

Архаичный сюжет встречи представителей противоположных “миров”, календарно приуроченный к зимнему периоду, раскрывается в святочных и масленичных обрядах ряженья у русских, где важными персонажами выступают медведь и коза – мужское божество нижнего мира и женское божество светлого мира. Так, “медвежьих потехи” XIX в. содержали сцены знакомства медведя и козы и следовавшее за этим совместное веселье с плясками, запечатленное, в частности, на лубочных картинках [Майничева 2000: 96, 97: рис. 11]

К зимнему периоду относились древние обряды инициаций, важным элементом которых был символический ритуал умирания и возрождения. Так, осетины считали, что старую душу посвящаемого уносил волк *Удхăccăg* [Кочиев 1987: 65]. О глубокой связи иранских инициационных обрядов с волками свидетельствует также “месяц людей-волков” в древнеперсидском календаре – *Varkazana*, приходящийся на октябрь–ноябрь [Kent 1950: 206–207; Иванчик 1988: 43–44].

В календарях народов Сибири и Дальнего Востока выделяется значительная группа месяцев, имеющих “орлиные” и “вороньи” обозначения:

“Орлиные” месяцы

Уральские языки: ненец. *лимбя’ ирий* “месяц орла” (когда Солнце поднимается над горизонтом, приблизительно январь) [Терещенко 1965: 147; ИЭЗС 1987: 127–128; Симченко и др. 1993: 244]; энец. *либи дири* “месяц орла, январь” [Сорокина, Болина 2001: 62]; сельк. (обск.) *лымбъкет иррет* “месяц орла, январь” [Кузнецова 1976: 49]; сельк. (южн.) *люмбикэ ирэт* “февраль”, “месяц, когда на орлиный шаг прибывает день” [Пелих 1972: 379]; хант. (турухан.) *курк ики* “февраль”, “орлы прилетают” [Третьяков 1869: 290]; хант. (казым.) *рох-пын-курных-тылис* “декабрь”, “обманчивый орлиный месяц” [Пелих 1972]; хант. (вахов.) *солонг ики* “месяц прилета орла”, “март” [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; манс.(ляпинск.) *ретынг нюсвой* “ленивый орел” (один день летает, другой день – нет), “февраль” [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245];

Тюркские языки Сибири: татары (чулымские) *күдзүгән ай* “месяц (прилета) орла”, “март” [Дульзон 1950: 61], (барабинские) *карья ай* “месяц орла”, “март” [Дульзон 1950: 61].

Тунгусо-маньчжурские языки: эвенк., негидальск. *gus (gusiḳan* “орел”); ульч. *gusi bēni* “месяц орла, январь”, нанайск., самагирск. *gusi* “январь” [Петрова 1937: 88–91]. Как отмечает Т.И. Петрова, название месяца *gus, gusi*, распространенное на Амуре, негидальцы и ульчи объясняют как происходящее от слова *орел*, пролет которого в этом месяце отмечается, нанайцы и самагиры дают названию астрономическое толкование – “время, когда надо голову поднять (запрокинуть), чтобы увидеть Большую Медведицу” [Петрова 1937: 88–91, 101]. По материалам Ю.Б. Симченко, нанайцы низовьев р. Амур называют март *гусин* “орел” (прилет этой птицы) [Симченко и др. 1993: 214], у нанайцев верховьев р. Амур отмечено *гуси биа* “месяц орла” как обозначение декабря [Оненко 1980: 65]. По записям Ю.Б. Симченко, ульч. *гуси бени* “месяц орла; прилет орла” (февраль); ороцкий (р. Тумнин) *гуси* “орел” (февраль); орокский (о. Сахалин) *гуси бени* “месяц орла” (февраль) [Симченко и др. 1993: 216].

Палеоазиатские языки: Кетский *дивьин* “месяц орла” (прибл. апрель) [Алексеевко 1967: 38].

Нивхский (р. Амур и Западный Сахалин) *чам лонг* “месяц орла” (январь); (Средний Сахалин) *чам лёнг*, (Восточный Сахалин) *чам лонг* “месяц орла” (февраль) [Симченко и др. 1993: 252–253].

“Вороньи” месяцы

Уральские языки: древнекоми *рака* “вороний месяц, март”, удм. *куака толзэ* “месяц вороны”, “март” (русск. *вороний* как название марта считается возникшим под пермским влиянием) [Сидоров, Лыткин 1966: 123–124; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 58], закамские удмурты *сьёд куака толзэ* “грачиный месяц” или *сьёд куакаос лыктон* “месяц прилета грачей” [Миннихметова 2000: 98]; хант. (вахов.) *урны ики* “апрель, вороний месяц” [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; ненец. *варцэ’ ирий* “месяц прилета ворон” (приблизительно апрель) [Терещенко 1965: 147]; ненец. (аганск.) *вал’ни тил’и* “вороний месяц”, “апрель” [Соколова, Пивнева 1993: 36–45].

Тюркские языки Сибири: татары (чулымские) *каргай* “месяц вороны (галки)”, “апрель” [Дульзон 1950: 61], (барабинские) *каргай* “месяц вороны”, “апрель” [Дульзон 1950: 61].

Тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *туран* “прилет ворон”, “март-апрель” [ЭРС 1958: 402], *туран* “прилет ворон, апрель”; ульч. *tuwa bēni* “март (апрель), месяц прилета вороны (*tuwa*)”, ороцкий *туа* “месяц вороны” [Петрова 1937: 84–85]. По записям Ю.Б. Симченко, ульч. *тува бени* “прилет галки”, “март”; ороцкий *туа* “грач” или “галка”, “март”; орокский (о. Сахалин) *тува бени* “месяц ворона”, “март” [Симченко и др. 1993: 216].

Палеоазиатские языки: нивхский (р. Амур и Западный Сахалин) *кар лонг* “месяц вороны”, “февраль”; (Средний Сахалин) *кар лёнг*; (Восточный Сахалин) *кар лонг* “месяц вороны”, “март” [Симченко и др. 1993: 252–253].

Из приведенного материала видно, что чаще всего “вороний месяц” приходится на март–апрель, “орлиный”, предшествуя ему, соответствует январю–февралю.

По замечанию ряда исследователей, широкое распространение у народов Сибири и Дальнего Востока таких календарных названий, как “орлиный” и “вороний”, “заслуживает дополнительного изучения, поскольку это сходство, возможно, объясняется не только близостью природных условий проживания данных народов” [Симченко и др. 1993: 235]. В этом можно видеть “отражение чрезвычайно архаичной (возможно, общесибирской) традиции; очевидно, названия месяцев орла в целом ряде календарей имеют не только фенологический смысл, но и несут определенную мировоззренческую нагрузку” [Васильев, Головнев 1980: 39].

В фольклоре народов Евразии Орел и Ворон наделены чертами, роднящими их между собой, а также сближающими их по ряду признаков с хищными животными – медведем и волком. К числу характеристик, объединяющих Орла и Ворона с медведем и волком относятся связь с царством мертвых и медиативная функция, мужская символика (особенно в брачной тематике) [Мелетинский 1994а; 1994б].

Проанализировав фольклорный цикл сюжетов о Вороне, объединяющий народности северо-востока Азии и северо-запада Америки, Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1981; 1994а: 247], приходит к выводу о том, что воронья мифология сложилась в Сибири в среде племен, которые впоследствии вошли, главным образом, в состав палеоазиатов чукотско-камчатской языковой семьи, а также на-денезычных протоиндейцев. Последние явились источником распространения вороньих сюжетов на Американском континенте, перейдя из Сибири, как полагают, ок. 10 тыс. лет назад. В архаичном круге сюжетов Ворон выступает как первопредок и культурный герой, первый шаман и трикстер, выполняет функцию медиатора между жизнью и смертью, небом и землей, верхом и низом, зимой и летом. Противопоставление Ворона водоплавающим и перелетным птицам раскрывается, в том числе, через матримониальные сюжеты в палеоазиатской и североамериканской мифологии (истории женитьбы Ворона на утке, гусыне) [Дзенискевич 1976: 82; Мелетинский 1981: 188], т.е. аналогично взаимоотношению между волком–медведем как женихом-охотником и рогатым копытным как невестой-добычей в фольклоре Евразии. Роль жениха в свадебном фольклоре отводится и орлу. Например у восточных славян сокол/орел выбирает свою суженую из числа водоплавающих птиц [Бернштам 1982: 30–32].

Орел – широко распространенный персонаж в мифологии разных народов. Для сибирского региона культ орла, также как и ворона, связывается с представлением о нем как о культурном герое и первом шамане. В статье, посвященной культу орла у сибирских народов, Л.Я. Штернберг [Штернберг 1936: 112] обращает внимание на естественные качества орла, которые легли в основу представлений о нем у примитивных народов. Так, совпадение прилета орла с приходом весны и отлета с наступлением осени давало повод считать его существом, вызывающим явления времен года. Действительно во многих народных традициях орел является вестником Солнца. Такое представление календарно согласуется с отнесенностью образа орла к поворотному периоду между зимой и весной, который, в сибирском регионе кроме “орлиного” обнаруживает обозначения, связанные с астрономическими наблюдениями: негидальск. *toyan be'yanin* “февраль”, время остановки (Солнца); *siwun toyawgigen* – солнце останавливается, назад идет, т.е. перестает уменьшаться расстояние между восходом и заходом солнца. Солнце начинает восходить к северо-востоку [Петрова 1937: 88, 99]. Энец. *дяра дири* “февраль” (месяц поворота солнца к весне) [Сорокина, Болина 2001: 39], ненец. *яра ирий* “месяц поворота солнца к оттепели” (прибл. февраль) [Терещенко 1965: 147, 850], нганас. *дялы-биерапсие-китеда* “восхода Солнца (после полярной ночи) месяц”, совпадающий со второй половиной января – первой половиной февраля [Попов 1948: 16].

Для *ранней весны* традиционной являлась лыжная охота на лося–оленья по насту. **Уральские языки:** Манс. (ляпинск.) *мань поль* “малый наст” (март), *яныг поль* “большой наст” (апрель) [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245]; ненец. (енис.) *сава юну-*

лава иры “хорошей охоты (по насту) на дикого оленя месяц”; энец. (лесн.) *сойда дюнгуля дири* “хорошей охоты на дикого оленя месяц” (март) [Васильев, Головнев 1980: 34]. **Тунгусо-маньчжурские языки:** эвенк. *овйн* “наст (весенний, последний); охота в период весеннего последнего наста на лося” [ТМС II: 4–5]. Нанайск. *хондан биани* “время наста” (март) [Симченко и др. 1993: 214], ульч. *хун бени* “месяц наледи” (апрель) [Симченко и др. 1993: 216]. **Палеоазиатские языки.** В кетском *қажетын* “месяц сохатого”, приблизительно соответствует марту. Кеты справляют особый весенний праздник, если успешно прошел период охоты на лосей–олений, который заканчивается в конце марта [Алексеев 1967: 38].

Поздняя весна – пора отела у лосей и олений, что находит отражение в названиях данного периода. **Уральские языки:** У нганасан вторая половина апреля – первая половина мая называется *сюондяку-тодю-китеда* “первых телят время” [Симченко и др. 1993: 206], а период со второй половины мая до первой половины июня – *аныйя-тодю-китеда* “первых телят время” [Попов 1948: 16], *аника-тодю-кичеда* “больших телят время или большого числа телят время” [Симченко и др. 1993: 204]. Ненецкий *ты’ саполана ирий* “месяц раннего отела оленей” (прибл. март), *ты’ сәйо* “лана ирий” “месяц отела оленей” (прибл. апрель, букв. “месяц, с которого олени телятся”), *сие ниць ирий*, “месяц ложного отела оленей” (прибл. апрель,), *ты’ ниць ирий* “месяц настоящего отела оленей” (прибл. май) [Терещенко 1965: 147, 316, 533, 558]; энцы (тундровые) *нади ирио* “первые телята родятся” (апрель) [Васильев, Головнев 1980: 36].

Тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *шюнкап ~ хюнкап ~ хонкап ~ соңкап* (соңа “теленок”) “время, когда олени телятся, май” [Петрова 1937: 84–85]; эвенкийский *түүүзёқ* “отел” (прибл. апрель) [Попова 1981: 60–62].

У чукчей весна понимается как время рождения телят: *groun, gron* “весна (собственно время рождения телят)”, также *gro-ēlg̃bn* “месяц рождения оленьих телят; с начала марта до начала апреля” (от глагола *gro, g̃ro, g̃rór̃k̃bn* “рожает”) [Богораз 1937: 44; 63].

Русск. (диал.) *ярка* “молодая овца” этимологически связано с группой др.-русск. *яра* “весна”, *ярый* “весенний” (“солнечный”), русск. *яркий* от и.-е. базы **iēro-*: *iōro-*: *iēro-* “год” (производно от и.-е. **ei-* “идти”), к которой восходят названия молодых животных и птиц в некоторых и.-е. языках [IEW 1959: 293, 296, 297; Черных 1994, II: 471]. В зооморфном календаре древних коми период с конца апреля до начала июня представлен образом северного оленя [Конаков 1987].

Поздняя весна в северных районах связывалась также со вскрытием ото льда рек, с возвращением водоплавающих птиц: манс. (ляпин.) *янгк патнэ эпос* “лед уходит месяц”, “май” [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245]; хант. (вахов.) *лонт вэск ики* “гуси-утки месяц” (прибл. май) [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; ненец. *маңты ирий* “месяц гнездования птиц” (прибл. май) [Терещенко 1965: 147]; энец. *чида сама то дёди дири* “месяц прилета птиц”, “май” [Сорокина, Болина 2001: 26, 150, 164, 215].

Лето посвящалось рыбной ловле, охоте на водоплавающих птиц, выпасу скота на пастбищах. Основные хозяйственные занятия летнего периода отражены в календарных названиях месяцев следующим образом.

Уральские языки. Сельк. (южн.) *карба кула ирэт* “запоры рыбные ставить месяц”, “апрель–май”; *куэлайню ирэт* “рыба идет месяц”, “май” [Пелих 1972: 379]; манс. (ляпин.) *ойтур этнос* “луговых озер месяц” (ловить рыбу), “июль”; *вор тур* “лесные озера” (ловить рыбу), “август” [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245]; хант. (вахов.) *енк тюй ики* “большой воды месяц” (июнь); *ай вэр ики* “малых запоров месяц” (июль); *элле вэр ики* “больших запоров месяц” (август) [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; нганас. *колы-китеда* “рыбы месяц” (вторая половина июня – первая половина июля) [Попов 1948]; ненец. *саву’ ирий* “месяц разлива рек” (прибл. июнь) [Терещенко 1965: 147]; энец. *наарэ дири* “месяц разлива рек” (июнь) [Сорокина, Болина 2001: 205].

Тунгусо-маньчжурские языки. Эвенский период, включающий июнь – июль, может иметь названия: *явчъ'к* “пора ночной пастьбы оленей с дымокурами”, *блр'м-мачак* “время рыбалки”, *жӯуьжәк* “летовка”, т.е. летняя длительная стоянка [Попова 1981: 60–62].

Палеоазиатские языки. Кет. *курвол'* “нереста щуки” (прибл. июнь) [Алексеевко 1967: 38; Симченко и др. 1993: 246].

Уральские языки. В нганасанском вторая половина июля – первая половина августа именуется как *денту-китедә* “(линьки) гусей месяц” [Попов 1948: 16] или *дентасакичедә* “линьных птиц время” [Симченко и др. 1993: 205], а период со второй половины августа до первой половины сентября – *конинемы-китедә* “(линьки) гусиных птенцов время” [Попов 1948: 16] или *кониямы-кичедә* “гусиных матерей время” [Симченко и др. 1993: 205]. Ненец. (енис.) *хохорэй иры* “месяц лебедя”, “август” [Васильев, Головнев 1980: 35]; энец. *дедью' дири* “месяц лебедей”, “август” [Сорокина, Болина 2001: 26, 150, 164, 215]; энец. (тундров.) *кану ирио* “птенцов месяц”, “август” [Васильев, Головнев 1980: 35]. Как подметили В.И. Васильев и А.В. Головнев, в обозначении летних месяцев проявляется древняя традиция обобщения – называть период охоты на линную птицу месяцем лебедя, подобно тому, как осеннее время охоты на диких копытных – месяцем лося [Васильев, Головнев 1980: 36].

Палеоазиатские языки: кет. *кубәнэ* “линьки уток месяц”, *ул'бәнэ* “линьки водяных уток месяц” (прибл. июль) [Алексеевко 1967: 38; Симченко и др. 1993: 246].

В промысловом календаре древних коми летнее солнцестояние приходится приблизительно на месяц Горностая (03.06.–04.07.) [Конаков 1987]. В урало-славянской (шире индоевропейской) фольклорной традиции горностаев, как и другие пушные звери, объединяясь с перелетными и водоплавающими птицами, сближаются с образом рогатых копытных по ряду основных признаков: женская символика, проявляющаяся, в том числе, в брачной тематике, отнесенность к верхнему уровню мироздания, связь с обозначением высшего божества. В уральских языках лексемы со значением “горностаев” и “молодая женщина, невеста, девушка” восходят к единому истоку. Так, венг. *menyét* “ласка” (зверек из рода горностаевых) считается производным от *meny* “девушка, невеста, молодая женщина” [манс. *miñ*, хант. *meñ*, фин. *miniä*, саам. *mánpje* “невеста, молодая женщина”, коми *тоñ* ‘сноха, невестка’, удм. *теñ: iñi-meñ* ‘сноха (жена младшего брата)']. Венг. *hölgy* “дама, невеста, жена, белый горностаев” (*hölgyemenyét* “белый горностаев”) родственно манс. *kaj* “самка”, хант. *kõjäl* “самка (соболя, лисицы)” [MNyTESz II: 155–6; 893–4]. В славянских поверьях и фольклоре ласка и горностаев отождествляются с птицей на основании их внешнего сходства в окраске (сочетание темного и светлого (белого) цвета), быстроты движения, семантических характеристик (женская символика, в частности, символ невесты, брачный мотив, функция покровителя дома и скота). По О.Н. Трубачеву, русские слова *ласка* и *ласточка* являются этимологически родственными, восходя к славянским вариантам основ **lask-*, **last-*; до сих пор в русских говорах сохраняются значения: *ласка* “птица ласточка”, *ласточка* “зверек ласка”; иногда *лаской* называется “водяная курица” – птица с черным оперением и белой шишкой на лбу, польск. (диал.) *łaska* – некая птица (разновидность диких уток?), черная с белой отметиной [Гура 1997: 231, 245–249]. Образ утки восходит к древнейшим индоевропейским представлениям о творении мира из водного Хаоса богом-демиургом в облике водоплавающей птицы. (Аналогичные мотивы присутствуют в мифологии уральцев и индейцев Северной Америки [Напольских 1990а; 1990б].) В ненецком космогоническом мифе горностаев, выступая в качестве демиурга, посылает гагару достать из воды крупицу земли, из которой затем вырастает суша [Хомич 1976: 17–18]. На лексическом уровне семантика образов рогатых копытных, водоплавающих птиц и зверей семейства куньих (куда относятся горностаев и ласка) объединена в индоевропейском корне **el-*, **ol-*, **l-* (с разными оформлениями *-m-*, *-n-*, *ḱ-*), имеющем реализацию по языкам: напр., др.-инд. *ṛśa-*, *ṛśya-* m. “самец антилопы”; русск. *олень*, *лось*, *лань*, диал. *алынья* “корова”, англ. *elk*, нем. *Elch* “лось” и др.; лат. *olor* (*elōr) “ле-

бедь”, др.-северн. *alka* “Alka torda, пингвин”; вероятно, обозначение нем. *Ilitis* “хорек” [IEW 1959: 302–304; Черных 1994, I: 466, 492, 596–597].

Индоевропейские праосновы для обозначения хищных и жертвенных животных, реализуясь по диалектам, в ареале тех и других обнаруживают совпадения, коррелирующие с единой символикой образов животных и схожими чертами их биологической жизни.

Хищники: И.-е. **k̑un-*, **k̑un-* “волк” → собака” (греч. *κύων*, авест. *span-/sūn-* м., др.-инд. *śván-* м. “собака”; др.-инд. *śvaka-* “волк”, др.-перс. *saka-* “собака” < индо-иран. **śva-ka-*; др.-ирл. *cú* “собака, волк”) [IEW 1959: 632–633; AiW 1961: 1584; 1610–12; Иванов 1964: 458–460; 1975: 399].

Лексемы со значением “волк” реконструируются от и.-е. **uel-* “раздирать, ранить, убивать” и **ueid-* “знать, ведать” (→ **ueid-n(o)-* “вещий волк”). С и.-е. **uel-* связано обозначение потустороннего мира как “пастбища, луга”, где пасутся души (скота и людей) и “бога мертвых”. К и.-е. **uel-* восходят и.-е. **u̯lk̑-* “волк” и **u̯lp-* в обозначении хищника песьей породы (волка, собаки, лисы), а также в наименовании кошачьих: литовск. *vilpišys* “дикая кошка”; н.-перс. *gurba* “домашняя кошка” (< иран. **urpa-*) [IEW 1959: 1144–45, 1178–9; AiW 1961: 1418–9, 1532; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 492, 823–4]. В славянских народных поверьях образы волка и медведя могут объединяться с образом кошачьего. Русск. (диал.) *кошка* – “печь”, которая ассоциируется с медведем, а также считается границей или входом в иной мир в славянском и пермском фольклоре [МК 1999: 267–271, 291–292].

Слова со значением “оборотень” в славянских языках трактуются как композиты “волк-медведь” (по В.В. Иванову, В.Н. Топорову), объединяющие обоих хищников в едином лексико-семантическом образе: русск. *вурдолак*; болг. *vǎkolak* (< **u̯lk-* “волк” + *dlakū “шерсть”; балт. **tlōk-*, слав. **dlāk-* – древнее и.-е. обозначение медведя) [Иванов, Топоров 1963: 139; Иванов 1975: 406]. Медведь уступает по ритуальной значимости волку, символизируя в основном плодородие природы. Для его обозначения реконструируется и.-е. **rk̑p-o-s* (**rk̑-s-o-s* / **rk̑-t-o-s* [IEW 1959: 875] или **Hȓt^[h]/k̑^[h]* “медведь” [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 497].

В круг хищников отнесем и выдру, которая в представлениях древних индоевропейцев ассоциировалась с собакой: и.-е. **udro-* < **udor-*, **uedor-* “вода” [IEW 1959: 78–79; AiW 1961: 387, 1611].

Из перечисленных и.-е. корней, входящих в обозначение хищных животных, считаются заимствованными в ф.у. языки из индоиран. диалектов: 1) индоиран. *(*u*)*ṛpa-* “лиса” > ф.у. *repā; 2) индоиран. *(*u*)*ṛkas* “волк” > ф.у. *werkas; 3) общеиран. или скиф.-сарм. **udra-* ~ *urda “выдра” > общеперм. *vurd [Лушникова 1990: 252–253, № 136, 288–289, № 197, 269–270, № 165; КЭСЯ 1970: 70, 246; Joki 1973: 308–309, 342–343, 347].

Синкретизм в обозначении медведя, волка и собаки наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *сивигэ/хивигэ* “волк” ~ *сивижэ/сужан* “медведь”, при эвенк. *hэвјэ/hэвјэ* “медведь”, ороч. *сүви* миф. “личка собаки” [ТМС II: 75].

Медведь и волк – своего рода антиподы по выбору места обитания. Медведь – житель лесотаежной зоны, волк, напротив, избегает больших лесов. Среди просторов Сибирской тайги волков крайне мало. Отмечается зависимость распространения волка от объекта его охоты – дикой козы, оленя (северная граница распространения волка в Сибири совпадает с таковой северного оленя). Медведь избирателен в своей охоте на копытных, основной объект его нападений – лось. Северный олень в добыче медведя весьма редок. Нападения совершаются преимущественно весной по насту, затрудняющему передвижения лосей, но не препятствующему бегу медведя. Второй пик охотничьей активности медведя наблюдается осенью [Огнев 1931: 41, 185–194; Вайсфельд, Честин 1993: 28, 29].

Таким образом, естественное противопоставление хищника и его добычи в природе находит отражение в зооморфно кодированной архаичной модели мира, построенной

на бинарной оппозиции. Для лесотаежной зоны полярность выражалась через противопоставление лось-медведь, для равнинной (степной, тундровой) – через противопоставление олень-волк.

Жертва-добыча. Этимологическое тождество выявляют обозначения копытных, имеющих единую символику в традиционном мировоззрении, схожие характеристики биологической жизни и одинаковое применение в хозяйстве. Примером может служить реализация по языкам и.-е. **ker-* “рог, верхушка, голова” (в обозначении оленя, дикой козы, коровы, быка, барана) [IEW 1959: 574–577]; **aġh-* “беременная (о животных)” [IEW 1959: 6–7; AiW 1961: 228]; *(s)*neuro-* “крупный рогатый скот”, “вьючное рабочее животное” **g^ho-* “крупный рогатый скот” (первоначально без различия “бык” ~ “корова”, с последующим развитием значения “самка крупного рогатого скота”, “корова” ввиду параллельного существования лексем для обозначения “самца крупного рогатого скота” и.-е. **uk^hs-en-* и **uer-en-/ur-en-*) [IEW 1959: 482–483; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 565–567]; и.-е. **el-*, **ol-*, **l-* “красный коричневый” в названии рогатых копытных (русск. *олень, лось, лань*, диал. *альнья* “корова”, англ. *elk* и т.д.), деревьев, а также водоплавающих птиц (в частности, “лебеда”) [IEW 1959: 302–304]. Также восстанавливаются и.-е. **āġ-* [IEW 1959: 6–7], и.-е. *(s)*kago-/kogo-* “козел, коза” [IEW 1959: 517; и.-е. **ek^ho-s* “лошадь” [IEW 1959: 301] (по С.А. Старостину, заимствование из прасевернокавказского [Старостин 1988: 114–115, 152–154]).

Из перечисленных и.-е. основ для обозначения копытных следующие считаются воспринятыми в ф.у. языки из (индо)иранских диалектов: 1) индоир. *śruwa/śarwa* (< и.-е. *kel/or-*, *kru-*) “рог” > ф.у. *śorwa/śarwa* (в т.ч. венг. *szarv* “рог”, *szarvas* “олень”, букв. “рогатый”); 2) вероятно, из диалектов-предков арийского *uarsā (N.sg.) (< и.-е. **uers-en-*) > ф.у. *warsa “жеребенок”; 3) инд.-ир. (общеир.) *ukšā (N.sg.) (< и.-е. **uk^hsen*) > ф.у. (ф.-перм.) *uška* “бык, вол”; 4) арийск. *cāgā “коза” (< и.-е. *(s)*kago-*, *(s)*kogo-*) > ф.у. *čaka* (~ *čaya*) “коза” [Лушников 1990: 260, № 148, 278, № 180, 270, № 166, 195, № 44; Joki 1973: 311, 334, 337–338].

Факт заимствования финно-угорскими племенами названий домашних животных (бык, коза, жеребенок) объясняется как результат (индо)иранского влияния в области хозяйственной жизни. Заимствование наименований таких диких животных, как лисы, волка, оленя, следует, видимо, связывать, прежде всего, с взаимодействием в области духовной культуры, с участием в сложении единой системы мировоззрения в зоне контакта.

В лексике обнаруживаются сближения и совпадения в обозначении хищника – медведя, волка и его добычи-жертвы – лося, оленя, лошади, которые следует трактовать с точки зрения семантической реконструкции: др.-инд. *rkṣa-* “медведь” (< и.-е. **r^hk-s-o-s*) ~ др.-инд. *ukṣā* м. “бык” (< и.-е. **uk^hsen-*); иран. **rša-* “медведь” (перс. *hirs*, осет. *ars*); др.-инд. **rśa-* (< и.-е. **r^hk-o-*) ~ др.-инд. *rśa-*, *rśya-* м. “самец антилопы” (< и.-е. **l^hk-*); коми *oš* [основа *ošk-*] “медведь” (перм. **ošk-*) ~ коми *eš* [основа *ešk-*] (удм. *oš* “бык”, перм. *ošk, заимствовано из индоиран. *ukšā) [КЭСКЯ 1970: 209, 213]; и.-е. **ul^hk-* “волк” ~ и.-е. **el-/l-* (с формантом *-k-/k-*) “рогатое копытное животное”; индоиран. **śya-(ka-)* (< и.-е. **k^hu^h-(ko-)* “песьей породы”) > авест. *spa-ka* “песьей породы”; др.-инд. *śva-ka-* “волк” ~ индоиран. **aśya-* (< и.-е. **ek^ho-s* “лошадь”) > др.-инд. *ásva-*, авест. *aspa-*. Ср. предложенную Э.А. Грантовским двойную трактовку имени скифского вождя *Ииунакая* от *spaka-* “собака” и *aspaka-* “конник”.

Полагают, что слова, обозначающие собаку в славянских языках, восходят к тому периоду, когда собака была приручена человеком и была частью домашнего скота, а также жертвенным животным: слав. *ръс* “пес” (русск. *нёс*, польск. *pies* и т.д.) < и.-е. **reki-* “домашний скот”, “домашнее животное” (от и.-е. **re^hk-* “привязывать, приручать”) в отличие от “дикого зверя” [Черных 1994 II: 25]. Данные раскопок поселений, относящихся к мезолитической культуре веретье (Восточное Прионежье), свидетельствуют о том, что важную роль в жизни людей играла собака, сравнительно недавно прирученная и сохранившая черты, характерные для волка. Древнее население могло

использовать собак на охоте, для охраны поселений, в жертвенных ритуалах, а также употреблять их в пищу [ИКВ 1992: 11].

Уральские, алтайские, тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *girkō* “одинокий олень-самец” (= “бродяга”), (баргуз.) *girkō* “медведь-шатун”, (енис.) *girkū* “поиски лосем важенки перед спариванием” (от *гиран-* “шагнуть”) [ТМС I: 154]; якут. *ulū kyl* “лось (или медведь)”, букв. “крупный зверь” [Аникин 2000: 569]; манс. *sus* “лось, дикий зверь, медведь”. Лексические совпадения объясняются, в том числе, сходством в поведении животных, их одинаково крупным размером.

Таким образом, приходим к следующим выводам. 1. Соотношение структурных элементов древней картины мира, раскрывается в промысловых календарях народов Евразии путем противопоставления основных сезонов – зимы и лета, как маркеров нижнего и верхнего уровней мироздания. “Зимний” период (соответствующий южному отрезку годового пути Солнца по эклиптике), начинавшийся приблизительно после осеннего равноденствия и заканчивающийся после весеннего равноденствия, приблизительно в конце апреля – мае (конец так называемого “волчьего сезона”), был связан с образами хищных животных (медведя, волка, собаки, кошачьих) и хищных птиц (ворона, орла), что коррелирует с их биологическими ритмами. В фольклорной традиции хищные животные и хищные птицы наделялись мужской символикой, выполняли медиативную функцию, соотносились с нижним миром – миром смерти и смертности. “Летний” период ассоциировался с рогатым копытным (оленем, лосем и т.д.) или с функционально подобными образами (лошадью, перелетными и водоплавающими птицами, горностаем и т.д.), которые имели женскую персонификацию, были связаны с верхней частью модели Вселенной – областью бессмертия, воплощенного в высшем, небесном божестве.

2. Члены бинарной оппозиции описываются фонетически соотносимыми корнями. Так, для тунгусо-маньчжурских языков названия основных сезонов – зимы и лета имеют разницу только в начальном звуке: эвенк. (баргуз.) *tuḡoni* ~ *ziḡoni*, негид. *tuḡani* ~ *ziḡani*, ульч. *tuə* ~ *zia*, маньч. *тувори* ~ *чжувори* [Петрова 1937: 105]. В ареале индоевропейских диалектов и языков Сибири обнаруживаются сближения и совпадения в обозначении хищника (медведя, волка) и его добычи – копытных (лось, олень, лошадь), оппозиция которых раскрывает противостояние основных сезонов – зимы и лета. Черты синкретизма в образном и лексическом отображении зооморфных членов оппозиции объясняются схожими сезонными проявлениями биологической жизни животных, общим ареалом их распространения, совместным участием в архаичных календарно-мифологических сюжетах и ритуально-обрядовых действиях.

3. Оппозиция зооморфных персонажей различается по ареалам: для лесотаежной зоны она представлена парой “медведь–лось”, для равнинной (степной, тундровой) – парой “волк–олень”. Оппозиция “медведь–лось”, выраженная сближающимися лексемами, прослеживается, очевидно, в кетском *kaɟ* “лось” ~ *koɟ* “медведь”. В и.-е. ареале зооморфно выраженная бинарная оппозиция модели Вселенной маркировалась соотносимыми корнями и.-е. **ul̥-k̥ʷ-* “волк” (< и.-е. **uel-* “умирать, убивать”) ~ и.-е. **el-/l̥-* (с формантом *-k/-k̥-*) “лось-олень”, которые обозначают хищника-охотника и его жертву-добычу, способную к возрождению. И.-е. **uel-* “умирать” (содержащийся в основе со значением хищника), по словам В.Н. Топорова, в отличие от и.-е. **mer-* и **dheu-*, представляющих смерть–умирание как “исчезновение”, «реализует противоположный принцип понимания умирания и смерти – не “опустошение”, но наполнение и овладение...».

4. Сопоставление урало-сибирской и индоиранской календарных систем выявляет схожесть символического и лексического обозначения интервалов времени, а также звезд и созвездий, соотносимых с годовым движением Солнца по небосводу, что указывает не только на общие черты, обусловленные смежностью территорий проживания в далеком прошлом, но и на определенный универсальный характер древних мировоззренческих представлений народов северного полушария. Между урало-сибир-

ской и индоиранской календарными системами обнаруживается схожий символизм восприятия созвездий Ориона и Большого Пса, связанный с образами хищника, жертвователя и его жертвы, шаманов и мудрецов, выполняющих роль посредников между людьми и богами, с мотивом смерти и зарождения смертного человечества, начала и конца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1995 – *В.И. Абаев*. Исправления и дополнения // В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995.
- Алексеев 1967 – *Е.А. Алексеев*. Кеты. Л., 1967.
- Алексеев 1976 – *Е.А. Алексеев*. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Аникин 2000 – *А.Е. Аникин*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
- Анучин 1914 – *В.И. Анучин*. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. 2. Вып. II. 1914.
- Бернштам 1982 – *Т.А. Бернштам*. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1.
- Богораз 1937 – *В.Г. Богораз*. Луораветланско-русский (Чукотско-русский) словарь. М.; Л., 1937.
- БПРС 1967 – *Д. Гессен, Р. Стыпул*. Большой польско-русский словарь. М.; Варшава, 1967.
- Вайнштейн 1961 – *С.И. Вайнштейн*. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.
- Вайсфельд, Честин 1993 – *М.А. Вайсфельд, И.Е. Честин*. Медведи. Размещение запасов, экология, использование и охрана. Новосибирск, 1993.
- Василевич 1936 – *Г.М. Василевич*. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936.
- Васильев, Головнев 1980 – *В.И. Васильев, А.В. Головнев*. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов северо-западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.
- Вербицкий 1884 – *В.И. Вербицкий*. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Винокурова 1988 – *И.Ю. Винокурова*. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (Конец XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I, II. Тбилиси, 1984.
- Голан 1994 – *А. Голан*. Миф и символ. Иерусалим; Москва, 1994.
- Гура 1997 – *А.В. Гура*. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль – *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1981; Т. II. СПб.; М., 1881; Т. IV. М., 1995.
- Дзенискевич 1976 – *Г.И. Дзенискевич*. Сказание о Вороне у атапасков Аляски // Советская этнография. 1976. № 1.
- Дульзон 1950 – *А.П. Дульзон*. Система счета времени у чулымских татар // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. X. 1950.
- Иванов 1964 – *Вяч.Вс. Иванов*. Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964.
- Иванов 1974 – *В.В. Иванов*. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* “конь” (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
- Иванов 1975 – *В.В. Иванов*. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 34. № 5.
- Иванов, Топоров 1963 – *В.В. Иванов, В.Н. Топоров*. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963). М., 1963.
- Иванчик 1988 – *А.И. Иванчик*. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5.
- Игры 1995 – Игры: энциклопедический сборник. Челябинск, 1995.
- ИЭЗС 1987 – Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

- ИКВ 1992 – Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
- Календарные обычаи 1973 – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973.
- Календарные обычаи 1977 – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977.
- Календарные обычаи 1983 – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.
- Катанов 1897 – *Н.Ф. Катанов*. Сагайские названия 13 месяцев года // Известия общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. 1897. Т. XIV. Вып. 2.
- Конаков 1987 – *Н.Д. Конаков*. Древнекоми промысловый календарь: Стиль календаря // Науч. докл. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар, 1987.
- Конаков 1990а – *Н.Д. Конаков*. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код) // “Научные доклады”. Коми научный центр УрО АН СССР. Вып. 243. Сыктывкар, 1990.
- Конаков 1990б – *Н.Д. Конаков*. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
- Конаков 1996 – *Н.Д. Конаков*. Традиционное мировоззрение народов коми: пространство и время. Сыктывкар, 1996.
- Кочергина 1978 – *В.А. Кочергина*. Санскритско-русский словарь. М., 1978.
- Кочиев 1987 – *К.К. Кочиев*. Тутыр – владыка волков // Известия Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. 1987. Вып. XXXI.
- Крейнович 1973 – *Е.А. Крейнович*. Нивхгу. М., 1973.
- Кривошапкин 1865 – *М.Р. Кривошапкин*. Енисейский округ и его жизнь // Записки Русского Географического общества. СПб., 1865.
- Кузнецова 1976 – *А.И. Кузнецова*. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 – *А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина*. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- Кузнецова 1957 – *Н.Г. Кузнецова*. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник. II. Л., 1957.
- Кузьмина 1977 – *А.И. Кузьмина*. К этимологии названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977.
- КЭСЯ 1970 – *В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев*. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Ларькин 1964 – *В.Г. Ларькин*. Орочи. М., 1964.
- Леонтович 1896 – *С. Леонтович*. Краткий русско-ороченский словарь. Владивосток, 1896.
- Лунин 1853 – *И. Лунин*. Эстонско-русский словарь. Дерпт, 1853.
- Лушникова 1990 – *А.В. Лушникова*. Стратификация ирано-уральских языковых контактов. Дис. ... канд. филол. наук (рукопись). М., 1990.
- Лушникова 2001 – *А.В. Лушникова*. Белый горностаи // Исследования по иранской филологии. МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, кафедра иранской филологии. Вып. 3. М., 2001.
- Лушникова 2003 – *А.В. Лушникова*. *Ursa Major*: от Лося до Медведя // Историко-астрономические исследования. Вып. XXVIII. М., 2003.
- Мазин 1986 – *А.И. Мазин*. Календарь и цикл хозяйственного года эвенков Верхнего Приамурья (кон. XIX – нач. XX в.) // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986.
- Майничева 2000 – *А.Ю. Майничева*. Образ медведя в русском прикладном искусстве // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.
- Майский 1934 – *Л. Майский*. Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхнего Ванча // СЭ. 1934. № 4.
- Макаренко 1913 – *А.А. Макаренко*. Сибирский календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913.
- Мелетинский 1981 – *Е.М. Мелетинский*. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.
- Мелетинский 1994а – *Е.М. Мелетинский*. Ворон // Мифы народов мира. Т. I. М., 1994.
- Мелетинский 1994б – *Е.М. Мелетинский*. Один // Мифы народов мира. Т. II. М., 1994.

- Меновщиков 1954 – Г.А. Меновщиков. Эскимосско-русский словарь. М., 1954.
- Миллер 1876 – В.С. Миллер. Значение собаки в мифологических верованиях // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 6. Вып. 3. 1876.
- Миннихметова 2000 – Т.Г. Миннихметова. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000.
- МК 1999 – Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми. Москва; Сыктывкар, 1999.
- Напольских 1990а – В.В. Напольских. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. 1990. № 1.
- Напольских 1990б – В.В. Напольских. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мироззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
- Огнев 1931 – С.И. Огнев. Звери Восточной Европы и Северной Азии. Т. 2. Хищные млекопитающие. М.; Л., 1931.
- Оненко 1980 – С.Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
- Орлова 1966 – Е.П. Орлова. Календари народов Сибири и Дальнего Востока // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
- Островский 1888 – Д.Н. Островский. Лопари и их предания. Б/м., 1888.
- Пелих 1972 – Г.И. Пелих. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Петрова 1937 – Т.И. Петрова. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Сб. Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). М.; Л., 1937.
- Попов 1944 – А.А. Попов. Енисейские ненцы (юраки) // Изв. ВГО. Т. 26. 1944. Вып. 2–3.
- Попов 1948 – А.А. Попов. Нганасаны. М.; Л., 1948.
- Попова 1981 – У.Г. Попова. Эвены Магаданской области. М., 1981.
- Рахимов 1957 – М.Р. Рахимов. Исчисление времени у таджиков бассейна реки Хингоу в XIX – начале XX в. (В связи с народным земледельческим календарем) // Советская этнография. 1957. № 2.
- Рубцова 1971 – Е.С. Рубцова. Эскимосско-русский словарь. М., 1971.
- Рыбаков 1988 – Б.А. Рыбаков. Язычество Древней Руси. М., 1988.
- РЭС 1948 – Г.М. Василевич. Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. М., 1948.
- Савельева, Таксами 1970 – В.Н. Савельева, Ч.М. Таксами. Нивхско-русский словарь. М., 1970.
- Сидоров, Лыткин 1966 – А.С. Сидоров, В.И. Лыткин. Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение. Таллин, 1966. № 2.
- Симченко 1976 – Ю.Б. Симченко. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.
- Симченко и др. 1993 – Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколова. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
- Славнин 1972 – Д.П. Славнин. Вечный календарь ламутов (эвенов) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972.
- Смоляк 1989 – А.В. Смоляк. Традиционные календари народов Нижнего Амура и Сахалина // Новое в этнографии (Полевые исследования Института этнографии АН СССР). Вып. 1. М., 1989.
- Соколова 1979 – В.К. Соколова. Весеннее-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX – начало XX в.). М., 1979.
- Соколова 1966 – З.П. Соколова. Полевые материалы 1966 г. // Архив Института этнологии и антропологии (АИЭА), фонд Северной экспедиции. 1966.
- Соколова 1988 – З.П. Соколова. Полевые материалы 1988 г. // Архив Института этнологии и антропологии (АИЭА), фонд Северной экспедиции. 1988.
- Соколова, Пивнева 1993 – З.П. Соколова, Е.А. Пивнева. Аганские ненцы (Антропонимия, хозяйственный цикл и календарь) // Полевые исследования. Т. 1. Вып. 2. М., 1993.
- Сорокина, Болина 2001 – И.П. Сорокина, Д.С. Болина. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб., 2001.
- Старостин 1988 – С.А. Старостин. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Терещенко 1965 – Н.М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Титов 1926 – Е.И. Титов. Тунгусо-русский словарь. Иркутск, 1926.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. I; 1977. Т. II.
- Топоров 1990 – В.Н. Топоров. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Топоров 1994а – В.Н. Топоров. Дакша // Мифы народов мира. М., 1994. Т. I.

- Топоров 19946 – В.Н. Топоров. Праджапати // Мифы народов мира. М., 1994. Т. II.
- Третьяков 1869 – П. Третьяков. Туруханский край // Записки РГО по общей географии. 1869. Т. 11.
- Тульцева 2002 – Л.А. Тульцева. Народные названия Млечного пути в среднерусской полосе России // *Астрономия древних обществ. Материалы конференции “Астрономия древних цивилизаций” Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM)*. Москва, 23–27 мая, 2000 г. М., 2002.
- Фролов 2002 – Б.А. Фролов. Число в архаической космологии // *Астрономия древних обществ. Материалы конференции “Астрономия древних цивилизаций” Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM)*. Москва, 23–27 мая, 2000 г. М., 2002.
- Хомич 1976 – Л.В. Хомич. Представления ненцев о природе и человеке // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера*. Л., 1976.
- Чернецов 1971 – В.Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала // *Свод археологических источников*. Ч. 2. М., 1971.
- Черных 1994 – П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I, II, М., 1994.
- Шаповалова 1973 – Г.Г. Шаповалова. Севернорусская легенда об олене // *Фольклор и этнография русского Севера*. Л., 1973.
- Шренк 1855 – А. Шренк. Путешествие к северо-востоку европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855.
- Шренк 1903 – Л.И. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. III. СПб., 1903.
- Штернберг 1936 – Л.Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) // *Первобытная религия в свете этнографии*. М., 1936.
- ЭСР 1958 – Г.М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- ЭСТЯ 1985 – *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские основы и межтюркские основы на ж, ж', й*. М., 1985.
- Abayev 1970 – V.I. Abayev. The names of the months in Ossetic // W.B. Henning Memorial Volume. London, 1970.
- AiW 1961 – Chr. Bartholomae. Altiranische Wörterbuch. Berlin, 1961.
- Fletcher, La Flesche 1972 – A.C. Fletcher, La Flesche. The Omaha Tribe (Reprint of 1911 Bureau of American Ethnography Annual Report 27. 1905–1906). Lincoln, NE: Univ. of Nebraska, 1972.
- Grimm 1913 – J. Grimm, W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. Bd. 14. Abt. 2. 1913.
- IEW 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959. V. I.
- Joki 1973 – A. Joki. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
- Kent 1950 – R.G. Kent. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, Connecticut. 1950.
- Maas 1926 – E. Maas. Winter und Sommer // *Indogermanische Forschungen*. Bd. XLIII. 1926.
- MacDonell 1897 – A.A. MacDonell. Vedic Mythology. Strassburg, 1897.
- Mándoki 1958 – L. Mándoki. Az Orion csillagkép a magyarságnál // *Néprajzi Értesítő*. V. 40. 1958.
- MNyTESz – Magyar Nyelv Történeti Etimológiai Szótára. Budapest, Köt. I (1967), II (1970), III (1976).
- Monier-Williams 1956 – M. Monier-Williams. Sanskrit-English dictionary. Oxford, 1956.
- UEW – K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986. Lief. 1.
- Steinitz 1966 – W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprachen. Bd. I. 1966.
- Szyjewski 1999 – A. Szyjewski. The soteriological context of Orion and Sirius mythology in tribal traditions // *Actes de la Vème Conférence Annuelle de la SEAC*. Gdańsk, 1997; Warszawa; Gdańsk, 1999.
- Tilak 1955 – L.B.G. Tilak. The Orion or Researches into the Antiquity of the Vedas. 4th ed. Bombay, 1955.
- Turner 1966 – R.L. Turner. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1966.
- Wayman 1959 – A. Wayman. Studies in Yama and Mara, I // *Indo-Iranian journal*. 1959. V. III. № 1.
- Wiedemann 1869 – F.J. Wiedemann. Ehstnisch-Deutsches Wörterbuch. St.Petersburg, 1869.

© 2005 г. А.К. ШАПОШНИКОВ

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Памяти академика О.Н. Трубачева

Статья посвящена исследованию языковых реликтов индоарийского вида в Северном Причерноморье в трудах О.Н. Трубачева и его последователей. Она подготовлена к 75-й годовщине со дня рождения О.Н. Трубачева и к 30-летию со дня опубликования первой статьи об индоарийских языковых реликтах Приазовья. Автор ставит своей задачей показать историю изучения северно-причерноморской индоарики в отечественной лингвистике и истории, а также нынешнее состояние проблемы, которая занимала О.Н. Трубачева последние десятилетия и которая нашла отражение в его обобщающей книге 1999 г.

По воспоминаниям современников, внимание О.Н. Трубачева к причудливой схожести некоторых таврических и индийских местных названий привлек его друг, реставратор Алупкинского Воронцовского дворца, талантливый художник и краевед, Л.М. Тимофеев в начале 1970-х гг. Занявшись этой проблемой, Олег Николаевич обнаружил малоизвестные у нас труды некоторых западноевропейских историков и филологов на эту тему [Saint Martin 1847; 1850; Lassen 1867; Kretschmer 1928, 1944]. Не будучи первооткрывателем индоарийских древностей в Северном Причерноморье, он безусловно стал самым видным представителем данного направления.

Тридцать лет прошло со времени появления первой публикации О.Н. Трубачева "Temagundam matrem maris. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья" [Трубачев 1975], положившей начало систематическому изучению индоарийских языковых реликтов Северного Причерноморья. Затем в журнале "Вопросы языкознания" (далее – ВЯ) появились статьи О.Н. Трубачева "О синдах и их языке" [Трубачев 1976] и "Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье" [Трубачев 1977], которые стали основополагающими для всех, кто интересовался данной темой.

Можно, конечно, представить научное наследие О.Н. Трубачева как продолжение гипотезы Пауля Кречмера. Выдающийся немецкий лингвист П. Кречмер, действительно, стоял у начала научной индоарийской проблемы в Причерноморье, и его две-три этимологии предшествуют сотням наших. Но не было у Кречмера ни индоарийской концепции языка и этноса Меотиды, Таврического п-ова и нижнеднепровской Старой Скифии, не было и упомянутых многочисленных этимологий, от большей части которых, все-таки, трудно отказаться.

Интерес к этой работе О.Н. Трубачева возник в отечественных научных кругах сразу и не ослабевал на протяжении многих лет. Живой интерес к этой теме проявляли лингвисты, историки, археологи, этнологи и этнографы. Публикации и выступления О.Н. Трубачева по этой теме оказали значительное воздействие на многих отечественных индоевропеистов, кавказоведов, скифологов, антиковедов, индологов, археологов-древников.

Результаты его исследований быстро стали известны за рубежом. Уже в годы выхода в свет его первых публикаций он читал доклад "Языковые реликты индоариев в Северном Причерноморье" в университете Хельсинки (22.10.1976), в Фрейбургском линг-

вистическом кружке (09.05.1977), в Рейнском университете г. Бонна (23.05.1977), на философском факультете университета г. Саарбрюкен (24.05.1977). Через десять лет, во время поездки О.Н. Трубачева с докладами в десяти университетах США (май 1986 г.), ему чаще всего предлагали выступить на тему индоарийских языковых реликтов Северного Причерноморья. Именно эти доклады и лекции вызывали наиболее живой отклик слушателей и исследователей индоевропейской проблематики.

Невероятные пути провидения – журнал, благодаря которому я познакомился с О.Н. Трубачевым и темой индоарийских языковых реликтов Северного Причерноморья, предоставил теперь свои страницы и для этой статьи. В юности я находился под обаянием работ иранистов, особенно В.И. Абаева. Но уже в те годы появилось интуитивное чувство, что не все предлагаемые толкования античной ономастики Северного Причерноморья имеют иранское происхождение.

В 1983 г., изучая лингвистические публикации разных авторов в ВЯ за 50–70-е годы, я обнаружил статьи О.Н. Трубачева об индоарике. Они захватили меня и перевернули мир моих прежних представлений о языковых древностях Скифии и Кавказа. Это было подобием видения столпа света, высветившего темные места древней ономастики. Наконец-то, большая часть того, что мне представлялось сомнительным в восточно-иранских этимологиях, получило ясное и убедительное объяснение. Сотни индоарийских этимологий О.Н. Трубачева запестрели на лингвистических картах Северного Причерноморья.

После прочтения статей в “Вопросах языкознания” и в сборниках “Этимология” я сразу стал приверженцем индоарики. Лично незнакомый мне до того автор представлялся мне моложавым, подтянутым человеком. Я осмелился написать Олегу Николаевичу письмо, в котором поведал о своих ономастических пристрастиях и о восторженном принятии его видения индоарийской природы большей части древней ономастики Северного Причерноморья. Он вскоре ответил мне и прислал бандероль с оттисками всех опубликованных к тому времени его работ по этой теме. Переписка продолжалась. Время от времени я становился обладателем редких зарубежных публикаций О.Н. Трубачева.

Данную тему я разрабатывал и в своей дипломной работе “Сопоставительный анализ древнейшей ономастики Британских островов и Северного Причерноморья” (1987).

Зимой 1989–1990 гг., будучи аспирантом Института языкознания АН СССР, я помогал Олегу Николаевичу собирать статьи к его готовившейся книге “Indoarica в Северном Причерноморье” и писал словарные статьи для этимологического словаря языковых реликтов “Индоарика”. Помню, как он выдал мне для этого целую пачку бумаги и велел каждую словарную статью выполнять на отдельном листе, с тем, чтобы потом он мог добавить все что необходимо. В ту холодную и полуголодную зиму эта работа так увлекла меня, что я почти не замечал сумеречного заката Советского Союза.

Издание итоговой монографии все откладывалось. Олег Николаевич время от времени возвращался к работе над оригинал-макетом книги. В те же годы (1989–1992), работая редактором журнала “Известия ОЛЯ. Серия литературы и языка”, я познакомился с работами кавказоведов на эту тему. С благодарностью вспоминаю внимательное и участливое отношение А.К. Шагирова и Г.А. Климова, всегда одаривавших меня своими новыми публикациями. В их трудах я обнаружил много новых индоарийских реликтов. Но пополнять готовый к изданию этимологический словарь индоарийских языковых реликтов Северного Причерноморья уже не было времени.

В середине 1990-х гг. я еще раз возвращался к этой теме, когда готовил словарную статью о синдо-меотских диалектах для затеявшегося тогда словаря “Исчезнувшие языки России”. Дальнейшая судьба этого издания мне не известна. Но статья эта в сокращенном виде легла в основу публикации в сборнике “Этимология 2000–2002” [Шапошников 2003].

Только в 1999 г. вышла в свет итоговая монография О.Н. Трубачева [Трубачев 1999]. Помню, какое счастье я испытал, когда получил долгожданный томик в Кокте-

беле. По соображениям удобства, было найдено целесообразным воспроизвести в одной публикации все двадцать с лишним статей О.Н. Трубачева, посвященных проблеме, вышедших на протяжении почти двух десятков лет в различных наших и зарубежных изданиях. При этом была проведена самая необходимая (минимальная) редакторская правка, а статьи, опубликованные прежде на немецком и французском языках, переведены на русский. Библиография в основном сохраняется при статьях, как это имело место в прежних изданиях.

Важным новым материалом книги явился Этимологический словарь индоарийских языковых реликтов означенного региона, составленный автором совместно с его учеником, А.К. Шапошниковым. Словарь тесно связан с предшествующими публикациями (с постоянными отсылками к ним), но включает и ряд дополнительных, новых позиций. Удобству пользования служат также алфавитные индексы. Издание состоялось благодаря финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 96-15-98565) и уже давно стало раритетным.

Переходя от этого, несколько ностальгического, повествования к самой теме, замечу, что за прошедшие 20 лет многое в реликтовой индоарике было переосмыслено и скорректировано, но главное осталось неизменным. Благодаря трудам О.Н. Трубачева проэтимологизированы сотни древних языковых форм, а в Северном Причерноморье выявлены три обширных ареала индоарийских языковых реликтов: синдо-меотский (Приазовье), тавро-скифский (Великая Скифия) и сигинно-гетский (Малая Скифия).

Поддавляющее большинство меотских языковых реликтов сопоставимо с языковыми материалами индо-дардо-кафирской группы индоевропейской семьи. Уже описанного и исследованного прежде языкового материала достаточно для вывода о родстве синдо-меотских и индийских языков в генетическом плане. Остаются слабо исследованными проблемы типологической ориентации меотского языка и особенностей его ареальных характеристик.

Синдо-меотские диалекты в целом следует отнести к бесписьменным языкам, хотя синды и танаиты (иксуматы) могли освоить греческое письмо в процессе симбиоза с эллинами. Связных надписей (текстов) меотского языка пока не обнаружено. Весь комплекс меотийских реликтов существует либо в виде заимствований в других языках, либо в виде лексических вкраплений в древнегреческих, латинских и других письменных текстах (эпиграфика, ономастика, глоссы) и в исторической ономастике Северного Причерноморья.

Исследователи, впрочем, отмечают известную степень адаптации греческого письма к передаче туземной меотской ономастики. Поэтому, нельзя полностью исключать возможности обнаружения в будущем связных эпиграфических текстов на синдо-меотских диалектах.

К концу 90-х гг. прошлого века мне удалось уточнить многие лингвистические характеристики синдо-меотских диалектов. Насколько позволяет судить реликтовый синдо-меотский материал в греческой и латинской передачах, звуковой строй меотского языка напоминал древнеиндийский с некоторыми специфическими ареальными чертами.

Синдо-меотским звукам регулярно соответствуют следующие древнеиндийские:

*b = b, bh;	*c = c, ch;	*l = l, l̄, r;
*d = d, ḍ, dh;	*ḷ = j, jh, g, gh, h;	*r = r, ṛ, ṝ;
*g = g, gh, h;	*s = s, ś;	*ṷ = y;
*p/ph = p, ph;	*ś = ś;	*Ṹ = v.
*t/th = t, ṭ, th;	*m = m, ṁ;	
*k/kh = k, kh;	*n = n, ṇ, ṅ;	

Особо отмечу отсутствие псилозы (она появляется в некоторых формах, адаптированных позднее сармато-аланскими диалектами), тенденцию к утрате церебральности

согласных (но *Alušta* < **sala-oštha!*), отсутствие придыхательности у звонких согласных и тенденцию к их оглушению ($gh > kh > \chi$, $dh > th > \theta$, $bh > ph > \phi$), слабую придыхательность глухих смычных (колебания в передаче k/kh , t/th); сильную аспирацию *p (> *ph > *f, если последний переход не вызван влиянием сармато-аланских фонологических процессов), слабую артикуляцию *ц, особую артикуляцию аффрикат *ś, *ž типа *ц/ч*, *дз/дж*.

Гласные звуки также имеют соответствия в др.-инд.: *a = *a*, *ā*; **u/o* = *u*, *ū*; **i/e* = *i*, *ī*; отметим отсутствие формального различия долгих и кратких фонем, тенденцию более широкого образования этимологически узких *i, *u в виде *e*, *o*.

Некоторые отличия цыганского языка (см. ниже) в области фонетики от прочих индоарийских языков помогают понять переходные языковые состояния всей этой подгруппы и некоторые фонетические особенности синдо-меотских звуков. Цыганскому языку присущи такие явления:

- 1) оглушение звонких аспират $kh < gh$; $th < dh$; $ph < bh$;
- 2) ослабленная аспирация согласных $c < c$, ch ; $t < t$, th ; $b < bh$;
- 3) отсутствие церебральных согласных $r < d$, t , dh ; $st < śt$.

Среди дошедших языковых форм преобладают примеры с открытым типом слога (*Атикита*, *Аборака*, *Тамурака*) и полногласными рефлексамии слоговых сонантов (*Корокондама*).

Характерной чертой синдо-меотского языка является его система аблаута, которая выявляется при сопоставлении с древнеиндийской. Первой ступени др.-инд. аблаута соответствует вторая или третья синдо-меот., а второй ступени др.-инд. аблаута определенно соответствует первая или третья синдо-меот.

Др.-инд.	Синдо-меот.	Др.-инд.	Синдо-меот.
-a- (<i>apara-</i>)	*-i- (<i>apira-</i>)	-u-/au-	*-o-
-e- (<i>setu-</i>)	*-ai- (<i>sait-</i>)	-i- <i>biti</i>	*-ia- <i>bitia</i>
-ai- (<i>saiḱ-</i>)	*-i- (<i>sik-</i>)	-u-	*-ua-
-o- (<i>somaka-</i>)	*-au- <i>saumaka</i>	-ar-	*-ar-, -ir-, -ur-
-au-	*-u-	-ra-	*-r-, -ra-
-ya-	*-i-	-al-	*-li-, -al-
-va-	*-u-	-am-	*-a-
-i-, -a-	*-a-	-an-	*-a-
-i-/ai-	*-e-	-a-	*-am-, -um-
		-a-: <i>pathi</i>	*-an-: <i>panti</i>

Очевидно отличие в отражении слоговых сонантов: др.-инд. *krika-* ‘горло’ ~ синдо-меот. **korok-* (Короководѣцѣ), **korak-* (*Coracanda*), др.-инд. *krka-* ‘курица’ ~ картв. *krox-*, *kruh-* ‘наседка’, др.-инд. *krta-* ~ синдо-меот. **koret-* (*Coretus*).

“Оканье” и широкие варианты узких гласных несколько затемняют общую картину аблаутных соответствий. Вариативность первой–второй и второй–третьей ступеней аблаута в этимологически тождественных корнях можно приписать диалектным различиям в пределах синдо-меотского языка.

Анализ синдо-меотских языковых реликтов позволяет прийти к заключению о первоначальной принадлежности этого языка к флективному типу с характерной полифункциональностью грамматических морфем, наличием фузии, фонетически не обусловленными изменениями корня.

Многовековое последующее развитие цыганского языка привело к появлению некоторых морфологических инноваций. В области морфологии развились древние традиции:

- 1) замена именной флексии агглютинацией;
- 2) сохранение косвенной основы и прямого падежа имени;
- 3) отсутствие форм винительного и местного падежа у неодушевленных имен.

Словообразовательные и словоизменительные морфемы синдо-меотских реликтов немногочисленны, но весьма показательны:

флексии:

*-a собирательной множественности

*-i притяжательности

префиксы:

**abi-*, **obi-* ‘к, против’, ср. др.-инд. *abhi-*

**ake-*, **aki-* ‘по соседству, поблизости, вблизи’

**ap(a)-* ‘от, прочь, удаление от’

**para-* ‘прочь’

**pari-* ‘вокруг, около’

**(u)p(a)-* ‘наверх, наружу, под, рядом’

**ni-* ‘вниз, внутрь’

**au-/o-* ‘у, близь’

**vina-* ‘без-’, депривативный префикс

**asam-* отрицание признака или качества

**ard-/ardin-* ‘пол-, полу-’

суффиксы:

*-*ak(a)-* именной, деятеля

*-*ik(a)-* именной, прилагательного

*-*in(a)-* именной, прилагательного и деятеля

*-*t(h)ar-* именной, деятеля, творца

*-*ia-* именной, прилагательного

*-*t(h)r(a)-* именной, орудия и места

*-*t(h)av(ia)-* именной, прилаг. жен. рода

*-*i-* именной, женского рода

*-*t(h)i-* именной, женского рода

*-*an(a)-* отыменных прилагательных

*-*ait(h)a-* отыменный, собирательной множественности

*-*vat/-bat/-mat-* именной, принадлежности

*-*ma-* принадлежности, притяжательности

В реликтовом ономастическом материале замечен типично индоарийский расширитель основ *-p-* (**us-pa-*). Отметим также отсутствие в реликтовом языке материале следов др.-инд. расширителя основ *-va-*. Это явление определяет характер передачи синдо-меотских рефлексов с иными оформителями, соответствующими древнеиндийским формантам.

Широкое распространение под влиянием (?) соседнего сармато-аланского языка (праосетинского) получил именной показатель собирательной множественности *-ta* (*solata*).

Языковые реликты **alaktar-*, **iantar-*, **paktar-*, **staktar-* предпочтительнее толковать единообразно как отглагольные имена деятеля с суф. *-tar-* (и.-е. **-ter-*). Также единообразно, видимо, следует трактовать топонимы Ἀλάτουρον, Αλατληρς, *Aputura*, *Bolgatur*, *Caltura*, как имеющие в своем составе суф. *-tur*.

Реликтовые топонимы *Parosta, *Rokusta, *Salusta, вероятно имеют в своем составе суф. *-osta*, *-usta*, который может оказаться и.-е. диал. суф. Однако остается вероятность хождения аналога др.-инд. *oṣṭha-* ‘уста, устье’ в состав топонима *Алуума*.

Можно высказать предположение о сложном характере распространенного в этнонимии суффиксального комплекса *-mata* (Σαυρομάται, Ευριμάται, Σαρμάται, Ιξομάται, Ιαξομάται), состоящего из суффикса притяжательности **-ma-* и показателя собирательной множественности **-ta* (из суффикса **-t-* и флексии **-a*). Этот комплекс не тождествен суффиксу **-vat-*, соответствующему др.-инд. *-vat-*, *-vant-*, а имеет ареальную природу.

Скудность языкового материала не позволяет сделать заключения по поводу парадигм словоизменения, структур малого и большого синтаксиса. Случаи словосложения

позволяют реконструировать модель “определение + определяемое” с соединительным гласным (*su-varna; **tur-(a)-amba*; *mai-a-sara).

О структуре простого предложения и характерных типах сложного предложения можно строить лишь предположения на основе аналогий цыганского языка.

Обращаясь к лексике синдо-меотских диалектов, отметим ее преобладающую проприальную природу. Большая часть словоформ дошла в греческой и латинской передаче туземной ономастики, а также исторической топонимике Циркумпонтийского региона. Незначительное количество слов, некогда заимствованных в картвельские, черкесские и осетинский языки, отражают преимущественно апеллативный слой лексики семантического поля “хозяйственно-бытовая лексика”.

Прежде всего, следует уточнить и пояснить некоторые прежние реконструкции индоарийских реликтов.

Наименование социальной группы *Анартов* означает именно ‘не мужчины, немужественные’.

МН *Вриксава* ‘Бараний лоб’ Βριξάβα κρηῶ μέτωπον (Ps.-Plut.Flav. XIV. 4) холм (λόφος) на берегу реки Танаис у Псевдоплутарха (где бы он не находился). Прежде этот топоним толковался из индоар. **vriks-ava-* ‘овечий лоб’, ср. др.-инд. *vrikṣa-* ‘дерево’ и *av-* ‘овца, баран’ [Трубачев 1999]. Более корректным было бы трактовать **vriksava-* как регулярное производное от **vrikṣu-* (ср. др.-инд. формы *Bhr'gu-*: *Bhargava-*, *Pandu-*: *Pandava-*, *Kuru-*: *Kaurava-*) и переводить как ‘древесный, покрытый выросшими деревьями’.

Имя собственное Ἰδαίνυρσος, аналогично Ἀγῶθυρσος, – лучше толковать **vidam-trsu-* ‘стремящийся к ведовству, всеведению’ на основе др.-инд. *veda* ‘знание, познание, ведение’, ср. этимологию ИС Καδονίδας. Если только имена Агатирс и Идантирс вообще индоарийского происхождения, а не греческого! См. ниже.

Имя мудреца *Анахарсиса* Αναχάρσις – лучше толковать как сложение *anakha < *anagha ИС (?) и др.-инд. *ṛṣi-* ‘отшельник, мудрец’.

Название Таврической прибрежной скалы *Джива*, *Дзива*, *Дива*, *Tschiwa* – скорее всего тюркская ассимиляция реликтового **diva-* ‘бог, божественный’.

Для первой части Καβατάξις нужно искать иное толкование, не **kmba-* ‘вид сосуда’. Ср. топонимы Готии *Камбопла*, *Кобоплу*, *Комбопло*, *Комвопло*.

Лучше толковать название ворот Каффы *ad portam caiadoris* как **kaṣa-dur-* [сложение др.-инд. *kaṣa-* ‘главный’ или ‘сделанный из цельного ствола дерева’ и *dur* ‘door’] ‘principal, capital door’, ‘a door made of a trunk of a tree’ [Monier-Williams 1964].

Предлагаем лучшую трактовку МН *Календы*, *Kalendi* (Сантини 1777), г. *Календы-Баир*, *Календе*, *Календия*, *Календер* (н. Подгорное, Севест.) из индоар. **kalenda-* < **kalainda-* ‘чернота’, ср. др.-инд. *kāla-* ‘черный, темный, темносиний’, оформление продуктивным суф. *-inda*, или цельнолексемное сопоставление *Kalinda-*, *Kālinḍi* ‘название горы, с которой начинается река Ямуна; название самой реки Ямуны’ [Monier-Williams 1964: 262]. Ср. соседнее МН *Чернореченский каньон*.

Топоним *Калитра* (*Calitra*, *Callitra* 1321, 1480, *Callitre*, *Caliera*, *Calitera*, *Callitera* 1361, *Calitta* 1514), локализуемый в окрестностях Карадага, может восходить к др.-инд. *kali* ‘темная, темно-синяя, черная’ (также имя богини Кали, жены бога Шивы, аналогии др.-греч. Гекате), и суффиксу имен места (nomina loci) *-tra-*. **Kali-tra-* ‘темно-синее (место) или (место) богини Кали (Гекаты)’ [Шапошников 1999: 68]. Формы *Calitra*, *Caliera*, *Calitera*, *Calitta* – разночтения одного и того же топонима на средневековых портоланах (t ошибочно принята за e).

Этимологию слова конопля κάλλις необходимо пояснить. Первая часть действительно **kana-* ‘зернышко конопля, granum, semen’, а вот вторая часть **kana-bis-* остается темной и требует иного толкования, может быть на основе др.-инд. *biṣ-/viṣ-* ‘to split, or grow; to urge, incite’. Глагольный корень *riṣ-* тут ни при чем (*посконь* – другое образование).

Реликтовый гидроним *Кача* (*kaca ‘имеющий крутые берега’) связан с реликтом *kakṣin (в составе МН *Никаксин* ‘Низкий берег’).

Древнее название долины Алушты Κινσόνους предпочтительнее толковать как Межгорье на основе сложения др.-инд. местоименной частицы *kim-* и сущ. *sanu-* ‘гора’;

Местное название *Corocanda* лучше толковать (аналогично с *Temarunda*) как **krkanda-* (впадающая в горловину),

Гидроним *Кубань*, Κῶφίς и прочие формы можно толковать на основе др.-инд. названия реки Кабул *Kubha-* ‘жаждущий воды’ (м.б. вернее возводить к и.-е. **k[h]jub[h]a-* ‘извилистый’?).

Местное название *Кукунда* ~ др.-инд. *Khukhundo*, а вот *Кунда* соотносится с осет. *kond* ‘отрезанный, обрубленный’.

Античное название города на Боспоре Киммерийском (совр. Керченский п-ов) Κύτα, Κυτάι, Κύταλιον – Киты, Китей сопоставимо с др.-русс. *Kumaj*. В этом названии не только закономерно передан гласный корня, но и угадывается соответствующий суффикс. Слово в целом трудно отличить от праслав. *kytajь (некогда **kūtajes?*). Весьма вероятно та же природа грузинского названия города *Кутаиси*.

Если толковать эти местные названия из арийских (индоиранских) языков, то обнаруживается сходжение, позволяющее реконструировать индоевропейский технологический архетип. Мы имеем в виду др.-инд. глагольный корень *kuṭ-* (вместе с корнями *kuṭṭ-*, *kuṭi-* выводят предположительно из **krṭ-*, но все-таки это особый случай – **kuṭ-*: **kauṭ-*, церебральный *!* появился по “правилу руки” после *u?*): *kuṭati* ‘сгибаться, склоняться, скручиваться’ и *kuṭyati* ‘ломать на куски, разрывать, разделять’. От этого глагольного корня образованы др.-инд. производные названия строений, зданий и сооружений: *kuṭa-* муж. род ‘дом, крепость’, *kuṭi-*, *kuṭī* жен. род ‘изгиб, сгиб’, ‘хижина, хата, здание, лавка’, *kuṭīra-*, *kuṭīra-* ср. род ‘хижина, хата’, *kuṭikā* жен. род ‘маленький дом’, *koṭa-*, *koṭa-* муж. род ‘укрепление, крепость, навес, хижина’, *koṭaka-* муж. род ‘строитель навесов, хижин, кровельщик, плотник’, *koṭāra-* муж. род ‘укрепленный город, крепость’, *koṭi-* жен. род ‘загнутый конец лука, рога, жгутя’ [Monier-Williams 1964: 288–289, 312]. Это индоарийское слово заимствованно в абхазско-адыгские языки в формах *кыт*, *акыта* ‘селение’. Реконструкция первичного значения этого арийского корня в виде ‘скручивать, сплетать, сгибать’ предполагает особую технологию строительства на основе плетня, камышовую кровлю и фортификацию типа древнерусской плетнево-земляной.

Порт *Пакторов*, *portus Pactorum*, одна из пристаней Каламиты по М. Броневскому предпочтительнее толковать из индоар. **paktar-* ‘повар, пекарь’, ср. др.-инд. *paktar-* ‘жаровня; пекарь, повар’ (название порта по прилегающему ремесленному кварталу).

Местное название *civitas Parasinum* лучше толковать из др.-инд. *parācina-* ‘отдаленный, безразличный’, нежели **para-sindhu-* ‘у реки Синд’. Можно трактовать и как сложение приставки **para-* и гидронима *Cin-* ‘река Чинаб’, аналогично *Acesinus*.

МН Πασύρις лучше толковать как др.-инд. сложение приставки *upa-* и *sūrya-* ‘солнце’ (ср. гидроним *Surius* на Кавказе, топоним Σουρίον в Колхиде). Целиком – “на солнечной стороне”.

МН Πατος может быть усечением синдо-меот. **su-path-* ‘добрый путь’. См. индекс.

Реликтовое слово **sala-* правильное толковать как ‘река, водный поток, горный сток’, нежели ‘горный склон’, и отождествлять с др.-инд. *sara-* ‘поток’. Ср. Таврические МН *Фети-сала*, *Ени-сала* ‘Фети-река’, ‘Ени-река’ и др.-инд. *Pilu-sāra*.

Топоним хазарской эпохи סמקארק [sam-karey] (ср. Семикаракор) не следует исправлять на סמקרק, а понимать как сложение **sam-* ‘тот самый’ и *kar-ēwya ‘каменный остров’.

МН Σατόρχη, этноним *Satarcheos Spalaeos* лучше реконструировать **sata-* ‘сто’ и **arkha-* ‘ценность, стоимость’ (фонетический процесс *gh > *kh).

Этноним Σέρβοι, Σίρβοι действительно продолжает древнюю традицию, представленную в др.-инд. *śiṛṣa-bhidhya-* ‘раскалывание головы’, перс. Σαραπάραξ κεφαλοτόμος, турецк. *Vaşu-buzuq*. Примыкающий сюда же этноним *Serri cephalotomi* не следует эмендировать в *Serbi* (это другой случай), а предпочтительнее реконструировать **śir-ri-* ‘головорез’.

МН Σιβρίατα, 'Εβρίατα было бы лучше возводить к протоиндоарийск. **ṣṛbhri-* + *ara (ср. др.-инд. *ṣubhrá-* 'красивый, светлый' и праслав. *sъrebro). Вокализация слогового сонанта дала разные результаты в индийском и синдо-меотском ареалах с последствиями для заимствующих языков (германских, славянских).

МН *Сикита* [совр. Никита (Ялтинский р-н) – раннесредневековая "народная" адаптация в христианском духе: топотирисия *Никита* 787 г.], *Sicita* в генуэзско-татарском договоре 1381 г. лучше толковать исходя из др.-инд. *saikati* 'щебень', *saikatá* 'береговой песок' (на берегу Сикиты донныне сохранился хороший пляж вулканического песка), тем более что данная лексема заимствована в сев.-кавказские языки (осет. *siqæc, seqæc* 'точный камень'). Этимологический [ç] дал бы скорее [č] или [š] при итало-тюркской адаптации, нежели [s].

МН п. *Симеиз* (Ялта) толкование индоар. *simā-ijā 'соколиный жертвенник' [Трубачев 1981: 119–120; 1999: 275] маловероятно, скорее уж тогда ср. др.-инд. *sīma*, чаще в юс. *sīme* 'граница, предел' [Monier-Williams 1964: 1218], оформлено иллир. суф. *-isiom*;

Место близ Херсона Σῶσσα (DAI, 53: 199, 200), *Soza, oppidum Dandaricae* (Тас. XII, 16) в Прикубанье, эламский город *Сузы* (др.-греч. Σουσαι, др.-перс. *U-ua-ja[huvaja-]*, *Huza, Huvž(i)* < *sūša) в Хузистане, город Σουσα в Арейе по соседству с Гирканией следует все толковать единообразно из индоар. **saušā-* 'сухая' (ср. др.-инд. *ṣuṣyati* 'сушит, сохнет, увядает'), восходящего к и.-е. диал. *sousos 'сухой'.

МН *Снат*, *Сбат* (тюрк. адаптация *Субат*, *Сыбат*), *Suppatos, Σπατάλου* λμμένα можно возводить как к др.-инд. *su-path-* 'добрый путь', так и к вост.-иран. **spat-* (общеиран. **spant-*) 'святой' (отсюда 'терос λμνήν), к тохар. *spät* 'семь' (отсюда ἐπτάλου λμνήν).

Племенное наименование *Стактари*, *Stactari* (Plin.) предпочтительнее толковать из индоар. **staktar-* 'противник, сопротивляющийся', ср. др.-инд. *stak-* 'сопротивляться, противиться' и суф. деятеля *-tar*, как *yantár* 'сдерживающий, возница' [Шапошников 1999: 278].

МН *Таконда* может быть поздней фиксацией того же др.-инд. *Utakhanda, Utkhand* 'экволца' что и этноним Τυκωνδίται.

Имена собственные митан. *Tir-gu-ta-ii-ia*, меот. Τίρυγατάω, скиф. Ταρύταος, безусловно, имеют единую природу, и лишь суф. *-tavva-* относит данное имя к индоарийским языкам.

Гидроним *Финарос* гораздо лучше толковать в связи с др.-инд. *phéna-* 'пена' (возможно посредство сармато-аланского языка в передаче не столь уж необходимо) и *rasā* 'вода', нежели *pīna-* 'жирный'.

Этноним *цыгане*, др.-греч. Σιγυνοί, нем. *Zigeuner* следует реконструировать как сложение индоарийск. **cigun-* и хуррит. суф. *-nni*.

МН *Цымбалы*, др.-греч. Συμβόλων λμνήν, итал. *Cembalo* правильнее реконструировать как **cimbala-* и трактовать на базе др.-инд.

Топоним *Чегентра*, *Чигентра*, *Чигинитра* – турецкая передача местной индоарийской формы *saga-nitra, сравни др.-инд. *chāgā-, chāga-* 'коза, козел, козиный' и *netra-* 'вождь, вожак' [Трубачев 1999: 232]. Все вместе лучше переводить как '(перевал) козла-вожака'. Отметим фонетическое отличие от иран. **saga-* 'коза, козел', восходящего через ступень **ṣṣaga-* к и.-е. **sk'ago-/sk'ogo-* [ЭСИЯ, 2: 195–196], ср. осет. *sæg, sægæ* 'козел, коза' [ИЭСОЯ, III: 58–59].

МН ск. *Чильтер-Кая*, срв. монастырь *Челтер-мармара*, *Чилтер*, "Заняли де они на пчелникѣ на колодизѣ Чалтърѣ терновой пристѣнь на Крымскихъ горахъ..." (Воронежские акты 313. 1700 г. Картотека СлРЯ XI–XVII вв.), нп. Мармара до 1778 (к сев.-зап. от Терновка, Бахч.), срв. пещерный монастырь *Чильтер-Коба* на ск. Ай-Тодор близ Сюйрени (Большое Садовое, Бахч.) предпочтительнее толковать из индоар. **śalatura-* 'имеющий укрытие' (ср. др.-инд. *çālā-* 'кровля, укрытие, заслон', древнее название города Лахор *Salātura-* [Agrawala 1953: 10, 70]), несмотря на широкий и.-е. контекст.

МН нп. *Шули, Шулю* (Терновка, Бахч.) предпочтительнее толковать из индоар. диал. *śūli жен. род. ‘кол, частокол’ или ‘колочка, шип, терние’, ср. др.-инд. *sūla*- муж, ср. род, *sūlā, sūli* жен. род. ‘кол, столб, вежа; острие, стрела; шип’ [Monier-Williams 1964: 1086], несмотря на широкий и.-е. контекст. Кроме того, индоар. этимология перебра-сывает мостик преемственности к славянскому названию села Терновка.

МН п. *Янисала* (Счастливого) правильно толковать как индоар. *janisala-, где *janī ‘ход, ток’ (ср. др.-инд. *yāna*- ‘путь’) и *sala- ‘вода’, подобно Фети-сала. Широкий и.-е. контекст составляют речные названия *Janka* (Вильнюс), *Jahna* (Саксония), *Луда Яна* ‘Бешеный поток’ (Марица, Болгария), *Яна* (Новгород).

Принципиальным представляется отделение от собственно индоарики древнейших и.-е. диалектных реликтов. О.Н. Трубачев сохранял их в составе индоарики (стремясь ничего не упустить из виду), хотя сам же дал им убедительные толкования из других и.-е. языков. Он использовал в своих публикациях пояснение “нескифское в скифском” для языковых реликтов индоарийской природы в Скифии. Теперь можно сделать уточнение – речь нередко идет о вообще “неиндоиранском” в языковых древностях Северного Причерноморья. Корпус таких языковых реликтов только готовится нами к публикации, но некоторые позиции уже можно обозначить, так как они некогда вошли в “Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica”. Нижеследующие языковые реликты Северного Причерноморья не имеют индоарийского происхождения:

ИС *Агафурс* Ἀγάφουρος можно вполне убедительно толковать как греч. сложное имя ἄγαν + θύρος со знач. ‘сильно потрясающий тирсом (вакхическим жезлом, увитым плющом, виноградной лозой и увенчанным сосновой шишкой)’. Я сильно сомневаюсь в индоиранском происхождении данного имени собственного и производного от него аллоэтнонима.

Этноним Ἀλιζώνες, Ἀλιζῶνες ἄλλο ἔθνος предпочтительней толковать из и.-е. *alishōn- ‘ольховый’ (ср. др.-макед. ἄλιζα ἢ λεύκη τῶν δένδρων ‘белый тополь’ (< *olisa), праслав. *elъxa/*olъxa (< *elisa/*olisa) [ЭССЯ, 6: 23–24]). Ср. мифологему происхождения рода людского от дриад Мелий ‘ясеневых’, сын Мели Океаниды, Фороней ‘ольховый’, родоначальник многих народов. Между прочим, и др.-русск. МН *Ольшьє, Шлешьн* (1084, 1377, 1425), *Шлешьк* ~ (1153), *Олешьн* (1227), *Шлешьє* (1160), *Олешіє, Олешескъ* (XVI в.) трактуется как производное на -*bye* от праслав. *olъxa, *jelъxa [Железняк и др. 1985: 95]. Ализоны обитали как раз в той области.

Реликтовые топонимы Ἀλωλεκία νῆσος, *Алупка, Lupico* 1381 лучше толковать в пределах греч. языка на основе ἀλώπηξ ‘лиса’. Мотивация наименования та же, что и во многих других “Лисьих” бухтах таврического побережья.

Топоним *Анапа* лучше объяснять из и.-е. диал. *anapos (ср. др.-греч. Ἄναπος, Ἄναπιο река в Акарнании, приток Ахелоя; река в Сицилии к югу от Сиракуз).

Боспорский топоним *Antissa* едва ли имеет прямое отношение к действительно индоар. Ἀντικείτης, Ἀττικίτης, а происходит из лесбосского диал. греч. языка Ἀντίσσα, сродни хетт. *hantezziia*- ‘первый, передовой; first, foremost’.

Представляется предпочтительным толкование реликта *arg-uoda (города в Скифии Ἀργός, Ἀργυῶδα) из и.-е. диал. *arg’- ‘белый, светлый, блестящий’ (ср. греч. ἄργος, ἄργυ-; хет. *harki*; тох. А *arki*, тох. Б *arkwi* ‘светлый’) и *uda (*woda) ‘вода’; ср. античный гидроним Мермодас ‘журчащая вода’.

Племенное наименование *Argoceni, Orgocyni* (Plin.) – греч. оформление туземного *arguok’-/*arguoti-, которое лучше возводить к вост.-иран. (сармато-алан.), ср. осет. *аргъус* ‘преклонение, почитание’.

Место в Скифии (Таврике) (Ψευδ)-αρτακη в Партенитах, совр. *Артек* (ср. город пеласгов в Геллеспонтѣ Ἀρτάκη, город и гора на Кизикском п-ове, фракийское племя близ Никополя на Истре αρτακιοι, αρτακο; источник в стране Лестригонов Ἀρτακίη) принято возводить к и.-е. корню **r(k)to/rtko-/rteko*- ‘медведь’. Но по сути дела эти следы греческой колонизации имеют очевидные анатолийские аналоги *hartagga- ‘хищный зверь, м.б. медведь’.

Античный топоним *Астерусия* – очевидный грецизм, см. еще *Герусия, Корусия*.

В реликтах типа *Βατα* усматриваю грецизм, ср. р. *Βατα* (Чернореченский каньон): из греч. τὰ βατὰ ‘проходимые, проезжие (места в реке)’ или, напротив, ἡ βάθη ‘ложбина, впадина, яма; глубокая часть реки’, ср. античный топоним в области совр. Новороссийска Βάτα (Strab.), Βατὰ (Ptol.), *Sanabatim* (Raven. Anon.) [Трубачев 1999: 261]; ур. *Βατιλιμман* под скальными обрывами г. Кокия-Бель: из греч. ἡ βάθη λιμάνι ‘впадина-залив’ или τὸ βαθύ λιμάνι ‘глубокий залив’. Ср. название балки *Βαθη Ταραμα* возле села Стыла Старобешевского р-на [Отин 2000: 41].

МН *Βορυσθεν*, Βορυσθενής, οὐς, εὐς не имеет никакого отношения ни к индийским, ни к иранским языкам. Все попытки дать толкование на материале индоиранских или славянских языков выглядят слишком искусственными (*berzēn ‘березовый’ или *barzond ‘высокий’). Первая часть сложного слова Βορυ – греч. рефлекс и.-е. **g^wor-* (ср. др.-греч. Βορέας ‘Северный ветер (ревуший)’, βόρυς, βόρυος, οἱ βόρυες ‘животное (ревущее)’, неизвестное животное в Ливии). Вторая часть, безусловно, -σθεν- ‘сила, мощь’, ср. структуру топонима τὰ Αἰγυσθένεα (укрепленный пункт в сев.-зап. Мегариде), производного от αἶγ(ο)- ‘коза’. Еще одним важным обстоятельством мне представляется тот факт, что первоначально эллины именovali Борисфеном Геллеспонт (Гесихий)! В данном случае предполагается перенос названия с юга на север (ср. Боспор Фракийский и Боспор Киммерийский, Херсонес Фракийский и Херсонес Таврический).

Князь Бравлигъ – скорее всего, перед нами все-таки германское по происхождению имя, которое действительно сильно напоминает по форме имя вестготского епископа Бравлиона (*Braulioni episcopi, archidiacono, Braulionis episcopi Isidoro* – “(письмо) епископу Бравлиону от архидиакона епископа Бравлиона Исидора”) [Patrologia Latina. Т. 83: 898, 908, 910, 911, 914].

Город в Боспорском царстве близь Феодосии *Hermisium* лучше толковать как и.-е. диал. *herm-isiom ‘имеющий гермы’ и причислять к ряду подобных топонимов Южного Таврического берега *Кикенеуз, Кореуз, Лимнеуз, Олеуз, Симеуз*.

МН *Герусия* – явный грецизм γερουσία ‘совет старейшин, верховный совет во Фригии, Спарте, Карфагене, сенат в Риме’.

ИС *Гнур*, Γνοῦρος – не имеет признаков не только индоарийского, но и вост.-иранского происхождения. Предположительно, это и.-е. диалектизм типа корня др.-греч. слов γνορίζω, γνορίζος, к индоар. *gandīra-* ‘огородное растение’ едва ли имеет отношение.

Этноним *Граукены* не представляется мне фактом индоиранских языков. Скорее всего в данном случае основа **grāuk-* восходит к и.-е. **ghrōu-k-*. *Croucasim nive candidum* также, в лучшем случае и.-е. диалектная форма *ghrōukasis ‘седовласый, белая седина’ (?). Сюда же относятся др.-греч. γραυζ, γράος ‘старик’ (в речи скифа!). Первоисточник и.-е. глаг. **ghrēu-* ‘тереть, стирать’?

Глоссы γρύψ, γρούλος ‘баснословная хищная птица’, γρούλατος, γρούλατος ‘вымысленная птица гриф-орел’ лучше рассматривать на базе и.-е. **g^wru-* ‘тяжелый, непереносимый’, оформленной суф. -*p-*.

МН *Джарылгач, Ярылгач* – тюркизм. Тюрк. диал. *jaryl-agač ‘обожженное молнией дерево’ – почти исчезнувшее во многих тюркских языках иносказательное наименование дуба (дерева, в которое попадает молния). Поэтому Джарылгач в данном случае прекрасно калькирует и.-е. диал. *Cercina, Carcine*, Κερκιντιζ. См. ниже.

МН *Дóри, Дóрос, Дорαντος* скорее всего восходят к и.-е. диалектам иллирийского происхождения (**doru-*, **dorant-*: и.-е. **doru-* ‘древесный, дубовый’), в отличие от действительно индоар. *Дорῶς*.

ИС Диуптун, Διουπτόυνης, Δοιπτοῦνος Τιβέριος Ἰοῦλιος также, скорее всего, происходит из некоего и.-е. диалекта, в котором **diu-* ‘небесный свет, небо, бог’, а **put-* ‘сын’. Но признавать это имя тождественным др.-инд. *Daiva-putra-*, *Deva-putra-* было бы насилием над морфологией слова. Др.-инд. композиты, равно как и фрак. *Deopris* представляют собой свободную параллель *Диуптуну*.

Гидроним *Донга* (левый приток р. Кача, берущий начало между горами Демир-Капу и Кемаль-Эгерек) лучше трактовать из сармато-аланск. *danuka-, ср. др.-инд. *dhanv*- ‘бежать, течь’ [Mayerhofer 1953: 91–92].

МН *Еркабон* может не иметь отношения к *Раколэ*.

МН *Χαβα*, *Χαβον* очевидно ближе к праслав. *xaba < **ksab[h]a*, ср. словин. *хаба* жен. род ‘старый дом, хибара’, ‘тощая корова’ или русск. диал. *хаба* ‘ухаб, выбоина на дороге’ [ЭССЯ, 8: 7], нежели к др.-инд. *hava*-. Этот топоним, располагавшийся где-то в юго-западной Таврике, является одним из ранних свидетельств (110 г. до н. э.!) проникновения форм праславянского языка в Скифо-Таврический регион. Остается только пожалеть, что я вовремя не обратил внимания О.Н. Трубачева на это уникальное свидетельство.

Гидронимы *Джалман*, *Джолман* и топонимы *Джалманчук*, *Джалман-кая*, *Чалман-кая* название острого скалистого пика (‘скала-лезвие’), имеющие в своем составе тюрк. диал. *чалман/джалман* ‘острие, лезвие’ [ЭСТЯ, 4: 103], следует исключить как тюркизмы. Название скальных объектов было перенесено на текущие поблизости реки.

МН *Садовые места джардань* говорит само за себя – это тюркская адаптация таврич.-готского *gärdän ‘сад’, ср. англ. *garden*, нем. *Garten*, франц. *jardin*.

Вторая часть топонима *Качи-Кальон* – результат турецкой адаптации испанского слова *cañon*. Сложный топоним имеет вид изафета *кача-и-каньон. А первая часть – индоарийский реликт *kaca с аналогичным значением ‘имеющий обрывистые берега’. Замечательная калька, иллюстрирующая многовековую преемственность разных этнокультурных общностей Таврического п-ова.

Этноним в Гилее *Oenocadii*, этноним на Сев. Кавказе *Cadusii* могут оказаться вост.-иран. производными от *kad- ‘лес’ (ср. осет. *qæd* ‘бревно, стебель, ствол, дерево, лес’) или перс. *kad* ‘дом’. Но и от предложенной этимологии на основе др.-инд. *khadā* ‘пещера, нора, яма, хижина, шалаш’ не стоит отказываться до обнаружения новых аргументов.

МН *Каламита* на итальянских портоланах *Calamita LIV*, *Callamita LV*, 1321, *calamita LVIII*, *Calamita LX*, *Calamita LXIV*, *Calamite LXV*, *calamita LXVII* – безусловно греч. вульгаризм *καλαμίται* ‘тростниковые (жители)’ (ср. прозвище врача Аристомеха *Καλαμίτης*, -ου, прилаг. *καλαμώδης* ‘заросший тростником, покрытый тростниковыми зарослями’, *καλαμίτης*, *καλαμαία* ‘тростниковый кузнецик, богомол *Mantis religiosa*’, *καλαμίτης* ‘изобилующая тростником’, *καλαμίωνας* ‘место, заросшее тростником’, *καλαμωτή* ‘покрытая камышом’ от ἡ *καλάμη*, τὸ *καλάμι* ‘тростник, камыш; соломина; стебель’), калька индоар. *dandaka-. Мотивацию названия подсказывает фраза Страбона: ἐκ δὲ καὶ τῶν Κτενοῦνται προσέβαλον καὶ τὴν τάφρον ἐνέχουσαν καλάμῳ, судя по исходу слова на -ται, перед нами форма собирательной множественности со значением ‘обитатели тростников, камышовые жители’. Ср. индоар. *Дандака*, тюрк. *Камышлы* и аналогичные суффиксальные производные образования типа *Acisalītae*, *Парменты*, *Йалиты*, *Гурзубиты*.

Особые позиции *Калиера* и *Калитера* лучше снять – это порча формы *Калитра* переписчиками и изготовителями копий портоланов (*t* ошибочно принята за *e*).

МН *Каллистон* – скорее всего грецизм. Сред.-греч. *καλλιστόν* ‘самый лучший, прекраснейший, отличный’ тождественен Ускупскому перевалу.

Этимология гидронима *Конка* на основе индоарики сомнительна, лучше на основе праслав. *konyka, *kono-topь [Шульгач 1998: 123].

Неприемлема трактовка *Carcina*, *Carcinites*, *Κερκινίτις*, *Καρκινίτις* на основе др. инд. *Καῖκῆνα*-. Во-первых, не лишено вероятия собственно греческое производное от сущ. *καρκίνος* ‘краб’. Во-вторых, весьма вероятно реконструкция и.-е. диал. **kerkin-/ *kor-kin-* ‘дубняк, дубовая роща’. Топонимы и гидронимы в Каркинитском зал. (татар. *Джарыла-агач* ‘опаленное молнией дерево’, т.е. дуб!) *Carcina*, *Carcinitis*, *Καρκινίτις*, *Κερκινίτις*, город в Скифии *Carcina*, *Carcine* (лат. передача греч. *Καρκίνη*, *Κερκίνη*), залив и река *Καρκινίτις* или *Κερκινίτις*, -ιδος неотделимы от названия горного массива во Фра-

кии Керκίνης (горный массив на границе Македонии и Фракии ныне Пирин-планина), др.-греч. Керκινίτις – озеро Тахино, Керκινέου φρούριον в Фессалии, иллир. топонима *Cercinium castellum*, венетск. *Quarqueni*, Корковтоί, названия о-ва Корκύρα, Керκύρα, лат. *quercus, querceus, quercinus*, -а все они производны от и.-е. *k^werk^w- ‘корковый дуб’, *k^werk^win-os,-a ‘дубовый, -ая’. Все они связаны с горой, поросшей дубовым лесом, с культом горного бога громовержца, перуновым дубом. Сюда, возможно, относятся кельт. оронимы ‘Арκύνια όρη, *Hercynia silva, Firgunnea, Virgunt*; Корλάτης όρος и лит. *karpas, kārpa, kārpotas*, гидронимы *Karpis, Karpentis* [Иванов Вяч., Топоров 1973: 22–25].

Топоним *Кафа* (греч. Καφά, Καφαῶς лат. *Caffá, Cafá*, турецк. *Kefé* (в описании событий IV в. н.э.: “местечко Кафа”) лучше толковать из и.-е. диал. *kaphā (на базе лит. *korà* ‘песчаная дюна’, *kāpas* ‘могильный холм’, *kapai* ‘могила, кладбище’, лтш. *kaps* ‘могила’, *kāpa* ‘дюна’). См. ниже.

Этноним *Carastaseos* – едва ли отражает индоар. *kaṛṇa-oṣṭha- (инверсию др.-инд. *Oṣṭha-kaṛṇa-*?). Скорее всего, перед нами вост.-иран. *karast- ‘?’ и *ase- ‘асы, ясы, осетины’.

Этноним на Кавказском побережье Керкетαι лучше возводить к и.-е. диал. *k^werk^w-et(h)- ‘дубовый’, ср. Керкетαιον, Керкетικόν όρος ‘пограничный хребет между Фессалией и Эпиром (городок Пиелия)’, лат. *quercetum* ‘дубовая роща’; городок на Геллеспонте Перкότη (*k^werk^w-ot(h)-a). См. выше.

МН м. *Кикенеуз, Киркенеус-Бурун* (м. Хисар-Бурун, м. Св. Троицы и м. Киркип, Кацивели, срв. руины крепости и церкви) лучше толковать из и.-е. диал. *kerkine-isiо- < *k^werk^wine-isiom ‘место дубовых лесов’. Толкования из греч. τὸ κερκινέζι ‘коршун’ или прилаг. κύκνειες ‘лебединые, лебязие (скалы)’, хоть имеют некоторое вероятие, все же оставляют много вопросов к словообразовательной модели. Название может быть мотивированно либо обитанием коршунов, либо нередкой зимовкой лебедей в прибрежных водах. Не исключено, что греч. основы κύκνος, κύκνειος были оформлены туземным суффиксом “изобилия, скопления” -isiom. Но сам механизм оформления остается неясным. Ср. топонимы античного и нового времени *Hermisium, Симеиз, Кореиз, Улеиз, Лимнеиз*.

Этноним *Колой, ИС Колоксай*, племя или социальная группа *Сколотой* – все это факты не индоиранских языков, они продолжают и.-е. *k^wola, *k^wolos-, *k^woles- ‘колесо, колесница и т.п.’. Реликт *kola-ksai-: родоначальник скифов Κολαξαις < и.-е. *k^wola – производн. от *k^wel- ‘колесо, колесная повозка’ (ср. праслав. *kola, *kolo, kol-eso); *ksai- ‘обитающий’; в целом, Колаксай ‘обитающий в повозке’; ср. др.-греч. кальку ἀμαξόβιοι ‘в повозке живущие’; возможно объяснение и из и.-е. *kwel- ‘род’; Реликт *kolo-: племя на Северном Кавказе Κωλοι, Κωλκοι, *Coli, Colicae, regio Colica* – и.-е. *k^wel-/k^wolo- ‘пастух, охранитель стад’; ср. др.-греч. βούκολοι ‘пастухи коров и быков’; возможно и другое объяснение из и.-е. *kwel- ‘род, этническая единица’, ср. инд. *kula-*; латин. *incola* ‘абориген, местный житель’;

Этноним *Сколоты* не имеет отношения к индоиранским языкам, здесь потомки названы по имени царя *Коло-ксай*. У Геродота дословно сказано: “Так вот, от Липоксай (Λιποξάϊος), как говорят, произошел скифский род (τῶν Σκυθῶων γένος), называемый авхатами (Αὐχάται), от среднего (Ἄρτοξάϊος) – так называемые катиары и траспии (οἱ Κατίαροι τε καὶ Τράσπιδες καλέονται), а от младшего из (братьев), царя, – так называемые паралаты (οἱ καλέονται Παραλάται). Все племена совокупно называются сколотами (Σκολότους), по имени царя (τοῦ βασιλέως ἐπωνυμίην), (т.е. *Колы-царя*). Эллины же зовут их скифами (Σκυθας)”. Неточность перевода Стратановского (“называются царскими”) вызвала к жизни многие в принципе неверные этимологии. Правильная реконструкция реликта: *s-kolo-ta ‘происходящие от Колы (первого царя)’.

В МН *Корокондаме* просматривается иная словообразовательная парадигма, предпочтительнее толковать его как суф. производное на -та от *korokon-da- ‘впадающий в горловину’.

МН *Корусия* – грецизм. Закономерное греческое производное от *κόρος, κῶρος, κοῦρος* ‘ребенок, мальчик, юноша, молодой человек, сын’ имело значение ‘юношеская, молодежная’. Своего рода противопоставление МН *Герусия* ‘стариковская, старческая’.

Синдо-меотское ИС *Κοβίνοϛ* предпочтительней толковать на базе вост.-иран. **kata-* ‘полуземлянка’?

Таврическое МН *Кунда*, название скалистой возвышенности возле с. Стыля Старо-бешевского р-на Кундб-Хая [Отин 2000: 81] предпочтительнее толковать на основе осет. *конд* ‘обрубленный’ или греческое румейское *κονδός, κοντός* ‘низкий, низенький, небольшой, короткий, недолгий’.

Этноним *Курасаиты* – следует исключить из состава индоарики. Торжище Курасаитов, к сожалению, не поддается точной локализации. Прежними исследователями предлагались различные местоположения торжища Курасаитов: Хорасан, Черные Воды, Карасу-Базар, даже Керчь. Как следует из греческого текста жития Иоанна Готского для локализации этого торжища мало оснований. Греческий термин *ἐμπόριον* предполагает скорее значение ‘приморский торг со складами’, нежели континентальный ярмарочный центр. Торжище Курасаитов скорее всего находилось в епархии преподобного Иоанна. Обратим внимание на морфологические особенности этого местного названия. Оно оказывается в одном ряду с торжищами Партенитов и Гурзувитов, образованными посредством форм род. пад. мн. числа от этнических названий. Разумно выделять в них производящий этникон-суффикс *-ιτοδ*, по отделении которого остается некая основа **kurasa-*, отдаленно напоминающая название соседнего с Партенитами местечка *Хорасан*, переосмысленное в связи с иранским *Хорасаном* или оформленное тюркским суффиксом собирательной множественности *-н*. Начальный звук [х-] можно рассматривать как диалектный турецко-османский рефлекс общетюркского велярного *q-*. Поэтому, современный топоним Хорасан может оказаться продолжением предшествовавшего торжища Курасаитов.

Др.-русск. МН *Кърчевъ* (Керчь) действительно лучше толковать на основе др.-русск. *кърчнн* ‘кузнец’. А МН *Керчь* может восходить к индоар. **krki-* ‘горловина, жерло’. Ср. др.-инд. *krika-* ‘горло’.

МН *Маларосса*, если это не факт славянских языков, предпочтительнее относить к осет. *мал* ‘омут, глубокое место в реке’ и индоар. *gasa* ‘вода’.

МН *Мангуп* следует исключить из состава индоарики. *Мангуп-Кале, Манкуп, Манкермен* (Ягуд-Калеси), *Мансар, urbs primaria Gothorum Mancup* (Busbequis), *Мансориа*, מַנְסוּרִיָּה (Иосиф, X в.), *Mangut – Santini 1777, Мангум*. Предложено толкование для формы *Мангуп* из герм. **mann-* ‘мужчина, муж, воин’ и **gip-* ‘горная вершина’ (*gip // *kip* – ср. юж.-нем. *Gipf*, мн. ч. *Güpfе* ‘вершина, пик’), ср. структуру нем. *Mannkopf, Mannheim, Manggeld, Manggut* и проч. С формой *Манкут* или *Мангум* дело обстоит сложнее, с одной стороны, имеем нем. *Manngut*, с другой – ср. структуру топонима *Тарханкут*, г. Эски-Кермен иначе именовался *Кут-Телей*.

МН *Манариум* лучше оставить в стороне и не смешивать с примерами действительно индоарийскими.

МН *Марсанда, Мартьян* могут иметь как иранское (ср. др.-иран. **Martya-*, *Martyanak), так и анатолийское происхождение (ср. хетт. *Maraššanta*). Однозначный выбор сделать весьма затруднительно.

ИС *Ματασοϛ* лучше толковать из палеобалканских языков, судя по исходу основы на *-цо-*.

Гидроним *Μερμόδαϛ, Μερμόδαλιϛ* лучше толковать из и.-е. диал. звукоподражания **term-* и сущ. *uoda.

Скифскую глоссу *μέσπλην* предпочтительнее реконструировать как и.-е. диал. **mes-* ‘месяц’ (ср. праслав. *mes-ęсь) и **plēn-* ‘полный’ (ср. лат. *plēnus*). Индоиранские параллели (др.-инд. *mās-, prātā-*, Авест. *pərənō.māh-*) имеют специфические отличия в морфологическом строении, в рефлексах консонантизма и вокализма.

МН *Минтана* гораздо лучше толковать в связи с гидронимом *Menotharum*, в составе которого и.-е. диал. **Meno-* соблазнительно сопоставить с латинским глаголом *minuo* ‘уменьшаю, делаю меньшим’ и трактовать как ‘Меньший Тар’ в противоположность **Bahu-tar(i)* ‘Большой Тар’ в том же регионе.

В МН *Μυσσαρίς ἄκρα, Κεφαλόννησος* я усматриваю сложение праслав. **mūs-* (<*mons, **mukso-*?) ‘мыс, передняя часть’ и сарм.-алан. **sar-* голова.

ИС *Οκταμιασάδης* предпочтительнее толковать единообразно с *Ραδαμιαδης, Παρμιαδης, Θαμιασάδης* и др. как **oktama-sad-* ‘председательствующий на переговорах’? Никакого отношения к **mazda-* все они не имеют.

МН *Ολεуз, Улеуз* предпочтительно реконструировать как *oleuisiom ‘изобилующий оливками’, лат. *olivatum*, греч. ἔλαιου. Впрочем, возможны и другие толкования: и.-е. диал. *oule-isiom ‘пещерное’ (?) < и.-е. **Hlw-*; **Hul-* ‘продолговатая полость’, ср. лат. *alvis* ‘полость, углубление’, др.-греч. αὐλος ‘продолговатая полость’, литов. *aulys*, латыш. *aulis* ‘вид улья’, ст.-слав. оулинъ ‘углубление в дереве’, хетт. *hallu* ‘глубокий’, тох. Б. *aulon* и, может быть, литов. *ole (uole)* ‘пещера’, др.-инд. *vala-* ‘пещера’.

МН *Οπισσα* ‘Οπισσῶς (лесб. диал.) лучше отнести к анатолийскому материалу, ср. хетт. *appezzija-* ‘задний, последний’.

Племенное наименование *Argoceni, Orgocyni* (Plin.) предпочтительнее толковать из вост.-иран. (сармато-алан.) **argwōti-ān-*, ср. осет. *аргъуц* ‘преклонение, почитание’.

Реликтовый таврический топоним *Opeanda, Oreanda* имеет и.-е. облик и сопоставим с анатолийским топонимом *Oroanda* [*orewanda?].

Этноним *Oscardeos, Οὐσκάριδιαι* похоже в своем составе и.-е. диал. **uosu-* (<**uesu-*) ‘добрый’ и **kardio-* (<**krd-*) ‘сердце, сердцевина; середина’. Название племени ‘Добросердечные’ вполне согласуется с семантической типологией этнонимов.

МН *Parosta* можно толковать иначе, как суф. производное и.-е. диал. *paruosta ‘первый, передний; first, foremost’.

МН *Пицунда* может отражать сред.-греч. произношение античного топонима Πιτυοῦντος ‘изобилующий соснами’. Это название мотивированно характернейшей чертой местной флоры, рощей пицундской сосны. Фонетические особенности картв. форм склоняют к мысли о заимствовании из сред.-греч. при вероятном сарм.-алан. посредстве.

МН *Плетенской* или *Плетенецкий* лиман (похожую форму в фразе у *Плесньска на болони* в ‘Слово о полку Игореве’) следует вообще исключить отсюда, так как она восходит к слову *плѣс*) обязано своим происхождением вост.-слав. диалектам. Это напоминание о древнем способе укрепления от размыва берегов посредством плетня.

МН г. *Пойка, τετιμένη(ς) Ποῖκα, μετὰ τὸν Ποῖκον* (мангупская надпись 1361/2 г.), позднее *Байка, Бойка, Бойко* (разнотравные высокогорные луга в Большом Каньоне) предпочтительнее реконструировать как и.-е. диал. **paika-/poika-* (и.-е. *poi-ika) ‘пастбище, луг’; Форма *Бойка* могла возникнуть под влиянием урум. *бой* ‘речка’, оформленного суффиксом *-ка* в тюркской или славянской языковой среде.

Античный топоним *Ποστύγια* (Старый Крым?) предпочтительнее толковать как и.-е. диал. *(a)*po-stig(h)ia* ‘у стези’, ‘место у стези, пешеходной тропы или тропы перегона стад’ [Шапошников 2000: 195–198].

МН *Παταρούη* предпочтительнее считать древним заимствованием из хуррит. *patare, patari*, урарт. *patar* ‘город’ (ср. этео-киприот. *anatatori* ‘акрополь, верхний город’), которое сопоставимо с др.-инд. *pattana* ‘город’ или *patala* ‘подземное царство, населенное душами умерших’. Имеется и историческое упоминание об области в Дельте Инда с главным городом в ней *Παταλοτ* (Agrian.V.1.1.; VI.17.2, 18.3, 20.1, 21.3).

Гидроним *Πρύτανις* ‘властелин, владыка’ – очевидный грецизм. Река названа иноказательно в честь божества-владыки.

Гидроним *Ψάθις, Ψάθις* следует исключить из индоарики, так как он доносит и.-е. диал. **psmith-* ‘песок’ (ср. гомер. *ψάμαθος*, англ. *sand* ‘песок’).

Топоним *Purra* является вкладом лесбосского диалекта в ономастику Боспора. Это соображение препятствует реконструкции индоар. **pura-* ‘город’.

Форму ΜΗ Ρακόλλη не следует менять на форму Ρακόβη в угоду Ἐρκαβον, *Rhoco-bae*. Это неверный путь. Скорее всего, перед нами и.-е. диал. приставочное образование *pra-kuol-ē ‘прародина’? Ведь Ρακόλλη – место, откуда произошли некие *гераны* (народ, журавли?).

ИС сарматского (роксоланского) царя *Rasparaganus rex Roxolanorum* предпочтительнее все же реконструировать как сарм.-алан. приставочное производное *[f]ra-sparagan- ‘первенцев, первых отпрысков убивающий’: **spara-*, **sparo-*, **sfaro-* ‘напирать’ (ср. осет. *æfsær-un* ‘напирать, плотно укладывать, впихивать, набивать, утаптывать, оседать, врываться’); ИС Σπάρο-φωτος (Танаис), Σφάρο-βοις (Пантикапей), *Aspar* (Jordan.), (ср. осет. этниконь *Æfsæræg*, *Æfsærægon*, *Æfsærægtæ*); Сюда же **sparga-* ‘отпрыск, побег, лоза’ (ср. авест. *spar(ə)ga-* ‘отпрыск, побег’): ИС Σπαργαλειθης, Σπαργαλισης (Herodot.); **sparga-pith-* ‘отец рассеившихся’ (**sparg-* ‘разбивать, рассеивать, лопаться, трещать, брызгать’, ср. лат. *spargo*; др.-греч. σφάρασσω; др.-инд. *sphurjati*; литов. *spurgas* ‘почка’; арм. *sphirkh-* и вост.-иран. *pita* < и.-е. *pāter ‘отец’).

Этноним Ρευξιναλοί не следует исправлять, перед нами диал. **rauksin-al-* ‘происходящие от светлой реки’. Как близка эта реконструкция к прототипу праслав. **rusinъ!*

Позиция **salusta-*: *Salusta* (Idrisi 1153), *Schalusta* (Geogr. Nub., Gammer), Αλουστον, *Lusta* может помимо предложенного толкования отражать и.-е. диал. суф. производное на *-osta* от **salu-* (лат. *salum* ‘открытое море’; прусск. *salus* ‘дождевой ручей’; др.-инд. *salila* ‘вода’). Ср. структуру лат. *Salustius*.

Этноним *Sarmatae* – форма коллективной (собирающей) множественности на *-ta* от ИС авест. *Sa(i)rima*, ср.-перс. *Salm*, фарси *Selm*, эпонима некоего иранского племени и его страны (Сарматия) в верхнем течении реки Тигр. Этим именем в древности именovali себя собирательно предки исторических осетин.

Античный этноним греч. Σαυρομάται, лат. *Sauromatae* и ИС греч. Εαυρομάτης, лат. *Sauromata* могут восходить к сарм. **sauru-* ‘сухой’, оформленному суф. *-ta* и показателем собирательной множественности *-ta*. Все имя можно толковать как ‘обитатели суши, сухой земли’. Это толкование более корректное, нежели ‘чернорукие’. Ср. этимологию Саурган.

ΜΗ г. *Ceraus*, *Ceraugus*, Кагель, Кагелька (гора с руинами крепости, Алушт. р-н) в лучшем случае – гибрид из индоар. **sri-*, **srava-* ‘водопад, течение’ (ср. др.-инд. *srava-* ‘водопад, поток, течение’) и тюрк. диал. *aguz*, *auz* ‘рот, уста, здесь устье, ущелье’. Такое толкование имеет обоснование на местности – обрывистое ущелье с горным потоком находится на восточном склоне горы *Ceraus*. Гибридное название как будто калькирует предполагаемый индоар. прототип **sal-usta-* ‘устье водотока’ для названия Алушта.

ΜΗ и этноним *civitas Sibensis* (XIV в.) лучше отделить от ΜΗ *Себелой*, *Себѣлое* (1774) и можно возводить также к иллир. **sib-* ‘болото’, ср. иллир. ΜΗ *Sibenton*.

ΜΗ *Scivarin* убедительнее толкуется из герм. *skivarin ‘шиферный, скальный (город)’, ср. др.-в.-нем. *skivaro* ‘осколок камня, скала’, совр. нем. *Schiefer*.

ΜΗ *Симеуз* (Ялта) лучше толковать как иллир. суф. производное от основы с невыясненным значением *sime ‘?’, иллир. суф. обладания, избытка *-isiom*.

ΜΗ *Шимардан* требует особого толкования, видимо в пределах сарм.-алан. диалектов.

ИС Σκίλουρος – не индоиранское слово по происхождению.

Теоним Σωλ вернее напрямую возводить к и.-е. диал. **suol-*, а не к др.-инд. *Sūrya-* (в таком случае нет необходимости объяснять сохранение архаичного и.-е. *l).

ΜΗ *Cnam*, *Sbat*, *Subat*, *Sybat* можно толковать альтернативно из тюрк. диал. *suvat, *subat (< *sugat) ‘место с водоемом’.

ΜΗ *Suppatos*, Επατάλου λιμένα можно возводить как к др.-инд. *sapta-al-* ‘семерка’ (ср. *pañcala-*) или *su-path-* ‘добрый путь’, так и к вост.-иран. **spat-* (ср. авест. *Spənto-datta-* из общеиран. **spnt-*) ‘святой’ (тогда его закономерная калька ἱερός λιμῆν), к тохар. *spät* ‘семь’ (отсюда калька ἑπτάλου λιμῆν). В любом случае, не удастся предложить однозначное решение.

ΜΗ Σουρούβα (πόλις παρὰ δε τὸν Οὐαρδάνην ποταμόν) лучше возводить к и.-е. диал. **suru-* ‘кислый, сырой’, и **ub-*, **ab-* ‘вода’. Ср. ΜΗ Кисловодск.

Теоним Θασιμασάδας, Θασιμασάδας ‘Посейдон’ может быть как синдо-меотского так и сарматского происхождения, ср. популярные ИС Οκταμασάδης, Πατρισάδης ‘восседающий или скачущий верхом по кругу’ (< **pari-sad-*), Ραδαμασάδας ‘восседающий или скачущий верхом первым’ (< **fradam-sad-*), Θασιμασάδας лучше толковать как **thamima-sad-* ‘во тьме глубин сидящий’, или, в крайнем случае, ‘восседающий на троне’ на основе *θα- в составе др.-греч. θάκος, θώκος, θωώκος, θακμα ‘седалище, престол, трон’.

Теоним Ταβίτι ‘Гестия’, похоже, бессмысленно толковать на индоиранском материале.

Гидроним *Тайлан* скорее всего является порчей тюрк. *Тайган*.

Гидроним *Таката* получает вполне удовлетворительное толкование на базе вост.-иран. *tāka-* ‘поток, ручей’ и показателя собирательной множественности *-ta* типа осет. *-tæ*. Я оставляю эту позицию в индексе синдо-меотских языковых реликтов условно.

ΜΗ *Таконда* возможно сохраняет сред.-греч. κοινός, κοινός ‘низкий, низенький, небольшой, короткий, недолгий’ или осет. *конд* ‘обрубленный’. Ср. название скалистой возвышенности возле с. Стыля Старобешевского р-на Кундó-Хая [Отин 2000: 81]. См. *Utakhanda*.

ΜΗ *Тарра* πόλις Σκυθίας можно возводить и к и.-е. диал. **tosra-* ‘жар, зной’, ср. лат. глаг. *torreo, torruī, tostum, torrere*; прич. *torrens*, сущ. *torror, terra*.

ΜΗ Θεοδωρό, Θεοδωροί, Θεοδωρούς может быть вульг.-греч. образованием в память о св. Теодоре, отбывавшем заключение в окрестностях Херсона.

Неясное ИС в граффитти *Ταρμοτ...* или *ταρμου* едва ли относится к индоарийским реликтам, скорее его следует сопоставлять с гетскими формами типа *Ταραντος*.

Гидроним *Тύρας, Τύρης, Τύρις*, этнонимы *Τυρανοί, Τυράται, Τυρίται, Τυραχεται, Τυρεχεται*, ΜΗ *Турацн, Туристάκη, Туритάκη*, могут иметь несколько альтернативных толкований и несколько реконструктов **turas, *tures, *turis*. Гидроним, обозначающий низовье Днестра и реки Бык может восходить к и.-е. **tur-, taur-, tour-* ‘дикий бык’; ср. др.-греч. *ταυρο*, лат. *taurus*, литов. *tauras*, ст.-слав. *тоуръ*. Древний гидроним относился не к реке Днестр, как привыкли думать многие, а в первую очередь к реке Бык, протекающей по середине Молдавии и впадающей в низовья Днестра;

ΜΗ п. *Иркуста, Уркуста* (совр. Передовое, Севаст.), *Rúkusta* [Tomaschek 1881: 75] можно толковать на основе др.-инд. *ruk-* ‘свет, блеск’ и *óṣṭha-* ‘губа; губы, уста’ [Monier-Williams 1964: 236, 882]. Но ключ к подлинной этимологии этого реликтового топонима лежит в правильном морфологическом членении. Как и в топонимах *Пароста, Алушта* здесь можно выделить некий суффикс *-ost-/ust-* со значением обладания, притяжательности или принадлежности, ср. танаисские ИС *Αιβουστος, Ιραιβουστος*.

Предложенная трактовка ΜΗ *Urbem Uspen* < *us-pā представляется не вполне убедительной.

ΜΗ *Фаса* лучше толковать из сарм.-алан. **fas-* ‘овцы, мелкий скот’ (ср. осет. *fys* ‘овца’, *fos* ‘скот, мелкий рогатый скот, имущество, добро, состояние’): ИС *Φοσακος* (Танаис), ср. **рази-*.

ΜΗ *Фύлы, Фύллы, Φύλων* (Menandr. Protect.), *Φούλαι, τῶν Φούλων* (Hhieroclis Synecdemus № 100, 136), позднее *Φούλλαι*, породило самые разнообразные предположения, вплоть до фантастичных. Где только не помещали археологи и историки крепость Фуллов: на Тепе-Кермене, в Кырк-Оре (Чуфут-Кале), Аю-Даге, в Карасу-Базаре, на Тепсене в Коктебеле! Все это ничем существенным не подтверждается. Самое раннее известное нам упоминание этого названия датируется 579 г. и обнаруживается в описании маршрута восточно-римских послов к вождю тюрков Бохану и старшине утигуров... Анагайу: ...διὰ τε Σινώπης καὶ Χερσῶνος ἐπὶ δὲ διὰ Φύλων, κατὰ δὴ τὸ ψαμαθῶδες τῆς...παρέθει τὰ ὄρη τῆς Ταυρικῆς [Corpus Veneticum, I: 85.5] ‘...через Синопу и Херсон, еще же через (страну? город?) Фулов, так, (вниз) по песчаному берегу...’

(посольство) спустилось с гор Таврики”. Из дальнейшего известно, что посольство следовало в Воспорос (Керчь) и далее в Меотиду (Приазовье), чтобы заключить перемирие с тюрками. Однако вскоре переговоры были прерваны, а Бохан и Анагай осадили Воспорос, который был взят ими зимой 580—581 гг. В 581 г. тюрки осадили Херсон, но взять его не успели по причине смут в каганате. Через двести лет крепость Фулов (Ἐν δὲ τῇ φυλακῇ τῶν Φούλων... ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων...) упоминается в житие Иоанна Готского. Из текста житийных чудес следует, что крепость Фулов имела своего правителя, могла служить местом заключения св. Иоанна и его учеников. В середине IX в. Фульскую епархию с преобладавшим языческим населением посетили равноапостольные Константин и Мефодий во время хазарской миссии (**Баше во Фульскѣ языци.** [Лавров 1930: 25]). Во времена патриархов Игнатия и Фотия (858—867 гг.) в состав Готской митрополии входило епископство охоциров, среди главных центров которого упоминается (город) Фулов: ἃ ὁ χοτζήρων συνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασιόν εν ᾧ λέγεται τὸ μάβρον ναῖρον [De Boog 1891: 533] – “1. (епископство) (о)хоциров вокруг (населенных пунктов) Фулов и Харасия на так называемой Черной Воде”. В начале X в. ранг Фульской епархии был повышен до архиепископии (τῆ ὁ Χερσῶνος, λς ἡ Βόσπορος, μδ ἡ Γοτθία, μστ αἱ Φοῦλλα, με ἡ Σουγδαία – Διατύπωσις Λέοντος τοῦ Νικολάου Μυστικῶ 901–907 гг.). Фульский епископ был выведен из подчинения готского митрополита и подчинен напрямую патриарху. В дальнейшем последовал период объединения епископств Фуллов, Готфов, Херсона, Сугдайи, Воспора, Матрахов и Никопсии в одну большую Зикхийскую епархию. В последней четверти XI–XV вв. епископство Фуллов неоднократно объединялось с Сугдайской архиепископией и выступало в виде архиепископии или митрополии Сугдафульской. Упоминаются Сугдафуллы в 1086, 1101, 1168–1169, 1274, 1282, 1363, 1389–1393, 1400, 1472–1473 гг. Иногда Фульская епархия выступает самостоятельной единицей: 1082, 1142–1143, 1189, 1216, 1327–1339, 1347–1351, 1382–1389, 1393–1394, 1401, 1484–1485 гг. В конце XV в. Фульская епархия прекращает свое существование одновременно с епархиями Херсона, Воспора, Сугдайи. Сохранившиеся митрополии Готфии и Кафы поделили между собой приходы прежних епархий [Νυσταζόπουλου 1965: 82–99]. Причина многократного объединения Сугдайской и Фульской епархий, заключается, по нашему мнению, в этническом родстве их населения (утигуров, акациров и сугдайев), происходившего из Прикубанья и Зап. Кавказа. Велика вероятность того, что население этих двух епархий говорило на диалектах одного (аланского?) языка. В.Л. Мыц считает объектами православной Фульской епархии укрепленные провинциально-византийские монастыри в Бакле, Качи-Кальоне, Пахкал-Кале, на мысе Ай-Тодор II и мысе Св. Иоанна (Ялта). Церковно-феодальный комплекс на Аю-Даге X–XI вв. (весьма вероятно, что там существовали церковные объекты и в VIII в.) считается подворьем епископа Фуллов. Но все это не помогает определить местоположение самой крепости Фуллов. Мы выскажем наше субъективное мнение о том, что городище Чуфут-кале не было крепостью Фуллов. Больше шансов на имя Фуллов имеет византийская крепость на Тепе-Кермене VI–XI вв. н. э. [Талис 1974: 89–113]. Корректно возводить это МН к и.-е. диал. *pula-/*pola- ‘город’, ср. иллир. *pola, античн. *Pola*, совр. *Pula*, город в Истрии [Maueг 1959: 93]. Переход начального *p-* в *f-* свидетельствует о сармато-аланской адаптации топонима. Ср. топонимы Готии *Кастропуло*, *Камбопла*, *Коболу*, *Комбопло*, *Комвопло*, но *Рускофулей* и *Фул-Коба* (Туакская пещера) от греческого слова. Возможно толкование на базе др.-инд. *pula-*, *pulla-*, *phulla-*, *phaulli-* ‘широко открытый, раскрывшийся цветок, распростертый’ [Monier-Williams 1964: 638, 717–718, 719]. Но это толкование требует выяснения мотивации и дополнительной аргументации.

МН ск. *Чильтер-Кая*, срв. монастырь *Челтер-мармара*, *Чилтер*. “Заняли де они на пчелникѣ на колодизѣ Чалтърѣ терновой пристѣнъ на Крымскихъ горахъ...” (Воронежские акты 313, 1700 г. Картотека СлРЯ XI–XVII вв.), нп. Мармара до 1778 (к сев.-зап. от Терновка, Бахчисарайский р-н), срв. пещерный монастырь Чильтер-Коба на ск. Ай-Тодор близ Сюйрени, (Большое Садовое, Бахч.) допускает поверхностное тол-

кование из татар. *чилтер* ‘решетка’, но остается проблема мотивации такого наименования скальных объектов.

МН нп. *Шули, Шулю* (Терновка, Бахч.) можно толковать не только из индоар. диал., но и с учетом широкого и.-е. фона на базе др.-прусск. *sulis* ‘стойка’, литов. *šūlas* ‘столб, косяк’, серб.-хорв. *шуль* ‘колода’, словен. *šūlj* ‘отпиленный ствол дерева, бревно’, русск. диал. *шула, шуло* ‘заборный столб’ (смол., Даль), греч. ξύλον ‘дерево, брус, палка’, гот. *sauls* ‘столб, колонна’, др.-в.-нем. *sûl* ‘столб’ (примерно такая же форма ожидается и в тавр.-готск.). ср. *Characeni* (Plin.) – обитатели частокола.

МН *Ялта, Яьлта, Ялтинская яйла, jaritā* (Arab.), *jalitah* (Idrisi XII), *Gialita* 1381 все же, предпочтительнее толковать не из индоар. **jarita-* ‘обитатели старого (селения)’ (ср. др.-инд. *jāra-* ‘старый, стареющий’), а из вулгарного греческого (ср. греч. τό γαλό, ὁ γαλός ‘морской берег, побережье, взморье, отмель, пляж; море’) как собирательное наименование населения типа Горзубиты, Партениты (также образовано от греч. основы), Акисалиты, Сикита, Никита. Название Ялалиты имело значение ‘обитатели побережья, береговые’. Ср. МН р. *Мокрые Ялы, Яли, Ялинский хутор* и пгт. *Ялта* [Отин 2000: 157].

МН п. *Янисала* (Счастливое) можно толковать из и.-е. диал. **iāni-sala-*, где *iāna ‘ход, ток’ и **sala-* ‘вода’, подобно *Фети-сала*. Широкий и.-е. контекст составляют речные названия *Janka* (Литва), *Jahna* (Саксония), *Луда Яна* ‘Бешеный поток’ (Марица, Болгария), *Яна* (Новгород).

Толкование исхода *-iz* как индоарийск. **-ijya-* ‘святилище’ в топонимах *Кикинеиз, Кореиз, Лимнеиз, Олеиз, Симеиз*, а также *Hermisium* неудовлетворительно. Скорее это иллирийский суффикс обилия и обладания *-isiom* (ср. лат. *Brundisium*). Часть основ, оформленных этим суффиксом, напоминают греческие (**limne-*, **herm-*), часть – неизвестного происхождения и значения, возможно туземные и.-е. диалектизмы (**kikine-*, **kore-*, **ole-*, **sime-*). Гораздо более трудную проблему представляет собой способ словообразования. Почти все основы оканчиваются на *-e* и присоединяют суффикс *-isiom*, не изменяя этого окончания. И если в реконструкте Олеиз ‘Оливковый’ *oleuisiom можно предполагать падение *-i-* между основой и суффиксом, то в формах *limne-isiom, *kikine-isiom такой возможности не наблюдается. Античное МН *Hermisium* вовсе не сохраняет исхода основы (где он мог бы и сохраниться, учитывая греко-туземный гибридный характер!).

Обратившись к проблеме правильного наименования данного северо-причерноморского языкового явления, следует заметить, что использование названия “индоарийский” по отношению к комплексу реликтов Северного Причерноморья не вполне корректно. Правильнее использовать термин “синдо-меотский язык” (“синдо-меотские диалекты”) по отношению к циркумеотийским комплексам языковых реликтов, родственных индоарийским языкам Индостана. Поначалу этим наименованием пользовался и сам О.Н. Трубачев. Правильное наименование позволяет иначе взглянуть на всю индоарийскую языковую подгруппу, которая включает в себя не только индийские, дардские, кафирские, но и митаннийский с синдо-меотским и сивгинским (цыганским). Все эти ответвления представляются ныне равноправными, происходящими от общего языка-основы (арийского) и необязательно с Индостана (еще и поныне можно прочитать в некоторых публикациях о том, что цыгане – выходцы из центральных и сев.-зап. областей Индостана!).

Синдо-меотский язык (синдо-меотские диалекты) – общее название ныне мертвых диалектов древних этносов, бытовавших с первой трети II тыс. до н. э. по III век н. э. в Колхиде, Гениохии, Синдике (Прикубанье), Меотиде (Приазовье, Подонье, на Таврическом п-ове) и в степях Украины, в Буджаке и Добрудже, а с середины III века н. э. (в процессе великого переселения народов) в Восточной, Центральной и Западной Европе. Эти реликтовые языки и диалекты попали в поле зрения античных писателей и науки нового времени.

Общего названия этноса-носителя этого языка, по-видимому, не существовало. Европейская наука оперирует этнонимом “меотийский” или “меотский” применительно к племенам синдов, дандариев, торетов, агронов, архетов, тарпетов, обидиакенов, ситтакенов, досков, аспургиан, иксоматов, пессов, фатеев, койтеев, тюкандитов, псеханов и некоторых других по традиции, восходящей к античным авторам (Страбон, кн. XI, гл. 11, 10–11.14) и этнической номенклатуре, зафиксированной в эпиграфике Боспорского царства [КБН 838–839]. На Таврическом п-ове весьма вероятно меотское происхождение акисалитов, стактаров, калиордов, сатархов и других племен.

Однако ввиду несомненного негреческого характера этнонимов Μαιῶται, Μαιῆται, Μαιῶται можно предположить существование некоего самоназвания, отражавшего осознание родственности и культурной общности вышеперечисленных племен, аналогично постепенно утвердившегося этнониму “эллины” в среде древнегреческих племен.

Сам этноним Μαιῶται, возможно, связан этимологически с наименованием переднеазиатского политического образования середины II тыс. до н. э. *Maitanni, Mitani(n)i*. Это последнее есть гибридное имя, в котором некая основа **maita-*: **mita-* оформлена хурритским суффиксом *-nini*. Др.-греч. формы Μαιῶται, Μαιῆται образованы по законам греческого словообразования этнонимов от названия Азовского моря Μαιῶτις, -ιδος, отражавшего индоар. форму *maia-vati ‘относящийся к Майе’.

Едва ли этноним Μαιῶται осознавался как самоназвание всей совокупности племен ввиду их разных исторических судеб, стадий культурного развития и государственной принадлежности. Не случайно поэтому и существование помимо обобщающего “все меоты” отдельных племенных этнонимов, большинство из которых имеют вид самоназвания. Эти различные племенные самоназвания, фигурирующие в эпиграфических и исторических свидетельствах, отражали племенные формы самосознания.

Относительно древнего Придунайского ареала языковых реликтов синдо-меотского вида уместно употреблять наименование “сигинский язык” (“сигинские диалекты”). Этот этноним известен уже Геродоту. Σιγύννοι – так отец истории обозначил кочевое племя за Истром, живущее в повозках, переезжающее с места на место на низкорослых лошадаках, имеющее одежду и обычаи мидийские и само себя считающее переселенцами из страны мидийцев. Этноним Σιγύννοι практически неотделим от совр. немц. *Zigeuner*, слав. *цыгане* (*cygane), турецк. *cingene* и является древним аллоэтнонимом цыган. Самоназвание этноса – *romale* ‘люди, человеки’ и *kale, millele* ‘черные, цвета сажи; черномазые’. Таким образом, сигинский язык можно считать праязыковым состоянием современного цыганского.

В заключении было бы уместным затронуть вопрос о происхождении синдо-меотского, скифо-таврического и сигинно-гетского (северо-причерноморского “индоарийского”) языка и его дальнейших судьбах.

О.Н. Трубачев, являясь убежденным сторонником гипотезы о среднедунайской прародине всех индоевропейских языковых групп, полагал, что индоарийские диалекты Северного Причерноморья принадлежали реликтовым этносам, не последовавшим за большей частью индоарийцев из Подунавья на Ближний Восток и на Индостан.

Я не разделяю этого убеждения. По моему мнению, происхождение и пространственное перемещение синдо-меотского языка и его диалектов высвечиваются оставленной ономастикой и влиянием на лексический уровень окружающих языков кавказского ареала. Внеязыковой иллюстрацией к этому положению служат данные региональной истории и археологии.

Судя по результатам археологических и исторических изысканий, с меотскими племенами сопрягаемы в первую очередь Таманская, Причерноморская, Приазовская, Абинская, Кирпильская (Краснодарский край) и Донская (Ростовская область) локальные группы так называемых “меотских памятников” Меотской археологической культуры (далее – АК), относящихся к более поздним этапам меотской археологической культуры.

Синхронные, а главное, явно предшествующие им памятники прото- и раннемеотских периодов (800–400 гг. до н. э.) сосредоточены преимущественно в высоких предгорьях западного Кавказа, в долинах горных рек Урупа, Лабы, Фарса и Белой.

Именно там, на путях и горных перевалах, ведущих из Закавказья, складывался, по мнению археологов, меотский культурный комплекс (ядро меотской АК), распространяясь постепенно в среднее течение Кубани, а затем уж к ее низовьям и в приморские области.

Давно уже замечена связь и явная зависимость комплексов Кобанской (праосетинской?) и Меотской АК с комплексами Закавказья и Лурестана (Иранского Нагорья). Там, как полагают, и скрыты истоки генезиса северокавказских культур конца бронзового – начала железного века [Каменецкий 1989; Погребова, Раевский 1992; Грантовский 1998].

Отделение синдо-меотского языка от арийского праязыка-основы произошло в первой четверти–трети (задолго до середины!) II тыс. до н.э. в Закавказье, что подтверждается не только примерами реликтовой ономастики региона, но и пережитками апеллятивных лексических заимствований в пракартвельском языке (прародиной последнего считаются Понтийские горы). Похоже, Колхида и страна генихов были первоначальной прародиной синдо-меотской группы диалектов.

По свидетельству Геродота сигинны считали себя переселенцами из Мидии, имели одежду и обычаи мидийские. Иными словами, прародиной цыган является сев.-зап. часть Иранского нагорья, а не Индостан.

Каковы же возможные мифологические соответствия синдо-меотскому глоттогенезу? Мы усматриваем предков синдо-меотов в мифологических героях Пандавах, которые после победы на поле Курукшетре (знаменитый могильник Триалети в Грузии? Гидроним *Кура* сохраняет память о *Куру* и *Кауравах*?) и царствования в Хастинапуре (?), ушли в Заснеженные горы.

Греческое мифологическое соответствие предкам синдо-меотов – племя генихов (“возниц”), происходившее от двух аргонавтов Рекаса и Тельксiona, возниц Диоскуров времен Ээта, Медеи, Меда. В целом история рода Ээта и Перса, Медеи и Меда имеет удивительное соответствие в истории Панду и Куру, Пандавов и Кауравов. Датируются эти мифологические события первой третью второго тыс. до н. э., ближе к XVIII в. до н.э.

Из западного Закавказья племена синдо-меотской общности постепенно заселили весь Западный Кавказ, вышли к берегам Меотиды и привольно расселились в Циркуммеотийском регионе. Подобный путь должны были проделать и индоарийские племена сигинно-гетской общности (працыгане), выйдя из Мидии (т.е. страны, завоеванной некогда Медом, сыном Медеи и внуком Ээта) и поселившись в долине Нижнего Дуная, Саввы и Дравы до самых истоков последних.

На протяжении трех тысячелетий синдо-меотские и сигинские племена входили в разнообразные социальные и военно-политические отношения с другими этническими группами Северного Причерноморья: иллирами, кельтами, сарматами, аланами, саками, готами, гуннами, славянами, хазарами, печенегами, половцами. Они оставили значительное языковое и культурное наследие. Великое переселение народов занесло часть синдо-меотских и сигинно-гетских племен далеко на запад (иберийские цыгане-кальдероне).

Во времена Золотой орды и Оттоманской порты реликтовые синдо-меотские этносы всего Циркумпонтийского региона были постепенно ассимилированы (татарско-турецкое наименование “курбет”) или уничтожены. Некоторая часть их вошла в состав этнической общности украинских цыган (татарско-турецкое наименование “чингене”) и западноевропейских цыган-кальдероне. Однако очень долгое время реликтовая синдо-меотская ономастика сохранялась в Приазовье и Крыму, была понятна туземцам, дожив местами до XVIII–XIX веков.

**СВОДНЫЙ ИНДЕКС СИНДО-МЕОТСКИХ ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

*а

- *а- 'без-, without, -less';
- *ab[a]-, ар- 'вода; water';
- *abaraka [МН Αβαρακη, ср. др.-инд. *āmbaram* 'объемлющее; одеяние'] зд. 'округлый (мыс); round (promontory)';
- *a-bejaka- [ИС Αβεακος, ср. др.-инд. *abhika-*, *abhāya-*, ИС *Bayak*] 'бесстрашный; fearless';
- *abi- [ср. др.-инд. *abhi-*] 'к, в, на; to, in, on, upon';
- *abi-dijaka-, abi-diçaka- [ЭН Οβιδιοκηνοι] 'принадлежащие богине; belonging to devi';
- *aš[ua]-ambu-/ambas [ВН Αιυαμβα, ср. др.-инд. *āçva-* 'лошадиный', *ambu-*, *ambhas*] 'конские воды; horse's waters';
- *ацца- [груз. *açva* 'лошадка'; абх.-адыг. *ачъы*, *шы* 'лошадь', *ачла* 'лошадь', ср. др.-инд. *açva-* то же] 'лошадь, конь; horse';
- *adi- [ср. др.-инд. *ādin* 'едящий, поедающий; eating, devouring', *ādyam* 'еда, пища, food'] 'еда; food';
- *adi-gar-, adi-gor- [ср. др.-инд. *ajagarā-* 'большая змея; big snake', скиф. οδιγορ] 'саранча; пожирающее еду; locust; devouring food';
- *aga- [ср. др.-инд. *aghā-* 'зло, плохое; evel, bad' или *aga-* 'недвижимое, гора, дерево; unmoving, mountain, tree'];
- *agamatha- [ЭН *Agamathae*, ср. др.-инд. *agama-* 'недвижимое, гора, дерево; unmoving; mountain; tree'] 'обладающие недвижимостью; горцы, древесные';
- *agan-deua-[ЭН *Agandae*, ср. др.-инд. *aghā-deva-* одно из имен Вишну] 'почитающие злого дэва?';
- *agaram [МН Αγαρον, Αγορον, ~ др.-инд. *agāram*, *āgāram* 'жилье, обитель, дом; dwelling, home'] 'дом, обитель; home, dwelling';
- *ag-deua- [ЭН *Agdae*, ср. др.-инд. *aghā-deva-* одно из имен Вишну] 'почитающие злого дэва';
- *agra- [МН Αγοροι, ср. др.-инд. *āgra-* 'передовой, передний, первый'] 'the formost';
- *ajah- [абх.-адыг. *eixъa*, *aixъa* 'железо, топор', ср. др.-инд. *āyah-* 'железо, бронза, сталь, iron, bronze'] 'железное оружие; iron ax';
- *ajas- [вост.-кавк. *йез* 'медь', ср. др.-инд. *āyas* 'металл; бронза, железо; ore; copper, iron', *āyasā-* 'iron, copper, bronze'] 'бронза, медь; copper';
- *aita- [в составе теонима Οιτ' οσυροç, ср. др.-инд. *éta* 'меняющий цвет, сияющий, блестящий'] 'bright';
- *aita-[a]sura- [теоним Οιτόσυροç] 'Сияющий титан; bright god; asura, sura';
- *aiua- [МН Αιαιή νησος, Αϊα, *Aea*, *Oium*, Καροια, ср. др.-инд. *evā-* 'тот самый, одинокий, so, just so'] 'один единственный, одинокий, тот самый; one, single; island';
- *aiuan- [МН *Eonum*, 'Νιονας] мн. ч. 'острова, отдельные; islands?';
- *ak-, aka- [ЭН Ακαα ~ ср. др.-инд. *ākā-*, *ākāyūā-* 'желаемый, любимый', *ak-* 'двигаться змеевидно; to move tortuously like a snake'] '?';
- *akasa- [ЭН, Ακασσαι ср. др.-инд. *akasa-* 'без волос, лысый'] 'лысье, без волос';
- *ake- [ср. др.-инд. *ākē*] 'по эту сторону, рядом, поблизости, near by';
- *ake-cin- [ВН *Acesinus*, 'Ακεσίνης], 'поблизости от Чина; near river Chinab';
- *aki- [ср. др.-инд. *ākē*] 'по эту сторону чего-л., поблизости; near by';
- *aki-naša- [МН Ακινασης, *ākē nasā* 'поблизости от носа'? или *nāça-* 'исчезающий, река мертвых' ср. *Nāça-* название реки близ Бенареса, *karma-nāçā*, *graha-nāça*, *duh-svap-na-nasā*] 'близ реки мертвых; near the nose';
- *aki-sal- [ЭН *Acisalitae* ср. др.-инд. *ākē*] 'живущие возле воды; near the river';
- *aksa- [ср. др.-инд. *akṣa-* 'орган зрения'] 'око; eye';
- *aksa-biti- [МН Αξαβιτις] 'убивающая сглазом; eye-striking';
- *a-ksam-raja- [ВН Εξομπαλος, ср. др.-инд. *a-kṣama-* 'невыносимый, нетерпимый'] 'вода, нестерпимая, непригодная для питья; undrinkable water';

- *aksi- [ср. др.-инд. *akṣi*] ‘око, глаз; eye’;
- *aksiak- [МН *Axiacae, Axiaces*, ср. др.-инд. *ākṣi-, ākṣeti, ākṣhiyati* ‘обитать, жить в, населять; обладать, владеть; существовать’] ‘обитель, житье’?;
- *aksiaka- [МН *Axiacae, Axiaces*, Αξιακου, *Axikos*] ‘имеющий око; having an eye’?;
- *alaksa[n]-dru- [МН Αλεξανδρος, Αλεξανδρου βωμοι, ср. др.-инд. *ārakṣa-* ‘защита, оборона; protection’, *dru-* ‘дерево; tree’] ‘дерево-защитник; tree-protector’;
- *alaktar- [МН Αλεκτοροφρουριον, ср. др.-инд. *alakta-* ‘red paint’, *ārakta-* ‘красноватый’] ‘protector’, ‘shining’?;
- *amara-mar- [ЭН *Amoromari*, ср. др.-инд. *amāra-* ‘бессмертный (бог); immortal, god’, *mārya-* ‘муж, юноша, возлюбленный; man, youth, beloved’, *amara-kosa-*, *amara-guru-*, *amara-pati*, *amara-rāja*, *amara-sadas*, *amara-sinha-*, *amarā-cārya-*, *amarā-dhipa-* и др. композита] ‘бессмертный юноша’?;
- *amardijak- или *amar-dijaka- [ЭН *Amardiacei*, Αμαρδιακηνοι, ~ др.-инд. *amāra-* ‘immortal, god’] ‘принадлежащий бессмертному богу; belonging to the immortal god’;
- *amarth-ast- [ИС Αμαρθαστης, *Amarthastes*, ср. др.-инд. *āmarta-* ‘бессмертный, immortal’] ‘the most immortal’;
- *am- ‘(идти) по направлению к’;
- *amb- [ср. др.-инд. *ambh-*] ‘вокруг; around’, греч. αμφω;
- *amb[u]- [МН Τυρόμβη, *Auamба*; ср. др.-инд. *ambu-*, *āmbhas*] ‘вода; water’;
- *amb-sali- [МН Αμψαλις] ‘вокруг воды; around the water’;
- *am-υath-ast-, αμυαθ-ast- [ИС Αμουαθααστης, ср. др.-инд. *āma-* ‘насилие, сила, мощь’] ‘сильнейший, мощнейший’?;
- *anarta- [Αναρται ασφαλοι, ср. др.-инд. *anartha-* ‘беспользый, несчастный, useless, un-reasonable, unharpy’, осет. собирательное наименование героического рода (племени) нартов *Nartae* восходит не к монгольскому прототипу, как привыкли думать многие, а к др.-инд. *nar-* ‘человек, муж, мужчина, герой’] ‘not manly’;
- *anas- [ЭН Ανασοι, ср. др.-инд. *ānas* ‘колесница; chariot’ или *a-nasa-* ‘безносые; without noses’?] ‘колесница; chariot’;
- *andaka- [ЭН *Andaces*, ср. др.-инд. *andhaka-* ‘слепой; blind’] ‘слепые; blind’;
- *anta- [ЭН *Antae, Antes, Anti*, Ανται, ср. др.-инд. *ānta-* ‘край, предел; edge, end’] ‘крайние, окраинные, у края живущие’;
- *anta-kaia- [порода рыб αντακαιος, ср. др.-инд. *ānta-* ‘edge, end’] ‘край тела; the end of the body’;
- *antikita- [ВН, МН Αντικειτης, Ατικιτης, ср. др.-инд. *antikām* ‘окрестность, близкое, nearabouts’, *antikātā*] ‘окрестность, близость; vicinity’;
- *ap- ‘от, без; from, without’;
- *ap-, *apa- ‘вода; water’;
- *apaka- [ВН *Apaka, Opaka*] ‘речной; of the water, river’;
- *apara-sal-gir[i] [ВН *Ανυρα-Салгур, Αпура-Salgir*, ср. др.-инд. *āpara-* последующий, позднейший, следующий, западный, нижний, внутренний, удаленный и проч.] ‘следующий горный поток; next mountain river’;
- *ap-artaja- [ЭН Απαρταιοι, ср. др.-инд. *arthaya* ‘спрашивать кого-л., asking smb., demanding, trying to reach smth.’, *arthya-* ‘достигать; reach’, *artham* ‘цель, смысл, польза, смысл; aim, reason; use; thing; will; meaning’] ‘бескорыстные’;
- *apatur- [ЭН Απατο(υ)ριο(υ), Απατουρος, Απατουρον, *Apatura*; ср. др.-инд. *aptur-* ‘преодолевающий воду’] ‘преодолевающий воды; overcoming the waters’ ‘breaking waters’;
- *api- ‘по, επι’;
- *api-sara- [ВН *Pisará*, ср. др.-инд. *api-sri-* Mon.-Will. 55] ‘у струи; by the torrent’;
- *ap-ra-(ita) [ЭН *Appaitae*, Απαιται, ср. др.-инд. *apa-*, *payah* ‘питьевая вода; drinkable water’, *-pā* ‘drinking; ruling или protecting’] ‘без пастухов; without shepherds’;
- *arai- [ЭН *Arraei Sarmatae*, ср. др.-инд. *ārē* ‘далеко; far away’] ‘дальние сарматы’;
- *araksa-, āraksa- [ВН Αραξης, -ου; -εο] ‘оборона рубежей, защита границы; limits-protection’;

- *arāzun- [сев.-кавк. *арадзны, аразны, рызна, тыжъыны, дыжъан, дэсэны* 'серебро', ср. др.-инд. *árjuna-* 'светлый, белый; faire, white'] 'серебро; silver';
- *arbi-nat[h]a- [ЭН, ИС Αρβινατησιυ, Βουτουνατης, *ārbha-* 'малый; small, little'?] 'ладыка малых; the lord of little?';
- *ard-/ardin- [ИС Αρδινδιανος ~ др.-инд. *ardhá-* 'полу-; semi-', *árdha-* 'part, place, region'] 'полу-, половинный; semi, half-, halves';
- *ardin-diua-an- [ИС Αρδινσιανος ~ др.-инд. *ardhá-* 'semi-', *árdha-* 'part, place, region', *divan-* 'heaven', *divan-gama-* 'ascending heaven'] 'нисходящий от полубога; coming from semi-god';
- *arg- [МН 'Αργος πόλις Σκυθίας ~ др.-инд. *argh-* 'быть ценным; be precious'] 'bright';
- *arg[a]-uda[n]- [МН Αργωδα, Αργουδα] 'светлые воды; shining water';
- *argha- [ЭН *Satarchae spaleae*, МН Σαταρχη ~ др.-инд. *arghām* 'цена, ценность; price'] 'ценность, имущество; possession';
- *arg-oka- [ЭН *Argoceni, Orgoceni* ~ др.-инд. *argh-, oka-*] 'светлый дом; bright house?';
- *arja- [ЭН *Arii, gens Sarmatarum* ~ др.-инд. *arya-*] 'лучший; the best';
- *arja-ratha- [ИС Αριαραθης] 'имеющий лучшую колесницу; having the best chariot';
- *arkha- [ЭН *Satarchae spaleae*, МН Σαταρχη ~ др.-инд. *arghām* 'ценность; price'] 'possession';
- *arun- [ВН *Temarunda* ~ др.-инд. *ārna-, arnavá-* 'волна, водный поток, море; wave; stream; sea'] 'sea';
- *arž[u]- [сев.-кавк. *арси, арс, ару, глауц, дему* 'серебро' ~ др.-инд. *arghām* 'ценность; price'] 'silver';
- *ās- 'to sit';
- *asa-, āsa- [МН Ασσα πόλις Σκυθίας ~ др.-инд. *āsa-* 'место жительства'; 'близость, соседство'] 'место жительства, обитель; sitting place, dwelling-place';
- *asad- [МН Ασαδα ~ др.-инд. *āsad-* 'to sit', *sada-* 'sitting on', *sādas-* 'sitting-place'] 'седенье, седло, sitting place';
- *asam-pata- [ЭН Αδαμπαται ~ др.-инд. *asama-* 'бесподобный, несравненный', *asamarta-* 'неспособный'] 'несравненные господа';
- *asandi [МН *Asandi*] 'the sit, sitting place';
- *asura- [теоним Ουτοσυρος ~ др.-инд. *asura-* 'дух, божество, класс небесных божеств, соперников девоу'] 'дух, божество; goodness, demon';
- *atama-ža- [ИС Ατ(τα)μαζας ~ др.-инд. *atman, ātma-ja-* 'рожденный дыханием; born by the breath'] 'рожденный духом; born by the breath';
- *au-, *o- [и.-е. диал. *au-] 'у, около; about, by';
- *aua-, *aui [МН Βριξαβα сев.-кавк. *бий* 'овца' ~ др.-инд. *avi* 'баран'] 'овца, баран; sheep';
- *auka-, *oka- [МН *Napoca, Sataucaie* ~ др.-инд. *oka-* 'дом'] 'дом; house';
- *aulan-samsaram [МН *Aulansum, Aulansumsarum* ~ др.-инд. *aurṇa-* 'шерстяной, волосяной; woolen'] тюркская калька *Kyl-Burnu* 'волосяной мыс';
- *au-taka- [ЭН Αυτακα, *Autacae*, МН *Autka* ~ др.-инд. *avata-* 'колодец, источник; pit, well' или и.-е.диал. *au-* 'at, by', ср. др.-инд. *tak-* 'спешить; to hasten', *taku* 'спешащий, топящийся'] 'у быстрого потока живущие; by the water-stream';
- *au-ṇinda- [МН, ВН *Avinda, Avinda* ~ др.-инд. *govinda-* 'пастух крупного рогатого скота; a shepherd'];
- *aža-/aža-, *aži/aži [абх.-адыг. *ачъэ, ажэ, дэ, дъэ, дзы, дзыы* 'козел, коза' ~ др.-инд. *aja-, ajā*] 'коза; goat';
- *ažagaria- [МН Αζαγαριον ~ др.-инд. *ajagará-* 'большая змея; big serpent, boa'] 'дракон, пожирающий коз; goat-eating dragon';
- *ažar-/ažar- [МН Αζαρος, сев.-кавк. *адзар, адъар, ажар* собир. 'козлята' ~ др.-инд. *ājra-* 'пастбище; pasture, field'] 'пастбище, выгон; meadow', 'козленок; пастбище; kid; meadow';
- *ažara-ab- [ВН Αζαραβη ~ др.-инд. *ajāra-* 'вечно молодой, нестареющий', ср. др.-инд. *ājra-* 'пастбище; pasture, field'] 'вода вечной молодости';

- *ažas- [абх.-адыг. *адзыс, адзышт, ажэс*] 'козлята; kids';
 *ažəra-ab- [ВН Αζαραβη ~ др.-инд. *ajirā-* 'быстрый; rapid, quick', *ab-* 'вода; water'] 'быстрая вода; rapid water'.

*b/bh

- *badatiam [МН Βαδατιον ~ др.-инд. *bādhā-* 'strong'] 'крепость; stronghold?';
 *badraka- [ВН Βαδρακ ~ др.-инд. *bhadraka-* 'happy'] 'счастливый; happy';
 *baga- or *baghu- [МН Βαγα ~ др.-инд. *bhāga-* 'часть, доля; собственность, удел, место, сторона', *bahú* 'многий, обильный, достаточный, изобилующий'] 'часть, доля, удел; part';
 *baghanin [МН Τζαβαγαίνιν ~ др.-инд. *tīra-* 'берег, край', *bahú* 'изобилующий'] 'великий берег; big shore';
 *bagh[u]-tiar- [МН Βαγταιρ, *bagtari, Batiario, bagtary, tarmagno* ~ др.-инд. *bahú* 'изобилующий', *tīra-* 'берег, край'] 'великий берег; big shore';
 *bagh[u]-uar-zamin- [МН Βαζιμαχι, *Bahbarzemin, Barbarzemin, Berberzemin* ~ др.-инд. *bahú-, vara-, yamin-* 'близнец, двойня'] 'большой двойной город; big twin-city';
 *bakhtijar- [МН Βαχτιαρ, *Bakhtyari* ~ др.-инд. *tīra-* 'берег, край'];
 *bal- [осет. корнеслово *bæl-* в композите *bældæraen* 'первое воскресенье на Востоке' ~ др.-инд. *bhālam* 'блеск'] 'сияние; shine';
 *bal[a]- [ИС Βαλαμбер ~ др.-инд. *bhalam*] 'сила, военная мощь; force';
 *balgatur- [МН Βολγαтур, *Богатырь* ~ др.-инд. *bhārgah* 'блеск'] 'блеск, сияние; shining';
 *band-, *bandh- [груз. **band-* 'сплести, связывать', пракартв. **bandx-* 'связывать, сплести' ~ др.-инд. *bandh-* 'связывать, укреплять'] 'связывать; to bind';
 *bata- [МН Βατα ~ др.-инд. *su-path-*] 'добрый путь, проход';
 *bi- [ЭН *Serbi* ~ и.-е. **bhei-*, др.-инд. *bhayám* 'страх, боязнь, ужас, опасность, беда'] 'бить; to beat, strike';
 *biti- [ЭН *Bitiae*, теоним Βαβιτι ~ и.-е. диал. **bhei-*, др.-инд. *bhitti* 'слом, разлом'] 'бьющий, убивающий';
 *bitia- [ЭН *Bitiae* ~ др.-инд. *bhitti* 'слом, разлом'] 'убивающая взглядом; killing with her glance';
 *brita- [МН *Britani* ~ др.-инд. *bhrtā-* 'наёмник, слуга', *bhri-* 'защищать'] 'наёмники; mercenary (troops)';
 *brtan- [МН Βρετο-βροτον, *Britani* ~ др.-инд. *bhrtan-*] 'наёмники';
 *buga- [МН Βυγες, *Vuces* ~ др.-инд. *bhoga-*, МН *Bhoja-*] 'излучина, изгиб; bough';
 *buga- [сев.-кавк. *бугъа* 'козел' ~ др.-инд. *bukka-*] 'козел; he-goat';
 *buka- [сев.-кавк. *бугъа* 'козел' ~ др.-инд. *bukka-*] 'he-goat';
 *butu-nat- [ИС Βουτουνατος ~ др.-инд. *bhūtā-nāthā*] 'владыка злых духов; the patron, lord, of evil spirits'.

*c

- *čaga-/caga-, *cagi-/čagi- [сев.-кав. *ц/уку; ц/око* 'коза; козлиная кожа', осет. *sæg, sægæ* 'коза' ~ др.-инд. *chāga* 'коза'] 'коза; goat';
 *čagi-nitra- [МН *Чегинитра-Богаз* ~ др.-инд. *chāga* 'коза'] '(перевал) козла-вожака (goat-leader)';
 *cambala-, *cimbala- [МН *Cembalo, Symbolum portus* ~ др.-инд. *čambala-*] 'провиант, провизия, запасы продовольствия; provision';
 *catra-ksit- [ЭН Τετραξιστοι ~ др.-инд. *catvara-, kṣit-*] 'living in Four; здесь обитающий в Чetre';
 *čatur- [МН *Чатыр-Даг*] 'four-angled';
 *ceta- [ЭН *Cetae* ~ др.-инд. *Ceti*] инд. этноним;
 *cigunna [ЭН *Σιγυννα, Σιγυννοι, Zigeuner*] аллоэтноним;
 *cikit- [МН *Sikita, Sicita* ~ др.-инд. *cikit-, Cikita-*] 'noticing, skilled; здесь с заметками, со знаками?';
 *čilli [МН *Чиле-Орлов* ~ др.-инд. *cillih*] 'a bird of prey; хищная птица';
 *cin- [МН *Akesinus, civitas Parasinum* ~ инд. гидроним *Cin-ab*].

*d/dh

- *da- [МН *Temarun-da, Coracan-da*] 'to give; давать, вдаваться';
 *dag- [груз. *dag*- 'жечь (каленным)' ~ др.-инд. *dah-*, *dahati*] 'to burn; жечь';
 *Daksina-Patha [ВН Αξεινοποντος] 'southern way; южный путь';
 *dama(n) [МН *Uscudama, Короконδομη* ~ др.-инд. *dhaman*] 'home; дом?';
 *dand[a]-aria- [ЭН *Dandarii, Dandarium, Δανδαριοι*] 'reed-Ariens; тростниковые арии или арии-скипетроносцы';
 *danda- [ИС Δανδάξαρθος] 'a kind of reed, stick; тростина, палка, скипетр';
 *dandaka- [МН *Dandace, Δανδάκη*] 'having reed; имеющий трость, палку, скипетр, здесь тростниковый';
 *danuka- [ВН *Донга*, др.-инд. *dhanv-*, *-ga-*] 'running water; бегущая?';
 *dara- [МН, ЭН Δαρᾶς, Δάρας, Δάρες τὸ νῦν Ταῦρες, Δόρος] 'cave; пещера';
 *darśan- [МН *Дарсан, Darsan*] 'view, belvedere; вид, обзор, панорама';
 *dat- [сев.-кавк. *ца* 'зуб'] 'tooth; зуб';
 *deca- 'deva-, god; представитель класса небесных божеств, дэвов';
 *dighā [пракартв. **dīqa-* 'глина, почва' ~ др.-инд. *dehā*] '(wall) of clay; глинобитный';
 *dija- [МН *Dia*] 'divine, devī, god; бог, божественный';
 *dīna- 'divine; божественный';
 *dīca- 'god; бог';
 *dīu-ptun- [ИС Διουπτούνης, Δοιπτῶνος] 'son of the sky; сын неба';
 *do-ab-, *dū[a]-ab- [МН *Doob*, др.-инд. *doab* 'twin-rivers', *Duab* – Sindhu et Akecinu, Ganga et Yamuna] 'two rivers; двуречье';
 *dru- 'tree, oak; дерево, дуб';
 *du- 'two; два';
 *du-al- [ЭН *Duali, Δουαλοι*] 'two rivers; двуречье';
 *dūi-za- [ИС Διγτζα] 'twice born; дважды рожденный';
 *dūs-nadi [ВН *Tusnad*] 'bad river; злая река'.

*e

*euan- [МН *Eon*] 'single, one; island; единственный, одинокий; остров'.

*f

*fos = phaśu- [paśu-] 'sheep, cattle; овцы, мелкий рогатый скот'.

*g

- *gagana-, *gangama [Γαγανος, γαγαμη ~ др.-инд. *ghaṇaghana-*] 'harpoon';
 *gargh[a]-aria- [ЭН Γαργαρεας, Γαργαρεις ~ др.-инд. *garha-* 'очаг; hearth'] 'Ariens of the hearth';
 *ghansa- [ИС Σηδουχανδος, сев.-кавк. *гъанса* 'горная индейка' ~ др.-инд. *hansa- hamsā-*, *hansā-* 'гусь; goose'] 'горная индейка; лебедь, гусь; mountain turkey-hen; swan, goose';
 *gir[i]- [ВН *Салгур, Апыра-Салгур*] 'гора; mountain';
 *gir[au]-uant- [МН *Ghorvand*] 'горный; mountainous';
 *giri-nadi [ВН *Hornad*] 'mountainous river';
 *gotra [МН *Манаготра, Managotra* ~ др.-инд. *gotrā-*] 'семья, род; family, kin, cow stall';
 *grau-kaśi- [МН *Croucasim, Groucasim, Craucasim hoc est nive candidum*?];
 *grauk-an- [ЭН Γραυκηνοί ~ др.-инд. *girau* loc.sing. *giri*?];
 *gual- (пракартв. **ḡwal-* 'стоять (о засухе, жаре)' ~ др.-инд. *jvalati*) 'to be hot; it is hot';
 *guda- [пракартв. **guda-* 'бурдюк, сума' ~ др.-инд. *gudāh, gudam*] 'кишка, бурдюк; pouch < gut, intestine, hose, bowels';
 *gustu- ?.

*h

*hingul- [ВН Χιγγυλοῦς, Χιγγυλοῦς ~ др.-инд. ВН *Hingula, hingula-*] 'алая краска; scarlet dye'.

*i

- *iaksa- [ЭН Ιαξαματα] 'тростник; reed';
 *iam- 'держатъ, удерживать; to hold, keep';
 *iama- [ЭН Ιαμα] 'двойня; twin';
 *iani-sala [МН, ВН Янисала ~ др.-инд. *yana-, sara-*] 'water-gate';
 *ian-tar- [русск. *янтарь* ~ др.-инд. *yantrám*] 'удерживающий, притягивающий; holding';
 *iar- [МН *Тамияр* ~ др.-инд. *yar-*];
 *iaro [цыг. *havyaro*] 'яйцо, икринка; egg';
 *iaua [сев.-кавказ. *йэбэ* 'ячмень' ~ др.-инд. *yava* 'злак, овес, ячмень'] 'овес, ячмень; barley';
 *iauda- [~ др.-инд. *yaudha*] 'битва, сражение; battle';
 *ikaka- [ИС *Icacus* ~ др.-инд. *ekaká-*] 'один единственный; the only one, single';
 *iksa-, *iksu- [~ др.-инд. *ikṣú*] 'тростник, камыш; reed, rush';
 *iksu-mata- [ИС *Íξιβατα, Ιξοματα, Ixomatai* ~ др.-инд. ВН *Iksumati, Ichamati*] 'изобилующий тростником; abundant with reed';
 *iksu-puli- [МН *Exapolis, Εξοπολις*] 'тростниковый город; reed-town';
 *ioda- [ИС *Ιωδα* ~ др.-инд. *yodha-* 'battle'] 'битва, единоборство; fight';
 *iodas-mag- [ИС *Ιωδεσμοαγος*] 'fight, struggle';
 *iodman- [~ др.-инд. *yudhman*] 'warrior';
 *iodman-gan- [ИС *Iodmangan* ~ др.-инд. *yudhman*] 'убийца воителей; warrior-killer';
 *ios- [осет. *osae, us* 'жена, женщина, баба' ~ др.-инд. *yoṣa, yoṣan, yoṣana* 'молодая женщина, жена, девушка, самка'] 'женщина; female, woman';
 *irgana- [ИС *Ιργανος*?];
 *itia-bruton- [МН *ετεροβροτον* ~ др.-инд. *iti* 'so'] 'такие наемники; such mercenaries?';
 *iti-marja- [ЭН *Itimari* ~ др.-инд. *iti* 'so', *márya-* 'man, youth'] 'такие мужи, men';
 *jug- 'игро; yoke'.

*k/kh

- *kaba-thaksa[n]- [ИС *Καβαθαξης*] 'pottery-maker';
 *kaṣa- [ВН *Кача*, ср. др.-инд. *kaccha-* 'берег, кромка; береговое болото; укромное место'] 'берег реки; riverbank';
 *kaṣika- [МН *Καζέκα*] 'морское побережье; seaside';
 *kad- [~ др.-инд. *khada-*] 'пещера, нора; cave, hole, hut';
 *kad-aria- [ЭН *Cadarii* ~ др.-инд. *khada-* 'hole, cave, hut', *kaidāra-* 'being or growing on the field, meadow', обитающие на залильном лугу, луговые] 'пещерные арии; cave-ariens';
 *kad-artha- [ЭН *Cadarthae* ~ др.-инд. *kad-artha-*] 'бесполезная вещь; useless thing; unmeaning?';
 *kad-ṽati- [ЭН *Cadusii* ~ др.-инд. *khada-vati*] 'пещерные жители; cave inhabitants?';
 *kad-ṽida- [ИС *Καδοιδα* ~ др.-инд. *kovida-, ko-, ka-, ku-, kad-,* или *khada-* 'cave' и *vida-*] 'опытный, умелый, мудрый';
 *kaia- [ихтионим *Αντακιολος* ~ др.-инд. *kaya-* 'body; the trunk of a tree; capital, principal'] 'тело, туловище; body; the trunk of a tree; capital, principal';
 *kaia-dur- [глосса *ad portam caiadoris* ~ др.-инд. *kaya-* 'body; the trunk of a tree; capital, principal', *dur* 'door'] 'основные, главные ворота; principal, capital door', 'ворота из цельного ствола дерева; a door made of a trunk of a tree';
 *kaina-ksathra-, kaina-ksatra [ИС *Καινοξορθης* ~ др.-инд. *kena-* 'by what, whence'] 'что за воитель; what of the king';
 *kait[u]-, keta [ЭН *Κοιτα, Cetae, Coitae* ~ др.-инд. *Ceti, ketú*] ЭН, name of Danava, 'a pigmy race' 'a chief, leader, eminent person';
 *kaksin 'укромное место' [МН *Nikaxin* ~ др.-инд. *kakṣin* 'имеющий окружающие берега, укромность'];
 *kala- 'black';
 *kalaṣa-, kalaṣi [осет. название сосуда (большой чаши) *qalac* ~ др.-инд. *kalāṣa* 'вид сосуда – горшок, кувшин, кружка' или *kalaṣi* 'маслобойка'] 'вид сосуда; vessel';

- *kala-kanža- [теоним *Kalakondza* ~ др.-инд. *kala-kañjá-*, *kala-kañjya-*, *kala-kuñja* = N. of Vishnu] 'name of a race of Asuras or Danavas';
- *kala-ras- [ВН *Καλαρος*, *Kalaros*] 'темные струи; black stream';
- *kalasa [осет. название сосуда (большой чаши) *qalac* ~ др.-инд. *kalasa* 'вид сосуда – горшок, кувшин, кружка'] 'вид сосуда; vessel';
- *kale, *kali 'черный, черная; black';
- *kalenda, *kalindia [МН *Kalenda*, *Kalendi*, *Kalende*, *Kalendia* ~ др.-инд. *Kalinda-*, *Kālindī* 'names of mountain and river Yamuna'] МН горы или реки;
- *kali-stan- [МН *Kalliston* ~ др.-инд. *kali* 'black', *sthāna-* 'standing place']?;
- *kali-tra-m [МН *Callitra* ~ др.-инд. *kali*] 'чернота, темнота; темное место; darkness, black place';
- *kali-uard[i]- [ЭН *Caliordi* ~ др.-инд. *kali*, *vārdhi*] 'черное море; black ocean';
- *kamaka- [ЭН *Camacas* ~ др.-инд. *Kamaka-* name of a man, 'beloved'];
- *kama-sar-ua- [ИС *Κομοδαρον*, *Κομοσαρον*] ~ др.-инд. *kama-*, *sri-* 'beloved woman';
- *kambu-ža- [ВН *Cambusuz*, *Cambuzus*, *Καμβουζον* ~ др.-инд. *Kambhoja*, *Kambhu-ja*, *Kambujiya*] 'рожденный в раковине; born in the shell';
- *kampra-, *kampania- [МН *Campi Campanidon*, *Campania* ~ др.-инд. *kampa-*, *kampana-* 'earthquake', *kampaniya-*] 'сотрясенный землетрясением; shaken by earthquake';
- *kana-(na)-bis- [глосса *κόνναβις* ~ др.-инд. *kaṇa-*, *biṣ-/viṣ-* 'to split or grow; to urge, incite'] 'зерно, семя; granum, semen';
- *kanaka- [МН *Κανακη* ~ др.-инд. *kanana-* 'wood', *Kánaka-* 'thorn-apple; mesua ferrea, Michelia Campaka, Butea Frondosa, Bauhinea Variegata, Cassia Sophora] 'a kind of bdellium, of sandal-wood; brian';
- *kanata- [ЭН *Cannat(a)e* ~ др.-инд. *Kanātha-* 'name of a man'];
- *kanda- 'ров, рывина; dyke';
- *kand-aug- [МН *Kandaur*, *Кандауров* ~ др.-инд. *kāndūra-* 'разновидность рва; a kind of a dyke'] 'имеющий ров; having a dyke';
- *kank-uta- [глосса а *gruibus fugatos*] 'изгнанный журавлями; expelled by cranes';
- *кара- [МН *Κηλον*] 'холм; hill'?;
- *кара-, *кафа-, *kafa-, *khav- [англ. *caviar*, цыг. *xaviaro*] 'рыба; fish';
- *kar- [- др.-инд. *karkara-*] 'камень; stone';
- *kara- [-καρα-, -καροτ-, -καρη] 'делающий, творящий; making, doing';
- *kar-aia[n]- [МН *Καροτα*] 'каменистый, скалистый остров; rocky island';
- *kara-staseia- kar[n]-austa- [ЭН *Carastaseos*] '?';
- *karna- [ЭН *Carnas*] 'ушастые; ear';
- *karuna- [ЭН *Caronas*, *Карна* и *Жля поскочи*] 'горе; sorrow';
- *kaśi- 'сияющий; shine';
- *kaspana [Κασπανα] '?';
- *kata- [сев.-кавк. *κλата*, *аката* 'рыболовная сеть'] 'сеть, невод, плетенка; network';
- *kathin- [ИС *Κοθινος*] '?';
- *kəṛəkan-, *korakan-, *korokon-, *korokon-dama[n]-, *korakanda- [МН *Κοροκονδαμν*, *Cora-kanda*; ~ др.-инд. *krikana-* 'perdrix sylvatica'] 'имеющий горловину; having a throat, larynx';
- *kəṛəta- [МН *Coreto Maeotis*] 'сделанный; made';
- *ket[u]-, *koit[u]- [ЭН *Κοιτα*, *Cetae* ~ др.-инд. ИС *Dhrsta-ketu-*];
- *khav-iaro- 'рыбьи яйца (икра); fish eggs';
- *ki-, *kim-, *kin- 'with-';
- *kjalī [сев.-кавк. *хьялы* 'клин' ~ др.-инд. *kila-* 'peg'] 'колышек; a peg';
- *kīdar- [ЭН *Kidaritae* ~ др.-инд. *kedara-*, *kaidara-* 'meadow, field under water'] 'обитатели заливных лугов; inhabitants of the meadows';
- *kīla 'peg';
- *kin-šana- [МН *Κινσαωνος*] 'виноградник; winery'?;
- *kin-sanu- [МН *Κινσαωνος*] 'горное, межгорье; mountaineer';
- *korsi- [ЭН *Corsitae*] '?';

- *korsti- '?';
 *kota-/kuta- [МН Κύτα, Κύται, Κύταιον ~ др.-инд. *koṭa-*] 'town';
 *kotu- [ИС Κοτυς];
 *krokḥ-, *krukḥ- (груз., занск., сван. *krōx-*, *krux-* 'наседка; курица' ближе к др.-инд. *krka-* 'наседка, квочка'; *krkana-*, *krkara-*, *krikala-* 'pertridge', *krkavāku* 'a hen, a cock, a peacock', чем к осет. *карк* 'курица' (ИЭСОЯ, I: 572);
 *krukḥ- [МН Ουκρουχ ~ др.-инд. *krika-*] 'throat' ближе к осет. *хурх* 'гортань, дыхательное горло', чем к др.-инд. *krka-*, *krkāṭa-* (ИЭСОЯ, IV:249);
 *ksai- [в ИС Αρποξιας, Κολαξιας, Λιποξιας] 'обитатель, владелец; inhabitant of...';
 *ksam- [ВН Εξαμπλαιος] 'пригодный для питья; drinkable';
 *ksap- [осет. *axsav-* 'ночь' ~ др.-инд. *ksap-* 'ночь'] 'ночь; night';
 *kse- [ИС Χῆε Farnug] 'воитель, царь; prince';
 *ksi-k- [ЭН *Coraxici*];
 *ksi-t- [ЭН Τετραξιται] 'обитатель, житель; dweller';
 *kubha, *kubhi- [ВН Κουφης, Κοφην] 'жаждущий воды; wawing?';
 *kukunda- [МН Κοουκουνδα, ср. др.-инд. МН *Khukhundo*];
 *kuru-pat- [пгт. *Курпаты* ~ др.-инд. *kūrara-* 'морской орел' и скиф. гл. корень *pat- 'бить' в составе "скифск." оторπαται 'мужеубийцы', если только перед нами не цельное арийск. *Kuru-patha-* имя риши (Кауш.), *Kaurupathi*, is m. Патронимикон (Monier-Williams 1964: 317);
 *kuru- [ВН Κυρος, *Curus*, *Cyrus* ~ др.-инд. ИС *Kuru*, *Kaurava*] ИС *Kuru*;
 *kuru-kse-(tra) [МН, ЭН *Corax*, *Coraxici* ~ др.-инд. МН *Kuru-ksetram*] 'владение, поле Кург';
 *kuta- [МН Κύτα; абх. *кыт*, *акыта* 'селение' ~ др.-инд. *koṭa-*] 'город; town';
 *kutaja- [МН Κύταιον];
 *kuta-isia- [МН *Kutaisi*] 'имеющий ограждение; urbane'.

*l

- *lagura- [МН Λαγυρα ~ др.-инд. МН *Lahor*, *Lahur*];
 *laiana-m [МН Ληιηνον] 'западное?';
 *liana-m [МН Λιωνον] '?';
 *lip- [пракартв. **lip-* 'мазать(ся); лепить' ~ др.-инд. гл. корень *lip-*] 'вылепить, намазать; to lubricate; make up'.

*m

- *madua- [прасев.-вост.-кавк. *maidwV 'вид напитка из патоки, патока' (**maid-* и **med-* – разные?), ИС Μαδυης, ~ др.-инд. *madhu*, авест. *maḍu*] 'мёд; mead';
 *magabi [МН *Магаби*, *Мозаби*, *Мегаби* ~ др.-инд. *maha-*] 'великий страх; great fear?';
 *mai- '?';
 *maia- [ИС Μαιος, *Maеous*];
 *maiauat- [ЭН Μαιηται, Μαιωται];
 *maiaūati [МН Μαιωτις, *Maеotis*];
 *maid-, *med-, *mid- см. *mid;
 *mai-kor- [МН *Майкон*, *Маикор* ~ др.-инд. *Mahanadi*, *maya-*, и.-е. диал. **kaupa-*, **kopa-*, **kupa-*] 'главный холм; main hill';
 *maio-sar[a]- [ИС Μαιωσαρα, Μολο-σαρα, Μολοσαρα] 'сладостная женщина?';
 *maita-/mita- [ЭН Μαιται, *Maita-nne*, *Maita-nni*, *Maitanni*, *Mitan(n)i*];
 *makara-, *makhara- [ЭН Μαχαρηνοι, МН *Machara*, *Machare*, ЭН Μακορες] 'большая рыба, дельфин; big fish';
 *mala [МН *Malarossa*] 'омут в воде?';
 *mana-gotra- [МН *Managotra*, *Monagotra* ~ др.-инд. *manas*, *gotra-*] 'родовое стойбище Манов';
 *mar[a]-agia- [МН *Mararium*] '?';
 *mar-abia [ВН Μαραβιος, Μαρουβιου] 'мертвые воды; dead water';

- *marga- [осет. *marg* 'птица' (скиф. **marga-*, *Marga-stana*) сопоставимо с др.-инд. *mrgá-* 'дичь, животное, птица', 'мифическая птица Семург'] 'дичь; deer';
- *mari- [ЭН *Itimari*, глосса *marzus nuptiae* ~ др.-инд. *márya-* 'man, youth'] 'жених; bridegroom';
- *marsiandi [МН *Marsande*, *Marsiandi*] '?';
- *mart- 'мертвый; dead';
- *martian- [МН мыс *Мартъян*] 'мертвый; deadly?';
- *marzus [глосса *marzus nuptiae* ~ др.-инд. *márya-* 'man, youth'] 'жених; bridegroom';
- *matha- [ЭН *Μαθηται*]; 'hut';
- *mati- [ЭН *Ματιηνοι*];
- *matra-, matram [осет. *maert* 'мера сыпучих тел' сопоставимо с др.-инд. *mātram* 'мера, количество, размер, величина, метрическая единица' (ср. др.-греч. *μετρον*)] 'мера; measure';
- *meno-thar- [МН *Menotharum* ~ ср. др.-инд. *minu-*, *mainau-*, лат. *meno-*, *-tar-*] 'малый берег; small shore';
- *mæmadali [ВН *Μερμαδαλις*] '?';
- *mæm-uda[n]- [ВН *Μερμοδας* ~ др.-инд. *Narbada*, *Narmadā*] 'бормочущая вода; murmuring';
- *mīd-, med-, maid- [ср. др.-инд. *midha-*, авест. *mizda-*];
- *mil- [осет. *mil*, *mel* 'сажа, черное пятно', цыганск. самоназвание *millele* 'черные, черномазые', др.-инд. *māla-* 'грязь', *malin* 'грязный, темный, черный'] 'черный; black';
- *mitraia- [ЭН *Μιτραίων*] 'союзники; aliens'.

*п

- *nadi- [ВН *Hornad*, *Tasnad* ~ др.-инд. *Mahanadi*] 'река; river';
- *naia [МН *Ная*, *Naia* ~ др.-инд. *naayati*, *naayate*] 'направление; direction';
- *nar[a]-aria- [ЭН *Ναλαριοι*] 'младоарии; younger aliens';
- *nar-at- [осет. имя бога праздника всего рода *Наф*, *Naf* ~ др.-инд. *nāpat-* 'потомок'] 'потомок, соплеменник; kinsman';
- *nara- 'молодой, юный; young';
- *nar-oka-, *nar-uka- [МН *Naroca*, *Ναλουκα*, *Cluj-Naroca*] 'родовой дом; kin's home';
- *naga-, *nagi-, *nāgi- [осет. собирательное наименование героического рода (племени) нартов *Nartae* восходит не к монгольскому прототипу, как привыкли думать многие, а к др.-инд. *nar-* 'человек, муж, мужчина, герой', *Neripoi*] 'мужской; male';
- *narak-, *naraka-, *nāraaka- [ВН *Naracustoma*, *Ναρακων*, *Ναρηκος*, осет. *naræg* 'тонкий, узкий, тесный, теснина, ущелье', др.-инд. *nāraaka-* 'яма, пропасть, преисподняя, ад, подземное царство'] 'узкий; narogow';
- *nari-pa- [ЭН *Νεριποι*, *Neripae*] 'хранители чего-л.; smth-keepers';
- *narta- [осет. *Nærtæ*] 'мужественный; manly';
- *nas-, *nasa- 'нос; nose';
- *nat- [ИС *Βουτουνατος* ~ др.-инд. *nath-*, *nāth-*] 'владыка, господин, повелитель; ruler, lord';
- *nau- 'корабль; ship';
- *naц- 'новый; new';
- *naц-цаг- [МН *Ναυαρον*, *Ναυαρις*, *Navarum*] 'новый город; new city';
- *nauka-ta [ВН *Наукама*, *Ναυκατα* ~ др.-инд. *nauka*] 'маленький корабль, челн; a little boat, ship';
- *naulo-pati [ИС *Ναυλοβότης*] 'корабельщик; ship-owner';
- *ni- 'низ; low, down';
- *ni-banda- [осет. сакральный термин *nyvond* 'приношение' отражает индоар. форму *ni-bandha*, родственную композиту *paçu-bandha* 'жертвоприношение скота', 'sheep-offering'] 'жертвоприношение; offering';
- *nik- [МН *Nikitae*] 'возникшие?';
- *ni-kaksin [МН *Νικαξιν* ~ др.-инд. *ni-kaksin* 'lower haven', 'в укромном месте'];

- *nira- [ЭН Νεριτοι] ‘?’;
- *nitra [МН *Nitra*, *Cigenitra* ~ др.-инд. *netra*- ‘вожак; leader’] ‘горный проход’, ‘показывающий путь; leading the way’;
- *noti- [νοτιον] ‘southern?’;
- *notisarua- [ИС Νοτι-σαρ-νη, Νοτισσαρνη] ‘nymph of Noti?’;
- *nud- [nudati] ‘?’;
- *nutta- ‘?’ – см. *ура-nutti.

*o

- *o- = *au- ‘у, около; by, about’;
- *ob-/ub- = ab- [ВН Μαρουβιος] ‘(мертвые) воды; water’;
- *obi- = abi- [ср. др.-инд. *abhi*-] ‘to, at’;
- *obi-dijakan [ЭН Οβιδιακηνοι] ‘почитающей девог; worshipping devas’;
- *o-sila- [ЭН *Osili*, Οσιλοι, Οσυλοι] ‘у скалы; by the rock’;
- *oito-sur- [теоним Οιτοσυρος];
- *oka-/uka- [МН *Naroca*, *Ναπουκα*, *Sattauci*] ‘home’;
- *osa- [осет. *osae*, *us* ‘жена, женщина, баба’, др.-инд. *yoṣa*, *yoṣan*, *yoṣana* ‘молодая женщина, жена, девушка, самка’] ‘female, woman’.

*p/ph

- *-pa- [МН *Uspem*, ЭН Νεριτοι] ‘хранитель, пастырь; shepherd, keeper’;
- *paśu [сев.-кавк. *фыс* ‘мелкий скот’] ‘мелкий рогатый скот; sheep’;
- *paśu-mat- [сев.-кавк. *бысым*, *пывма*, *апывма* ‘гостеприимец, хозяин’] ‘владыка скота; the lord of sheep’;
- *paśu-pati- [осет. имя бога домашнего скота *Aḗfsati* в словосочетании *æḗfsatijy fos* ‘скот Афсаги’, др.-инд. теоним *paśu-pāti* ‘владыка домашнего мелкого рогатого скота’] ‘владыка скота; sheep-lord’;
- *pata- [ВН Εξαπιτοιος ~ др.-инд. *paṇa*-] ‘вода, питьевая вода; drink, water’;
- *paiś- ‘рисовать, писать, расписывать; to draw’;
- *paiś-ika- [ЭН *Paesici*] ‘имеющие татуировки, расписанные; pict’s’;
- *pa[i]ri-sada- [ИС Παρισαδης *Pairisades*] ‘сидящий вокруг; around-sitting’;
- *raktar- [МН *portus Pactorum* ~ др.-инд. *paktar*-] ‘пекарь; жаровня; baker’;
- *palaka- [ИС Παλακος ~ др.-инд. *pālaka*-] ‘хранитель, заступник, защитник; protector’;
- *palakiam [МН Παλακτιον] ‘крепость царя Палака, защищенное место; protection’;
- *panade – см. *ура-nadi-;
- *panda[ua]- [топозлемент *panda* ~ др.-инд. *Pandava*-, *Pandu*-];
- *pan-ḡasia- [ЭН *Panusii*] ‘обитающие в Пан...; dwelling in ...?’;
- *par[a]-da- [груз. (*pard*-): *prd*- ‘продавать, торговать’; индо-иран. *para-da-] ‘продавать; to sell’;
- *para- [ср. др.-греч. παρα] ‘у, около, при; by’;
- *para-Cin- [МН *civitas Parasinum* ~ инд. *Cinab*] ‘(находящийся) у реки Чина; by the river Cinab’;
- *paracin- [ЭН Παρισινοι ~ др.-инд. *parācina*-] ‘восточные; eastern’;
- *para-sinu- [МН *Parasinum*] ‘у залива (находящийся); by the golf’?’;
- *pari- [ИС *Pairisades*] ‘around’;
- *parma- [МН *Parma* ~ др.-инд. *parama*-] ‘наилучший; the best’;
- *par-osta- [МН Παρόστα] ‘у устья; by the estuary’;
- *partu [груз., мегр., лаз. *parto* ‘широкий’ ~ др.-инд. *prthū*] ‘широкий; wide’;
- *pat[h]- [МН Πατους; *Spat*; ~ др.-инд. *pathi*] ‘путь; way’;
- *patarua- [МН Παταρουη ~ др.-инд. *patala*-; хурр.-ур. *patare*, этеокипр. *patari*] ‘город; city’;
- *patra [груз. *prta* ‘крыло, перо’ ~ др.-инд. *pattra*-] ‘крыло; wing’;
- *patu- [МН Πατους] ‘?’;
- *paḡana [ИС Παḡνα ~ др.-инд. *pavana*-] ‘чистый; clean, pure’;

- *paulo- '?' – см. *pula-;
- *peša- [МН *Pesce, Pese*] 'расписанный; depicted';
- *pheti-sala [МН, ВН *feti-sala, Φοτισαλα* ~ др.-инд. *sala-, sara-* 'вода, струя воды'] '?';
- *phina-ras- [ВН *Φιναρος, Finaros* ~ др.-инд. *phena, rasā*] 'пенная река; foam-stream';
- *phul[1]a- [МН *Φυλων, Φουλλα, Φουλλα* ~ др.-инд. *pula-, pulla-, phulla-, phaulli* 'широко раскрытый, простертый'] 'широко раскрытый';
- *phuna [МН *Φουνα* ~ др.-инд. *puna-*] 'очищающий, очистительный; purifying, cleansing';
- *pina-rasa [МН *Φιναρος, Finaros* ~ др.-инд. *pina-, rasā*] 'жирный поток; greasy stream';
- *pita-, *pitha-, *pith-in [в ИС -πιτης, *Pitina* ~ др.-инд. *pita-*] 'отец; father';
- *pithunda [МН *Πιτυους, Pityus, Pitzunda* ~ др.-инд. *Pithunda*] 'изобилующий соснами; fir-trees';
- *plo, polo, pulo [МН *Κομπλο, Kastropulo*] 'город; town?';
- *pra- [гlossen *prasadatum*] 'про-; for';
- *pračja- [ЭН *Πρασιτοι* ~ др.-инд. *prācya-*] 'восточный; eastern';
- *pračina- [ЭН *Πρασινοι*]?;
- *prān-ga- [осет. наименование культового напитка *rong*, др.-инд. *prānā-* 'дыхание, дух, энергия, сила', ср. др.-инд. *prāna-da* 'дарующий жизнь', индоар. **prāna-ga-* 'рождающий силу, энергию', 'bearing forth, energy, breath'] 'напиток, рождающий силу; ecstatic drink';
- *prasadamam [гlossen *prosedatum* ~ др.-инд. *pra-, sadama-*] название заболевания; illness';
- *prd- – см. *par[a]-da-;
- *prta- [пракартв., ср. др.-инд. *pattra-*] 'крыло; wing';
- *prut- [пракартв. **prut-*: *prt(w)-* 'фыркать (о лошади)' ~ др.-инд. *prothati*] 'фыркать; to snort';
- *prutani- [ВН *Πρυτανις*] ?;
- *ptun- [ИС *Δουπτονος*] 'сын бога неба; son';
- *pula- [МН *Φουλα, Kastropulo, Κομπλο*] 'город; town?'.

*r

- *ražata- 'серебро; argentum';
- *rama- [ЭН *Ramos*] ИС Рама;
- *ramān-, rāman- [осет. *rāmon* 'сдержанный, спокойный', др.-инд. *ramana-* 'радующий', авест. *raman-* 'мир, покой', *Роман-Кои*] 'радостный; peace, silence';
- *rasa- [ВН *Kalartos, Finaros*] 'водная стремнина, поток; torrent';
- *rauksin-al- [ЭН *Ρευξιναλοι*] 'светлые воды; white river';
- *raupaka- [ИС *Ραυπακης*] 'земледелец; farmer';
- *ražuna- [ср. др.-инд. *arjuna-*] 'блестящий, серебро; bright, silver';
- *reka [мерг. *reka* 'галечник' ~ др.-инд. *rekā-h*] 'галечник, каменная отмель; shingle, pebbles';
- *rekoma- [*Rhecoma*] ?;
- *roka- [МН *Roka, oppidum Rhocobae*, ЭН *Rocas, Rogas* ~ др.-инд. *rokās, rōka-*] 'свет, светлый; light';
- *roks-alan [ЭН *Ρωξολανοι, МН Rosso*] 'белые аланы; white Alans';
- *rokso-tar- [МН *Rossofar*] 'белобережье; white coast';
- *romale [ρωμη, *romale*] 'мужчина, человек; men, people';
- *ros-, rs- [сев.-кавк. *ros* 'муж, мужчина'] 'мужчина, мужской; man, male';
- *rsi- [ЭН *Tuncarsi* ~ др.-инд. *ṛṣi-* 'hermit, wise'] 'отшельники, ушедшие от...; удалившиеся';
- *rtu [мерг. *rdo* 'время, срок' ~ др.-инд. *r'tūh*] 'время; time';
- *ruk-usta [МН *Rukusta*] 'светлое ущелье; bright mouth'?.

*s, *ś

- *sada- [ИС *Ραδομσαδης, Πορισαδης*];
- *sagara- [ВН *Sagara, Sagarus*] 'др.-инд. ИС *Cağara*';

- *sagasa- [сев.-кавк. *шээджаиш(э) < шээгъаиш(э)* 'огромный, громадный'] 'великий, огромный; great';
- *sagh, sagma '?';
- *sahasra- [пра-фин.-угр. *s'asra] 'тысяча; thousand';
- *sa-hasra(m) [пра-фин.-угр. *sa-asra ~ др.-инд. sa-jasra-] '1000';
- *saikati [осет. *siqæc, seqæc* 'точильный камень' ~ др.-инд. *saikati* 'щебень', ср. *saikata* 'береговой песок'] 'песок, мелкий щебень; sand, crushed stone, gravel';
- *śaila-, *śela- [осет. *sela* 'круглый плоский камень в детской игре' ~ др.-инд. *śila-* 'камень, скала', *śaila-* 'каменный'] 'сделанный из камня; made of stone';
- *saka- '?';
- *śaka- [праслав. *soxa ~ др.-инд. *śakhā-, śakhin-*] 'сук, разветвление; twig?';
- *śāla- [МН *Цала*, глосса *solata sive tectae* ~ др.-инд. *śālā*] 'прикрытие, кровля, заслон; shelter, roof';
- *śal[a]-tura [МН *Чалтура, Чильтер, Чельтер* ~ др.-инд. МН *Śālatura-*] 'заслон, укрытие; shelter';
- *sal[a]- [МН *Салы, ВН Сал, Кара-Сал*] 'вода; water';
- *salam [ВН *Salamvar* ~ др.-инд. *sala-, var-*] 'проточные воды; stream';
- *sal[a]-giri- [ВН *Салгур, Апыра-Салгур*] 'горная река; mountain water';
- *sal[a]-austa [МН *Αλουστον, Salustah, Shalustah*; ср. др.-инд. *sara-, osthā-*] 'устье реки; river mouth';
- *sapa [сев.-кавк. *санэ* 'вино', осет. *sæp, sænæ* 'вино' ~ др.-инд. *śapa* 'конопляный'] 'хмельной напиток; wine';
- *śāpa-ra- [глосса *σαναπαι* ~ др.-инд. *śapa* 'конопляный', *-pa-* 'пьющий; drinking'] 'винопийца; wine-drinker';
- *śāpa-pi[n]- [глосса *σαναπις* ~ др.-инд. *śapa* 'конопляный', *piti-*] 'винопийца; wine-drinker';
- *sanu [МН *Κινσανους* ~ др.-инд. *sanu-* гора, горная вершина] 'гора; mount';
- *śapha- [осет. *Sæf-tæg* ~ др.-инд. *śaphā-* 'коготь, копыто животного'] 'копыто, коготь';
- *saph[a]-ta-ka- [осет. *sæftæg* 'копыто' представляет собой расширенную суффиксами *-ta-ka-* индоар. основу *śaphā-* 'коготь, копыто животного'] 'копыто; hoof';
- *sapta- 'семь; seven';
- *sapt-al- [МН *Σπταλοι, Σπταλου, Επταλοι, Επταλου*] 'семиречье; seven rivers';
- *sap[ɪ]t[a]-auka- [ЭН *Sattauci*] 'семь домов; seven';
- *sar- 'струя, речной поток; stream';
- *sar[a]- [ИС *Μαριαρα*] 'женщина; woman';
- *saraka- [МН *Σαρακα*] 'пруд, заводь; pond, brook';
- *saraman- [МН *Saraman, Soraman* ~ др.-инд. *sara-*] 'водный поток; water stream';
- *saraza- [груз., мерг., сван. *saraza* 'пчелиные соты'; др.-инд. *sāragha-* 'bee'] 'мед в сотах; honey in the comb';
- *śārda- [осет. *særd, særdæ* 'лето, летом, год' ~ др.-инд. *śarad-* 'осень, год'] 'лето-осень; summer, autumn';
- *saria- [ИС] 'женщина; woman?';
- *sar-mat- [ЭН *Sarmatae, Σαρματαί*] 'женоуправляемые; women-ruled';
- *sarua- [ИС *Κομοσαρυη, Νοτισαρυη*] 'целая; whole';
- *saruka [ИС *Σαρυκη*] 'женщина; damsel';
- *śāśa- [ИС *Σασας*] 'заяц; hare';
- *sasar 'сестра; sister';
- *sasra 'сестра; sister';
- *śastar [глосса *των Σαστηρα* ~ др.-инд. *śastrā-*] 'свод (религиозных) текстов; religious co-dex';
- *śat-, śata- [сев.-кавк. *свэ, шээ, шв* 'сто'; прафин.-угр. *s'ata ~ др.-инд. *śata-*] 'сто; hundred';
- *sat[ta]-auka- [ЭН *Satarchi, Satauci* ~ др.-инд. *sapta-*, праприт. *satta-*] 'семь домов; seven homes';

- *satta 'seven';
- *sauata- [ВН *Саватка* ~ др.-инд. ИС *Savatha*-] 'рожденный той же матерью; born by the same mother';
- *sa-uatara- [пра-сев.-в.-кавк.] 'того же самого года; the same age';
- *saumaka- [ИС *Σαυμακος* ~ др.-инд. ИС *Somaka*-] 'обладающий напитком Сома; possessing soma-drink';
- *saurama- [ЭН *Sauromatae*, *Σαυροματα* ~ др.-инд. *Saura* 'Saturnus', *saura*-] 'почитающие Сатурна; Saturn';
- *sauš- [картвельское заимствование *šauš-ei – истор. обл. Саушети ~ др.-инд. *śuśyate*] 'сухой, сушь; dry';
- *sauša [МН *Soza oppidum dandaricae*, *Σῶσσα* ~ др.-инд. *śuśyate*] 'сухой, сушь; dry';
- *saušana- [осет. имя летнего месяца *sosæp*, *susæp* 'июль' ~ др.-инд. *śuśana* 'засуха, сухость, осушение, сушь'] 'draught', 'засушливый сезон';
- *sazasa- [сев.-кавк. *шъэджаушъ(э)* < *шъэгъаушъ(э)* 'огромный, громадный' ~ др.-инд. *sāhasa*- 'сильный, мощный', *sājasa*- 'огромный, большой'] 'огромный, громадный; great';
- *śela [осет. *sela* ~ др.-инд. *śilā*] 'камень; stone';
- *śer- 'голова; head';
- *śer-bi- [ЭН *Serbi*, *Serri*, *Serni Cephalotomi*, *Κεφαλοτομοι*] 'головорезы; headcutting';
- *śerni [ЭН *Serbi*, *Serri*, *Serni Cephalotomi*, *Κεφαλοτομοι*] 'головорезы; headcutting';
- *śer-ri- [ЭН *Serbi*, *Serri*, *Serni Cephalotomi*, *Κεφαλοτομοι*] 'головорезы; headcutting';
- *saraka [МН *Σερακα*, ЭН *Σερακοι*] 'streaming';
- *særni [ЭН *Serni* – др.-инд. *srni*-] 'серп';
- *setu- [прафин.-угр. *sed*' ~ др.-инд. *śetu*-] 'дамба, мост; dam, bridge';
- *šibi- [МН *civitas Sibensis*, *civitatem Sybensem* ~ др.-инд. этноним *Śibi* 'племенное название в южном Дуабе Инда и Акесина', топоним *Śibi-pura*-] этноним;
- *šibri- < *šrbri- [праслав. *sirbro, прагерм. *silbr-; МН *Σιβριαλα*, *Σιβριαλα* ~ др.-инд. *śubhra*-, *śubhri*] 'сияющий (металл, вода), серебро; shining metal, silver';
- *šibri-apa- < *srbri-apa- [МН *Σιβριαλα*, *Εβριαλα* ~ др.-инд. *śubhri* + *apa*] 'сияющие воды; shining water';
- *siki- [дакийский топоним *Sicidava*, МН *Sicita* ~ др.-инд. *sikita*-, *sikata*-, *saikatā*- 'щебень, щебенка, песок, береговой песок', топоним *Sikayavati* 'щебенистая местность'] 'песчаный, мелкогалечный; sandy, crushed rock';
- *sikit- [таврический реликтовый топоним *Sikita* (*Nikita*) и осет. *sik'it*, *siqit*, *syqyt* 'вещество земли, земля' ~ др.-инд. *sikita*-, *sikata*-, *saikatā*- 'щебень, щебенка, песок, береговой песок', топоним *Sikayavati* 'щебенистая местность'] 'песчаный, мелкогалечный; sand, crushed rock';
- *šila-, *šilā [груз., мерг. *šila* 'песок'] 'песок, мелкая галька; sand';
- *šili-, šilin- [ВН *Silis* 'stone, stony, rock, rocky'] 'песчаный, мелкогалечный; sandy';
- *sima- [МН *Симеуз* ~ др.-инд. *sime* 'by the limit'] 'пограничный; borderline?';
- *sin[u]-ab/-ap [МН *Синаб-Даг*, *Синап-Даг* – др.-инд. *sinu*-, *ap*-] 'горная река; mountain river?';
- *sina [др.-инд. -*sena*];
- *sind[u]- [ЭН *Σινδοι*, ВН *Σινδος*, *Sindus* ~ др.-инд. *sindhu*-] 'речной поток; river';
- *sindaka- [ИС *Σινδακς* *Σινδακος*];
- *sindava- [ИС *Σινδεου*, МН *Σινδη*] 'речной (народ, поселок); river-people';
- *sindika- [МН *Σινδικη*, ЭН *Σινδικοι*] 'речная страна; river-land';
- *singula- [ВН *Συγγουλ*, *Χιγγυλους*] 'инд. река *Hingulā*';
- *šir- [ЭН *Serbi*] 'голова; head';
- *sira- – см. *sara-;
- *siraka- [ЭН *Σιρακες*, *Σιρακοι*, *Sirachi*] ?;
- *sirdu-ghans- [ИС *Σιρδουχανσος*] 'злой гусь; angry goose';
- *sitaka [МН *Σιτ(τ)ακη*, ЭН *Σιτ(τ)ακηνοι* ~ др.-инд. *Setaka*] 'имеющий мосты и дамбы; having bridges';

- *skhal- [пракартв. *sxal-: *sxl-* 'срывать(ся) с места' ~ др.-инд. *skhalate*] 'срываться с места; to dart off';
- *śmaśar, śmaśru- [сев.-кавк. *мучлор* 'борода' – ср. др.-инд. *śmaśar, śmaśru-] 'борода, усы; beard, moustaches';
- *[s]nusa [сев.-кавк. *ньисэ* 'невестка, сноха'; *нус, нусдур* 'невестка, сноха' ~ др.-инд. *snuṣā, snuṣa*] 'невестка; daughter-in-law';
- *solo- [ЭН *Rhymosoli*, ВН *Vagosola* ~ др.-инд. *sara-*] 'река; river';
- *sor- ? – см. *sara-;
- *šoša- [МН *Σοσα, Σουσα, Σουσα, Soza* ~ др.-инд. *su-uasa-* 'good shelter' или *cauṣa-*?];
- *šošana- [ср. др.-инд. *ṣoṣana*] 'сухой; dry';
- *sri-, srau- [МН *Сераус, Серагус*; ср. др.-инд. *srava-*] 'водопад; waterfalls';
- *sruti [груз. *srute* 'протока, пролив' ~ др.-инд. *sruti*] 'стремнина; stream';
- *staktar- [ЭН *Stactari* ~ др.-инд. глаг. *stak-*] 'противники; the opposite';
- *staṭa- 'хвалить; praise';
- *staṭaka- [ИС *Στατακος* ~ др.-инд. *stavana-*] 'хвалимый; praised';
- *staṭana- [ЭН *Stauani* ~ др.-инд. *stavana-*] 'хвалимые; praised';
- *stur [осет. *stur, istur* 'большой' ~ др.-инд. *stura* 'огромный, мощный', *turá-* 'сильный, крепкий' или *sthūlá-* 'прочный, сильный, могучий, толстый, породный'] 'big, powerful, strong';
- *sturak- [ИС *Sturax* ~ др.-инд. *stura* 'огромный, мощный'] 'теленоч, бычок; calf?';
- *suka(r)- [сев.-кавк. *ццлукa* 'свинья' ~ др.-инд. *sūkara-, saukara* 'swine'] 'свинья; swine';
- *śuka- [прафин.-угр. *s'uka* ~ др.-инд. *śuka-*] 'ость, злак';
- *śuli [МН *Шули, Шулю* ~ др.-инд. *śula, śuli*] 'острие, острый кол, шип; sharp stick';
- *su-pat- [МН *Spat, Sbat, Subat, Sybat* ~ др.-инд. *su-, path-*] 'добрый путь или у сопутья; good way';
- *sura- 'герой; hero';
- *surma- [ЭН *Σурματα*] '?';
- *suru- [ВН *Σουρουβα*] 'кислый; sour';
- *suru-[a]ba- [ВН *Σουρουβα*] 'кислые воды; sour water';
- *suš- [пракартв. *suš-*, ~ др.-инд. *śuṣyati* 'to dry', 'иссушать, сохнуть'] 'иссушать; to dry';
- *susjoth- груз. обл. Саушети;
- *suti [МН *Suti* ~ др.-инд. гл. *suti*] 'сочный, влажный; juicy, moisture';
- *su-ṭarna- [ЭН *Σουαρνο* ~ др.-инд. *su-varna-*] 'благородного происхождения; beautiful, golden; from god kin'.

*t/th

- *ta(d) 'тот; that';
- *ta(d)-bi-ti [теоним *Ταβιτί*] 'та бьющая; that beating?';
- *taia [МН *Тая, Taia* ~ др.-инд. *tau-*, МН *Taya-*] 'простертый; stretching';
- *tailap- [ВН *Tailap* (?); ср. др.-инд. ВН *Tailap-arn*] '?';
- *tainia [МН *Ταίνα*] 'тонкая, вытянутая?';
- *tak- [МН *Τυριστάκη*, осет. *tæx* 'речная стремнина, бурный поток', др.-инд. *tak-* 'на-сильственно увлекать, торопить', *tāku-* 'спешащий, торопящийся'] 'бегущий поток; current, flow, course, stream';
- *taka-ta [ВН *Takata* ~ сакс. *tākā* ~ др.-инд. *tāku* 'rapid'] 'потоки; currents';
- *taks- [пракартв. *taxz-: *txz-* 'сплетать, сочинять' ~ др.-инд. *takṣ-ati*] 'ткать, плести, составлять; to weave, plait; make up; compose';
- *taksak- [ИС *Ταξακς*, осет. *tæxsæg* 'плотник' ~ др.-инд. *takṣaká-* 'дровосек, плотник', ИС *Takṣaka-*] 'плотник, дровосек; carpenter, maker, producer';
- *taksan [ИС *Καβαθαξης* ~ др.-инд. *takṣaká-* 'дровосек, плотник'] 'изготовитель сосудов (?); carpenter';
- *taku- [МН *Τυριστάκη* ~ др.-инд. *tāku* 'rapid'];
- *tam-iar- [ВН, МН *Tamiar, Тамияр* ~ др.-инд. *tāmas* 'тьма, темнота; darkness'] 'темный, темнота; dark';

- *tamuraka [МН Ταμυροακη ~ др.-инд. *tāmas* 'темнота, darkness'];
- *tan[u] [осет. *tæn, tænxæ* 'тело, бок, нижняя часть живота' ~ др.-инд. *tanú* 'тело, талия' 'body';
- *tapa- [осет. *tæp*; сев.-кавк. *tæn* 'уголь, жар' ~ др.-инд. *tapah*] 'жар, пыл; heat, coal';
- *-t(h)ag- 'суффикс имен деятеля';
- *tar- [МН *Tarmagno, Τάρρα πολις* ~ др.-инд. *tāra-*] 'берег; shore';
- *tarika- [МН *Τορικος, Θορικος*] 'паром; ferry-boat';
- *tarita- [ЭН *Τορετοι* ~ др.-инд. *tārita-*] 'паромщики; жители у переправы; ferry-people';
- *tarkana- [осет. *tærxon* 'суждение, юр. определение', тарим. сакск. *ttarkana* ~ др.-инд. *tar-kana-* 'суждение'] 'суд, суждение, правосудие; justice';
- *tarna- [др.-инд. *tāna-*] '?';
- *tarpa- [ЭН *Ταρπητοι* ~ др.-инд. *tarpa-* 'плот, корабль'] 'плот; raft';
- *tarpan-, *trapan- [МН *Τραναν, Τραναν, Τραναν, Τραναν*, русск. диал. *тарпанан* ~ др.-инд. *tarapani*] 'каменный или деревянный сосуд для давки винограда; stone or wooden vessel for pressing wine';
- *tars-, *tarsu- [осет. название породы дерева *tærs, tærsæ* 'Fagus silvatica, Fagus orientalis, чинар' ~ др.-инд. *tṛṣú-* 'твердый, шероховатый'] 'шероховатый, твердый; hard, harsh';
- *taruna- [осет. *tæryn* 'молодой' ~ др.-инд. *táruna-* 'молодой'] 'молодой, юный; young';
- *taumara- [осет. *tomar* 'стрела, дротик, копьё' ~ др.-инд. *tomara-* 'дротик, метательное копьё'] 'копьё, дротик; spear';
- *taž- [МН *Ταζος* ~ др.-инд. *taga-, taj-*] 'венец, корона; crown';
- *təm- [гlossen *Temarundam matrem maris* ~ др.-инд. *tāmas* 'darkness'] 'темный; dark';
- *təm[a]-arun[a]-da- [гlossen *Temarundam matrem maris* ~ др.-инд. *tāmas* 'тьма, темнота', *árna-* 'водная стихия, бурное море', *dha-*] 'впадающий в темную бездну, в Черное море; giving to the dark abyss';
- *tetra-ksit- [ЭН *Τετραξίτοι*; *Qyrqor, Qyrqel* ~ др.-инд. *ksit-*] 'обитатели Тетры; Tetra-dwellers';
- *thagima-, *thamima [теоним *Θαμιμασααδης, Θαμιμασααδας* ~ др.-инд. *tha-, dha-*]?;
- *thauā-darā- [МН *Θεωδορω*] 'крепкая пещера; strong cave'?;
- *tjagin [МН *Teaginet, Tegine* ~ др.-инд. *tyagin*] 'самоотверженный; self-sacrificing';
- *tiar- [ВН *Τιαραντοσ*, ИС *Τιαρμοу*, МН *Τζαρβοуανιν* ~ др.-инд. *tīra-* 'берег, край'] 'побережье; seashore, riverbank';
- *tiarant- [ВН *Τιαραντοσ* ~ др.-инд. *tīra-* 'берег, край'];
- *tiar-baganin- [МН *Τζαρβοуανιν*] 'великий берег; big shore';
- *tiar-mog- [ИС *Τιαρμοу*] ?;
- *tirgatauā [ИС *Τιργαταω*, ср. *Tirgutawija* – митанийское ИС];
- *tri-ala- [МН *Trial-eti* ~ др.-инд. *tri-, pañcala-*] 'три реки, триречье; three rivers';
- *troksalli [τροξαλλις] ?;
- *trp- [груз. *trp-* 'наслаждаться, удовлетворяется' ~ др.-инд. гл. *trpyati*] 'наслаждаться; to enjoy';
- *tuak- [МН *Tуак, Tuak, Scuto* ~ др.-инд. *tvak-, tvac-*] 'щит, заслон; shield';
- *tunka-rsi- [ЭН *Tuncarsi* ~ др.-инд. *tuñga-, řsi-*] 'высокогорные отшельники; high hill hermits';
- *tura- [МН *Τυραμβη, Τυρηη*, осет. прилагательные *turæj turnæ* 'быстрый, скорый' ~ др.-инд. *turá-* 'быстрый'] 'быстрый, скорый; rapid';
- *tur[a]-amb[u]- [МН *Τυραμβη*] 'быстрая вода; rapid water';
- *tur[a]ga [ИС *Τυρηη* ~ др.-инд. *turaga-*] 'быстро идущий; rapidly going';
- *turista-ka [осет. прилагательные *turaj* 'быстрый, скорый' ~ др.-инд. *turá-* 'быстрый'] 'быстрица; the most rapid';
- *turis-takā [МН *Τυριστακη*] 'быстрый поток; rapid flow';
- *turman- [ЭН *Tурменii* ~ др.-инд. *turma-*] 'беглецы';
- *turna- [осет. прилагательные *turæj turnæ* 'быстрый, скорый' ~ др.-инд. *turá-* 'быстрый'] 'быстрый, скорый'?

*u-, *u-

*uaca-maža- [ИС *Acætmæz*];

*uaju-ka- [осет. мифологическое имя *Wæjyγ* ~ др.-инд. и авест. теоним *Vāyu* 'ветер, бог ветра'] 'божество ветра; demon of wind';

*ualśa- [пра-сев.-в.-кавк. *velθi (?) 'войлок, бурка' ~ др.-инд. *valça*- 'волос, ворс'] 'войлок, бурка; felt';

*uani- [глосса *porta Vonitiche vel filatorum* ~ др.-инд. *vāni*, *vānī*] 'ткань, ткачество; textile';

*uanitika- [глосса *porta Vonitiche vel filatorum* ~ др.-инд. *vāni*, *vānī*] 'ткаческий; weaver';

*uar- [ВН *Ουαρρας* ~ др.-инд. *vār*-] 'вода; water';

*uar- [венг. *-varos*, МН *Νουαρρον* ~ др.-инд. *Vara*-] 'город; city, town';

*uaral-, *uaran- [пра-сев.-вост.-кавк. *uaran-, *uaral- 'верблюды'; русск. *баран* ~ др.-инд. *uārana- 'sheep'] 'баран; верблюд; camel';

*uarāzan-, uagāzan- [МН *Varajan* ~ др.-инд. *vrijani*] 'загон для скота';

*uardan- [ВН *Ουαρδανος* ~ др.-инд. ВН *Marud-vrdhā* – river Indes] 'река, море; river, sea';

*uari- [МН *Ναβαρης* ~ др.-инд. *vara*-] 'город; city';

*uarsa- [пра-сев.-в.-кавк. *werse (*war-?) 'бычок, теленок, самец' ~ др.-инд. *vr̥ṣa*-] 'теленоч, бычок; male calf';

*uaśa- [сван. *wase* 'нутряное сало' ~ др.-инд. *vāṣa*- 'inner fat'] 'нутряной жир; inner fat';

*uaśi- [сев.-кавк. *уэшъ, уэшъы, гвашъ, (ай)гвышъ, гъэсвэ* 'топор-колун' ~ др.-инд. *vāṣī*] 'секира, топор; ax';

*uas-na- [сев.-кавк. *уасэ, ауаса* 'овца' ~ др.-инд. *vasnah* 'цена в овцах; price in sheep'] 'цена в овцах; price in sheep';

*uasti- [осет. *ixwast* 'сильный' содержит др.-инд. прич. наст. вр. *vaṣṭi* от глаг. корня *vaṣ*- 'домогаться, хотеть, страстно желать, любить'] 'настойчивый; eager';

*uasto-, uastu- [ИС *Ουαστοβαλος*] 'простор; широкий?';

*uatara- [пра-сев.-в.-кавк. *wViVrV 'детеныш до года' ~ др.-инд. *savatara*- 'этого года; of the same year'] 'одногодок; year-old';

*udan [ВН *Ουδων* ~ др.-инд. *udan*] 'вода, воды; water';

*uidu [сев.-кавк. *уиды, уид* 'ведьма колдунья, колдун' ~ др.-инд. *vidu*] 'ведьма, ведунья; witch';

*uina- [часть ИС *ina*- ~ др.-инд. *vina*-] 'без-, лишенный чего-л.; without';

*uina-raja- [ЭН *Ιναρατοι* ~ др.-инд. *vina*-] 'безводные; without water?';

*uis- [~ др.-инд. *viṣ*-] '?';

*ui-sad-ika- [ЭН *Ισαδικοι* ~ др.-инд. *vi*-] 'без поселений, без сел; without settlements';

*upa- [приставки *pa*-, *po*- ~ др.-инд. *upa*-], ср. др.-греч. *ὑπὸ*;

*upa-agra- [МН *Παγγρα* ~ др.-инд. *upa-agra*-] 'удаленный, внешний, крайний; uttermost, outside, extreme';

*upa-sidima- [МН *Po-sidima* ~ др.-инд. *upa*-] 'под седлом; under the saddle';

*upa-stigia- [МН *Po-stigia* ~ др.-инд. *upa*-] 'у сопутья; under the path';

*upa-nutti [ЭН *Πανονουτοι* ~ др.-инд. *upa-nutti*-];

*uraga- [МН *Урага, Uraga* ~ др.-инд. *urá-ga*-, МН *Uraga-pura*-] 'змея; serpent';

*uraža- [осет. *ræz*, *iræz* 'летовище, летнее пастбище' ~ др.-инд. *vrajá*- 'стоянка пастухов, загон для скота'] 'летний загон для скота; summer herd';

*uriksava- [МН *Βριξάβα* ~ др.-инд. *vrikṣu*-] 'покрытый деревьями, растениями; covered with trees';

*us-kardia, uskardeia [ЭН *Οσκαρδιοι* ~ др.-инд. *us-hrdya*-] 'добросердечные?';

*usku-dama[n] [МН *Uscudama* ~ др.-инд. *dhaman*] 'дом у воды; home by Usku';

*uspa [МН *Uspen urbem*] 'обитель?';

*uta-kanda [ЭН *Τυκανδιτα*, МН *Таконда* ~ др.-инд. МН *Utakhanda*, *Utkhand*] 'у ответвления, у рукава; at the branch of...'

ž [dz], [dž]

*žagati- [ВН *Ζάγατις ποταμού ἔβρολαῖ* ~ др.-инд. *jāgat*-] 'подвижный, идущий; going, moving';

- *zalam [ВН *Джалман*] 'вода; water?';
 **zagan-ga-* [ВН *Sarang, Saranga, Заранг* (Старая Кубань) ~ др.-инд. *jaran-*] 'старица; old water';
 **zar-sina-* [ИС *Ζορσινες, Ζορθίνος, Ζορθίνης, Ζορσανος* ~ др.-инд. *jara-, -sena*] 'старик, старина; old body';
 **ziḍa-* [МН *Dziva, Dziva-Kaia, Tschīwa* ~ др.-инд. *jiva-* 'душа, живое существо'] 'одушевленное существо; anima, living being'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грантовский 1998 – Э.А. *Грантовский*. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
 Железняк и др. 1985 – *И.М. Железняк, А.П. Корепанова, Л.Т. Масенко, О.С. Стрижак*. Этимологичний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.
 Иванов Вяч., Топоров 1973 – *Вяч.В. Иванов, В.Н. Топоров*. Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.) Тезисы докладов и сообщений. М., 1973.
 Каменецкий 1989 – *И.С. Каменецкий*. Меоты и другие племена северозападного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
 Лавров 1930 – Житие Константина, XII // *П.А. Лавров*. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
 Отин 2000 – *Е.С. Отин*. Топонимия приазовских греков. Донецк, 2000.
 Погребова, Раевский 1992 – *М.Н. Погребова, Д.С. Раевский*. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992.
 Талис 1974 – *Д.Л. Талис*. Оборонительные сооружения Юго-западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
 Трубачев 1975 – *О.Н. Трубачев*. *Tamarundam* "matrem maris". К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная Балканистика. 2. Предварительные материалы. М., 1975.
 Трубачев 1976 – *О.Н. Трубачев*. О синдах и их языке // ВЯ. 1976. № 4.
 Трубачев 1977 – *О.Н. Трубачев*. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6.
 Трубачев 1981 – *О.Н. Трубачев*. *Indoarica* в Северном Причерноморье // Этимология. 1979. М., 1981.
 Трубачев 1999 – *О.Н. Трубачев*. *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 1999.
 Шапошников 1999 – *А.К. Шапошников*. Старый добрый болгарский Коктебель. Симферополь, 1999.
 Шапошников 2000 – *А.К. Шапошников*. Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999. М., 2000.
 Шапошников 2003 – *А.К. Шапошников*. Три ареала индоарийских языковых реликтов Северного Причерноморья // Этимология 2000–2002. М., 2003.
 Шульгач 1998 – *В.П. Шульгач*. Праслов'янський гідронімний фонд фрагмент реконструкції. Київ, 1998.
 Agrawala 1953 – *V.S. Agrawala*. India as known to Pāṇini (A survey of the cultural material in the *Aṣṭādhyāyī*). Lucknow, 1953.
 Corpus Veneticum – *Corpus Veneticum*. I, Menandri fragmenta.
 De Boor 1891 – *C. De Boor*. Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. XII. 1891.
 Kretschmer 1928 – *P. Kretschmer*. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // KZ, 1928.
 Kretschmer 1944 – *P. Kretschmer*. Inder am Kuban // Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. 80. Jahrg. 1943. № I–XV. Wien, 1944.
 Lassen 1867 – *Chr. Lassen*. Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographie, Ethnographie und älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig, MDCCCLXVII.
 Mayer 1959 – *A. Mayer*. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. II. Wien, 1959.
 Mayerhofer 1953 – *M. Mayerhofer*. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–III. Heidelberg, 1953-. Bd. II-.
 Monier-Williams 1964 – *M.A. Monier-Williams*. Sanskrit-English dictionary. Oxford, 1964.
 Νυσταζόπουλου 1965 – *Νυσταζόπουλου Μαρία Γ.* Η εν τη Ταυρικη χερσονησω πόλις Σουγδαία ἄπο τοῦ Π' μέχρι του ΙΕ' αἰωνος. Αθηναι, 1965.
 Patrologia Latina – *Isidori Hispalensis episcopi epistolae* // Patrologia Latina. T. 83.

- Saint Martin 1847 – V. *De Saint Martin*. Recherches sur les populations et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris, 1847.
 Saint Martin 1850 – V. *De Saint Martin*. Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. T. I. Paris, 1850.
 Tomaschek 1881 – W. *Tomaschek*. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИЭСОЯ – В.И. *Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. 1958; 1973; 1979; 1989.
 КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
 ЭСИЯ – В.С. *Рассторгуева*, Д.И. *Эдельман*. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2003.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праославянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–30. М., 1974-.
 ЭСТЯ – Э.В. *Севортян*. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М., 1974; 1978; 1980; Э.В. *Севортян*, Л.С. *Левитская*. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1989.

ВН – водное название

ИС – имя собственное

МН – местное название

ЭН – этническое наименование

нп. – населенный пункт

п. – поселок

пгт. – поселок городского типа

совр. – современный

ск. – скала

срв. – средневековый

© 2005 г. А.С. НИКОЛАЕВ

ТОХ. А *śamantār*
И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ПРЕТЕРИТ С ПРОДЛЕННОЙ СТУПЕНЬЮ
АБЛАУТА В КОРНЕ*

Предметом данной статьи служит глагольная основа *śama-*, представленная в тохарском А. Вопреки принятой в последнее время точке зрения, рефлекс продленной ступени аблаута в корне этой формы не дает основания для реконструкции акростатического презенса “нартеновского” типа; для долгого гласного предлагается фонетическое объяснение (действие законов Станга и Семереньи). В статье приводятся аргументы в пользу реконструкции корня **dem-* ‘строить’ без конечного ларингала.

Глагольная форма *śamantār* ‘они увеличиваются, растут’ – это форма 3 лица мн. числа презенса IV (в классификации Краузе-Томаса) от глагола, представленного в тох. А *tsām-*, В */tsəm-/*. В тохарском А с основой *śama-* с непереходным значением “находиться в состоянии возникновения, увеличиваться” (например, 3b1 *nišpalntu ykom ošeñi śamantār* ‘богатства увеличиваются днем и ночью’) сопоставима (как обычно в тохарском, где наличие каузативной основы является обязательной частью глагольной парадигмы) с основой *tsāms-* с переходным значением ‘сотворять’ и ‘увеличивать’ (например, 3a5 *śemäl tsmāšlune* ‘увеличение скота’, 13A2 *wāwekuñcās āyāntwās śi (śāk śa)?śmānt* ‘из сломанных костей они создали для себя льва’)¹.

В тохарском В представлены основа */tsəme-/* (Praes. III) с непереходным значением “увеличиваться, возникать” [например, B521b4 *ekñiññesa tsmenträ, śateñ (mäskenträ)* ‘они обзаводятся имуществом и становятся богатыми’, ВФПР1a4 *tesa mā upadrap tsmetār* ‘посредством этого разлом не растет’]² и каузативная основа */tsəms-/* (Praes. VIII) с переходным значением ‘сотворять’, ‘увеличивать’, откуда также ‘вызывать’, например, ВРe2a2 *tsemtsa cine wnołmems tañ wrocce* ‘он пробудил огромную любовь к тебе среди живущих’³.

Этимология этого глагола является общепринятой: он традиционно сопоставляется с и.-е. **demH₂-* ‘zusammenfügen, bauen’: лув. Praet. *tamata* ‘он построил’, гот. *ga-timan*, др.-гр. *δέιμο*, хотанск.-сакск. Med. *pa-dimāte* ‘он делает’ [Rix et al. 2001 (LIV²): 114–115]⁴. Формы с начальным *ts-* (В 3 Pl. Praes. *tsmentār*, Conj. *tsmāntār*, А Part. Praet. *tsmo*) закономерно отражают и.-е. **d-* (ср. и.-е. **der-* ‘раздирать, отделять’ > тох. В 1 Sg. Praes. *tsremar*, тох. А Part. Praet. *tsro*). Проблему, тем не менее, представляет сама форма, вынесенная в заглавие статьи: палатализация начального дентального может быть объяснена лишь при ус-

* За консультацию по тохарскому материалу, равно как и за многочисленные советы я благодарен моему учителю М. Петерсу (Вена); за ценные замечания я также благодарю моих учителей Л.Г. Герценберга и Н.Н. Казанского (Санкт-Петербург), а также моих коллег И.А. Герасимова и А.В. Сидельцева (Москва). Работа выполнена при финансовой поддержке “Фонда содействия отечественной науке”.

¹ Определение переходного значения АВ *tsām-* как ‘langsam entstehen lassen, schaffen’ принадлежит В. Винтеру [Winter 1962: 26–27].

² С этой основой связаны Conj. V */tsāmā-/*, */tsämā-/*, Pret. Ia */tsāmā-/*, Part. Pret. */tsāmo-/*.

³ Каузативной основе сопоставлены Conj. I */tsām-/*, Pret. 3b */tsem(sā)-/* и Part. Pret. */tssetsamu-/*.

⁴ Этот корень следует отличать от омонимичного **demH₂-* ‘усмирять, связывать’ (хетт. *damašzi*, вед. Impf. *adamāyás/Part. damāyantam*, др.-гр. *δομνῆμι*, лат. *domō*, гот. *tamjan*), см. [Mayrhofer 1992–1996, 1: 697–8; Hackstein 1995: 138, прим. 113].

ловии, если/а/первого слога является рефлексом и.-е. /ǣ/ (а не /o/)⁵. Эта форма уже привлекала внимание тохаристов и индоевропейцев⁶. Приведем мнение Д. Ринджа: “The palatalization of the initial consonant... is particularly intriguing, as it suggests that the following *a* represents PT *e < (post)PIE *e” [Ringe 1996: 124]⁷. На первый взгляд, ситуация выглядит так, как будто бы восточно-тохарский – единственный из всех индоевропейских языков, где сохранилась продленная ступень от корня **demH*₂-, что само по себе кажется примечательным; в словаре индоевропейских глаголов [Rix et al. 2001: 116, прим. 12] эта форма снабжена комментарием: “mit irregulärer R(e) *sem- < **dēmH*₂-, die der Erklärung bedarf”. Перед тем, как обратиться к этой проблеме с точки зрения индоевропейской реконструкции, рассмотрим тохарский глагол *tsām*- с внутритохарской точки зрения.

Презенсы III и IV классов⁸ (все относящиеся к среднему залогу) образуют свою основу от основы претерита I (с исходом на пратох. *-ā) с помощью суффикса **-ie/o-* [Ringe 1987; Jasanoff 1978: 24–46]⁹; из этого следует, что незасвидетельствованный претерит I *tsāmā-, существование которого следует предположить на основании Part. Pret. A *tsmo*, B/*tsām*/ < *dṛH(H₂-), предполагает для тохарского А существование презенса с нулевой ступенью аблаута в корне, соответствующую засвидетельствованному в тохарском В презенсу III класса *tsmetār*; иными словами, занимающая нас форма *śamantār* с рефлексом долгого гласного в корне незаконномерна с точки зрения тохарской глагольной морфологии – эта форма должна была вытеснить ожидаемую основу презенса с рефлексом нулевой ступени аблаута в корне¹⁰.

Итак, для общетохарского следует восстанавливать презентную основу с вокализмом, восходящим к нулевой ступени и.-е. корня **demH*₂-, а источник */ǣ/ в форме *śamantār* следует, по всей видимости, искать вне презентной системы – не исключено, что имеет смысл обратиться к тохарскому имперфекту. Известно, что в тохарском А (и, в меньшей степени, в тохарском В¹¹) представлен класс некаузативных имперфектов

⁵ В качестве параллели к тохарской палатализации рефлекса и.-е. *d > пратох. *ts- приведем и.-е. *dekṃti*- ‘10’ > В *śak*, А *śāk*. Примеры на развитие и.-е. *ē > пратох. *e: **b^hreH₂iēr* ‘брат’ > А *pracar*, В *procer*; сигматический аорист **prēk-s-* ‘просить’ > А *prakās*, В *preksa*; и.-е. *mēH₁n-ōs, Gen. Sg. **m(e)H₁n-s-és* ‘луна, месяц’ (др.-инд. *mās-*, г.-ав. *mā* [чтение в два слога], арм. *amis*, др.-ирл. *mís*, лат. *mēnsis*, лит. *mėnuo*, *mėnėsis*, гот. *mēnops*, др.-гр. *μείσις/μήν*, мик. Nom. Sg. *me-no*, Gen. Sg. *me-no* и т. д., см. [Rieken 2001]) > А *mañ*, В *meñe*.

⁶ Для Х. Педерсена начальное *ś-* в занимающей нас форме также представляло проблему (“Merkwürdig ist *ś* statt des zu erwartendem *ts...*”, см. [Pedersen 1941: 247]), хотя он еще исходил из неверного представления о тохарских палатализациях.

⁷ Следует отдельно оговорить возможность фонетического развития и.-е. *e- > пратох. *æ- в позиции перед **-nt*, предположенного С.А. Бурлак [Бурлак 2000: 117–118]; в принципе, приняв такое развитие, можно было бы решить проблему тох. А *śamantār*, не прибегая к и.-е. продленной ступени; однако по причинам морфологического характера нам кажется, что решение Бурлак не вполне убедительно с точки зрения и.-е. реконструкции, подробнее см. в нашей статье [Николаев, в печати].

⁸ То, что рассматриваемый нами глагол относится к разным классам в тохарском А и тохарском В, неудивительно, поскольку различие между III и IV классами определяется корневым вокализмом: глаголы III класса содержат в корне /ā/, /i/, /u/, а глаголы IV класса – /ā/ или дифтонг.

⁹ Дж. Джэзнов исходит из того, что соответствие тематических гласных А -*a* ~ В -*e* (класс III) и А -*a* ~ В -*o* (класс IV) можно объяснить из и.-е. *o-, окончания 3 Sg. среднего залога. Д. Ринж, однако, показал, что рефлекс и.-е. */o/ не вызывал *o*-умлаута пратох. */a/, который можно наблюдать в формах презенсов III класса В 3 Pl. *wokotrā* (и.-е. **ueH₂g-*) или 3 Pl. *osontrā* ‘они становятся сухими’ (и.-е. **H₂es-*), см. также краткое изложение этой точки зрения в работе [Ringe 1988–1999: 83–96]. Концепция Джэзнова была, впрочем, поддержана рядом тохаристов; так, только объяснение Джэзнова цитирует в своей тохарской грамматике Ж.Ж. Пино [Pinault 1989: 138].

¹⁰ Такого рода аналогические перестройки основ, в частности, вовлекающие меню палатализованного/непалатализованного согласного, часты в тохарской глагольной системе. Можно процитировать мнение П. Анрайтера: “Im Flexionsparadigma finden sich ‘irrationale’ Anlaute, die auf gegenseitige Beeinflussung von *ts*- und *ś*- hinderten, die ihrerseits so stark gewesen sein muß, daß regelrechte Sekundärübertragungen und wechselseitige Substitutionen stattgefunden haben” [Anreiter 1988: 109]. Этот автор, однако, исходит из представления о рефлексах и.-е. смычных в тохарском, далекого от общепринятого, и возводит тох. АВ *tsām*- к *tu-Vm- (ср. лат. *tumēre*).

¹¹ Обычный способ образования имперфекта в тохарском В – с помощью суффикса -*i*- (из и.-е. суффикса опатива **-ieH₁-*/**-iH₁-*).

(так называемых “сильных” имперфектов, следующих претеритному спряжению), имеющих в основе рефлекс и.-е. продленной ступени /ē/ и суффиксированных с помощью пратох. -ā- (вызвавшего умлаут), например, *kärs-* ‘знать’ : *sārsar* ‘они знали’ (*ā* по умлауту), *tärk-* ‘отпускать’ : *cārkar* ‘они отпускали’, *kälp-* ‘обретать’ : *sälpat* ‘он обрел’, *tsäk-* ‘тянуть’ : *säkant* [Krause-Thomas 1960: 221]¹². У этого типа имперфекта та же структура, что и у претерита II в тох. В, но претерит II – каузативный и соответствует, скорее, индо-иранскому редулицированному аористу, который также в большинстве случаев употребляется в каузативной функции; тем самым, едва ли можно полностью согласиться с Пино в том, что “ce prétérit et cet imparfait sont issus du même prototype, avec divergence fonctionnelle dans l’histoire dialectale du tokharien” [Pinault 1989: 128]¹³. Поскольку “сильные” имперфекты – единственная глагольная категория в тохарских языках, где рефлекс и.-е. продленной ступени аблаута в корне выступает как грамматический признак, в предположении, что презенс *šamantär* смоделирован по соответствующему имперфекту, нет ничего невозможного¹⁴.

Определив место формы *šamantär* в тохарской глагольной системе, мы можем исследовать ее предысторию: необходимо дать ответ на вопрос, мог ли среди рефлексов корня **demH₂-* в тохарском появиться “сильный” имперфект; для этого следует обратиться к вопросу о происхождении всего этого глагольного класса.

Для тохарских “сильных” имперфектов предлагались разные объяснения: Й. Хильмарссон предлагал возводить их к “Indo-European reduplicated intensive-iterative formation of the structure Ce-CoK”. Конечно, редулицированные основы от корней с начальным ларингалом могли стать основой для некоторых и.-е. претеритов с долгим гласным в корне (например, **H₁e-H₁d-* > лат. *ēdimus*, гот. *ētum*; **H₂e-H₂no(n)k-* > др.-ирл. *-ánaic* ‘достиг’ [Lindeman 1982: 184]). Более того, определенные фонетические изменения могли привести к появлению долгого гласного и в формах от корней, не содержащих ларингальный, ср. лат. *sēdī* и др.-инд. *sēdima*, которые могут продолжать редулицированный аорист **se-sd-* > **sēd-*. Можно также вспомнить об огласовке в древнеирландском бессуфиксальном претерите, продолжающем и.-е. перфект (ср. *gáid* ‘он просил’ < **g^wōd-*, где **g^wōd-* представляет собой рефлекс основы перфекта **g^we-g^wod-*, перестроенный по аналогии к слабой основе **g^we-g^wd-* > **g^wzd-* [Николаева 2003: 87 и сл.] или *táich* ‘он ткал’ < **tōk^w-* < **totk^w-* [Schumacher 2004: 74–75]¹⁵). Нечто подобное происходило и в ведийском: нередулицированный перфект с -e- в слабой основе вытесняет старый редулицированный¹⁶: ср. инновационную форму *petatur* (RV 10, 96, 9) vs. *paptima* (RV 9, 107, 20) по аналогии с *yetiré* (RV 1, 85, 8+) < **ya-it-* [Macdonell 1916: 149–150]¹⁷. Для тохарского Хильмарссон предлагает следующее развитие: **CeCoC* > **C`äCæC* > *\*C`CæC* > **C`C`æC* > *C`æC* с нерегулярной синкопой *ä* [Hilmarsson 1990: 111]. Универсальным это

¹² Й. Расмуссен справедливо подчеркивает, что основа тох. А сильных претеритов независима от презентной основы [Rasmussen 1992: 112]; так, основообразующий носовой (ср. *kärsnäs* ‘он знает’, *tsäknäs* ‘он тянет’) отсутствует в формах имперфекта.

¹³ О предыстории претерита II см. статью Р. Кима [Kim 2004], который приходит к выводу, что формы этого глагольного класса в тохарском А и тохарском В возводятся к общей форме с редупликацией (этот вывод, однако, не затрагивает все “сильные” имперфекты класса III, 1).

¹⁴ Ср., например, в древнегреческом появление тематического презенса *κεράασθα* γ332, образованного от основы сигматического аориста *ἐκέρασσα*, вместо древнего презенса с носовым инфиксом *κίρωμι*, Part. Praes. Act. *κίρωας*.

¹⁵ Цит. по [Meiser 2003: 153, прим. 5].

¹⁶ Я благодарен И.А. Герасимову, который напомнил мне об этом факте.

¹⁷ Макдонелл объясняет этот феномен (наблюдаемый в Ригведе для 12 корней) аналогией к **sa-zd-*. См. [Kummel 2000: 19]: “Durch reguläre Lautentwicklung entstand im Ved. bei einigen Wurzeln der Struktur *yaC* sowie bei *√sad* ein schwacher Perfektstamm, bei dem im Ergebnis der Wurzelvokal durch *e* ersetzt war: **ia-im-* > *yem-* > *√yam*, **sa-sd-* > **sa-zd-* > *√sad*. Aus diesen Fällen wurde eine Regel abstrahiert, nach der man bei Wurzeln der Struktur *CaT* und *CaN* den schwachen Perfektstamm bilden konnte, indem man das *a* der Wurzel durch *e* ersetzte. Diese *e*-Regel wurde ausgenutzt, um seltene Konsonantengruppen zu vermeiden”.

объяснение считать едва ли можно, тем более, что ни один из тохарских глаголов, образующих сильный претерит, не дает оснований для реконструкции “стянутой редупликации”.

И. Расмуссен предлагает считать тохарские имперфекты с “долготным” корнем новообразованием по аналогии с имперфектом от глагола-связки с аугментом: *es-ti : *zst < *e-H₁es-t. Это остроумное объяснение исходит, однако, из рискованного предположения о сохранении (наличии) аугмента на какой-то стадии пратохарского [Rasmussen 1992: 112–113].

Наконец, все более распространенным в последнее время становится возведение этих имперфектов к праязыковым формам с продленной ступенью в корне. Такие формы прошедшего времени известны для индоевропейского; можно вспомнить лат. *lēgī*, соотносящееся с тох. В *lyāka* ‘он увидел’, а также с алб. *mblodha* ‘он собирал’ < *en-lēg -: албанские аористы с -*o*- в корне к и.-е. /*ē*/ возводит М. Вайс, ср. *mola* ‘я доил’ (аорист от *mjel*) ~ вед. *mārṣti*¹⁸, *vodha* ‘я украл’ ~ и.-е. **ueǵ^h* -, др.-инд. *vāhas-*, гот. *wēgs* [Weiss 1993: 178]. Тохарские “сильные” имперфекты были впервые возведены к типу основ с продленной ступенью в корне Джорджем Шерманом Лэйном [Lane 1953: 281–284], к которому присоединился Дуглас Адамс [Adams 1988: 87–88]. Так, Джэй Джэзнов возводит *šamantār* к и.-е. типу глагольной парадигмы с продленной ступенью корня в единственном числе активного залога: “As noted earlier, A *šamatār* ‘grows’¹⁹ and *šalpatār* ‘crosses over, is redeemed’ point to preforms with original *-z-... It seems likely that these forms originally belonged to an IE “acrostatic” paradigm, characterized by lengthened grade in the active singular... and fullgrade elsewhere... The *z*-vocalism of *šamatār*, *šalpatār* appears to have spread from the (unattested) forms of the active, while the zero-grade of *tmetār*, *tsälpetār* probably reflects a substitution of zero- for fullgrade of the same type as that seen, e.g., in Ved. 3 pl. *stuvānti* for *stāvati < *steuǵti” [Jasanoff 1978: 44]. В более поздней работе Джэзнов снова высказался в пользу такой интерпретации *šamantār* [Jasanoff 1998: 313].

Последнее из приведенных решений кажется нам наиболее привлекательным и интересным. Методологически важен следующий аспект вопроса: хорошо известно, что одну из центральных проблем современной реконструкции праиндоевропейской именной и глагольной морфологии составляет так называемая акростатическая парадигма словоизменения, одной из основных характеристик которой является появление в корне продленной ступени /*ē*/ или ступени аблаута /*o*/. Пока еще не полностью ясна конкретная (грамматическая) семантика, связанная с этой апофонией, однако очевидно, что этот тип словоизменения играл важную роль в системе как имени, так и глагола²⁰. Акростатическая парадигма с продленной ступенью в корне традиционно называются “нартеновыми” в честь Йоханны Нартен, обратившей внимание на ведийский тип 3 Sg. Praes. Ind. Act. *tāṣdi* ‘он создает’, 3 Pl. *tākṣati* (< *tēkti, **tēkṛti*²¹), г.-ав. 3 Sg. *stāumī* ‘я восхваляю’, вед. *astāut*, заставляющие реконструировать древнее *stēuti, или медиопассив **kei(t)ori* (вед. *śāye*, др.-гр. *keĩtai* ‘он лежит’)²². Не менее важен следующий шаг, который был предпринят И. Шиндлером: в одной из своих последних работ (см. [Schindler 1994: 400–401]) он обратился к вопросу о статусе “нартеновых” форм в грамматической

¹⁸ Если ведийская форма относится к этому корню (и.-е. *H₂melǵ -), а не к корню *H₃merǵ - (др.-гр. *ομόρῳμι*). Реконструкция корневого имени с “нартеновым” аблаутом *H₂mēlǵ - /*H₂melǵ -, предпринятая В. Грипентрогом [Gripenotrog 1995: 303], основывается лишь на долготе в вед. *mārṣti* (что специально подчеркивает Мартин Кюммель, разбирая прагерм. **meluk-* в статье, посвященной германским двусложным именам с -*u*- во втором слове, см. [Kummel 2004: 291, прим. 1]).

¹⁹ Ср. [Sieg-Siegling-Schulze 1931: 483]: “*šamantār* 254a 5 (wo fälschlich -*tar*-)”.

²⁰ Дж. Джэзнов в серии работ [Jasanoff 1979; 1994], а теперь и в монографии [Jasanoff 2003], реконструирует для праиндоевропейского глагола тип презентов и аористов с “акростатическим” чередованием *ole в корне.

²¹ Долгота корневого гласного в древнеиндийском может быть объяснена лишь из и.-е. продленной ступени: закон Бругманна, согласно которому и.-е. */*o*/ может дать индо-ир. /*ā*/, действует лишь в открытом слове.

²² Из литературы по этому вопросу, помимо основополагающей работы Нартен [Narten 1968], независимо от которой практически одновременно к сходным выводам пришел Калверт Уоткинз [Watkins 1969: 27–32], следует назвать следующие работы: [Peters 1975; Strunk 1985; 1987].

системе праязыка и поставил вопрос о том, являются ли эти формы морфологическим средством для образования корневого презенса от корневого аориста (это вывод статьи [Kummel 1998]), или же долгий гласный в корне (и акростатический аблаут) – это неотъемлемое качество корня, формирующего своего рода “нартенову систему”²³. В подтверждение последнего тезиса Шиндлер привел ряд параллельных именных и глагольных формаций от одного и того же корня, демонстрирующих продленную ступень аблаута в корне там, где по законам и.-е. морфологии ожидалась бы *gina*, и ступень *-e-* там, где следовало бы ждать нулевой ступень, например:

– *H₃rēḡ-ti ‘он направляет, правит’ (др.-инд. *rāsti*) vs. *H₃rēḡ-s ‘правитель’ (лат. *rēx*, др.-ирл. *rí*, Gen.Sg. *ríg*), **H₃rēḡ -r/-n-* (г.-ав. *rāzar*²⁴, вед. Loc.Sg. *rājāni* RV 10, 49, 4с ‘приказ, руководство’)²⁴;

– *ḡ enH₁-to ‘он родил(ся)’ (др.-гр. *ἐγένετο*) vs. *ḡ enH₁-to ‘ребенок, рожденный’ (ав. *ni-zanta*, др.-верх.-нем. *kind*), др.-гр. *γενεσις* (нерегулярное на фоне многочисленных образований с суффиксом **-ti-*, имеющих нулевую ступень в корне²⁵, ср. *στάσις, τάξις, φύσις*);

– др.-ирл. *tál* ‘тесло’, восходящее, согласно Паулю Видмеру [Widmer 2001a], к **tōkI/-lo-*, образованному от того же корня, что и *tāsti, táksati* < **tēkti, tēkḗnti* (ср. “ненартенову” пару **sep-ti-* ‘умело, бережно обращаться, держать’²⁶ > г.-ав. *hapiti* ‘держат, поддерживать’: **sop-lo-* > *ὄπλον* ‘инструмент, веревка, оружие’);

– дериваты от корня **sed-*, такие, как др.-ирл. *síd* ‘курган’ < *sēdos или, возможно, вед. *sādád-yoni- ἄποξ λευ.* RV V, 43, 12 ‘тот, кто сидит на коленях’ < **sēd-ḡt-*; здесь же можно вспомнить о каузативах с продленной ступенью аблаута в корне ст.-сл. **САДИТИ** и др.-ирл. *sádid*²⁷, которые продолжают “Клингenschmittовский” каузатив **sōdḡelo-* [Klingenschmitt 1978]²⁸.

Гипотеза Шиндлера о “нартенности” как неотъемлемом признаке корня, своего рода “Narten universe”, безусловно, в высшей степени привлекательна и требует дальнейшей проверки. В частности, связи между нартенowymi системами и рефлексами про-

²³ Именно этот взгляд систематически отражен в работе ученика Шиндлера П. Видмера, остающейся неопубликованной [Widmer 1997]. Отметим, что М. де Ваан (также учившийся у Шиндлера, но формально принадлежащий к Лейденской школе) в недавней работе рассмотрел авестийские примеры на “долготные” корни и пришел к выводу, что все они могут быть объяснены иначе (“the Avestan pillar under the theory of ‘Narten’ roots has collapsed” [de Vaan 2004: 598]); однако он не коснулся второй составляющей “нартеновых” феноменов, а именно, нулевой ступени в суффиксе/окончании “нартеновых” форм.

²⁴ Реконструкции с внутренним ларингалом (**H₃reH₂ḡ-* uel sim.) препятствуют такие формы, как др.-гр. (*χεῖρας*) *ῥεγνύς*, тем самым, долгота должна иметь морфологическое происхождение.

²⁵ Очевидно, большинство имен с суффиксом **-ti-* в праязыке склонялись по протерокинетическому типу, и уже в праязыке эти имена обобщили нулевую ступень аблаута в корне (см. [Meier-Brügger 2002: 209]).

²⁶ Тонкий семантический анализ значения корня **sep-* ‘handle (skillfully), hold (reverently)’ был проделан Б. Вайном [Vine 1988].

²⁷ С. Шумахер возводит др.-ирл. *sádid*, ср.-валл. *gwa-hawd* ‘приглашает’ к **sōdḡelo-*, см. [Schumacher 2000: 225].

²⁸ Согласно теории Клингenschmittа, каузатив, соотнесенный с основами, демонстрирующими в презенсе “нартеново” спряжение, характеризуется не только акростатическим аблаутом в корне, но и иным видом суффикса: **-je/o-* вместо **-eje/o-* (**suōpje/o-* > лат. *sōpiō* ‘усыплять’, др.-исп. *soefa* ‘убивать’, **H₁ōdḡelo-* > арм. *ւեմ* при “нартеновом” *H₁ēd-mi ‘я ем’). Первый предлагаемый Клингenschmittом признак не вызывает возражений с системной точки зрения (пропорция: *-ē-* в корне обычных презенсов :: *-o-* в корне каузативов ~ *-e-* у нартеновых презенсов :: *-ō-* у нартеновых каузативов); второй, однако, далеко не общепринят, поскольку суффиксальный аблаут **-jo-* ~ **-eje/o-* остается без параллелей, к тому же многие каузативы с продленной ступенью аблаута в корне демонстрируют обычный суффикс каузатива **-eje/o-* (ср. **uōd^hH₂eje/o-* > др.-гр. *ὠθέω* ‘я толкаю’ при “нартеновом” **uēd^hH₂-ti* >> др.-инд. *vāhate* ‘выгналкивает’). Необходимо отметить, что и “долготные” характеристики корня **sed-* могут быть интерпретированы иначе: сторонники закона Вингера могут видеть в балто-славянском **sēd-* результат удлинения перед звонким неаспирированным смычным, а лат. *sēdi*, как и др.-инд. *sēd-*, может продолжать и.-е. **se-sd-* (см. выше в тексте).

дленной ступени в тохарском глаголе требуют дальнейшего изучения²⁹. Однако именно для успешного продолжения исследований в этом направлении принципиально важно по возможности исключить из рассмотрения все случаи, где то, что на первый взгляд кажется морфологически обусловленной продленной ступенью аблаута, и, тем самым, приметой акростатической парадигмы, на самом деле может быть объяснено иначе. Так обстоит дело и с тохарскими “сильными” имперфектами: в случае хорошо известного корня **b^her-* ‘нести’ возведение тох. В имперфекта *rāgat* ‘он нес’ к **(e)-b^hēr-t(o)*³⁰ оправдано ввиду наличия рефлексов акростатической парадигмы а) в именных дериватах, ср. **b^hēr-mṅ-* (серб. *brème*, др.-инд. *bhārman-*), **b^hēr-tr-* (мл.-ав. *bāšar-* Y. 11.2³¹), а также др.-верх.-нем. *bāra*; б) в причастии **b^hēr-ṅt-iH₂* (др.-ирл. *birit* ‘свиноматка’)³². Однако, ввиду того, что для корня **demH₂-* нет оснований восстанавливать “нартеновы” формы, и, тем самым, основа “сильного” имперфекта **sama-* (от которой, как было показано выше, образована презентная форма *šamantār*) вряд ли восходит к и.-е. претериту с морфологически обусловленной продленной ступенью аблаута в корне, кажется предпочтительным дать основе **t^hæm-* (и.-е. **dēmH₂-*) иную диахроническую интерпретацию.

В поисках альтернативного объяснения рефлекса продленной ступени в корне тох. А *šamantār* можно вспомнить схожую проблему, а именно, неожиданный рефлекс продленной ступени в тохарском соответствии и.-е. аориста от корня **g^hem-* ‘идти, приходиться’ (вед. *āgan*, арм. *ekn*, др.-гр. 3 Du. *βατήν*), а именно, претерита VI класса от тох. В *kām-* ‘приходить’:

- 1 Sg. *kamau*
- 2 Sg. *šem*
- 3 Sg. *šem*
- 1 Pl. *kmem*
- 2 Pl. ?
- 3 Pl. *kamem*

²⁹ Так, в докладе на XVI конгрессе по историческому языкознанию в Копенгагене М. Пайк сопоставил лат. Perf. *clēpī* (менее надежно, но все-таки засвидетельствованный помимо *clepsī*) и тох. В *klyeprā* ‘to touch with hands, investigate, test’ < **klēp-el/o-* или **klēp-(t)or*, реконструировав, тем самым, еще один нартенов имперфект [Pike 2003].

³⁰ Важно отметить, что говоря о нартеновых претеритах в индоевропейских языках, мы подразумеваем формы, восходящие к и.-е. “долготному” и м е р ф е к т у, т. е. парадигме с вторичными окончаниями, образованной от основы презенса; Джэй Джэзнов специально подчеркивает то обстоятельство, что для праязыка нам неизвестны активные корневые аористы с апофонией **ṛ/*e* [Jasanoff 2002: 292; Harðarson 1993: 57]. Не вполне убедительны аргументы Пауля Видмера, реконструирующего аорист **k_lēu-* ‘слышать’ [Widmer 1998]: рефлексы этого корня в древнеиндийском, древнегреческом и армянском дают основания исключительно для реконструкции корневого аориста с нормальной апофонией **k_lēu-/*k_lu-* (см. [Peters (в печати)], прим. 11). Тем не менее, существует и иная точка зрения, у истоков которой стоит Ст. Инслер [Inslер 1972: 556–559], согласно которой для праязыка следует восстанавливать аорист с продленной ступенью аблаута в корне в единственном числе и во втором лице множественного числа (см. критическую рецензию М. Петерса на книгу Хардарсона, [Peters 1994: A128–A132]). Так, Й. Расмуссен восстанавливает **(H_x)_iēm-t* ‘он взял’, ср. вед. *á-yān*, г.-ав. *apa-iañtā*, см. [Rasmussen 1978: 65–66] (его поддерживает М. Петерс, который сопоставляет этому долготному аористу долготный перфект **(H_x)_i-(H_x)_iom-* (тох. AV *yām-*), см. [Peters 2004: 434, прим. 24]). Более полный, чем у Расмуссена, список возможных акростатических аористов приводит К. Трамбле, см. [Tremblay 2003: 152–53, прим. 176]: **g^hērH₂-t*, **sēd-t*, **(s)īēH₂-t*, **tēp-t*, **(H_x)_iēm-t*, **īēt-t*, **(s)mēr-t*, **sēg^h-t*, **tēn-t*, **gēl-t*, **H₁rēm-t*.

³¹ Цитируя эту форму, Шиндлер ссылается на недоступную мне магистерскую диссертацию Михаэля Янды [Schindler 1994: 401]; отметим, что Мишель де Ваан в своем исследовании авестийских гласных предлагает специальное правило, согласно которому “Short **a* yields YAv. *ā* after one of the labial consonants *v*, *x* or *b* and in front of *š* < **rt*; this change only occurs in initial syllable” [de Vaan 2003: 54].

³² Или **b^hēr-ṅt-iH₂?* См. [Widmer 2004: 137–138, прим. 211].

Форма *sem* (употребляющаяся и во втором, и в третьем лице, см. [Pinault 1994: 185, 189]) восходит к праформе с долгим гласным в корне³³, однако, она не может продолжаться и.-е. сигматический аорист **g^wem-s-t* (как предлагают К.Т. Шмидт и Й. Хильмарссон, см. [Schmidt 1997: 257; Hilmarsson 1996: 74]), этому противоречат как тохарские фонетические законы (Auslautgesetze, см. [Ringe 1996: 67, 76, прим. 1]), так и законы морфологии тохарской глагольной системы, согласно которой сигматический претерит имеет переходное значение (ср. В *lac* 'ушел' vs. В *lyautsa* 'прогнал', см. [Hackstein 1995: 164; 2000: 98–99]). Более убедительным кажется решение, впервые предложенное Й. Шиндлером [Hollifield 1977: 170]: Шиндлер отметил, что источником долгого гласного могло стать фонетическое развитие в первом лице **g^wem-m* > **g^wēm-* (т.е. компенсаторное удлинение, известное как закон Станга, см. [Stang 1965; Mayrhofer 1986: 163–164]³⁴); из первого лица основа **g^wēm-* распространилась по парадигме³⁵. Это решение принято в ряде работ последнего времени (см. [Pinault 1994: 197f.; Hackstein 1995: 164, прим. 21; Katz 1997: 79, прим. 79; Widmer 2001b: 183; Jasanoff 2002: 292, прим. 9]). Действительно, такие примеры, как и.-е. **dīēus* (др.-инд. *dyáuh*), Acc. Sg. **dīeum* > **dīēm* (др.-инд. *dyām*, др.-гр. Ζῆν(α), лат. *dīēm*, др.-ирл. *dé³⁶*) или Nom.Sg. **g^wou-s* (др.-гр. βούς), Acc.Sg. **g^woum* > **gōm* (др.-инд. *gām*, др.-гр. βῶν) убедительно демонстрируют, что последовательность из двух сонантов в конце и.-е. слова упрощалась с заместительным удлинением предшествующего гласного. Еще один шаг сделал Р. Ким [Kim 2001], который отметил, что и в форме второго лица корневого аориста **g^wem-s* могло произойти компенсаторное удлинение, результатом которого было бы все то же **g^wēm-*: закон, согласно которому конечный спирант в позиции после сонанта выпадает с компенсаторным удлинением, известен как закон Семереньи (см. [Szemerényi 1996: 115–117] с литературой вопроса и списком предшественников; в качестве основных примеров ср. формы номинатива основ на **-r* и **-n*, например, **pH₂tēr* < **pH₂ter-s*, а также окончание 3 Pl. Perf. Ind. Act. **-ēr* < **-ers* (лат. *-ēre*, ср. хетт. *-ēr*), сосуществовавшее с **-rs*, ср. вед. *jagmúr*, г.-ав. *čikōitarāš* Y. 32.11, см. [Jasanoff 1997]). Пример на оба интересующих нас контекста **-m-m* и **-m-s* дает и.-е. слово для земли, принадлежащее к и.-е. амфикинетической парадигме: в парадигме Nom.Sg. **d^héǵ^h-om-s*, Acc.Sg. **d^héǵ^h-om-m*, Gen.Sg. **d^héǵ^h-m-és* 'земля' после действия обоих рассмотренных выше законов номинатив и аккузатив фонетически совпали в форме **d^héǵ^h-ōm*, следствием чего явилась переинтерпретация этого имени в хеттском как имени среднего рода (Nom.-Acc. Sg. *tēkan*), при том, что во всех прочих и.-е. языках это слово женского рода [Schindler 1977: 31; Melchert 2003: 150–152, также прим. 22]. Итак, результатом фонетического развития двух из трех форм единственного числа корневого аориста **g^wem-m*, **g^wem-s*, **g^wem-t* должно было стать пратох. **k' æm*³⁷ > тох. В *sem*³⁸. Более то-

³³ К развитию гласного ср. и.-е. **sēm* '1' (из ***sem-s*) > В *še*.

³⁴ Отметим, что О. Семереньи отстаивал свое первенство в открытии закона, носящего имя Станга ([Szemerényi 1996: 154, 184], со ссылкой на [Szemerényi 1956]), тем самым речь может идти о "расширенном законе Семереньи".

³⁵ Засвидетельствованные формы 1 Sg. *kamau*, 1 Pl. *kmem*, 3 Pl. *kamem* объясняются через аналогично к *lác-* 'идти, выходить': ср. 1 Sg. *latau*, 3 Pl. *latem* [Widmer 2001b: 184–185].

³⁶ Согласно Л. Джозефу, древнеирландская форма восходит к **den* < **dēm* [Joseph 1988: 181, прим. 26].

³⁷ Возможно также развитие **g^wem-s* > **g^wēn* с ассимилятивной деабилизацией /m/ перед /s/.

³⁸ Ж.-Ж. Пино обратил внимание на формы *semo* В 21 а 6, *sema-n* ВН 149.234 в 1, которые свидетельствуют в пользу того, что *sem* восходит к двусложной праформе **kaēmā-*: однако, как показал Пауль Видмер [Widmer 2001b: 182], на основании этих форм не обязательно восстанавливать и.-е. **g^wēm-e(-t)*, поскольку пратох. **k' æm* могло быть аналогически изменено в **kaēmā-* под воздействием аналогии к второму глаголу, образующему претерит по классу VI, как и *kām-*, а именно *lāt-* 'идти' с претеритом 2/3 Sg. *lac* (< **H₁lud^h-e-t*; перед нами самый надежный пример на и.-е. тематический аорист, ср. вед. *áruhat*, др.-гр. ἤλυθον; как справедливо отмечает Стефан Шумахер, др.-ирл. *luid* не свидетельствует в пользу праязыкового тематического аориста, см. [Schumacher 2004: 60–61]). Возможны и другие сценарии, ср. "the original athematic paradigm was thematized, possibly starting from the 3 Pl. ending after this was reformed to **-ōnd*" [Kim 2001: 132].

го, возможно распространить это же решение на лат. *uēnī*, вокализм которого, тем самым, не имеет ничего общего с “индоевропейскими претеритами с долгой ступенью в корне”³⁹.

Мы предполагаем, что результатом такого же фонетического развития мог стать долгий гласный в корне *toх*. А *śamantār*: в корневом аористе (имперфекте?) 1 Sg. **(e-)dem-ŋ*, 2 Sg. **(e-)dem-s*, 3 Sg. **(e-)dem-t* следовало бы ожидать действия законов Станга-Семереньи с последующим развитием в 1 Sg. **(e-)dēm*, 2 Sg. **(e-)dēm*, 3 Sg. **(e-)dem-t*, откуда, после распространения вокализма (ǝ) по всей парадигме единственного числа, пратох. **t'æt-*. Хотя в индоевропейских языках для продолжений корня **demH₂-* корневого аорист не засвидетельствован (он достаточно редок), его существование можно предполагать на основании тематического презенса **demH₂-e/o-* (гот. *ga-timan*, др.-гр. *δέιμα*⁴⁰), который может представлять собой былой конъюнктив от корневого аориста (см. о таком механизме [Rix 1986: 14–15, 25]).

Остается оговорить еще одну деталь предлагаемой нами фонетической реконструкции: рассматриваемый нами корень традиционно реконструируется как **demH₂-* со вторым ларингалом (ср. др.-гр. *δέμας* ‘тело’ < **demH₂-s*, перф. *δέδιανται* у Феокрита, *ἐύ-/θεό-/veó-/ερί-)διῆτος* ‘построенный’ у Пиндара и Эсхила). Наличие ларингала делает предлагаемое нами решение фонетически неприемлемым (законы Семереньи-Станга не действовали бы в контексте **demH₂-ŋ*, **demH₂-s*).

Тем не менее, сама реконструкция корня со значением ‘строить, укреплять’ как **demH₂-* (а не **dem-*) далеко не бесспорна. Следует обратить внимание на тот факт, что во многих дериватах от этого корня рефлекс ларингала отсутствует: др.-гр. сигматический аорист *ἔδεμα* образован от **e-dem-s-ŋ* (нет следов [†]*ἔδεμασ(σ)α*); в готском *ga-timan* нет геминации сонантов (*Verschärfung*)⁴¹, отсутствует рефлекс “долгого слогового сонанта” (который мог бы указывать на ларингал) в деривате **dm-to-* > ср.-ирл. *dēt* ‘задатки, наклонности’, ср.-валл. *dant* ‘характер’; отсутствует геминация и в хетт. *damet-*, с. ‘избыток добра’⁴², *dametar-* ‘недвижимое имущество’⁴³. Наконец, нет следов ларингала в родственном корневом имени с результативным значением **dom-s*, Gen.Sg. **dem-s* ‘построенное, дом’. Итак, мы можем говорить о частичной “анитизации” рефлексов

³⁹ В недавней монографии Г. Майзера, посвященной истории латинского перфекта, принята интерпретация *uēnī* как рефлекса и.-е. перфекта состояния с продленной ступенью в корне, генезис которой подробно не обсуждается, см. [Meiser 2003: 153–154, 204–205].

⁴⁰ Относительно отражения праанат. **damāti* в иер.-лув. AEDIFICARE + *MI+ri+i|tamari|* с ротацизмом см. [Oettinger 1992: 243, прим. 24]. Ввиду редкости тематических презенсов в анатолийском, эта форма, безусловно, представляет собой архаизм.

⁴¹ Следует, впрочем, заметить, что германская геминация сонантов как рефлекс последовательности сонант-ларингал, предлагаемая Р. Люр [Lühr 1976], пока не может считаться достаточно обоснованной (см. критику в работе [Nikolaev 2003]). Отсутствие ларингального рефлекса в общегерманском **timra-* (др.-исл. *tímb*, гот. *timrjan* ‘строить’) не является показательным, поскольку в германском ларингал выпадал в среднем слоге (ср. гот. *dauhtar* ‘дочь’ < **d^hugH₂tēr*, др.-верх.-нем. *kind* ‘ребенок’ < **ġentH₁-to-*).

⁴² Если эта форма не является ошибочным чтением, см. [Neu 1982: 216, прим. 53].

⁴³ К. Уоткинз, который впервые сопоставил хеттские формы с корнем **demH₂-* [Watkins 1979: 282–283], обходит эту сложность, реконструируя пару основ **dem-* ~ **dmeH₂-*. Вообще говоря, функция “расширения” *-eH₂-* у глагольных корней остается неясной. О “фактитивах” с суффиксом **-eH₂-* пишет Э. Рикен: **sm-eH₂-* ‘делать единым, целым’ (хетт. *šumumahh-*), **ds-eH₂-* ‘зачинать битву’ (хетт. *zahh-*), **mn-eH₂-* ‘вспоминать’ (дор. *μνάμα*), см. [Rieken 2000: 174]. Остроумное объяснение предлагает К. Трамбле, обнаруживая такой же словообразовательный процесс в парах **pet-* ‘падать’ (вед. *pátman-*): **petH₂-* ‘летать’ (др.-гр. *πέταμαι*), **sek-* (ст.-сл. сѣкъ, ср. хетт. *še-kán*): **sekH₂-* (лат. *secāre*)/**skeH₂-* (вед. *vi-chā-*, ав. *šāθ-* ‘военачальник’, презенс **sk(e)H₂-eje/o-*: др.-гр. *σχάω*, вед. *-chyāti*, г.-ав. 2 Pl. Irv. Med. *paīī ... šiidūm* Y. 48,7); он трактует глагольные основы с исходом на **-eH₂-* как деноминативные глаголы, образованные безсуффиксальным способом от абстрактных имен на **-eH₂-* (ср. для второго примера рефлекс имени **sek-H₂*, Gen. Sg. **sk-eH₂-s* в др.-верх.-нем. *sega*, совр. нем. *Säge*), см. [Tremblay 2003: 88–89].

рассматриваемого нами корня в и.-е. языках. В качестве одной из возможных причин этого феномена можно видеть распространение “анитного” варианта по аналогии к имени **dom(H₂-)*, Gen.Sg. **dem(H₂-s)*, где ларингал мог выпасть в соседстве с гласным ступени /o/ по закону Хирта-де Соссюра [Eichner 1988: 140–141, прим. 58; Melchert 1994: 49–51; Nussbaum 1997]⁴⁴.

Однако нам кажется, что можно пойти дальше и предположить, что корень **dem-* следует вообще реконструировать без конечного ларингала; в самом деле, *-α-* в др.-гр. *δέμας* ‘тело’ (основа на *-s-*) не является решающим аргументом и может быть вторичным, можно вспомнить др.-гр. *σέβας* ‘благочестие’ < **tiēgⁿ-s-*, при том, что *tyaj-* в древнеиндийском не показывает никаких признаков корня *set* (на этот факт обратил внимание К. Трамбле, см. [Tremblay 1996: 63, прим. 109])⁴⁵. Тем не менее, следует отметить, что нормальная тенденция в древнегреческом – это замена суффиксального алломорфа *-as-* на *-es-*, а не наоборот (ср. *ἕρας* ‘почетный дар’ от корня **ġerH₂-*, но уже в языке ионийской прозы появляется Pl. *ἕρεα*); обратная замена древнего *-es-* на *-as-* хотя и известна, ср. мик. *ko-wo* vs. гом. *κῶας* ‘руно’, но встречается редко и может в каждом отдельном случае быть объяснена через семантическую аналогию (в случае *κῶας* можно вспомнить обозначения частей тела животных *κρέας* ‘плоть’ и *κέρας* ‘рог’)⁴⁶. Итак, *-a-* в *δέμας* не обязательно должно представлять собой рефлекс конечного ларингала (**H₂*) корня; *-a-* может быть аналогическим, но следует признать, что выявить конкретную аналогическую пропорцию не так-то просто; наконец, *-a-* может восходить ко второму ларингалу (**H₂*), который, однако, является не частью корня, а деривационной морфемой, и тут можно вспомнить о *κέρας* < **ġerH₂-s-*, восходящем к корню типа *anit* **ġer-* и содержащем суффикс **-H₂-*, который, заметим, отсутствует в др.-инд. *śṛṅga-* ‘рог’ < **ġr-n-* [Nussbaum 1986: 9]. Параллелизм между *δέμας* и *κέρας* возможен при условии, что от корневого имени **dom-/*dem-* ‘построенное’ было образовано имя **dem-H₂* ‘постройка’, которое впоследствии было расширено вторичным деривационным формантом **(e)s-* (см. о последнем [Nussbaum 1986: 149–152]; ср. **ġerH₂-* ‘рог (как материал)’ [мик. *ke-ra*] и внутренний дериват последнего **ġr-eH₂-* [др.-гр. *καρῆ* ‘голова’] ⇒ **ġerH₂-s-* ‘(один) рог’; **kruH₂-* ‘масса крови’, др.-ирл. *crú*, ст.-сл. *кры* > **kreuH₂-s-* ‘кусок кровавой плоти’). Рефлекс такого имени **dem-H₂*, Gen. Sg. **dm-eH₂-s* хочется видеть во второй части гомеровского композита *μεσόδιη* ‘поперечная балка, поддерживающая потолок жилища посередине’, т. е. ‘то, что находится посередине жилища’, где *ο-διη* передает именно идею *постройки*; нельзя исключить, что перед нами еще праязыковая деривация, возникшая благодаря идее о теле человека как о чем-то “крепко сбитом”,

⁴⁴ Для объяснения отсутствия ларингала как в праформе др.-гр. *ἔδεμα* < **e-dēm-s-m*, так и в праформе реконструируемого нами для объяснения тох. А *šamantār* корневого аориста **e-dem-ŋ* можно было бы прибегнуть к предлагаемому Мартином Петерсом распространению известного правила о выпадении ларингала в словосложении на аугментированные формы [Peters 2002: 117]; тем не менее, пока недостаточно примеров для того, чтобы с уверенностью оперировать этим правилом. О др.-гр. *ἔδεμα* см. ниже в тексте.

⁴⁵ Остается не вполне ясным, как интерпретировать *σοβαρός* ‘скорый, надменный’: представляется, что в этом прилагательном *-ο-* степень обязана своим существованием глаголу *σοβέω* ‘отпугивать птиц’, а суффикс *-αρο-* – продуктивный. Сценарий, согласно которому *-ο-* степень в этом имени продолжает древнюю апофонию, менее вероятен, хотя и возможен: можно предположить, что *σεβας* вытеснило древнее **σέβαρ* < **tiōlegⁿ-r*, а *σοβαρός* представляет собой *-ο-* расширение сильной основы гетероклитического имени, как это иногда предполагается для **moleġ^h-r*, вытесненного в древнегреческом *μέγας* (ср. *μέγαρον*, *Μεγαρά*, а также *μεγαίρω* и арм. *mecarem* ‘славить’). Возможно думать об аналогии к соотношению *ἕραρός*: *ἕρας* (где *-a-* закономерно из конечного *-H₂* корня **ġerH₂-*), ср. *σοβαρός* в значении ‘величественный, надменный’.

⁴⁶ Частный случай представляет собой *μέγας*. Мартин Петерс предполагает, что эта форма была подстроена к *μέγα* (см. [Peters 1980: 164]; к склонению **megyH₂-*, n. (акростатическое склонение; др.-гр. *μέγα*, хетт. *mēk*, арм. *mec*) vs. **megy-oH₂-*, m. (амфикинетическое склонение; др.-инд. Acc. *mahām*, Gen. *mahás*) см. [Widmer 2004: 139, 155–164]).

сравнению тела с постройкой и морфологической аналогии к основам на *-s- *kyp-es-* ‘тело’ (лат. *corpus*) и **tuek-es-* ‘тело’ (др.-инд. *°tvacas-*, др.-гр. *σάκος*).

Однако, *δέδμανται* и *-διδῶτος*, на первый взгляд, объяснить не так просто⁴⁷: для большинства исследователей эти формы указывают на корень *ultimae laryngalis secundae*. Перед тем, как обратиться к перфектной форме *δέδμανται*, разберем возможности диахронической интерпретации причастных форм, обычно сопоставляемых с разбираемым корнем; очевидно, что форма *°-διδῶτος* ‘построенный’ не обязательно должна представлять собой “причастие”, образованное непосредственно от глагольной основы типа *τρῆτος* ‘имеющий отверстие, пробуровленный’ < **rH₁-* (ср. *ἔτρησα*) или *στρωτός* ‘растеленный, разложенный’ < **strH₃-* (ср. *ἔστρωσα, ἔστρωται*). Напротив, если принять предложенную выше интерпретацию *δέμας* как основы, содержащей деривационный суффикс **-H₂-*, становится возможным возвести *°-διδῶτος* к деноминативной основе, образованной от **dem-H₂-/*dm-eH₂-*, например, **dmH₂-to-* (или **dmeH₂-to-*) ‘имеющий крепость’, ср. деноминативный тип лат. *barbātus* ‘имеющий бороду’⁴⁸.

На первый взгляд, несовместима с реконструкцией **demH₂-* и микенская форма Part. Fut. Act. *de-me-o-te /demehontes/* ‘собирающиеся строить’. Ее упоминает Райнер Липп (автор соответствующей леммы в LIV²), объясняя ее как аналогическую к более многочисленным основам будущего времени на *-eo-*, особенно распространенных в древнегреческом от корней с исходом на плавный и носовой; Бернхард Форссман, однако, справедливо обращает внимание на тот факт, что основы футурума на *-ao-* в древнегреческом I тыс. до н. э. все же засвидетельствованы не так плохо, в том числе, и от корней с исходом на сонанты (ср. *δαμάσσει* ‘он усмирит’, *περάσσει* ‘покупать’⁴⁹, *κρεμάσσει* H 83 ‘я повешу’⁵⁰, *ἐλάσσει* ‘гнать’⁵¹, *ἐνγέλασσει* ‘высмеет’ и т. д.; см. [Наги 1975: 14–20, 163–168]), и приходит к выводу, что в мик. *de-me-o-te* сохранена древняя форма корня, а формы с /*ō*/ следует трактовать как результат смещения с прагр. **dema-* ‘усмирять’ ([Forssman 2002: 165]; иную стратегию принимает Корнелис Ройх, трактующий рассматриваемые дорийские формы как гипердоризмы, см. [Ruijgh 1970: 316]⁵²). Соображения Форссмана, однако, не решают нашей проблемы, поскольку приводят к реконструкции **demH₁-*; возможным, на наш взгляд, остается предположение, что *de-me-o-te* восходит не к **demH₁-s-ont-*, а сохраняет рефлекс и.-е. дезидеративного суффикса **-H₁s-*, традиционно восстанавливаемого как **-s-*: необходимость реконструкции **-H₁s-* вытекает, согласно Джэю Джэзнову [Jasanoff 2003: 134–135], из следующих примеров, сохранивших ларингальный рефлекс в позиции после плавных и носовых сонантов **r/*l/*m/*n-*: др.-инд. 3 Sg. Fut. Ind. Act. *vanisyati* ‘он собирается победить’ < **uen-H₁s-je/o-*, 3 Sg. Desid. Ind. Act. *vīvasati* < **ui-u-H₁s-e/o-*, др.-ирл. *célaid*, *céla* ‘он скроет’ < **kiklāse/o-* < **ki-kl̥-H₁s-e/o-* (иначе выглядят формы от основ на смычный, в дезидеративах от которых ларингал выпадал в группе **T_s*, откуда

⁴⁷ Ср. “Gk demas could be an early Greek innovation as an -as noun connected with a verbal stem, but to eliminate the participles is not so easy” [Anttila 1969: 86].

⁴⁸ Новая интерпретация феномена “предсуффиксального удлинения” [Meid 1957] была предложена А. Дж. Нуссбаумом [Nussbaum 1998], который предложил видеть в дериватах типа *χολωτός* ‘гневающийся’, (**-oH₁-to-*), ст.-сл. *маститъ* ‘толстый’ (**-iH₁-to-*), лат. *cornūtus* ‘рогатый’ (**-uH₁-to-*) “деказативные” образования от формы инструменталиса. Не исключено, что в *°-διδῶτος* следует видеть дериват именно такого типа (в качестве праформы можно предложить **dmeH₂-eH₁-to-* или **dmH₂-H₁-to-*).

⁴⁹ Fut. согласно Карлу Майстеру [Meister 1921: 94, прим. 1].

⁵⁰ Очевидно, перед нами результат ошибочной *Zerdehnung* древнего **κρεμάω* > атт. *κρεμάω*, *κρεμάω* Ag. Plut. 312, ср. *κρεμάσσω* Alc. Com. 8, в качестве параллели можно вспомнить *σάωσ*, *σάωσ* << *σῶσ* < *σάωσ*.

⁵¹ Э. Такер [Tucker 1990: 206] считает эту форму настоящим временем, хотя Карл Майстер (loc. cit.) трактует ее как Fut. по крайней мере для ε 290; в любом случае, наличие футурума *ἐλώσσει* N 315, η 319, который следует интерпретировать как *κρεμάω* в предыдущем примечании, делает реконструкцию **ελαο-* необходимой.

⁵² Но откуда *ἐριδιῶτος* у Эхила, Ag. 1461, не в хоровой партии?

распространение *-s- в качестве маркера футурума/дезидератива, ср. соответствующие формы др.-инд. 3 Sg. Fut. Ind. Act. *váksyati* 'он собирается сказать', 3 Sg. Desid. Ind. Act. *cikitsati* 'он желает знать', др.-ирл. 3 Sg. Fut. Ind. Act. *gigis*, *·gig* 'он будет молиться' < *g^wig^wed-s-elo⁵³. Ларингальный рефлекс видит Джэзнов и в геминированном /s/ хеттского суффикса итеративов -šš(a)- (*išša-* 'совершать'); наконец, его же он находит в др.-гр. "аттическом" футуруме типа *τενέω*⁵⁴.

Итак, аргументы в пользу реконструкции **demH₁-* явно недостаточны, мик. *de-me-o-te*, скорее всего, восходит к **dem-H₁s-ont-*; теперь обратимся к формам перфекта, которые, как может показаться, указывают на корень типа *set* со вторым ларингалом. Даже если дорийская форма с *δμσ-* лингвистически реальна, она не является аргументом в пользу формы корня **demH₂-* со вторым ларингалом, поскольку перед нами может быть рефлекс и.-е. *ā-aorista* (о котором см. основополагающую работу [Jasanoff 1983]⁵⁵), ср. появление у Пиндара формы *γεγεναίερον* Ol. 6, 53, при том, что соответствующий корень может быть восстановлен только как **ġ enH₁-*: очевидно, перед нами медиопассивный перфект, образованный от основы *ā-aorista* **genā-* ([Forsman 1966: 55]; Мартин Петерс добавляет к этой форме *παργεναθ[ε]ντες* и [хотя и явно испорченную] глоссу из словаря Гесиохия *ἐγαν ἐγένετο*, см. [Peters 2002: 113, прим. 32]).

Что касается ионийских форм перфекта *δέδμησα*, *ἐδέδητο* (которые методологически не корректно объяснять как *ā-aorist*), то тут самым вероятным представляется сценарий, разработанный тем же Мартином Петерсом (лекции): аорист **dem-s-* (*ἔδεμσα*) в древнегреческом засвидетельствован значительно большим количеством примеров, чем презенс **dem-el-o-* (*δέμω*), что заставляет считать этот аорист достаточно древним; иначе выглядит ситуация с презенсом *νέμω* 'наделять, распределять; Мед. присваивать, пасти, населять, возделывать' (по своему звуковому составу сходному с *δέμω* своего рода Reimwort): здесь тематический презенс у Гомера и Геродота представлен куда чаще, чем аорист **nem-s-* (*νέμμαι*). И.-е. корень, к которому восходит последний глагол, следует, очевидно, восстанавливать как **nemH₁-*, ср. *νεμεσις* < **nemH₁-ti*⁵⁶, а также акцентуацию лтш. *neĩt* 'он берет'. От этого же корня засвидетельствован перфект *νενέμηκα*, *νενέμημαι*: он, согласно Петерсу [Peters 2002: 114, прим. 32], отражает древнее **ne-nmē-* < **ne-nmH₁-* с подновлением редупликации для того, чтобы избежать метатезы **ne-nmē-*

⁵³ Отметим, впрочем, что от корня *van-* 'побеждать' известны и формы типа *set*, которые могли появиться по аналогии к **uenH_x-* 'завоевывать любовью' и к **senH₂-* 'получать, достигать обрета': не принадлежит ли и *vivasāti* к числу таких форм, ср. *sisāsa*?

⁵⁴ Реконструкция **-H₁s-* фигурирует уже в статье Патрика Генри Холлифильда, ученика Джэзнова (см. [Hollifield 1981: 166]), а предположение, что ларингал в этом суффиксе мог регулярно выпадать в контексте **TH₁s-* (откуда дополнительное распределение: **-H₁s-* после сонантов, **-s-* в прочих контекстах) впервые появляется в рецензии Мартина Петерса на книгу Кима Маккоуна, см. [Peters 1988–1990: 353w, прим. 9]; принята эта реконструкция и в книге [Sihler 1995: 556].

⁵⁵ Впервые реконструкция *ā-aorista* была предложена Августом Фиком; эта праязыковая категория имеет рефлексы в балтийском претерите на **ā-*, в армянском медиопассивном аористе, в италийских и кельтских претеритах **esā-* и **b^hiccā-*, в тохарском претерите 1, 1 [Ringe 1988–1990: 91]; древнегреческий (ион.-атт.) плюсквамперфект сопоставляет с арм. аористом *gīac' i* Мартин Петерс [Peters 1997]. За недостатком места мы не указываем обширную литературу по всем перечисленным категориям и.-е. языков, ограничимся отсылкой на критику в работе [Hackstein 2002: 266–277], где приведена большая часть существенной литературы. По аналогии с *ā-aoristom*-стативом, восходящим, согласно Джэзнову [Jasanoff 1978: 120] к формам инструменталиса на *eH₁, от корневых имен, Петерс возводит *ā-aorist* к инструменталису от расширенных посредством суффикса *eH₂ корневых имен (тип *δίκη* vs. др.-инд. *dis-*, *φύγη* vs. *φύξ, ср. *φύγαδε*), см. [Peters 1997: 211, прим. 12].

⁵⁶ Навряд ли убедительной будет реконструкция **nmH₁-ti-* с обычным для абстрактных имен с суффиксом **-ti-* протерокинетического склонения обобщением нулевой ступени аблаута в корне и последующим субстантивизирующим сдвигом ударения по типу *σικρός*: *Σικρός*, *μαλακός*: *Μαλακός*, *χαλεπός*: *Χάλεπος*, и так же **nmH₁-ti-* → **nmH₁-ti-* > *Νέμεσις*; персонификация *Νέμεσις* известна лишь начиная с Гесиода; в любом случае, *ἡ μνήσις* uel sim. < **vmH₁-ti-* могло в любой момент быть видоизменено по аналогии к *γενεσις*.

>*ne-mñē⁵⁷. Можно предположить, что произошло взаимовлияние двух глаголов: соответствие *νεῖω* (корень *nemH₁-) и *δέω* (корень *dem-) привело к появлению аориста *nem-s- > *νεῖσαι*, *ἐνεῖσαι* (вместо **νεῖμε(σ)σαι*) у первого глагола и перфекта *demñē- > *δέδιμησαι* (вместо **δέδαε* < *demñē-, который бы в таком случае совпал с перфектом от корня *dens- ‘учить, наставлять’) у второго. Этот перфект испытал аналогическое воздействие со стороны *ā*-аориста, откуда дорийская форма с /a/. Таким образом, все примеры из древнегреческого материала, свидетельствующие в пользу реконструкции *demH₂-, могут быть интерпретированы иным, не менее убедительным образом⁵⁸.

Так или иначе, наличие в нескольких и.-е. языках рефлексов корня *dem- без конечного ларингала (которые можно трактовать как “анитизированные” варианты), с одной стороны, и возможность обосновать реконструкцию *dem- для праязыка, дав объяснение древнегреческим формам с *a/ā*, дает нам основания реконструировать праформы и.-е. корневого аориста первого и второго лица *e-dem-ñ, *e-dem-s. Фонетическое развитие этих форм по закону Семереньи/Станга привело (уже в праязыке) к появлению претеритальной основы *dēm-, которая, по нашей мысли, была в пратохарском инкорпорирована в класс “сильных” имперфектов (содержащий и.-е. претериты с рефлексом продленной ступени аблаута в корне). К соответствующему имперфекту была в восточнотохарском подстроена презентная форма *šamantär*, вытеснившая древний презент, отраженный в тох. В */tsəme-/*.

Хотя тох. А. *šamantär* не дает нам оснований реконструировать для корня *demH₂- “нартенову” парадигму, следует отметить, что предложенное нами объяснение не работает для другого презенса IV класса, а именно, тох. А. *šalpatär* ‘être délégué, быть уничтоженным, умирать’: долгота в этом корне, продолжающем и.-е. *d^helb^h- (др.-англ. *delfan* ‘копать’, лит. *(nu)-dėl̃bti*; [Rix et al. 2001: 143]) не может иметь фонетического происхождения и отражает, судя по всему, и.-е. продленную ступень аблаута, рефлекс которой в остальных и.-е. языках были устранены по закону Остгоффа, который, как известно, не действовал в тохарском⁵⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак 2000 – С.А. Бурлак. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
 Николаев [в печати] – А.С. Николаев. О суффиксе индоевропейских и тохарских причастий // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 2 / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб. (в печати).
 Николаева 2003 – Н.А. Николаева. Аномальные формы др.-ирл. бессуффиксального претерита: др.-ирл. *fiu* и другие // А.И. Фалилеев, С.В. Иванов (ред.). Язык и культура кельтов: материалы IX colloquium. СПб., 2003.
 Adams 1988 – D.Q. Adams. Tocharian historical phonology and morphology. New Haven (Connecticut), 1988.
 Anttila 1969 – R. Anttila. Proto-Indo-European Schwebelablaut. Berkeley; Los Angeles, 1969.
 Anreiter 1988 – P. Anreiter. Systembedingte Übertragung von Tochar. *ts-* und *s-* // LP. V. 31. 1988.
 Eichner 1988 – H. Eichner. Anatolisch und Trilaryngalismus // A. Bammesberger (Hrsg.). Die Laryngalthorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystems. Heidelberg, 1988.
 Forssman 1966 – B. Forssman. Untersuchungen zur Sprache Pindars. Wiesbaden, 1966.
 Forssman 2002 – B. Forssman. Kretisch OMOTA1 und das Futur von *ῥμνυμ* // M. Fritz und S. Zeilfelder (Hrsg.). Novalis Indogermanica: Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag. Graz, 2002.
 Griepentrog 1995 – W. Griepentrog. Die Wurzelnomina im Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck, 1995.

⁵⁷ К метатезе этого типа ср. атт. *μεσοῖμνη* ‘поперечная балка, поддерживающая потолок жилища посередине’ < *μεσοῖμνη (гом. *μεσοῖμνη*), см. [Schmidt 1889: 221], или **Αυαῖμηνων* < *Αυαῖμηνων.

⁵⁸ Я в особенности благодарен А.Дж. Нуссбауму и М. Петерсу за обсуждение вопросов, связанных с др.-гр. *δέμας*, *-δματός* и реконструкцией корня *dem-.

⁵⁹ Об этом см. подробнее в статье [Николаев (в печати)].

- Hackstein 1995 – *O. Hackstein*. Untersuchungen zu den sigmatischen Präsensstambildungen des Tocharischen. Göttingen, 1995.
- Hackstein 2000 – *O. Hackstein*. Rec.: J. Hilmarsson. Materials for a Tocharian historical and etymological dictionary. Reykjavík, 1996 // *Kratylos*. Bd. 45. 2000.
- Hackstein 2002 – *O. Hackstein*. Die Sprachform der homerischen Epen. Faktoren morphologischer Variabilität in literarischen Frühformen: Tradition, Sprachwandel, Sprachliche Anachronismen. Wiesbaden, 2002.
- Harðarson 1993 – *J.A. Harðarson*. Studien zum urindogermanischen Wurzelaorist und dessen Vertretung im Indoiranischen und Griechischen. Innsbruck, 1993.
- Hauri 1975 – *H.W. Hauri*. Kontrahiertes und sigmatisches Futur. Einflüsse von Lautstruktur und Aktionsart auf die Bildung des griechischen Futurs. Göttingen, 1975.
- Hilmarsson 1990 – *J. Hilmarsson*. The verb *säl-* in Tocharian // *Tocharian and Indo-European Studies*. V. 4. 1990.
- Hilmarsson 1996 – *J. Hilmarsson*. Materials for a Tocharian historical and etymological dictionary / Ed. by A. Lubotsky, G. Þórhallsdóttir. Reykjavík, 1996.
- Hollifield 1977 – *P.H. Hollifield*. On the system of conjugation in Proto-Indo-European. Ph.D. Diss. Harvard, 1977.
- Hollifield 1981 – *P.H. Hollifield*. Homeric κείω and the Greek Desideratives of the Type δρασείει // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 86. 1981.
- Inslar 1972 – *S. Inslar*. Some irregular Vedic imperatives // *Language*. V. 48. 1972.
- Jasanoff 1978 – *J.H. Jasanoff*. Stative and Middle in Indo-European. Innsbruck, 1978.
- Jasanoff 1979 – *J.H. Jasanoff*. The position of the *hi*-conjugation // E. Neu, W. Meid (Hrsg.). Hethitisch und Indogermanisch: Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Atkleinasiens. Innsbruck, 1979.
- Jasanoff 1983 – *J.H. Jasanoff*. The IE “*ā*-preterite” and related forms // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 88. 1983.
- Jasanoff 1994 – *J.H. Jasanoff*. Aspects of the internal history of the PIE verbal system // G.E. Dunkel, G. Meyer, S. Scarlata, Chr. Seidl (Hrsg.). Früh-, Mittel-, Spätindogermanisch. Wiesbaden, 1994.
- Jasanoff 1997 – *J.H. Jasanoff*. Gathic Avestan *čikōitərəš* // A. Lubotsky (ed.). Sound law and analogy: Papers in honor of Robert S.P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. Amsterdam; Atlanta, 1997.
- Jasanoff 1998 – *J.H. Jasanoff*. The thematic conjugation revisited // J. Jasanoff, H.C. Melchert, L. Oliver (eds.). *Mír Curad: Studies in honor of Calvert Watkins*. Innsbruck, 1998.
- Jasanoff 2002 – *J.H. Jasanoff*. The Vedic imperatives *yōdhi* ‘fight’ and *bodhi* ‘heed’ // *JAOS*. V. 122. Fasc. 2. 2002.
- Jasanoff 2003 – *J.H. Jasanoff*. Hittite and Indo-European verb. Oxford, 2003.
- Joseph 1988 – *L.S. Joseph*. The inflection of oir. *crú* // *Ériu*. V. 39. 1988.
- Katz 1997 – *J.T. Katz*. Ein tocharisches Lautgesetz für Monosyllaba // *Tocharian and Indo-European Studies*. V. 7. 1997.
- Kim 2001 – *R.I. Kim*. Tocharian B *šem* = Latin *vēnit*? Szemerényi’s law and *ē in PIE root aorists // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. Bd. 61. 2001.
- Kim 2004 – *R.I. Kim*. Uncovering the prehistory of the Tocharian Class II Preterite // *Historische Sprachforschung*. Bd. 116. 2004.
- Klingenschmitt 1978 – *G. Klingenschmitt*. Zum Ablaut des indogermanischen Kausativs // *KZ*. Bd. 92. 1978.
- Krause-Thomas 1960 – *W. Krause, W. Thomas*. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Heidelberg, 1960.
- Kümmel 1998 – *M.J. Kümmel*. Wurzelpräsens neben Wurzelaorist im Indogermanischen // *Historische Sprachforschung*. Bd. 111. H. 2. 1998.
- Kümmel 2000 – *M.J. Kümmel*. Das Perfekt im Indoiranischen. Eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen. Wiesbaden, 2000.
- Kümmel 2004 – *M.J. Kümmel*. Ungeklärtes *u neben Liquida in germanischen Nomina // A. Hyllested, A.R. Jørgensen, J.H. Larsson, Th. Olander (eds.). *Per aspera ad asteriscos: Studia Indogermanica in honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV*. Innsbruck, 2004.
- Lane 1953 – *G.S. Lane*. Imperfect and preterit in Tocharian // *Language*. V. 29. № 3. 1953.
- Lindeman 1982 – *F.O. Lindeman*. *Varia VIII* // *Ériu*. V. 33. 1982.
- Lühr 1976 – *R. Lühr*. Germanische Resonantengemination durch Laryngal // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. Bd. 35. 1976.
- Macdonell 1916 – *A.A. Macdonell*. *A Vedic grammar for students*. Oxford, 1916.

- Mayrhofer 1986 – *M. Mayrhofer*. Indogermanische Grammatik. Bd. 1–2: Segmentale Phonologie. Heidelberg, 1986.
- Mayrhofer 1992–1996 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Erster Teil: Ältere Sprache. Heidelberg, 1992–1996.
- Meid 1957 – *W. Meid*. Zur Dehnung praesuffixaler Vokale in sekundären Nominalableitungen // Indogermanische Forschungen. Bd. 63. H. 1. 1957.
- Meier-Brügger 2002 – *M. Meier-Brügger*. Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin; New York, 2002.
- Meiser 2003 – *G. Meiser*. *Veni, vidi, vici*: Die Vorgeschichte des lateinischen Perfektsystems. München, 2003.
- Meister 1921 – *K. Meister*. Die homerische Kunstsprache. Leipzig, 1921.
- Melchert 1994 – *H.C. Melchert*. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam; Atlanta, 1994.
- Melchert 2003 – *H.C. Melchert*. PIE “thorn” in Cuneiform Luvian? // K. Jones-Bley, M.E. Huld, A. Della Volpe, M.R. Dexter (eds.). Proceedings of the Fourteenth annual UCLA Indo-European conference. Washington, 2003.
- Narten 1968 – *J. Narten*. Zum “proterodynamischen” Wurzelpräsenz // J.C. Heesterman, G.H. Schokker, V.I. Subramoniam (eds.). Pratiḍānam: Indian, Iranian and Indo-European studies presented to Franciscus Bernardus Jacobus Kuiper on his sixtieth birthday. The Hague; Paris, 1968.
- Neu 1982 – *E. Neu*. Hethitisch/r/im Wortauslaut // J. Tischler (Hrsg.). Serta Indogermanica. Festschrift für Günter Neumann zum 60. Geburtstag. Innsbruck, 1982.
- Nikolaev 2003 – *A.Ju. Nikolaev*. Spuren der offenen Flexion bei den urgermanischen *u*-Stämmen? // Н.Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 16–18 июня 2003 г. СПб., 2003.
- Nussbaum 1986 – *A.J. Nussbaum*. Head and horn in Indo-European (Studies in Indo-European language and culture, 2). Berlin; New York, 1986.
- Nussbaum 1997 – *A.J. Nussbaum*. The “Saussure Effect” in Latin and Italic // A. Lubotsky (ed.). Sound law and analogy. Papers in honor of Robert S.P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. Amsterdam; Atlanta, 1997.
- Nussbaum 1998 – *A.J. Nussbaum*. More on “decasative” nominal stems in IE. Доклад на 17 East Coast Indo-European Conference (University of North Carolina). 1998.
- Oettinger 1992 – *N. Oettinger*. Die hethitischen Verbalstämme // O. Carruba (ed.). Per una grammatica ittita. Towards a Hittite Grammar. Pavia, 1992.
- Pedersen 1941 – *H. Pedersen*. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachverglei-
chung. København, 1941.
- Peters 1975 – *M. Peters*. Altpersisch *ašiyava* // Die Sprache. Bd. 21. Hf. 1. 1975.
- Peters 1980 – *M. Peters*. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen. Wien, 1980.
- Peters 1988–1990 – *Die Sprache*. Bd. 34. Hf. 2 – Rec.: K. McCone. The Indo-European origins of the Old Irish nasal presents, subjunctives and futures. 1988–1990.
- Peters 1994 – *Die Sprache*. Bd. 36. Hf. 3. 1994. Rec.: J.A. Harðarson. Studien zum Indogermanischen Wurzelarist. Innsbruck, 1993.
- Peters 1997 – *M. Peters*. Der armenische Flexionstyp *gitem, gitac’i* und das ion.-att. Plusquamperfekt // A. Lubotsky (ed.). Sound law and analogy: Papers in honor of Robert S.P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. Amsterdam; Atlanta, 1997.
- Peters 2002 – *M. Peters*. Die Sprache. Bd. 39. Hf. 3. 2002 – Rec.: M. Peters. H. F. M. van de Laar. Description of the Greek Individual Verbal Systems. Amsterdam; Atlanta, 2000.
- Peters 2004 – *M. Peters*. Mögliche Reflexe einer Interaktion hoher und niedriger Phonostile im Tocharischen // A. Hyllested, A.R. Jørgensen, J.H. Larsson, Th. Olander (eds.). Per Aspera ad Asteriscos: Studia Indogermanica in Honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV. Innsbruck, 2004.
- Peters [в печати] – *M. Peters*. Zur morphologischen Einordnung von messapisch *klaohi* // Gedenkschrift C. Santoro [в печати].
- Pike 2003 – *M. Pike*. The Indo-European long-vowel preterite: new Latin evidence // The XVIth International conference on historical linguistics. Copenhagen, 2003.
- Pinault 1989 – *G.-J. Pinault*. Introduction au tokharien. Paris, 1989.
- Pinault 1994 – *G.-J. Pinault*. Formes verbales nouvelles dans des manuscrits inédits du fonds Pelliot Koutchéen // B. Schlerath (Hrsg.). Tocharisch. Akten der Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Berlin 1990. Reykjavík, 1994.

- Rasmussen 1978 – J.E. Rasmussen. Zur Morphophonemik des Urindogermanischen. Die Erklärung qualitativer, quantitativer und akzentueller Alternationen durch vorurindogermanische Lautgesetze // B. Čop (ed.). *Collectanea indoeuropaea I*. Ljubljana, 1978.
- Rasmussen 1992 – J.E. Rasmussen. Miscellaneous problems in Indo-European Languages V // Copenhagen working papers in linguistics 2. 1992.
- Rieken 2000 – E. Rieken. Hethitisch *šumamahh-* // Historische Sprachforschung. Bd. 113. 2000.
- Rieken 2001 – E. Rieken. Hethitisch *yitti meiani* und das indogermanische Wort für Monat // Historische Sprachforschung. Bd. 114. 2001.
- Ringe 1987 – D.A. Ringe. A closer look at Tocharian *e* and *o* and the Indo-European mediopassive // Tocharian and Indo-European Studies. V. 1. 1987.
- Ringe 1988-1990 – D.A. Ringe. Evidence for the Position of Tocharian in the Indo-European Family? // Die Sprache. Bd. 34. Hf. 1. 1988-1990.
- Ringe 1996 – D.A. Ringe. On the chronology of sound changes in Tocharian. V. 1: From Proto-Indo-European to Proto-Tocharian. New Haven (Connecticut), 1996.
- Rix 1986 – H. Rix. Zur Entstehung des urindogermanischen Modusystems. Innsbruck, 1986.
- Rix et al. 2001 – Lexikon der Indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von Helmut Rix bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage. Wiesbaden, 2001.
- Ruijgh 1970 – C.J. Ruijgh. *Lingua*. T. 25. 1970 – Rec.: P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque – histoire de mots. T. 1. Paris, 1968.
- Schindler 1977 – J. Schindler. A thorny problem // Die Sprache. Bd. 23. 1977.
- Schindler 1994 – J. Schindler. Alte und neue Fragen zum indogermanischen Nomen // J.E. Rasmussen (Hrsg.). In honorem Holger Pedersen. Wiesbaden, 1994.
- Schmidt 1889 – J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.
- Schmidt 1997 – K.T. Schmidt. Zu einigen Archaismen unter den tocharischen Präteritalbildungen // Tocharian and Indo-European Studies. V. 7. 1997.
- Schumacher 2000 – S. Schumacher. The historical morphology of the Welsh verbal noun. Maynooth, 2000.
- Schumacher 2004 – S. Schumacher. Die keltischen Primärverben. Ein vergleichendes, etymologisches und morphologisches Lexikon. Unter Mitarbeit von B. Schulze-Thulin und C. van de Wiel. Innsbruck, 2004.
- Sieg-Siegling-Schulze 1931 – E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Grammatik / Bearbeitet in Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen, 1931.
- Sihler 1995 – A. Sihler. New comparative grammar of Latin and Greek. Oxford, 1995.
- Stang 1965 – Chr. S. Stang. Indo-européen *G^hŌM, *D(I)jĒM // Symbolae Linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.
- Strunk 1985 – K. Strunk. Flexionskategorien mit akrostatischem Akzent und die sigmatischen Aoriste // B. Schlerath (Hrsg.). Grammatische Kategorien: Funktion und Geschichte. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1985.
- Strunk 1987 – K. Strunk. Further evidence for diachronic selection: ved. *rāsti*, lat. *regit* etc // G. Cardona, N.H. Zide (eds.). Festschrift for Henry Hoenigswald. Tübingen, 1987.
- Szemerényi 1956 – O. Szemerényi. Latin *rēs* and the Indo-European long-diphthong stem nouns // KZ. Bd. 73. 1956.
- Szemerényi 1996 – O. Szemerényi. Introduction to Indo-European linguistics. Oxford; New York, 1996.
- Tremblay 1996 – X. Tremblay. Zum suffixalen Ablaut *ole* in der athematischen Deklination des Indogermanischen // Die Sprache. Bd. 38. Hf. 1. 1996.
- Tremblay 2003 – X. Tremblay. La déclinaison des noms de parenté indo-européens en *-ter-*. Innsbruck, 2003.
- Tucker 1990 – E.F. Tucker. The Creation of morphological regularity: Early Greek verbs in *-éō*, *áō*, *-óō*, *-úō* and *-īō*. Göttingen, 1990.
- de Vaan 2003 – M. de Vaan. The Avestan vowels. Amsterdam; New York, 2003.
- de Vaan 2004 – M. de Vaan. 'Narten' roots from the Avestan point of view // A. Hyllested, A.R. Jørgensen, J.H. Larsson, Th. Olander (eds.). Per Aspera ad Asteriscos: Studia Indogermanica in Honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV. Innsbruck, 2004.
- Vine 1988 – B. Vine. Greek *ἔπω* and Indo-European **sep-* // Indogermanische Forschungen. Bd. 93. 1988.
- Watkins 1969 – C. Watkins. Indogermanische Grammatik. Bd. III/1. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.

- Watkins 1979 – C. Watkins. NAM.RA GUD UDU in Hittite: Indo-European poetic language and the folk taxonomy of wealth // E. Neu, W. Meid (Hrsg.), Hethitisch und Indogermanisch: Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens. Innsbruck, 1979.
- Weiss 1993 – M. Weiss. Studies in Italic nominal morphology. Ph. D. Dissertation. Cornell, 1993.
- Widmer 1997 – P. Widmer. Nartennomen. Diss. Bern, 1997.
- Widmer 1998 – P. Widmer. Tocharisch AB *klāw-*, A *klyos-/ B klyaus-*, gav. *srāuuahiia-* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Bd. 58. 1998.
- Widmer 2001a – P. Widmer. Air. *tál* 'Zimmermannsaxt' // Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen in memoriam Hartmut Katz. Wien, 2001.
- Widmer 2001b – P. Widmer. Ererbtes und Geneueres: die Präteritumklasse VI des Tocharischen // Studia etymologica Cracoviensia. V. 6. 2001.
- Widmer 2004 – P. Widmer. Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekte der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen. Innsbruck, 2004.
- Winter 1962 – W. Winter. Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen // Indogermanische Forschungen. Bd. 67. 1962.

© 2005 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ЕЩЕ РАЗ О ГЕНИТИВЕ СУБЪЕКТА ПРИ ОТРИЦАНИИ*

Существуют разные подходы к конструкции с генитивным субъектом в отрицательном предложении. В работе сопоставлены: дескриптивный подход, который формулирует правила употребления генитивной конструкции; семантический, который исходит из того, что выбор именительного или родительного падежа субъекта семантически мотивирован; трансформационный, который рассматривает генитив субъекта как результат замены, и композиционный, который выводит смысл целого из смысла частей. Отмечаются преимущества, которые дает типологический подход и рассмотрение русского языка в типологической перспективе.

Генитив субъекта в отрицательном предложении в русском языке не перестает быть предметом внимания, см., в частности [Babby 1980; Апресян 1985; 1995; Guiraud-Weber 1984; 2003; Падучева 1992; 1997; Борщев, Парти 2002]. Дискуссия не затихает, и есть основания вернуться к этому вопросу с новыми аргументами.

Итак, речь идет о конструкции с генитивным субъектом и “безличным” (т.е. несогласованным) глаголом в отрицательном предложении (сокращенно – ГК). Обычный номинативный субъект и согласованное сказуемое – это номинативная конструкция, НК. Мы называем субъектом (точнее – синтаксическим субъектом) ту именную группу, которая является в утвердительном предложении (как пассивном, так и непассивном) и в номинативной конструкции подлежащим. В генитивной конструкции субъект в род. падеже.

Участников ситуации (актантов) у глагола в генитивной конструкции мы будем называть *Вещь* (субъект) и *Место* (локатив) – термины из [Борщев, Парти 2002]; например:

- (1) *Песчаных бурь* [*Вещь*] *здесь* [*Место*] *не бывает*;
Людей [*Вещь*] *на площади* [*Место*] *не осталось*.

Участник *Место* не обязательный; так, абстрактные *Вещи* не локализируются в пространстве:

- (2) *Сомнений не возникло*; *Возможности не представилось*.

Конструкция с генитивным субъектом занимает умы великих синтаксистов на протяжении нескольких веков. Она интересна не только сама по себе: на примере этой конструкции можно продемонстрировать важные достижения лингвистики последних десятилетий, которые способствовали проникновению в ее суть. Главное, что интересно сопоставить, – это дескриптивный подход, который формулировал правила употребления ГК, и семантический, который пытается дать особенностям употребления семантическое обоснование.

* Работа получила финансовую поддержку в рамках проекта National Science Foundation, Grant № BCS-0418311 to B.H. Partee and V. Borschev.

1. ДЕСКРИПТИВНЫЙ ПОДХОД

Изучение генитивной конструкции начиналось в рамках синтаксиса: речь шла о том, как можно сказать и как нельзя; традиционная (да и структурная) грамматика сводила дело к ограничениям сочетаемости.

Можно различить два аспекта проблемы. Первый вопрос – какие глаголы в принципе допускают ГК? (Они получили название г е н и т и в н ы х [Падучева 1997].) Второй – при каких условиях генитивный глагол все-таки не допускает при отрицании генитивную конструкцию?

В рамках дескриптивного подхода был выявлен целый ряд закономерностей, которые мы разделим на три группы: 1) ограничения на глагол; 2) ограничения на именную группу субъекта; 3) ограничения, касающиеся общей структуры предложения (в том числе – локативной группы). Ниже эти ограничения иллюстрируются примерами. Для удобства отсылок мы сопоставим им специальную нумерацию. Номер примера первой группы начинается с буквы V (от Verb, глагол); номер примера второй группы – с буквы N (от Noun, имя); номер примера из третьей группы – с буквы G (от General).

1. ГЛАГОЛ

Глагол в ГК должен быть генитивным:

- (V.1) а. Сомнений *не возникло*;
б. *Сомнений *не исчезло* [надо: *Сомнения не исчезли*].
(V.2) а. Старосты на собрании *не было*;
б. *Старосты на собрании *не присутствовало*.
(V.3) Перемен в технической политике фирмы *не наступило* / *не началось.

Генитивный глагол непереходный:

- (V.4) а. Аварии *не произошло*;
б. *Аварии *не имело места*.

2. ИМЯ

Определенность субъекта – препятствие для ГК:

- (N.1) а. Книги <подходящей> *не нашлось*;
б. Книга <потерянная> *не нашлась*;
(N.2) а. Газет *не поступило*; б. Газеты *не поступили* (пример из [Борщев, Парти 2002]);
(N.3) а. Следов высокоорганизованной материи *не обнаружено*;
б. *Следы высокоорганизованной материи *не обнаружены* ([Ицкович 1974: 59]).

Ед. число субъекта – препятствие для ГК:

- (N.4) а. Грамот *не найдено*; б. ?Грамоты *не найдено*.

Одушевленность субъекта – препятствие для ГК:

- (N.5) а. Деревни *не появилось*; б. *Пожарной команды *не появилось*;
(N.6) а. Ответа *не пришло*; б. *Автобуса *не пришло* (пример из [Борщев, Парти 2002]);
(N.7) *Второй роты *не приходило* (пример из [Пешковский 1938: 335]).

Слова никакой, ни один, ни расширяют класс генитивных глаголов:

- (N.8) Никого Беннета в гостинице *не останавливалось*; Никого атомного снаряда на борту корабля *не находилось* (примеры из [Ицкович 1974: 56, 59]).

3. ОБЩЕЕ

Субъект в исходном утвердительном предложении не может быть темой:

- (G.1) а. Ответ пришел – Ответ *не пришел* [субъект – Тема; НК];
б. Пришел ответ – Ответа *не пришло* [субъект – Рема; ГК].

Корреляция генитива с видом (по [Апресян 1980: 70]):

- (G.2) а. *Отца* не было на море [актуальное значение несов. вида, ГК];
б. *Отец* не был на море [общезначительное значение несов. вида, НК].

Эллипсис Места возможен при ГК, но не при НК:

- (G.3) а. *Иванова* не было; б. *Иванов не был (надо сказать, где не был).

ГК требует конкретно-референтного Места:

- (G.4) а. Иван еще не был *в таком театре*; б. *Ивана еще не было *в таком театре* (пример из [Апресян 1995: 521]).

Генитив и возвратное местоимение:

- (G.5) а. *Иван* не был *в своей* комнате;
б. *Ивана не было *в своей* комнате (пример из [Chvany 1975]).

Глагол в ГК должен нести на себе фразовое ударение:

- (G.6) а. Такой мысли *не возникает* \ ;
б. *Такой мысли *не возникает* НЕОЖИДАННО \ [надо: *Такая мысль не возникает неожиданно*] (пример из [Guiraud-Weber 1984: 105]).

Краткие комментарии.

1) Глагол. А.М. Пешковский [Пешковский 1938: 334] писал: “Какие именно непереходные глаголы употребляются в таких оборотах, сказать трудно.” Действительно, примеры (V.1)–(V.3) демонстрируют причудливость границ класса глаголов, участвующих в ГК: из близких по смыслу глаголов – *возникнуть* и *исчезнуть*, *быть* и *находиться*, *начаться* и *наступить* (они были сопоставлены в [Апресян 1985]) – первый генитивный, а второй – нет.

Непереходность глагола как обязательное условие ГК была известна давно. Пример (V.4) показывает, что это условие, хотя, возможно, и допускает семантическое обоснование, работает и как чисто синтаксическое: предложения (V.4а) и (V.4б) практически синонимичны, но предложение (V.4б), где глагол формально переходный, аграмматично. Употребления ГК при переходном глаголе можно встретить в речи, см. пример, помеченный П. Аркадьевым (устное сообщение): **Никаких российских самолетов воздушное пространство Грузии не нарушало* (из речи министра иностранных дел Сергея Иванова). Ясно, однако, что это аномалия, которая только подтверждает правило.

2) Имя. Предположим, что глагол принадлежит к числу генитивных (т.е. в принципе допускает ГК). Те или иные свойства именной группы субъекта могут, однако, быть препятствием для ГК. Эти свойства:

- определенность субъекта, см. примеры (N.1) – (N.3); если субъект неопределенный, ГК возможна;
- ед. число субъекта, см. (N.4): при множественном числе ГК часто бывает возможна там, где она невозможна при единственном;
- одушевленность субъекта, см. (N.5): при неодушевленном ГК возможна, а при одушевленном – нет. Пример (N.6б) с автобусом, показывает, однако, что дело не только в одушевленности; к этому примеру мы еще вернемся. Пример (N.7) А.М. Пешковский приводит как допустимый, что свидетельствует, скорее всего, об изменении языковой нормы.

Если примеры (N.4)–(N.7) сужали класс реально допустимых контекстов для ГК, то пример (N.8) демонстрирует обратное: слова *никакой, ни один* делают возможной ГК в контексте а) негенитивного глагола (*находиться* не генитивный глагол) и б) определенного субъекта. В самом деле, что может быть более определенным, чем собственное имя (*Беннет*)!

В [Ицкович 1974: 59] говорится: “предпочтению родительного падежа способствует наличие при существительном слова *никакой*”. Но почему? Какая тут связь? Дескрип-

тивный подход не только не отвечает на этот вопрос, но даже и не ставит его. Тот же вопрос возникает применительно к числу, одушевленности и, специально подчеркнем, определенности субъекта: какая, собственно, связь между генитивом и определенностью?

3) Общее:

– как правило, тематическая позиция Вещи в исходном предложении дает при отрицании НК, пример (G.1); см., однако, уточнения ниже;

– пример (G.2) демонстрирует феномен, который в [Апресян 1995: 521] представлен как корреляция генитивного субъекта с видовым значением глагола: при актуальном (синхронном) значении несов. вида – ГК, при общефактическом (ретроспективном) – НК;

– в ГК возможен эллипсис локатива, при номинативном субъекте – нет (G.3);

– ГК требует определенности участника Место, пример (G.4); это ограничение описано в [Апресян 1995: 521];

– пример (G.5), из [Chvany 1975], показывает, что генитивный субъект не может быть антецедентом возвратного местоимения;

– глагол в ГК должен нести на себе фразовое ударение, пример (G.6), из [Guiraud-Weber 1984].

Опять-таки, все это взывает к объяснению: почему так?

2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Семантический подход предполагает, что генитивная конструкция имеет определенный смысл. Чтобы обосновать этот подход, нужно доказать, что ограничения сочетаемости, представленные примерами (V.1)–(G.6), предопределены семантикой¹.

Допущение, которое сторонники семантического подхода не формулировали явно, – установка на “трансформацию отрицания”: семантический подход исходит из того, что смысл отрицательного предложения с ГК – это НЕ + смысл исходного утвердительно-го; грубо говоря, предполагается, что в отрицательном контексте происходит з а м е н а именительного падежа на родительный.

В разделе 3 мы отнесемся к этому допущению более осторожно.

2.1. Референциальные аспекты конструкции с генитивным субъектом

Семантический подход к ГК субъекта берет начало от книги [Babby 1980] “Existential sentences and negation in Russian”. Большая заслуга Л. Бэбби состояла, в частности, в том, что он отделил генитивный субъект (отрицательного предложения) от генитивного объекта: условия употребления генитива объекта в отрицательном предложении гораздо сложнее, и проблема генитивного объекта еще далека от решения.

Дескриптивный подход формулировал основное ограничение на именную группу в составе ГК как определенность [Ицкович 1974; Апресян 1985]. С возникновением теории референции определенность именной группы была представлена как п р е з у м п ц и я с у щ е с т в о в а н и я денотата. Так наметился путь к описанию семантики ГК как основе семантического предсказания ее допустимости. Первая гипотеза состояла в том, что генитивная конструкция выражает н е с у щ е с т в о в а н и е Вещи. Отсюда запрет на определенность субъекта: под отрицанием определенная именная группа сохраняет свою презумпцию существования, которая противоречит семантике генитивной конструкции.

Я развиваю точку зрения Бэбби – точнее, следуя общему духу его концепции, состоящему в поисках семантической основы генитивной конструкции. Итак. Генитивные

¹ Ниже нам придется отчасти повторить то, что было сказано в [Падучева 1997; 2004]. Это необходимо для полноты картины.

глаголы – это такие, которые без отрицания у т в е р ж д а ю т существование Вещи; в формулировке Бэбби, they “establish reference”. Иными словами, в семантику этих глаголов входит компонент ‘существует’ в ассертивном (или имплицативном) статусе:

Сомнение возникло = ‘начало существовать’ $\supset$ ‘существует’.

Тогда под отрицанием возникает компонент ‘не существует’ – он и кодируется генитивом. Иначе говоря, субъект должен быть в генитиве, если предложение отрицает существование Вещи. Тем самым мы сразу получаем объяснение для примера (V.1):

(V.1a) *Сомнений* не возникло [$\supset$ ‘сомнений нет’; ГК],

(V.1б’) *Сомнения* не исчезли [‘сомнения были и есть’; НК].

Л. Бэбби [Babby 1980] исходил из того, что генитивный субъект при отрицании возникает только у бытийных предложений (то же повторено в [Babby 2001], где говорится: “the NP argument <...> is assigned Gen only when the sentence is existential”). Это допущение обеспечило основной прорыв в понимании семантики ГК, но само по себе оно неверное: есть много генитивных глаголов и предикативов, отрицание которых не затрагивает презумпции существования Вещи.

В [Падучева 1992; 1997] было предложено уточнение – имеется не одна группа генитивных глаголов, а две: (I) бытийные глаголы – с семантическим компонентом ‘Вещь существует’; (II) глаголы восприятия – с компонентом ‘Вещь находится в поле зрения Наблюдателя’.

В бытийной группе генитивных глаголов ГК выражает отрицание существования Вещи:

(1.1) а. В Белоруссии либеральных газет *не осталось*;

б. *В Белоруссии либеральные газеты *не остались*.

И род. падеж субъекта тут семантически обязателен. Другое дело, что узус допускает вариативность; в современном языке происходит экспансия номинатива, который часто вытесняет семантически законный генитив:

(1.2) а. *Договоренность* не достигнута $\approx$ б. *Договоренности* не достигнута;

(1.3) а. *Приказ* не отдан $\approx$ а. *Приказа* не отдано.

Примеры генитивных глаголов бытийной группы:

не ведется, не наступило, не вспыхивает, не выпускается, не построено, не написано, не сохранилось...

В перцептивной группе генитивных глаголов (и предикативов) генитив выражает отсутствие Вещи в поле зрения; существование Вещи не отрицается:

(1.4) Хозяйки в доме *не чувствуется* [возможно, она и есть].

Участник Вещь может быть даже назван собственным именем. Так, в (1.5) генитив заведомо не отрицает существования Маши:

(1.5) Маши тут *не видно*.

Если в бытийной группе генитивная конструкция при отрицании обязательна, пример (1.1), то в перцептивной группе, как правило, обе конструкции – ГК и НК – возможны и семантически противопоставлены:

- (1.6) а. Звуков с улицы *не доносится* [глагол выражает отсутствие Вещи в поле зрения; ГК не отрицает существования Вещи в мире];
б. Звуки с улицы *не доносятся* [глагол выражает отсутствие Вещи в поле зрения; НК выражает существование Вещи в мире].

В бытийной группе ГК выражает несуществование Вещи, а НК невозможна (точнее, семантически не обоснована, см. примеры (1.2а) и (1.3а): отрицание предложения уже само по себе выражает несуществование); в перцептивной группе НК выражает существование Вещи, а ГК его не отрицает. Примеры генитивных глаголов и предикативов перцептивной группы:

- (1.7) обнаружиться, ожидать, оказаться, виднеться, выражаться, доноситься, доходить, встретиться, замечаться, найтись, обнаружено, замечено, выявлено, зафиксировано, заметно, видно, слышно.

Деление глаголов на эти две группы нечеткое. Этому есть целый ряд причин.

1. Регулярная многозначность 'существовать' – 'быть видимым'. Например:

- (1.8) а. Ваня *появился* [= 'Вещь начала быть в поле зрения Наблюдателя'];
б. *Появились* новые лекарственные препараты [= 'Вещь начала существовать'].

Выходит, глагол *появиться* входит в обе группы. Поскольку это регулярная многозначность, она повторяется в других глаголах. Например, те же два значения есть у *возникнуть*, *найтись* и др. [Падучева 2004: 439].

2. Отсутствие в поле зрения часто несет инференцию-инсинуацию несуществования:

- (1.9) Интерес к его трудам *не замечено, не наблюдается* [возможно, его нет].

Трудно отрицать, что *наблюдаться, замечаться* – это глаголы восприятия. Между тем Бэбби, не отличая ассерцию от инференции, относит предложения с этими глаголами к бытийным – что, конечно, неправомерно.

3. Многие бытийные глаголы имеют перцептивный компонент; например, глаголы типа *белеть* [Апресян 1986]. Правда, ассертивным является бытийный, ср. анализ, предлагаемый в [Borschev, Partee 1998]:

- (1.10) НЕ (На горизонте белели паруса) = *Не белело парусов на горизонте* =
а) 'парусов не было' [ассерция];
б) 'паруса обычно белого цвета' [компонент общего фона знаний].

4. Есть глаголы, которые становятся восприятиями в своем производном значении. Так, значение перемещения легко переходит в значение появления в поле зрения², и глагол попадает в группу восприятий, как в примере *Ответа не пришло*. Бэбби относит глагол *прийти* в этом контексте к бытийным; между тем он ведет себя как перцептив: допускает противопоставление ГК и НК.

Итак, границы между группами нечеткие. Однако не различив эти два типа генитивных глаголов, нельзя описать вклад генитивной конструкции в семантику отрицательного предложения. Взять хотя бы то, что в бытийной группе ГК обязательна, а в перцептивной группе ГК и НК семантически противопоставлены.

В перцептивной группе участник Место обязателен; противопоставляются два пространства – одно, где субъект восприятия / сознания не видит или не имеет Вещи, и другое – где она, быть может, существует:

² В этом, можно думать, и состоит эффект неаккузативности (т.е., мы бы сказали, просто неагентивности) глагола *arrive* 'появиться' и всех его эквивалентов в других языках.

(1.11) а. *Компенсация* не выплачена [НК; презумпция: 'компенсация где-то существует'];

б. *Компенсацию* не выплачено [ГК; нет такой презумпции].

В бытийной группе такого противопоставления двух пространств, как правило, нет: предложения *Такой возможности не существует* и *Такая возможность не существует* (пример из [Guiraud-Weber 2003]) синонимичны. Впрочем, глагол *существовать*, казалось бы, типично бытийный, допускает противопоставление двух пространств и как следствие – противопоставленность ГК и НК. Так фраза *Заводской распорядок дня для нее не существовал* (пример приводится в [Guiraud-Weber 1984], с другой интерпретацией) означает, что распорядок существовал в пространстве завода, но не в ее собственном; а во фразе *Распорядка дня для нее не существовало* одно пространство.

Итак, мы выявили связь между семантической генитивного глагола и референцией имени. В бытийной группе имя всегда неререферентно (т.е. не обозначает никакой сущности): неререферентность имени порождается, при отрицании бытийного глагола, компонентом 'Вещь существует' в толковании глагола, примеры (V.1) и (1.1). А у глагола перцептивной группы субъект может быть и референтным, пример (1.5). Впрочем, и в перцептивной группе субъект ГК чаще бывает неререферентный, см. (1.1а), (1.6а), (1.9).

Через референцию получает семантическое объяснение большая часть ограничений, приведенных в разделе 1. А именно.

Определенность, как уже говорилось, составляет препятствие для ГК, поскольку определенность – это конкретная референция, т.е. презумпция существования, которая сохраняется при отрицании. Отсюда НК при генитивном глаголе в примерах (N.16), (N.26). Так, в (N.26) *газеты* – это определенный, ожидаемый набор газет; а в (N.2а) имеются в виду газеты вообще, противопоставленные, например, журналам. В примере (N.3) НК исключена: в данном контексте то, что следов не обнаружено, означает, что их нет, и НК, которая несет презумпцию их существования, неуместна.

Тематичность Вещи – препятствие для ГК, поскольку тематическая позиция влечет определенность, а следовательно – presupпозицию существования, см. (G.1).

Следует подчеркнуть, что тематичность Вещи препятствует генитивной конструкции лишь постольку, поскольку порождает определенность и конкретную референцию. Пример, который приводится в [Борщев, Парти 2002] (с иной интерпретацией), показывает, что предупоминание может давать тематичность, но не обеспечивать определенности; так, в (а) не поступили не те газеты, за которыми я пошел, здесь нет кофферентности, нет определенности – отсюда генитив:

(а) <Пошел в киоск за *газетами*.> *Газет* не поступило;

(б) <Пошел в киоск за *газетами*.> *Газеты* не поступили.

Другой пример. В диалоге (в) предложение с тематичной Вещью *бумага* при отрицании получает ГК; дело в том, что предикат существования исключает определенность субъекта в какой бы то ни было темо-рема-тематической позиции:

(в) – *Бумага* есть у Кати. – У Кати *бумаги* нет.

У субъекта родового статуса тематичность вообще не играет роли: предложение (г) может быть отрицанием как для *Лоси здесь водятся* так и для *Здесь водятся лоси*:

(г) *Лосей* здесь не водится.

В [Babby 1980] тематичность считалась абсолютным препятствием для ГК. В [Борщев, Парти 2002] было показано, что это не так. Из приведенных нами примеров следует, что тематичность существенна ровно постольку, поскольку она выражает презумпцию существования³.

³ В [Борщев, Парти 2002] для объяснения ГК в примере (а) используется понятие "центр перспективы". См. ниже о возможных связях центра перспективы с локализацией Наблюдателя.

То, что ед. число – препятствие для ГК, не совсем точно. Скорее, мн. число благоприятно – опять-таки потому, что способствует нереферентному пониманию субъекта, пример (N.4); ср.:

(1.12) а. *Людей* на площади не осталось; б. [?]*Человека* на площади не осталось.

Кроме того, дело в том, что мн. число может пониматься как имя массы (mass term), и ГК поддерживается партитивным значением генитива, ср.

(1.13) *Бревен* не привезено – [?]*Бревна* не привезено.

Генитив субъекта может иметь партитивное значение, см. [Klenin 1978]. Причем партитивное значение в составе субъекта свободно выражается только в отрицательном контексте, поскольку генитив требует безличного глагола. А партитивность субъекта в утвердительном предложении часто не может быть выражена:

(1.14) а. Не налил *вина* – *Вина* не налито;
б. Налил *вина* – *Вина налито.

Одушевленность: субъект-лицо позволяет глаголу иметь агентивное значение. В примере (N.56) *появиться* – глагол действия, между тем генитивные глаголы, обеих групп, стативны, так что Вещь никак не может быть Агенсом. Так, в перцептивной группе Вещь должна быть всего лишь объектом восприятия. В (N.66) автобус приходит, *двигаясь*, поэтому ГК невозможна; а в (N.6a) Вещь (*ответ*) просто **начинает быть** в Месте, и предложение звучит нормально. Предложение (N.7) невозможно (по современным нормам) по той же причине: рота *движется*.

У *присутствовать*, пример (V.2), невозможен генитивный субъект, поскольку присутствующий субъект – всегда одушевленный – так или иначе **участвует** в соответствующем мероприятии [Падучева 2004: 431], т.е. в какой-то степени агентивен. О *начать* и *наступить* см. в [Падучева 2004: 431].

Ударность генитивного глагола, пример (G.6), нужна для того, чтобы пропозиция с генитивным глаголом имела ассертивный статус: только тогда отрицание будет воздействовать на существование / присутствие в поле зрения; в противном случае пропозиция с генитивным глаголом окажется в пресуппозиции и не будет отрицаться. Смысл (G.6b): неожиданно не возникает, а так – пожалуйста.

Кванторное прилагательное *никакой*, пример (N.8), выражает так называемое “внешнее” отрицание [Kempson 1975], когда отрицается не только ассерция, но и презумпция – в том числе, презумпция существования у собственного имени: *никакого Беннета*. В контексте *никакой* презумпция пропадает и в номинативе: *Никакой Беннет не останавливался*.

Обязательную непереходность генитивного глагола можно объяснить тем, что у переходного глагола субъект часто несет презумпцию существования. Пример (V.4) показывает, однако, что запрет на переходность носит структурный характер.

Остались примеры и (G.2) – (G.4), которые требуют погружения в лексическую семантику глагола.

2.2. Семантика генитивного глагола

Обратимся к примеру (G.2). Глагол *быть* всегда являлся камнем преткновения при семантическом подходе к ГК. Различается глагол *быть* бытийный, в наст. времени – форма *есть*, и *быть* локативный, см. [Lyons 1978; Арутюнова 1976]. В контексте бытийного *быть* ГК законна, бытийное *быть* – генитивный глагол:

(2.1) *Есть* такая партия – *Нет* такой партии.

Однако субъект глагола *быть* в отрицательном предложении стоит в генитиве даже и при локативном *быть*:

(2.2) <Я зашел к Ване, но> *Вани* не было дома /*Ваня не был дома.

Бэбби, отождествив генитивные глаголы с бытийными, вынужден был считать, что примеры типа (G.2) – это исключение из (им же выдвинутого) тезиса о том, что ГК предсказуема из семантики: генитив в таком контексте он считает результатом действия “автоматического синтаксического правила” [Babby 1980: 124]. Примерно такую же позицию занимает Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1976: 212, 225; Арутюнова, Ширяев 1983: 91].

В самом деле, пока генитивные глаголы отождествлялись с бытийными, род. падеж субъекта при локативном *быть* казался двойным исключением.

Во-первых, в значении локативного *быть* нельзя усмотреть компонента ‘Вещь существует’ (в отрицаемом статусе, ассертивном или имплицативном), который бы “отвечал” за род. падеж отрицательного предложения; прямо наоборот, локализация объекта связана с п р е с у п п о з и ц и е й его существования:

(2.3) а. Геологическая партия *была* на базе ⊃ ‘Геологическая партия существует’;
б. Геологической партии *не было* на базе ⊃ ‘Геологическая партия существует’.

Во-вторых, генитивная конструкция – при глаголах бытийной группы – предполагает нереферентный субъект; а у локативного *быть* субъект может быть конкретно-референтным, как *Ваня* в примере (2.2) или *Маша* в примере (1.5).

В [Падучева 1992] было предложено семантическое решение для *быть*. Дело в том, что локативное *быть* может обозначать, в отрицательном предложении, не отсутствие, а н а б л ю д а е м о е отсутствие (ср. наблюдаемое наличие признака, которое делает генитивным, например, глагол *белеть*): в ситуации, которая описывается глаголом *быть* в генитивной конструкции, присутствует не выражаемый на поверхности участник – Наблюдатель. А тогда *быть*, в этом употреблении, может быть отнесен к генитивным глаголам перцептивной группы, которая допускает референтный субъект.

В примере (G.2) можно различить два локативных значения глагола *быть*: *быть*₁, со значением наблюдаемого местонахождения в отрицательном предложении, генитивная лексема, и *быть*₂, перемещения, не генитивная.

Лексема *быть*₁, как в (G.2a), означает, в контексте отрицания, что в состав участников ситуации входит, помимо Вещи и Места, Наблюдатель, который

- либо а) находится в Месте в некоторый момент,
- либо б) мыслит себя находящимся в Месте в некоторый момент,
- либо в) Место – это его нормальное местонахождение.

Наблюдателем может быть говорящий или какое-то другое лицо.

Предложение (G.2a) означает, что отца не было на море, когда Наблюдатель – говорящий, повествователь – там был; в крайнем случае, речь может идти об использовании “свидетельских показаний”.

А *быть*₂, как в (G.2б), значит, приблизительно, ‘побывать’, т.е. переместиться в Место, находиться там в течение некоторого времени и вернуться. Пример:

(2.4) <Петя встречает маму своего одноклассника.>
– Почему *Вани* не было в школе?
– *Ваня* не был в школе, потому что мы ходили к врачу.

В реплике Пети генитив: Петя был в школе и засвидетельствовал Ванино отсутствие; а для Ваниной мамы, которая не была свидетелем отсутствия, более естественна номинативная конструкция.

В таком случае ГК в контексте лексемы *быть*₁ имеет то же значение, что при других генитивных глаголах перцептивной группы – отсутствие Вещи в поле зрения Наблюдателя. Впрочем, в пункте в) определения *быть*₁ точнее было бы говорить не о Наблюдателе (с фиксированным местоположением), а о “Субъекте сознания”.

В перцептивной группе генитив субъекта не обязательно ставит под сомнение существование Вещи: однозначно референтный субъект тоже может быть в генитиве – тогда ГК маркирует отрицание восприятия, но не существования.

В (G.26) пребывание Вещи в Месте есть результат намеренного действия. Примеры из (2.5) показывают, однако, что агентивность для *быть*₂ не обязательна; номинативная конструкция возможна и при неодушевленном субъекте. Чтобы трактовать *быть* как *быть*₂, достаточно, чтобы оно имело значение перемещения:

- (2.5) Телевизор <явно> не был в мастерской <: он по-прежнему работает плохо>;
Этот костюм не был в химчистке;
Журнал не был в учительской;
Бутылка не была в холодильнике.

Фактически и в (2.5) *быть*₂ означает, приблизительно, ‘побывать’. Здесь играет роль характер Места: оно предполагает определенное целенаправленное воздействие на Вещь (ремонт, чистку, охлаждение и т. д.). Собственно, только в таком контексте *быть*₂ и может иметь неодушевленный субъект; предложение (2.6а) воспринимается как аномалия, поскольку трудно найти контекст, оправдывающий прямое и обратное перемещение паспорта; ср. однако (2.6в):

- (2.6) а. *Мой паспорт не был в сумке;
б. Моего паспорта не было в сумке [*быть*₁];
в. Мой паспорт ни в какой момент не был в сумке [*быть*₁, НК выражает отсутствие Наблюдателя].

Если Вещью является 1-е лицо, говорящий, то он же обычно выступает в роли Наблюдателя. Отсюда фраза (2.7а) (своего рода несобственная прямая речь):

- (2.7) а. *Меня нет дома; б. Я не дома.

Говорящий должен находиться дома, поскольку ГК требует от него роли Наблюдателя (синхронного, поскольку наст. время), а он говорит, что его нет.

Различие между *быть*₁ и *быть*₂ усиливается при квантификации:

- (2.8) а. Я никогда в этом доме не был; б. *Меня никогда в этом доме не было.
(2.9) а. Я никогда в этом доме не буду [= ‘никогда не приду’];
б. Меня в этом доме никогда не будет [сейчас я мыслю себя в этом доме]; ср. *Ноги моей в этом доме не будет.*

Относительно примера (2.10а) возникает вопрос, это *быть*₁ или *быть*₂:

- (2.10) а. Я не был дома два дня;
б. Тебя не было дома два дня [взгляд из дома; согласно [Борщев, Парти 2002], тут дом является центром перспективы].

Кажется, что в (2.10а) можно различить два понимания, одно – с *быть*₂ (не был дома = ‘не приходил домой’), другое – с *быть*₁ без синхронного Наблюдателя в ситуации отсутствия; в (2.10б), где Наблюдатель есть, естественна генитивная конструкция. Но в (2.11) *быть* скорее будет понято как *быть*₂:

(2.11) Я не была в Крыму пятнадцать лет ≈ 'не ездила'.

Глагол *быть* не единственный, который в контексте ГК обрастает Наблюдателем; то же происходит с глаголами *лежать*, *висеть*, *стоять* – при неодушевленном субъекте, когда они не обозначают деятельности⁴:

- (2.12) а. *Дневника* на столе не лежало;
б. *Телевизора* на тумбочке не стояло;
в. *Картины* на стене не висело.

У глаголов *белеть*, *блестеть*, *звучать* Наблюдатель общепризнан, и их вхождение в класс генитивных глаголов очевидно. Особенность *быть*₁ состоит в том, что его Наблюдатель возникает только в отрицательном контексте. Очевидно, он порождается семантикой ГК, а глагол всего лишь не противоречит такой концептуализации ситуации, которая включает Наблюдателя.

Глаголы *толпиться*, *вертеться*, *крутиться*, *околачиваться*, *тереться*, *топтаться* (упомянутые в [Апресян 1995: 521]) тоже допускают генитив отрицания и являются генитивными в том же смысле, что *быть*₁. С другой стороны, глаголы *находиться*, *пребывать* не генитивные, т.е. не могут выражать наблюдаемое отсутствие.

Итак, мы получили объяснение для примера (G.2): в (G.2a) и (G.2б) две разных лексемы глагола *быть*; в (G.2a) лексема *быть*₁, которая относится к генитивному классу, т.е. в отрицательном контексте выражает наблюдаемое отсутствие, а в (G.2б) – лексема *быть*₂, со значением двунаправленного перемещения, не генитивная.

З а м е ч а н и е. Лексема *быть*₁ имеет все три времени и оба основных видовых значения в прош. времени – ретроспективное речевое и синхронное нарративное:

- (2.13) Иванова *нет* в Москве [наст.];
Я пошел на берег, но отца *не было* на море [прош. нарративное];
Этого человека раньше здесь *не было* [прош. речевое];
Иванова *не будет* в Москве долго [буд.].

А у *быть*₂ есть только форма прош. времени.

Не следует думать, однако, что Наблюдателя в примерах типа (G.2a) или (2.4) можно вывести из аспектуальной семантики глагола *быть*. Сейчас можно считать общепринятым обращение к Наблюдателю при семантическом описании видовых значений: в утвердительном предложении актуально-длительное значение (синхронное) предполагает синхронного Наблюдателя, и этим актуально-длительное значение отличается от общефактического (ретроспективного); так, во фразе *Отец был на море*

а) есть синхронный Наблюдатель при актуально-длительном значении;

б) отсутствует синхронный Наблюдатель при общефактическом значении.

Но в отрицательном предложении с генитивной конструкцией – *Отца не было на море* – синхронный Наблюдатель присутствует при обоих видовых значениях (т.е. и при речевом и при нарративном значении прош. времени). Это значит, что его не может породить вид.

Значение двунаправленного перемещения у *быть*₂ можно попытаться представить как двунаправленное (видовое) значение *быть*. Но двунаправленное значение в несов. виде допускают глаголы типа *открыть*, *выехать*, *зажечь* (они обозначают действие, результат которого может быть легко аннулирован противоположно направленным

⁴ Эффект знаменитого *Вас здесь не стояло* – в том, что субъект-человек, будучи деятелем (*стоять* – агентивный глагол), трактуется как вещь – ГК концептуализует его как чистый объект наблюдения.

действием или событием), и все эти глаголы парные. Глагол *быть* был бы единственным непарным стативным глаголом НСВ с двунаправленным видовым значением. Следовательно, значение двунаправленного перемещения у *быть* ('побывать, т.е. при-быть и отбыть') – это лексический сдвиг: лексема *быть*₂ – глагол движения. Интересно, что *быть* легко приобретает значение движения при прибавлении приставок: *прибыть, отбыть, выбыть*, как и *побывать*, – приставочные глаголы движения, а у других стативов таких дериватов нет. Значение перемещения в одном направлении есть и у бесприставочного *быть*: *От дяди Олега мне ничего не было* (Набоков. Дар). Тут *не было* ≈ 'не пришло', заполнены две направительных валентности – "Откуда?" и "Куда?/Кому?", свойственные глаголам перемещения.

Различив статическое *быть*₁ и динамическое *быть*₂, мы получаем объяснение и для ряда сочетаемостных ограничений.

Эллипсис Места возможен в (Г.3а), где ГК и *быть*₁. Но не при *быть*₂. Дело в том, что в (Г.3а) подразумевается 'здесь': Место фиксирует Наблюдатель.

Лексема *быть*₁ требует референтного Места, поскольку в этом Месте должен находиться Наблюдатель, отсюда аномалия в примере (Г.4б).

Здесь необходимо, однако, уточнение – на базе примеров, предложенных Б. Парти и В.Б. Борщевым (устное сообщение). Во фразе (а) локализатор не является конкретно-референтным при одном из возможных пониманий (дом может быть не только один для обоих, но и свой для каждого), а у (б) единственно возможное понимание – с нереперентным локализатором:

- (а) Ни Кати ни Лены не было дома;
- (б) Никого из них не было на своем месте.

Такое понимание возникает в контексте дистрибутивности, когда имеется распределяющее множество Вещей, и для каждой Место может быть **свое**. Так что не обязательно, чтобы локализатор был референтным; достаточно дистрибутивной единственности [Падучева 1985: 157; Шмелев 1996: 86].

Как показывают эти примеры, в контексте множественного субъекта у локализатора возникает характерная прибавка 'свой': в (а) на смысловом, а в (б) – и на поверхностном уровне. Дело в том, что у локализатора активизируется его посессивная валентность. Только локализаторы с такой валентностью и допускают дистрибутивную (не конкретно-референтную) интерпретацию в контексте множественного (в частности, квантифицированного) субъекта.

Закljučая раздел о лексических аспектах генитивной конструкции, подчеркнем, что нам пришлось обращаться не только к семантике слова, но и к своего рода семантической синтактике, которая определяет его способность или неспособность **присоединять** семантический компонент. Так, глаголы *находиться, пребывать* не могут присоединять перцептивный компонент и, соответственно, Наблюдателя. А *быть*, наряду с *лежать, стоять, сидеть*, – могут; это и значит, что они могут выступать в отрицательном предложении в генитивной конструкции.

3. КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ГЕНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Наш семантический подход был "стихийно трансформационным": предполагалось, что смысл отрицательного предложения с ГК – это НЕ + смысл исходного утвердительного: в отрицательном контексте происходит замена им. падежа на родительный. Что не отражает реальной ситуации языкового общения. Рассмотрим отрицательное высказывание само по себе. Во многих случаях одна и та же ситуация действительности допускает разные концептуализации: вопрос в том, куда помещает себя Наблюдатель. Пример на базе [Арутюнова, Ширяев 1983: 91].

(3.1) Вопрос: Твой брат дома? [разговор на пороге дома; говорящий в Месте]

Ответ 1: Нет, моего брата нет\дома [ГК];

- (3.2) Вопрос: Твой брат дома? [разговор в Университете; говорящий не в Месте]
Ответ 2: Нет, мой брат не дома \ [НК].

Итак, смысл отрицательного предложения в общем случае складывается не из двух частей, а из трех: НЕ + смысл исходного утвердительного + смысл конструкции. В конечном счете выбор конструкции определяется концептом, который сопоставляет ситуации говорящий, ср. [Борщев, Парти 2002: 69].

Композиционный подход (см. о принципе композиционности [Partee 1984]) ставит проблему, которая не вставала при семантическом. Каково место Наблюдателя, порождаемого семантикой ГК глагола *быть*, в концепте ситуации?

Классического Наблюдателя в примере из [Апресян 1986] с глаголом (что существенно!) восприятия *показаться* можно интерпретировать как участника, ставшего жертвой диатетического сдвига – при рефлексивизации у глагола может исчезать адресат, ср. пример из [Падучева 2004: 240]:

- (3.3) а. Она *выразила* ему свое презрение;
б. На ее лице *выразилось* презрение (*ему).

Так что в актантной структуре глагола *показаться* можно видеть участника, не выраженного на поверхности: участника за кадром. (Аналогичный уход Эксперимента в Наблюдателя возможен и без рефлексивизации, ср. *обнаружить* в контексте *не обнаруживал признаков жизни*.) Однако не всякий Наблюдатель – участник: семантика глагола *белеть*, например, включает Наблюдателя, но не обеспечивает ему места в актантной структуре.

В этом смысле Наблюдатель ГК подобен Наблюдателю у *белеть*. Наблюдатель ГК отличается, однако, от того Наблюдателя, который входит в семантику видо-временного дейксиса. Наблюдатель при видо-временном дейксисе не обязан занимать определенную позицию в пространстве: это скорее не Наблюдатель, а Субъект сознания. При пространственном дейксисе, в том числе и при ГК, весь смысл Наблюдателя в определенности его пространственной позиции.

Что можно сказать о Наблюдателе, который порождается семантикой ГК в контексте глагола *быть*? Этот Наблюдатель очевидным образом относится к сфере пространственного дейксиса. В то же время, генитивная конструкция не обеспечивает ему места в актантной структуре глагола.

В попытке понять, как генитивная конструкция может выражать Наблюдателя (т.е. какая связь между генитивом и Наблюдателем), можно обратиться к понятию диатезы (о возможности использования понятия диатезы применительно к ГК см. [Partee, Votschev 2004]). Безличный глагол генитивной конструкции, равно как и сам генитив, лишают субъекта его обычных ролевых свойств, превращая Вещь в чистый объект восприятия. Но если есть объект, то естественно ожидать и субъекта. Тем самым ГК подготавливает в актантной структуре глагола *быть* почву для воспринимающего субъекта – Наблюдателя.

Значение постоянного местонахождения [Падучева 2004: 429] несовместимо с Наблюдателем. Поэтому, скажем, для предложения *Тегусигальна в Никарагуа* отрицанием будет только *Тегусигальна не в Никарагуа*, а не *Тегусигальны нет в Никарагуа* (этим уточнением я обязана Барбаре Парти).

4. ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Сравним следующие три предложения (пример предложил Я.Г. Тестелец):

- (4.1) а. Бутылки *нет* в холодильнике;
б. Бутылка *не была* в холодильнике;
в. Бутылка *не* в холодильнике.

Высказывание (4а) основано на непосредственном наблюдении. В (4б), напротив, нет прямого Наблюдателя – говорящий судит о ситуации (в прошлом) по косвенным данным: по ее следам, последствиям в настоящем; т.е. судит о прошлом по состоянию на текущий момент. А (4в) вообще не дает оснований судить, какими источниками информации пользовался говорящий: это может быть и знание, полученное от третьих лиц, и нежелание сообщать более точные сведения – что угодно.

Из анализа этих примеров следует, что генитивная конструкция может трактоваться как способ выражения значений, которые в других языках подпадают под категорию эвиденциальности⁵: смысловые различия в (4а)–(4в) можно считать грамматическим выражением источника информации, которым пользуется говорящий, см. об эвиденциальности [Плунгян 2000: 322]. В русском языке категория эвиденциальности никогда не усматривалась; это выигрыш, который дает изучение языка в типологической перспективе.

* * *

История изучения генитивного субъекта наглядно показывает, как способствовали пониманию сути этой конструкции достижения лингвистической семантики последних десятилетий. Наметим некоторые вехи.

1. Прогресс в области референциальной семантики, понятие пресуппозиции и противопоставление пресуппозиция / ассерция позволили представить традиционную “определенность” именной группы субъекта как пресуппозицию существования обозначаемой им Вещи. В результате стала явной связь семантики генитивного субъекта с семантикой бытийного (= экзистенциального) предложения: генитивный субъект выражает отрицание существования вещи, тогда как пресуппозиция существования требует номинативной конструкции.

2. Понятие Наблюдателя по Ю.Д. Апресяну подготовило объяснение генитивному субъекту глагола *быть*, который оставался главным камнем преткновения на пути семантического подхода к ГК.

3. Исследование соотношений между актантной структурой и синтаксической конфигурацией глагола, проникновение в семантику диатезы и выявление ранговых различий между участниками, меняющихся при мене диатезы, позволило представить Наблюдателя как Эксперимента за кадром и сблизить Наблюдателя у глагола *быть* с Экспериментом “настоящих” глаголов восприятия, типа *чувствуется, наблюдается*. Поскольку выяснилось, что генитивный субъект в отрицательном предложении возникает не только у бытийных глаголов, но и у глаголов восприятия, глагол *быть*, вместе с *белеть* и другими перцептивами, занял свое законное место среди генитивных глаголов.

4. Большую роль сыграл прогресс в лексической семантике. В центре внимания оказалась многозначность, и прежде всего – регулярная многозначность, порождаемая семантической деривацией. Оказалось, что два класса генитивных глаголов связаны отношением регулярной многозначности ‘существовать’ – ‘быть видимым’. Особая (не метонимическая и не метафорическая; возможно, эпистемическая) природа этой многозначности объяснила зыбкость границы между двумя классами генитивных глаголов – глаголами бытия и восприятия.

Отдельная проблема в этой связи – многозначность глагола *быть*, который, как оказалось, может обозначать не только существование и местонахождение, но и перемещение. Можно ли считать эту многозначность регулярной, покажет будущее. Вхождение в поле зрения обычно является результатом перемещения. Но верно и обратное: перемещение может выветриваться до вхождения в поле зрения; в результате, *прийти, поступить* ведут себя как глаголы восприятия – в частности, допускают генитивную конструкцию.

⁵ Эту трактовку предложил Я.Г. Тестелец.

Отличив перцептивные глаголы от бытийных, мы пришли к выводу о неоднозначности конструкции с генитивным субъектом. При современном состоянии семантики неоднозначность является скорее нормой, чем исключением, тем более, если, как в данном случае, речь идет о несобственной неоднозначности – такой, которая очевидным образом обусловлена контекстом, ср. концепцию единого значения ГК, развиваемую в [Борщев, Парти 2002].

5. Принцип композиционности (см. в этой связи раннюю и содержательную работу У. Вейнрейха [Weinreich 1963]) удачно соединился с “когнитивной” идеей о том, что язык не обозначает, а концептуализует. Выявить или не выявить присутствие Наблюдателя “в ситуации отсутствия” – это, при некоторых глаголах, вопрос концептуального выбора, который остается за говорящим. Принцип композиционности позволил обнаружить тонкие взаимодействия между лексической семантикой глагола и семантикой генитивной конструкции и укрепил позиции Наблюдателя в семантике глагола *быть*.

6. В современной лингвистике все большее место занимает типология. В этой связи уместно вспомнить о наследии структурализма. Современная семантика продолжает использовать минимальные пары, грамматические и понятийные категории и их категориальные формы; грамматические и лексические парадигмы, метод противопоставлений. Все это сохраняет свою ценность и по сей день. Часто, однако, лингвист скорее прибегает сейчас не к методу противопоставлений, а к более широкому набору приемов, который можно назвать методом отражений [Падучева 2004: 538]. Смысл слова, граммема, конструкции предстает как совокупность его отражений: в других словах – синонимичных и антонимичных, близких и не очень близких по смыслу, формально связанных и не связанных с данным; в естественных и протиестественных контекстах употребления слова; а кроме того – в эквивалентных словах, граммемах и конструкциях из других языков. В сущности, изучение языка в типологической перспективе можно рассматривать как признание эффективности метода отражений.

7. Как было сказано, в свое время прогресс в изучении генитива при отрицании был достигнут благодаря отделению более семантического генитивного субъекта от фразеологизованного и семантически смутного генитивного объекта. Однако сейчас, можно сказать, наступила пора синтеза. Связь между активом и пассивом очевидна; а между тем глаголы создания в пассиве ведут себя как глаголы бытийной группы (*Гостиницы не построено* $\supset$ ‘ее нет’); то же самое относится к глаголам обладания: *не дано, не отпущено*, ср. *На такое время не отпущено* (А. Найман). В самом деле, бытие – это интранзитивный аналог создания, восприятие является таковым для обладания. К генитиву объекта можно теперь подойти с оружием в руках.

8. Наконец, last but not least, следует отметить семантический подход к синтаксису, который пытается дать особенностям употребления семантическое обоснование, т.е. описать взаимодействие грамматики с лексикой и объяснить ограничения сочетаемости, исходя из семантики слов, категорий и конструкций. Сейчас он стал обыкновением. Надо помнить, однако, сколь важный этап на этом пути составляли работы Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1980; 1988]⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1980 – Ю.Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл $\leftrightarrow$ Текст”. Wien, 1980.
Апресян 1985 – Ю.Д. Апресян. Синтаксические признаки лексем // R Ling. 1985. V. 9. № 2–3.

⁶ Генитивная конструкция интенсивно обсуждалась в 1999–2004 годах на семинаре под руководством Барбары Парти в рамках проекта National Science foundation, Grant № BCS-9905748. Многими примерами и уточнением формулировок я обязана участникам этого семинара – Барбаре Парти, В.Б. Борщеву, Е.В. Рахилиной, Я.Г. Тестельцу.

Благодарю Б.А. Успенского, прочитавшего статью в рукописи.

- Апресян 1986 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Лексикографические портреты (на материале глагола БЫТЬ) // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. *Арутюнова*. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова, Ширяев 1983 – Н.Д. *Арутюнова*, Е.Н. *Ширяев*. Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
- Борщев, Парти 2002 – В.Б. *Борщев*, Б.Х. *Парти*. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002.
- Ицкович 1974 – В.А. *Ицкович*. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Падучева 1985 – Е.В. *Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1992 – Е.В. *Падучева*. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // R Ling. V. 16. 1992. № 1.
- Падучева 1997 – Е.В. *Падучева*. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2.
- Падучева 2004 – Е.В. *Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пешковский 1938 – А.М. *Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М., 1938.
- Плунгян 2000 – В.А. *Плунгян*. Общая морфология. М., 2000.
- Шмелев 1996 – А.Д. *Шмелев*. Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
- Babby 1980 – L.H. *Babby*. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, 1980.
- Babby 2001 – L.H. *Babby*. The genitive of negation: a unified analysis // Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics / S. Franks, Tr.H. King, M. Yadoff (eds.). Ann Arbor, 2001.
- Borschev, Partee 1998 – V. *Borschev*, B.H. *Partee*. Formal and lexical semantics and the genitive in negated existential sentences in Russian // Z. Boskovic, S. Franks, W. Snyder (eds). Formal approaches to Slavic linguistics 6. Ann Arbor, 1998.
- Chvany 1975 – C.V. *Chvany*. On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
- Guiraud-Weber 1984 – M. *Guiraud-Weber*. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Guiraud-Weber 2003 – M. *Guiraud-Weber*. Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // R Ling. 2003. V. 27. № 3.
- Kempson 1975 – R.M. *Kempson*. Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge, 1975.
- Klenin 1978 – E. *Klenin*. Quantification, partitivity and the genitive of negation in Russian // B. Comrie (ed.) Classification of grammatical categories. Urbana, 1978.
- Lyons 1978 – J. *Lyons*. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1968. [Русск. пер.: Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику М., 1978.]
- Partee 1984 – B.H. *Partee*. Compositionality // Varieties of formal semantics. Dordrecht, 1984.
- Partee, Borschev 2004 – B.H. *Partee*, V. *Borschev*. The semantics of Russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure. Proceedings of SALT 14, Evanston, Illinois, May 14–16, 2004.
- Weinreich 1963 – U. *Weinreich*. On the semantic structure of language // J. Greenberg (ed.). Universals of language. Cambridge (Mass.), 1963. [Русск. пер. И.А. Мельчука: У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии / Ред. В. А. Звегинцев. М., 1970.]
- Wierzbicka 1980 – A. *Wierzbicka*. Lingua mentalis. Sydney etc., 1980.
- Wierzbicka 1988 – A. *Wierzbicka*. The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1988.

© 2005 г. Д.С. ГАНЕНКОВ

**“КОНТАКТНЫЕ” ЛОКАЛИЗАЦИИ
В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ***

На материале нахско-дагестанских языков в статье рассматривается особый тип пространственных показателей, которые указывают на наличие контакта между описываемым объектом и ориентиром (локализация *CONT*). Традиционно такие показатели обычно описывались как нахождение объекта на вертикальной (боковой и т.д.) поверхности. Однако в большинстве рассматриваемых нами языков функционирование локализации *CONT* связано в первую очередь со способом удержания объекта на поверхности, а не с ориентацией поверхности. Настоящая статья представляет собой первую попытку выявить инвентарь пространственных употреблений, в которых ожидается появление подобных показателей, а также установить семантические связи между отдельными употреблением.

1. ВВЕДЕНИЕ

Одной из уникальных типологических черт, характерной для большинства нахско-дагестанских языков, является наличие в этих языках богатых именных словоизменятельных систем, включающих до 40–50 единиц. В формальном отношении именная парадигма обычно четко делится на две части: “абстрактные” (“грамматические”, “синтаксические”) падежи и пространственные (“семантические”) формы. Если “абстрактные” падежи образуются присоединением падежного аффикса к основе, то пространственные формы имени включают в себя показатели двух различных грамматических категорий: локализации и ориентации. Граммемы категории локализации указывают на область пространства относительно некоторого ориентира, в которой находится (в которую перемещается или из которой перемещается) участник ситуации. Так, в нахско-дагестанских языках выделяются локализации на поверхности, внутри, около, под ориентиром и т.д., которые принято обозначать условными ярлыками на латинской основе: например, *APUD* ‘область пространства рядом с ориентиром’, *SUPER* ‘(верхняя) поверхность ориентира’, *IN* ‘пространство внутри ориентира’, *SUB* ‘пространство под ориентиром’, *ANTE* ‘пространство перед ориентиром’, *POST* ‘пространство позади ориентира’¹. В ряде языков (прежде всего, в лезгинских) показатели локализации у имен существительных как по форме, так и по семантике соотносятся с локативными превербами в составе глагольной словоформы².

* В основу данной статьи был положен доклад, прочитанный в октябре 2002 г. на заседании Московского типологического общества. Автор благодарит всех слушателей доклада за вопросы и комментарии, а также В.А. Плунгяна, Т.А. Майсака, Ю.А. Ландера, С.Р. Мерданову, Я.Г. Тестельца и А.Е. Кибрика, ознакомившихся с первоначальным вариантом статьи и высказавших свои замечания.

¹ Понятие локализации и система ярлыков для их обозначения в дагестанских языках были введены А.Е. Кибриком как развитие и продолжение финно-угорской традиции. Впервые они были применены в описании арчинского языка [Кибрик 1977]. Примеры семантических ярлыков, используемых при описании пространственных значений, см. также в [Тестелец 1980; Плунгян 2002].

² Общий обзор префиксальных систем в лезгинских языках дается в [Хидиров 1976]. Из конкретно-языковых описаний, см., например, описание системы превербов в агульском [Майсак, Мерданова 2002], хиналугском [Кибрик и др. 1972: 225–234], крызском и будухском [Алексеев 1983].

Категория ориентации характеризует взаимодействие между описываемым объектом и ориентиром в терминах приближения, удаления или покоя (отсутствия движения) объекта относительно ориентира. Соответственно, граммы этой категории называются *латив* (приближение), *элатив* (удаление) и *эссив* (покой)³.

В качестве примера см. таблицу 1, где приведен фрагмент именной парадигмы слова *sew* 'медведь' в лезгинском языке [Талибов 1966: 558].

Таблица 1

Фрагмент склонения существительного *sew* 'медведь' в лезгинском языке

	APUD	SUPER	POST
эссив	sewre-w	sewre-l	sewre-q
латив	sewre-w-di	sewre-l-di	sewre-q-di
элатив	sewre-w-aj	sewre-l-aj	sewre-q-aj

В настоящее время падежные системы нахско-дагестанских языков можно считать изученными относительно неплохо. Формально-морфологический и семантический аспекты падежей в конкретных языках и диалектах освещались в грамматических описаниях и в многочисленных статьях (в частности, падежной проблематике специально посвящен сборник [Мейланова (ред.) 1979]). Отдельное внимание уделялось сопоставительному изучению пространственных форм в дагестанских языках в работах [Кибрик 1970; Тестелец 1980].

С семантической точки зрения большая часть локализаций в нахско-дагестанских языках имеет параллели в других, в том числе европейских языках. Вместе с тем во многих дагестанских языках в систему локализаций включаются показатели, семантика которых на типологическом фоне оказывается нетривиальной. В грамматических описаниях значение этих показателей обычно характеризуется как нахождение на вертикальной (боковой, наклонной) поверхности или же как нахождение в (плотном) контакте с предметом. По параметру "ориентация поверхности" такой показатель в языке противопоставлен другому показателю, описывающему нахождение на горизонтальной поверхности. Так, например, показатель *-k* в табасаранском языке, согласно описанию [Магомедов 1965: 125], означает "нахождение на вертикальной или наклонной плоскости, нахождение в соприкосновении" и противопоставлен показателю *-ʔin* "на (в горизонтальном положении)" [Магомедов 1965: 121].

Ср. следующие примеры [Магомедов 1965: 125]:

- (1) *k-iwx*   *surat*   *cali-k!*
 Cont-вешать:Imp   картина   стена-Cont
Повесь картину на стену!

- (2) *izu*   *kap'-nu-za*   *lišan*   *Xan žuli-k.*
 я   чертить-Pst-1Sg   метка   кинжал-Cont
Я нанес метку на кинжал.

Показатели с такой семантикой, как кажется, не описывались подробно ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистической литературе.

³ Особенности формального устройства падежных систем в нахско-дагестанских языках рассматриваются в работах [Бокарев 1948; Кибрик 1970; 2003]. Статус пространственных форм обсуждается также в статье [Comrie, Polinsky 1998].

Основная проблема, возникающая при ближайшем ознакомлении с подобными граммемами, заключается в том, что реальная сфера их употребления не покрывается формулировками типа “нахождение на вертикальной плоскости” или “нахождение в соприкосновении” (последняя, к тому же, является слишком абстрактной и не отражает реального положения дел)⁴. С одной стороны, иногда такие показатели все же обозначают нахождение на горизонтальной поверхности. С другой стороны, ими описываются далеко не все случаи местонахождения на вертикальной поверхности (некоторые примеры см. ниже).

Таким образом, во многих нахско-дагестанских языках система локализаций включает две грамлемы, используемые для обозначения нахождения на поверхности. Одним из параметров, позволяющим уловить семантический контраст между двумя локализациями, является противопоставление поверхностей по ориентации в пространстве (горизонтальная или вертикальная), принятое в дагестановедении. Однако такое описание оказывается не вполне адекватным.

В этой работе мы следуем уже установившейся традиции и обозначаем одну из этих локализаций ярлыком SUPER, а другую – ярлыком CONT (в традиционных описаниях, соответственно, “нахождение на горизонтальной поверхности” и “нахождение на вертикальной поверхности или в контакте”). Впервые эти ярлыки, хотя и в несколько другом значении, были введены (в кириллическом написании) в грамматике арчинского языка А.Е. Кибрика, см. [Кибрик 1977: 163, 166].

В настоящей работе мы попытаемся определить семантическую специфику показателей локализации CONT в различных дагестанских языках и выявить инвентарь значений, выражаемых этими показателями.

Таким образом, прежде всего нам следует установить языки, в которых представлена локализация CONT. С этой целью нами был изучен материал нахско-дагестанских языков, которые перечислены в таблице 2 (в соответствии с генетической классификацией внутри семьи).

Таблица 2

Генетическая классификация нахско-дагестанских языков

Генетическая группа	Название языка
аваро-андо-цезские	
аварский	<i>литературный</i>
андийские	андийский, ахвахский, багвалинский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский
цезские	бежтинский, гунзибский, цезский, гинухский
лакский	<i>литературный</i>
даргинский	<i>акушинский диалект, ицаринский диалект, кайтагский диалект, мугинский диалект</i>
лезгинские	агульский, лезгинский, табасаранский, рутульский, цахурский, будухский(?), крызский(?), арчинский, удинский
хиналугский	<i>хиналугский</i>
нахские	<i>ингушский, чеченский</i>

⁴ Как справедливо указывает М.В. Филипенко в своем обзоре основных направлений в исследовании пространственных предлогов, “геометрические” разграничения пространственных показателей (типа ориентации поверхности) являются отражением структуралистского подхода к описанию языка, “когда важно указать место языковой единицы в системе, противопоставив ее в некотором отношении другим единицам”, “признак ... служит такому различению предлогов, но, будучи подчинен указанной узкой задаче, естественно, не объясняет многие свойства конкретных предлогов” [Филипенко 2000: 14].

Изучение языкового материала показало, что локализация CONT отсутствует в нахских языках, арчинском, будухском, удинском, хиналугском, лакском, ахвахском, чамалинском и литературном аварском (в таблице выделены курсивом). В отличие от литературного аварского, в ряде южных аварских диалектов и говоров, по-видимому, можно выделить локализацию CONT (обзор аварских диалектных данных см. в [Микайлов 1959]).

В даргинском языке локализация CONT, по-видимому, полностью отсутствует, о чем свидетельствуют как данные большинства имеющихся описаний, так и наши материалы по акушинскому, ицаринскому, кайтагскому и мугинскому диалектам. Не совсем понятным остается утверждение в [Хайдаков 1985: 58–60, 67–68] о различном обозначении нахождения на горизонтальной и вертикальной поверхности в ряде даргинских диалектов (в т.ч. и в акушинском). Согласно этой работе, “нахождение предмета в массе, емкости, а также на вертикальной поверхности” выражается в акушинском диалекте показателем *-zi*, тогда как “нахождение предмета на горизонтальной поверхности” обозначается при помощи показателя *-ci*. Заметим, что в наиболее подробном на настоящий момент описании семантики пространственных падежей в даргинском языке [Мусаев 1984] такой функции показателя *-zi* не отмечается.

Наконец, имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет установить наличие или отсутствие локализации CONT в крызском языке, где имеется локализация с показателем *-k*, который соответствует показателям локализации CONT в других лезгинских языках. Однако данные об употреблении этой локализации отсутствуют⁵.

В целом, можно сказать, что изучаемая категория характерна для языков андийской, цезской и лезгинской подгрупп (языки, в которых представлена локализация CONT, в таблице выделены полужирным шрифтом).

Основным материалом этой работы послужили данные, полученные в ходе работы с носителями следующих языков: андийского, каратинского (андийские), бежтинского, цезского (цезские), агульского, лезгинского и табасаранского (лезгинские). Сведения по другим языкам почерпнуты из имеющихся грамматических описаний.

Наряду с другими пространственными значениями, которые в дагестанских языках выражаются падежными формами, семантика локализации CONT рассматривается в [Тестелец 1980]. В этой работе, по-видимому, впервые отмечается, что определение локализации CONT как показателя, выражающего нахождение на боковой поверхности, является верным лишь для части употреблений этой локализации. Более точно ее значение описывается как “в полном контакте с ориентиром” или, более подробно, как “полностью осуществленная возможность контакта с ориентиром; локализационная область совпадает с самим ориентиром, причем часто происходит взаимопроникновение локализуемого объекта и ориентира” [Там же: 29]. В этой же работе введено условное обозначение данного типа показателей КОНТ. При этом в западноцезских языках Я.Г. Тестелец также выделяет локализацию ВЕРТ, которая как раз и используется для обозначения на боковой (вертикальной) поверхности ориентира [Там же: 41]. В настоящей работе мы объединяем показатели типа КОНТ и ВЕРТ в единую категорию и рассматриваем их как разные семантические типы в рамках этой категории.

2. СЕМАНТИКА ЛОКАЛИЗАЦИИ CONT

В настоящем разделе дается описание основных типов пространственных употреблений локализации CONT, зафиксированных в различных дагестанских языках. Во всех

⁵ В будухском языке, генетически наиболее близком крызскому, по данным словаря [Мейланова 1984], сфера пространственных употреблений показателя *-k* ограничена несколькими примерами типа “К стене картина прибита”. Скорее всего, данный показатель в настоящее время употребляется в основном для выражения непространственных значений (а форма элатива *-kir*, по-видимому, имеет только непространственные употребления).

рассматриваемых нами языках эта локализация выражает местонахождение объекта на поверхности ориентира. Однако поверхность ориентира является не единственной топологической зоной, нахождение в которой может описываться с помощью локализации CONT. В некоторых языках эта локализация также используется для обозначения нахождения объекта внутри или около ориентира.

Последующие три раздела основаны на анализе материала лезгинских, цезских и андийских языков и посвящены описанию пространственных употреблений, связанных, соответственно, с нахождением на поверхности, во внутренней области и в окрестности ориентира. В заключении подводятся некоторые итоги исследования.

2.1. Местонахождение на поверхности ориентира

Как уже было отмечено выше, нередко в грамматических описаниях дагестанских языков локализация CONT характеризуется как локализация, обозначающая местонахождение объекта на вертикальной поверхности. В ряде контекстов локализация CONT действительно коррелирует с этим значением, как показано в примере (3) из агульского языка, в противоположность локализации SUPER, использованной в примере (4) для обозначения нахождения на горизонтальной поверхности:

(3) cili-k	iškil	k-ea
стена-Cont	рисунок	Cont-находиться
<i>На стене рисунок висит (=есть).</i>		

(4) ustuli-l	kitab	ald-ea.
стол-Super	книга	Super-находиться
<i>На столе лежит книга.</i>		

Несмотря на то, что семантика локализации CONT в разных дагестанских языках различается довольно сильно, можно сказать, что, по-видимому, ни в одном из рассматриваемых нами языков противопоставление по ориентации поверхности не отражает реального распределения показателей (за исключением, возможно, цезского языка). Ср. приведенные выше примеры (3) и (4) с примером (5), который демонстрирует, что ориентация поверхности не определяет однозначно использование того или иного показателя:

(5) cili-l	t'ut'	ald-ea.
стена-Super	муха	Super-находиться
<i>На стене муха сидит.</i>		

В примерах (4) и (5), несмотря на различие по ориентации поверхности, употреблен один и тот же показатель локализации SUPER. Пример (5) также показывает возможность использования локализации SUPER для обозначения местонахождения на вертикальной поверхности.

В общем виде распределение локализаций SUPER и CONT в агульском языке при описании нахождения объекта на поверхности можно сформулировать следующим образом. Локализацию CONT следует использовать в том случае, если находящийся на поверхности объект "висит" на ней, т.е. удерживается, не падает благодаря наличию какого-либо внешнего крепления [ср. пример (3)⁶]. Показатель локализации SUPER

⁶ Отметим в связи с этим, что в агульском и других восточнолезгинских языках отсутствует специальный глагол со значением 'висеть'. Для передачи этого смысла используется либо локативная связка в сочетании с превербом локализации CONT (в контекстах типа *Картина висит на стене*), либо глагол со значением 'простирается, протягиваться' (в контекстах типа *Платье висит в шкафу*).

должен быть использован, если объект удерживается на поверхности самостоятельно, не будучи прикрепленным к поверхности, например, поверхность представляет собой “опору”, “подставку” для объекта, как в примере (4), или же объект обладает способностью самостоятельно удерживаться на поверхности, ориентированной вертикально, как в примере (5). Ситуация, аналогичная агульской, наблюдается и в большинстве других языков (подробнее об исключениях и разных семантических типах локализации CONT см. далее).

Тем самым, оказывается, что распределение локализаций SUPER и CONT связано не с ориентацией поверхности, на которой находится описываемый объект, а определяется функциональными параметрами, а именно тем, как и м о б р а з о м описываемый объект удерживается на поверхности. Иными словами, локализация CONT является средством, позволяющим указать, что описываемый объект п р и к р е п л е н к поверхности.

При таком описании семантики локализации CONT можно легко показать, что ориентация поверхности (горизонтальная/вертикальная) является лишь семантическим следствием более общей закономерности. Очевидно, что противопоставление по ориентации поверхности возникает вследствие того, что наиболее часто конфигурация, при которой объект удерживается на поверхности благодаря внешнему креплению, имеется в тех случаях, когда поверхность не является для объекта горизонтальной опорой (например, такие объекты, как стена или потолок).

Сформулированное выше распределение между локализациями CONT и SUPER позволяет также объяснить использование локализации CONT в некоторых других случаях. В частности, его логическим следствием является обозначение при помощи этой локализации актанта в моделях управления глаголов типа ‘прижать’, ‘приклеить’, ‘привязать’, описывающих п л о т н ы й к о н т а к т двух поверхностей, то есть такую ситуацию, когда поверхность объекта плотно прижата (“приклеена”) к поверхности ориентира. См. пример из бежтинского языка:

(6) ХöХi-ł	öže	ico-ro.
дерево-Cont	мальчик	привязывать-Pst
<i>Мальчика к дереву привязали.</i>		

Очевидно, что здесь мы имеем дело с тем же самым типом функционального взаимодействия между объектом и ориентиром, поскольку в данном случае нахождение объекта на поверхности также задается некоторой внешней связью. Ориентация поверхности (вертикальная/горизонтальная) в ситуации плотного контакта не играет никакой роли, поскольку сама эта ситуация предполагает, что позиция объекта жестко детерминирована внешней силой и не зависит от ориентации поверхности или способности самостоятельно удерживаться на поверхности. Тем самым, в контексте имен существительных, называющих одушевленные существа (типа мухи), нередко возникает контраст между локализациями SUPER и CONT. При использовании локализации SUPER описывается “обычная” ситуация, при которой одушевленный объект находится на поверхности (горизонтальной или вертикальной) по собственной воле и удерживается на этой поверхности самостоятельно. Использование же локализации CONT показывает, что, вопреки ожиданиям, нахождение объекта на поверхности не связано с функциональной интерпретацией поверхности как “опоры” или со способностью объекта самостоятельно удерживаться на вертикальной поверхности – на самом деле, объект находится на поверхности вследствие того, что он прикреплен к ней. Нередко в таких контекстах возникает импликация нежелательности такой ситуации (например, “муха попала в ловушку”), поскольку объект в этом случае лишен свободы действий. Ср. следующую пару предложений из лезгинского языка:

(7) a. cla-l	t'at'	al-a.
стена-Super	муха	Super-находиться
<i>На стене муха сидит ("сама").</i>		

b. cla-k	t' at'	k.-a.
стена-Cont	муха	Cont-находиться

На стене муха сидит (она не может улететь, может быть, она приклеилась).

Наличие жесткой связи между объектом и ориентиром объединяет описанные выше контексты “плотного контакта” с контекстами, в которых непосредственный контакт поверхностей отсутствует, однако положение объекта по отношению к ориентир жестко фиксировано за счет наличия связующего звена (в контекстах типа “корову привязали к забору”).

Эти два типа употреблений – крепление к поверхности и плотный контакт – выражаются при помощи локализации CONT во всех изученных нами лезгинских и цезских языках (далее они будут называться основными употреблением). Кроме того, в агульском, табасаранском и цезском языках зафиксировано использование локализации CONT при глаголах со значением ‘подниматься’ и ‘спускаться’ для обозначения одной из локативных ролей (исходной точки, маршрута или конечной точки), см. пример из табасаранского языка [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 192]:

(8) Rarzu-k	ker'ub.
скала-Cont	взбираться

Взобраться на скалу.

Специально наличие такого употребления у локализации CONT в других дагестанских языках не проверялось, однако, его семантическая близость к основным употреблением позволяет предположить, что и в остальных языках это значение также должно быть представлено. Действительно, локативный актант оформляется показателем локализации CONT в тех ситуациях перемещения, в которых поверхность не является для объекта горизонтальной опорой, и, следовательно, перемещающемуся объекту требуются дополнительные усилия для удержания на поверхности. Если же ориентир является “обычной” горизонтальной опорой для перемещающегося объекта, локализация CONT не используется. Ср. следующую пару примеров из агульского языка:

(9) a. timur	aRuč'a-a	dahari-k-as.
Тимур	подниматься-Prs	гора-Cont-El

Тимур поднимается по горе.

b. timur	aRuč'a-a	züleri-?-as	wart̄.
Тимур	подниматься-Prs	лестница-In-El	вверх

Тимур поднимается по лестнице.

Теперь мы переходим к описанию тех употреблений, которые характерны не для всех, а лишь для отдельных дагестанских языков. Сначала рассмотрим данные восточнолезгинских (т.е. лезгинского, агульского и табасаранского) языков, которые демонстрируют значительное сходство в семантике локализации CONT⁷.

Особую интерпретацию имеют предложения, в которых в качестве локализуемого объекта выступает “покрытие” (например, ковер). Такое сочетание описывает ситуа-

⁷ Во всех восточнолезгинских (а также в рутульском и цахурском) языках локализация CONT имеет показатель *-k*. В лезгинском, рутульском, цахурском языках и некоторых говорах агульского языка показатель этой локализации по фонетическим причинам совпал с показателем локализации SUB (‘под’). В табасаранском и агульском языках (за исключением отдельных говоров последнего) локализация SUB имеет показатель *-k̄*. Подробнее об этом см. [Алексеев 2003: 118, 146].

цию, в которой покрытие находится в функциональном состоянии, т.е. расстелено по поверхности.

Использование локализации SUPER в этом контексте означает лишь, что покрытие находится на поверхности ориентира, но не обязательно в функциональном состоянии, например, лежит в свернутом виде на полу (хотя может быть и расстелено, здесь важно лишь то, что покрытие находится на поверхности). Таким образом, при описании расстеленного на полу покрытия в лезгинских языках возникает контраст между локализациями SUPER и CONT. Первая локализация акцентирует то, что покрытие и ориентир являются независимыми друг от друга объектами, вторая же локализация, напротив, подчеркивает, что покрытие как бы является частью поверхности. См. примеры из южного диалекта табасаранского языка:

(10) a. poli-k   barXal   k-a.
 пол-Cont   ковер   Cont-находиться
На полу расстелен ковер.

b. pol-ʔin   barXal   alʒ-a.
 пол-Super   ковер   Super-находиться
На поверхности пола лежит (свернутый) ковер.

Другая интерпретация локализации CONT возникает в контекстах, где объект является “несамостоятельным”, т.е. не существует отдельно от поверхности ориентира и выделяется только как фрагмент этой поверхности, обладающий некоторыми отличающимися его от остального пространства свойствами, например, цветом. См. пример из агульского языка:

(11) sufraji-k   t'ant'a-jar   k-ea.
 скатерть-Cont   пятно-Pl   Cont-находиться
На скатерти пятна (есть).

Последние два значения локализации CONT отличаются от описанных ранее тем, что здесь речь не идет об удержании объекта на поверхности за счет внешнего крепления. Сразу отметим, что это не единственный контекст, в котором отсутствует компонент крепления к поверхности. Как кажется, мы имеем дело с семантическим переходом от контекстов типа “картина на стене”, описывающих положение объекта, прикрепленного к поверхности, к контекстам, в которых использование локализации CONT обусловлено другим семантическим параметром, а именно – возможностью концептуализации объекта как поверхности ориентира. Так, в предыдущем примере ковер, расстеленный по поверхности пола, фактически функционирует как поверхность пола (говоря о том, что на полу расстелен ковер, мы на самом деле обычно не различаем сам пол и расстеленный на нем ковер; ковер для нас и является поверхностью пола). То же самое имеется и в случае пятна или рисунка на поверхности, поскольку здесь объект не существует отдельно от ориентира и представляет собой часть поверхности.

Следующая группа употреблений представлена в контекстах, где исходное значение крепления к поверхности также полностью отсутствует. В этих случаях речь идет об объектах, которые представляют “выступающие” части целого (в том числе части тела). Причем нередко положение объекта относительно ориентира невозможно представить как нахождение на поверхности (либо, если возможно, нахождение на поверхности оказывается очень абстрактным). См. агульские примеры:

(12) a. gi-n   Xili-k   t'ur-ar   k-ea.
 он-Gen   рука-Cont   бородавка-Pl   Cont-находиться
У него на руке бородавки.

b. darala-k-as   řeř   k-eĭ-arxu-ne.
 дерево-Cont-Eĭ   лист   Cont-Eĭ-падать-Pst
С дерева упал лист.

c. gi-k   baba   ubur-ar   k-ea.
 он-Cont   большой   ухо-Pl   Cont-находиться
У него большие уши.

Возникновение такого компонента в семантике локализации CONT выглядит вполне объяснимым. Действительно, “выступающие” части выглядят и легко могут быть осмыслены как прикрепленные к ориентиру в некоторой точке, и, следовательно, для описания их положения может быть использована локализация CONT.

Таким образом, в восточнолезгинских (лезгинском, агульском и табасаранском) языках все употребления локализации CONT, связанные с обозначением нахождения на поверхности, можно разделить на две семантически связанных между собой группы:

- (i) обозначение объекта, прикрепленного к поверхности (*картина на стене; муха прилепилась к стене*);
- (ii) обозначение объекта, функционирующего как поверхность ориентира (*ковер на полу*) или являющегося частью ориентира (*бородавка на руке; листья на дереве*).

По всей видимости, в целом таковы же функции локализации CONT в рутульском языке.

Совершенно иная полисемия представлена в цезских языках. Употребления, характерные для локализации CONT в лезгинских языках, здесь отсутствуют. В обоих исследованных нами цезских языках (бежтинском и цезском) зафиксировано использование локализации CONT в контекстах, описывающих ситуацию жесткой фиксации объекта относительно ориентира (в [Рахилина, Лемменс 2003] такие ситуации обозначаются ярлыком *т р е х м е р н ы й к о н т а к т*).

Употребления этого типа, в зависимости от типа описываемого объекта, распадаются на две группы. С одной стороны, объект может входить в таксономический класс “контейнеров” (т.е. иметь внутреннюю полость, например, перчатка, носок). С другой стороны, такие употребления реализуются при объектах типа кольца, представляющих собой “квазиконтейнеры”, или “контейнеры без дна” (семантические ярлыки также введены в [Рахилина, Лемменс 2003]). Примеры на эти употребления представлены в предложениях (13) из бежтинского языка:

(13) a. hokLo-la   zoL'i-ĭ   k'öjřä   meXen-nä-j.
 тот-Gen   палец-Cont   кольцо   надевать-Res-Cop
У него на пальце кольцо надето.

b. dĭ-lä   ka-ĭ   kosa   gel.
 я-Gen   рука-Cont   перчатка   есть
У меня на руке перчатка (есть).

Семантическое условие, позволяющее использовать локализацию CONT в таком значении, заключается в следующем: объект, пространственное расположение которого описывает данное предложение, с функциональной точки зрения предназначен для того, чтобы “быть надетым” на ориентир.

Еще один тип пространственных употреблений локализации CONT в цезских языках связан с обозначением слоя, нанесенного на ориентир. Эти употребления проиллюстрированы в следующих предложениях из бежтинского языка:

(14) a. do   korodara-ĭ   krem-i   meXen-nä.
 я   руки-Cont   крем-Cop   класть-Res
Я помазал руки кремом (букв. Я положил крем на руки).

b. goso-ɫ	k'irāž	reXen-nä-j.
стена-Cont	известь	класть-Res-Cop
<i>Стена побелена (букв. На стену положили известь).</i>		

Интересно, что значительная часть примеров на этот тип употреблений в русском языке обычно концептуализуется и, соответственно, переводится не как локативные конструкции типа “X (находится/помещен) на Y”, а как конструкции, описывающие ситуацию изменения свойств ориентира.

Однако и между языками цезской группы также имеются достаточно сильные расхождения в семантике локализации CONT. В бежтинском языке, в отличие от всех остальных языков, имеется группа контекстов, которые, как кажется, очень похожи на описанные выше употребления локализации CONT в лезгинских языках, а именно, употребления, связанные с обозначением объекта, равномерно “покрывающего” поверхность ориентира.

В отличие от лезгинских языков, где для употребления локализации CONT достаточно того, чтобы объект в функциональном отношении представлял собой часть (например, поверхность) ориентира, в бежтинском языке требуется, чтобы объект покрывал собой всю поверхность ориентира, тем самым, скрывая сам ориентир от непосредственного наблюдения, как показано в примере (15):

(15) a. ēXe-ɫ	bolo	meL'e-nä-j.
река-Cont	лед	идти-Res-Cop
<i>Река покрывалась льдом (букв. На реку лед пришел).</i>		

b. äLä-ɫ	ōz	jōqo-na-j.
село-Cont	снег	приходить-Res-Cop
<i>Селение (полностью) засыпано снегом (букв. На село снег пришел).</i>		

Такие употребления, видимо, семантически связаны контекстами типа “перчатка на руке”, описывающими “надетый” на ориентир объект, поскольку в обоих случаях вся поверхность ориентира обычно скрыта под объектом.

Таким образом, в бежтинском языке, как и в лезгинских языках, у части употреблений отсутствует идея крепления объекта к ориентире. Однако “встраивается” она в семантику показателя локализации CONT иначе, чем в лезгинских языках. Здесь мы имеем дело со следующими типами употреблений:

- (i) обозначение объекта, прикрепленного к поверхности (*картина на стене*);
- (ii) обозначение объекта, “надетого” на ориентир (*перчатка на руке, кольцо на пальце*);
- (iii) обозначение объекта, покрывающего поверхность ориентира или представляющего собой слой, нанесенный на ориентир (*лед на реке, известка на стене*).

Уникальная ситуация представлена в цезском языке. Как кажется, этот язык дает пример локализации CONT, для которой традиционный ярлык “нахождение на вертикальной поверхности” оказывается верным, поскольку она используется во всех контекстах, описывающих нахождение на вертикальной поверхности или, более широко, на поверхности, не являющейся горизонтальной опорой. При этом, по-видимому, именно ориентация поверхности здесь играет первостепенную роль, функциональные же факторы (такие, как способ удержания объекта на поверхности) не важны. Ср. следующие цезские примеры (замена локализации CONT на локализацию SUPER в этих контекстах невозможна):

(16) a. qido-q	Xaliča	biXesi.
стена-Cont	ковер	повешен
<i>На стене висит ковер.</i>		

b. t'ut'	qido-q	joŋ.
муха	стена-CONT	есть
<i>На стене сидит муха.</i>		

Впервые эта особенность показателя *-q* в цезском языке была отмечена в [Тестелец 1980: 41]. В этой же работе было предложено отличать такую локализацию от локализации CONT (за которой закреплялась, в основном, функция нахождения внутри) и обозначать ее при помощи условного ярлыка ВЕРТ.

Тем самым, употребления локализации CONT в цезском языке распадаются на три группы:

- (i) обозначение объекта, находящегося на поверхности, не являющейся горизонтальной опорой (*картина / муха на стене*);
- (ii) обозначение объекта, положение которого жестко детерминировано ориентиром (*перчатка на руке, кольцо на пальце*);
- (iii) обозначение объекта, представляющего собой слой, нанесенный на ориентир (*известка на стене*).

Употребления, описанные здесь на материале бежтинского и цезского языков, судя по нашим данным, а также по данным работы [Бокарев 1959], характерны и для других языков цезской группы – гунзибского, гинухского и хваршинского. Причем в гунзибском языке, видимо, представлен “бежтинский” вариант локализации CONT, а в гинухском и хваршинском локализация CONT с семантической точки зрения в целом, скорее всего, аналогична цезской. Таким образом, в рамках цезской группы восточноцезская (бежтинский и гунзибский) и западноцезская (цезский, гинухский и хваршинский) подгруппы противопоставлены по семантическому типу локализации CONT.

Наконец, особая ситуация представлена в андийских языках. Эта ситуация связана с чертой, которая отличает андийские языки от других нахско-дагестанских языков, а именно с активным процессом утраты пространственных значений и значительной десемантизацией показателей локализаций. Так, во многих языках пространственные значения, приписанные тому или иному показателю локализации, в действительности чаще (а в некоторых случаях и почти исключительно) выражаются пространственными послелогами. Наиболее показательна в этом отношении ситуация, представленная в годоберинском языке, где показатели почти всех локализаций практически утратили пространственные значения, а некоторые пространственные послелоги уже настолько морфологизованы, что, в принципе, могут рассматриваться как новые показатели локализаций (подробнее об этом см. [Кибрик 2003]).

В багвалинском языке, по свидетельству [Даниэль 2001: 226], локализация CONT (показатель *-č'*) в собственно пространственном значении в настоящее время практически не используется. По-видимому, показатель *-č'* в багвалинском языке либо уже утратил пространственные употребления, либо находится на последних этапах этого процесса.

В годоберинском языке представлена сходная ситуация. В описании [Kibrik (ed.) 1996: 84] утверждается, что в своем исходном пространственном значении ‘в контакте с ориентиром’ показатель *-č'* используется очень редко, из чего можно сделать вывод, что данный показатель если еще не утратил пространственное значение полностью, то, по крайней мере, очень близок к этому.

В каратинском языке по данным грамматики [Магомедбекова 1971: 74] показателем, используемым для выражения рассматриваемых значений, как и в других андийских языках, является показатель *-č'u*. В указанной работе приводится пример только на пространственное употребление “на сабле есть кровавое пятно”. В разговорной речи, однако, этот показатель в пространственных значениях, по-видимому, используется очень редко. Опрошенные нами носители каратинского языка употребление локализации CONT в перечисленных выше контекстах считают сомнительным и предпочитают использовать локализацию SUPER (показатель *-a*). Единственным типом контекстов, в

которых показатель *-č'i* встречается регулярно, являются предложения, описывающие ситуацию плотного контакта между поверхностями.

В тиндинском языке, согласно [Сулейманов 1992: 116], "нахождение на вертикальной поверхности" выражается при помощи показателя *-L* локализации INTER, основным значением которой является нахождение "в сплошной массе, среде" (более подробными данными по тиндинскому языку мы не располагаем).

В андийском языке (говор с. Риквани) для выражения значений, входящих в семантическую зону CONT, имеется специализированный показатель *-č'i*. В очерках морфологии андийского языка этот показатель характеризуется как выражающий местонахождение "на вертикальной поверхности" [Алексеев 1999: 224]. Как и в других языках, такое описание оказывается не вполне точным, поскольку в действительности локализация CONT в рикванском говоре андийского языка используется в ситуациях крепления и плотного контакта (т.е. в контекстах типа "картина (висит) на стене", "пришить к халату пуговицу" и "пятно на скатерти"). Подобные употребления нередко объединяются с другими контекстами, описывающими местонахождение на поверхности ориентира, и, соответственно, выражаются с помощью локализации SUPER (показатель *-lʔa*). Как и в каратинском языке, единственным употреблением, характерным исключительно для показателя *-č'i*, является выражение локативного актанта при глаголах плотного контакта.

Таким образом, можно сказать, что показатель *-lʔa* выражает местонахождение на поверхности независимо от ее ориентации и способа удержания объекта на ней, показатель же *-č'i* используется в тех случаях, когда необходимо специально указать, что описываемая ситуация связана с некоторым нестандартным функциональным взаимодействием между объектом и ориентиром (в контекстах типа "картина (висит) на стене" и "пятно на скатерти").

Наиболее заметный сдвиг в семантике показателя *-č'* произошел в чамалинском языке. В отличие от других андийских языков, в которых этот показатель в той или иной степени утратил пространственные значения, чамалинский язык сохранил этот тип употреблений и даже расширил сферу использования показателя *-č'* в пространственной области. В чамалинском языке этот показатель, диахронически представляющий собой показатель локализации CONT, в ходе семантической эволюции превратился в показатель местонахождения на поверхности, независимо от ее ориентации (вертикальная/горизонтальная) и способа удержания на ней объекта, т.е. локализацию SUPER. Тем самым, можно утверждать, что в данном случае значения семантической зоны CONT являются диахронически исходными и именно на их основе развились употребления этого показателя в значении местонахождения на поверхности-опоре (типа *книга лежит на столе*).

Таким образом, из рассмотренных андийских языков только собственно андийский сохраняет устойчивую сферу употребления. При этом следует отметить, что в андийском языке локализация CONT используется только в основных употреблениях, связанных с обозначением плотного контакта. В остальных андийских языках в семантике показателя *-č'(i)* произошли значительные изменения: в чамалинском языке этот показатель превратился в показатель локализации SUPER, а в остальных языках находится в процессе утраты пространственных употреблений. Степень утраты пространственных употреблений варьирует в зависимости от языка. Окончательно завершенным этот процесс, по-видимому, можно считать в каратинском языке. На такой же (или очень близкой) стадии эволюции, как кажется, находятся багвалинский и годоберинский языки.

2.2. Местонахождение внутри ориентира

Следующий класс употреблений локализации CONT, который мы рассмотрим, связан с обозначением местонахождения объекта во внутренней области ориентира. Это значение представлено далеко не во всех рассматриваемых языках, а, скорее, харак-

терно для языков лезгинской группы, в частности, для лезгинского, агульского и табасаранского, материал которых был изучен подробно. Кроме этого, данные имеющихся грамматических описаний позволяют говорить о наличии таких употреблений и в рутульском языке [Ибрагимов 1978: 54–55; Махмудова 2001: 81–82; Джамалов 1990: 123].

Во всех этих языках локализация CONT является не единственным способом обозначения нахождения внутри ориентира, и здесь, как и в случае поверхности ориентира, специфика этой локализации связана не с пространственными параметрами, а с наличием особых функциональных отношений между объектом и ориентиром. В отличие от других локализаций, локализация CONT в агульском и табасаранском языках (о лезгинском см. ниже отдельно) выражает такое местонахождение объекта в ориентире, при котором объект концептуализируется как составная часть ориентира.

В рамках этого общего значения можно выделить два типа употреблений. Первый, наиболее частый, тип представлен в контекстах, описывающих такую ситуацию, в которой объект и ориентир неразличимы, они представляют собой единое целое, в котором невозможно выделить составные части. Соответственно, этот тип употреблений встречается в тех случаях, когда объект входит в состав ориентира, однако точно локализовать объект в ориентире невозможно, объект как бы “рассеян” по всему ориентире. См. пример из агульского языка:

- (17) *šurpaji-k*   *q'el*   *k-ea*.
суп-CONT   соль   CONT-находиться
Суп посолен (= в супе соль есть).

Во втором типе употреблений, наоборот, находящийся в ориентире объект легко может быть выделен, однако использование локализации CONT подчеркивает, что данный объект представляет собой составную часть ориентира, см. пример из южного диалекта табасаранского языка:

- (18) *ž ukra-k*   *kartf-ar*   *k-aji?*
суп-CONT   картошка-PL   CONT-находиться
В супе картошка есть?

В агульском и табасаранском языках в семантическом поле местонахождения внутри ориентира противопоставлены три локализации. Локализация IN выражает местонахождение объекта в полном ориентире, локализация INTER⁸ обозначает местонахождение функционально независимого объекта в аморфной массе или совокупности, и, наконец, локализация CONT употребляется в тех случаях, когда объект в функциональном отношении представляет собой часть ориентира.

Несколько иная ситуация представлена в лезгинском языке. Здесь показатель *-k*, этимологически тождественный показателям локализации CONT в агульском и табасаранском, совмещенно выражает значения двух семантических зон – INTER и CONT. Соответственно, не различаются и две возможные концептуализации нахождения незави-

⁸ Во многих дагестанских языках в системе пространственных показателей представлена также локализация INTER со значением нахождения в аморфном веществе, массе (обзор показателей этого типа см. в [Кибрик 1970; Тестелец 1980]). Локализации INTER и CONT сближает концепт полного контакта [Кибрик 1970: 119–120], и, по-видимому, их можно рассматривать как единый континуум значений, в котором разные языки выбирают разные фрагменты. В некоторых языках (агульском, табасаранском, цезском) в этом континууме выделены два фрагмента, т.е. имеются обе локализации. В других языках грамматически оформлен только один из них: INTER (ахвахский, аварский, арчинский) или CONT (бежтинский, цахурский). В пользу объединения этих двух локализаций в одну семантическую категорию свидетельствует также материал лезгинского, рутульского и тиндинского языков, в каждом из которых представлена единая локализация INTER/CONT.

симого объекта в ориентире: как функционально независимого или как представляющего собой составную часть ориентира.

Как уже было отмечено, использование локализации CONT в контекстах, описывающих местонахождение объекта внутри ориентира, характерно, прежде всего, для лезгинских языков. Из прочих языков похожие употребления представлены в бежтинском языке, где показатель *-t* используется в модели управления глагола со значением 'смешиваться' для обозначения смешивающегося вещества. В большинстве нахско-дагестанских языков этот актант оформляется показателем локализации INTER. Возможно, в бежтинском это значение локализации CONT также семантически связано с местонахождением объекта в аморфном веществе, поскольку этимологически показатель локализации CONT *-t* в бежтинском соответствует показателям локализации INTER в западноцезских языках.

2.3. Местонахождение объекта рядом с ориентиром

Последнее пространственное значение, выражаемое локализацией CONT, встречается очень редко и связано с обозначением местонахождения объекта в окрестности ориентира. По нашим данным, это значение зафиксировано только у показателя *-qo* в западноцезских языках. Подробно семантика локализации CONT в таких контекстах и ее отличия от других локализаций, выражающих нахождение рядом с ориентиром, не изучалась. Приведем пример из гинужского языка:

- (19) *uži-j*   *doska-qo*   *darsi*   *eso*.
мальчик-Erg   доска-Cont   урок   рассказывает
Мальчик отвечает урок у доски.

Кроме того, такое же значение локализации CONT, по-видимому, было представлено ранее и в чамалинском языке. Синхронно в чамалинском языке у показателя *-č'* имеются два значения – местонахождение на поверхности и местонахождение рядом с ориентиром. При этом известно, что этот показатель этимологически соответствует показателям локализации CONT в других андийских языках (см. раздел 2.1). Можно предположить, что оба значения, представленных на синхронном уровне, семантически производны от основных значений семантической зоны CONT.

3. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, мы рассмотрели типы пространственных употреблений локализации CONT в нахско-дагестанских языках. Настоящая работа представляет собой первую попытку выявления параметров межъязыкового варьирования в этой области. По данным рассмотренных дагестанских языков семантическая зона CONT включает следующие пространственные употребления:

- обозначение объекта, прикрепленного к поверхности (*картина на стене*);
- выражение локативного актанта при глаголах плотного контакта (*пришить к халату*);
- выражение локативного актанта при глаголах 'подниматься' и 'спускаться';
- обозначение объекта, функционирующего как часть ориентира или являющегося частью ориентира (*ковер на полу, бородавка на руке*);
- обозначение "несамостоятельного" объекта (*пятно на скатерти*);
- обозначение объекта, "надетого" на ориентир (*перчатка на руке, кольцо на пальце*);
- обозначение объекта, покрывающего поверхность ориентира или представляющего собой слой, нанесенный на ориентир (*лед на реке, известка на стене*);
- обозначение местонахождения на любой поверхности, не являющейся горизонтальной опорой (*картина на стене, муха на стене*);
- обозначение объекта, входящего в состав ориентира (*соль, картошка в супе*);

– обозначение объекта, находящегося рядом с вертикальным ориентиром (*мальчик у доски*).

Данный инвентарь значений, безусловно, не является окончательным. Последующему уточнению подлежит как набор возможных употреблений локализации CONT, так и семантика показателей этой локализации в отдельных языках.

Как мы видели выше, сфера использования локализации CONT в различных языках отчасти пересекается. Общими для всех языков являются употребления в значении плотного контакта, описывающие местонахождение объекта, прикрепленного к поверхности. Однако включение этих употреблений в семантику показателя в разных языках происходит различным образом.

В восточнолезгинских языках (а также, по-видимому, в рутульском) идея крепления объекта к ориентиру объединяется посредством ряда переходных стадий с идеей функционирования объекта как части ориентира. При этом оказывается неважным, в какой именно топологической зоне ориентира находится описываемый объект. В действительности, он может находиться как на поверхности, так и внутри ориентира.

В бежтинском языке (а также, видимо, в гунзибском) локализация CONT выражает три типа функциональных отношений: крепление объекта к поверхности ориентира, жесткая фиксация объекта относительно ориентира и объект как верхний слой, покрывающий поверхность ориентира. Соответственно, эта же локализация используется и в других контекстах, в которых описываются подобные функциональные отношения, даже если чисто пространственную конфигурацию затруднительно охарактеризовать как нахождение на поверхности (ср. “снег на селе” выше).

В цезском языке сфера использования локализации CONT распространяется на все контексты, описывающие нахождение на поверхности, не являющейся горизонтальной опорой (*на стене, на потолке*). Важным отличием является обозначение при помощи этой локализации нахождения рядом с ориентиром. Кроме того, как и в бежтинском языке, эта локализация выражает функциональное отношение жесткой фиксации объекта относительно ориентира. Подобный набор функций имеет локализация CONT в других западноцезских языках – гинухском и хваршинском.

В андийских языках локализация CONT в значительной мере утратила пространственные употребления. Лишь в андийском языке она стабильно употребляется в контекстах, описывающих плотный контакт между объектом и ориентиром.

Представленный выше обзор семантических функций локализации CONT позволяет сделать несколько наблюдений.

Во-первых, семантическим ядром данной категории, по-видимому, действительно следует считать контексты, описывающие крепление объекта к поверхности и плотный контакт, поскольку только они являются общими для показателей во всех рассмотренных нами языках. Более того, в андийском языке локализация CONT используется только в этих контекстах. Различия между конкретно-языковыми показателями в лезгинских и цезских языках заключаются в наличии или отсутствии определенных дополнительных контекстов, при этом семантическая связь дополнительных контекстов с основными употреблениями почти всегда может быть объяснена.

Во-вторых, развитие семантики показателей в функциональном направлении во всех языках приводит к их использованию в тех контекстах, где геометрическая конфигурация не может быть установлена. Таким образом, показатели локализации CONT в дагестанских языках представляют собой яркую иллюстрацию того, что при функционировании пространственного показателя весьма важную роль, наряду с пространственными характеристиками ситуации, играет и функциональное взаимодействие между объектом и ориентиром.

Наконец, можно отметить, что распределение языков по типам показателей, в целом, хорошо соотносится с генетическими подгруппами в рамках нахско-дагестанской семьи. Единственное отклонение заключается в том, что по типу локализации CONT в языках цезской группы противопоставлены восточно- и западноцезские языки. Соответственно, в рамках каждой из этих групп локализация CONT выражается этимологи-

чески тождественными показателями и характеризуется наибольшей степенью семантической близости. На данном этапе исследования мы рассматривали показатели локализации CONT в близкородственных языках (восточнолезгинских, западноцезских, восточноцезских) как семантически тождественные. Очевидно, однако, что дальнейшие исследования в этой области должны привести к более тонкому описанию семантики этих локализаций, при котором, скорее всего, будут выявлены отличия и между этимологически тождественными показателями в близкородственных языках.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Cont	локализация CONT	Pl	множественное число
Сор	глагол-связка	Pst	прошедшее время
El	элатив	Res	результатив
Erg	эргатив	Sg	единственное число
Gen	генитив	Super	локализация SUPER
Imp	императив	–	морфемная граница

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1983 – М.Е. Алексеев. Превербь в крызском и будухском языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
- Алексеев 1985 – М.Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
- Алексеев 1988 – М.Е. Алексеев. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.
- Алексеев 1999 – М.Е. Алексеев. Андийский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999.
- Алексеев 2003 – М.Е. Алексеев. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М., 2003.
- Бокарев 1948 – Е.А. Бокарев. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т. 11.
- Бокарев 1959 – Е.А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
- Даниэль 2001 – М.А. Даниэль. Падеж и локализация // А.Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Джамалов 1990 – К.Э. Джамалов. Способы выражения пространственных отношений в рутульском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990.
- Ибрагимов 1978 – Г.Х. Ибрагимов. Рутульский язык. М., 1978.
- Ибрагимов 1990 – Г.Х. Ибрагимов. Цахурский язык. М., 1990.
- Кибрик 1970 – А.Е. Кибрик. К типологии пространственных значений // Язык и человек. М., 1970.
- Кибрик 1977 – А.Е. Кибрик. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. М., 1977.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003. (Глава 12. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями.)
- Кибрик и др. 1972 – А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловяникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.
- Магомедбекова 1971 – З.М. Магомедбекова. Каратинский язык. Тбилиси, 1971.
- Магомедов 1965 – А.А. Магомедов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
- Махмудова 2001 – С.М. Махмудова. Морфология рутульского языка. М., 2001.
- Майсак, Мерданова 2002 – Т.А. Майсак, С.Р. Мерданова. Система пространственных превербов в агульском языке // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Грамматикализация пространственных значений. М., 2002.
- Мейланова 1984 – У.А. Мейланова. Будухско-русский словарь. М., 1984.
- Мейланова (ред.) 1979 – У.А. Мейланова (ред.). Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена, 1998.
- Мусаев 1984 – М.-С. М. Мусаев. Падежный состав даргинского языка (история местных падежей). Махачкала, 1984.

- Микаилов 1959 – *Ш.И. Микаилов*. Очерки аварской диалектологии. М., 1959.
- Рахилина, Лемменс 2003 – *Е.В. Рахилина, М. Лемменс*. Семантика русского *сидеть* на фоне нидерландского *zitten* // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003.
- Плунгян 2002 – *В.А. Плунгян*. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Грамматикализация пространственных значений. М., 2002.
- Сулейманов 1992 – *Н.Д. Сулейманов*. К истории формирования морфем с вертикальной ориентацией в дагестанских языках (историко-типологический аспект) // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992.
- Талибов 1966 – *Б.Б. Талибов*. Грамматический очерк лезгинского языка // Б.Б. Талибов, М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
- Тестелец 1980 – *Я.Г. Тестелец*. Некоторые вопросы типологии систем пространственного склонения в дагестанских языках. Дипломная работа (ркл.). М., 1980.
- Филипенко 2000 – *М.В. Филипенко*. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Д. Пайар, О.Н. Селиверстова (ред.). Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Хайдаков 1985 – *С.М. Хайдаков*. Даргинский и мегебский языки. Принципы словоизменения. М., 1985.
- Ханмагомедов, Шалбузов 2001 – *Б. Г.-К. Ханмагомедов, К.Т. Шалбузов*. Табасаранско-русский словарь, М., 2001.
- Хидиров 1976 – *В.С. Хидиров*. Сравнительно-типологическая характеристика превербов в языках лезгинской группы // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. III. Тбилиси, 1976.
- Comrie, Polinsky 1998 – *B. Comrie, M. Polinsky*. The great Daghestanian case hoax // A. Siewerska, J.J. Song (eds.) Case, typology and grammar. In honor of Barry J. Blake. Amsterdam, 1998.
- Kibrik (ed.) 1996 – *A.E. Kibrik (ed.)*. Godoberi. München; New Castle, 1996.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Л.Л. Крысин. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Собранные в границах одного фундаментального издания труды Л.П. Крысина представляют собой цельное монографическое описание русского языка второй половины XX столетия в социокультурном контексте. В основе исследования – функционально-динамический подход к языковой системе, развитие которой определяется не только интерлингвистическими, но и экстралингвистическими факторами. Антиномии внутреннего и внешнего, узуса и возможностей языковой системы, информационной и экспрессивной функций языка [Принципы... 1968] сопровождают реализацию нормоцентрического принципа интерпретации основных звеньев языкового объекта (лексики, семантики, стилистики), мотивируют органичность соединения системно-структурного и социолингвистического анализа.

Книга состоит из пяти основных разделов.

Раздел I – **Лексикология, лексикография, семантика** – включает монографию “Иноязычное слово в современном русском языке” [Крысин 1968] и статьи более поздних лет, посвященные проблемам заимствования. На рубеже XX–XXI вв. лавинообразный процесс заимствования мотивировал интенсивное развитие лингвоидентификационного (“свое” и “чужое” в языке) и лингвоэкологического аспектов проблемы [Караулов 1991; Костомаров 1994; Склярская 2001; Сквородников 1993]. Тем актуальнее обращение к собственно теоретическим вопросам заимствования, которые систематизирует и решает Л.П. Крысин в историко-лексикологическом аспекте. Главная задача автора – изложение собственного взгляда на проблемы, связанные с процессом заимствования. В разделе представлена целостная концепция процесса заимствования, предложена непротиворечивая комплексная методика анализа заимствований, приложимая к языковому материалу разных хронологических сре-

зов. Следует отметить безупречную логику рассуждений автора: рассматриваемые вопросы общей проблемы заимствования не являются просто комплексом, а органично вытекают один из другого, создавая законченную картину изучаемого процесса.

В первой части раздела “Некоторые теоретические вопросы заимствования” автор на фоне взвешенного критического анализа авторитетных лингвистических теорий уточняет определение понятия заимствования как процесса “перемещения различных элементов из одного языка в другой” (с. 24) и выделяет виды заимствования: заимствование слова – наиболее распространенный, типичный случай заимствования; заимствование фонемы – наиболее редкий, частный случай, зависящий от степени контакта двух языков; а также морфологическое, семантическое и структурно-синтаксическое заимствования. В центре внимания автора оказывается лексическое заимствование, которое является первой ступенькой иноязычного влияния.

В числе рассматриваемых проблем – вопрос о причинах и предпосылках заимствования слова. В отличие от лингвистических работ конца XIX – начала XX в., авторы которых (Г. Пауль, Бодуэн де Куртэнэ, В.М. Жирмунский, Л.П. Якубинский и др.) рассматривали внешние и внутренние причины нерасчлененно, Л.П. Крысин разграничивает собственно лингвистические и экстралингвистические причины, уделяя главное внимание внутренним (языковым) предпосылкам. Заметим, что во второй части раздела, написанной автором значительно позже, причины заимствования уточняются, специально рассматриваются причины социально-психологические. Это позволяет создать целостное впечатление о социально-языковых факторах в их многомерных связях.

В качестве лингвистических причин отмечены: а) тенденция к устранению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры; б) потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам (ср. *джерм* – *варенье*, *мотальный* – *всеобщий*); в) тенденция к образованию структурно аналогичных слов или наличие класса слов, структурно однотипных с воспринимаемой лексической единицей; г) тенденция к соответствию нерасчлененности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего, т.е. замены двучленного наименования одночленным (ср.: *мотель* – вместо “гостиница для автотуристов”, *турне* – вместо “путешествие по круговому маршруту”). Вместе с тем подчеркивается необходимость объяснения лингвистических изменений в связи с фактами истории, социальной жизни страны, психологии, а это, в свою очередь, обуславливает определение условий, необходимых для перехода слова из одного языка в другой. Главным условием вслед за другими лингвистами (Г. Пауль, Э. Хауген, У. Вайнрайх, Б. Шулан, Ч. Хокетт) Л.П. Крысин считает “некоторый минимум двуязычия” (с. 34), однако справедливо отмечает, что этого недостаточно, ибо “для укрепления слова в заимствующем языке, вероятно, необходимы какие-то условия, которые касаются только системы заимствующего языка” (с. 35). Этот тезис подводит читателя к главному вопросу, занимающему центральное место в общей концепции, – вопросу о статусе заимствованного слова.

Несмотря на значительное количество появившихся в последние годы исследований, посвященных проблеме заимствования, различным оказывается и понимание термина “заимствование”, а также номинация и определение неассимилированных иноязычных лексических элементов. Л.П. Крысин, обосновывая собственный подход, убедительно снимает существующие в литературе разночтения. Он выделяет основные типы иноязычных слов, между которыми существуют структурные и функциональные различия: “заимствованные слова”, “экзотическая лексика”, “иноязычные вкрапления”. Фундаментальным признаком при выделении этих типов является оппозиция “свое/чужое”, которая составляет стержень всего монографического исследования. “Заимствованные слова” – это единицы чужого языка, вошедшие в лексико-семантическую систему языка-реципиента, тогда как “экзотическая лексика” и “иноязычные вкрапления” не принадлежат системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и

грамматическим строем этого языка единиц. Попутно отметим, что в лингвистической литературе, как известно, встречаются и другие термины для обозначения чужеродных элементов: “этнографизмы”, “регионализмы”, “варваризмы”, “макаронизмы”, – однако они никак не отмечены в рецензируемой книге, хотя было бы интересно понять, какое место названные единицы занимают в предложенной автором типологии. Правомерным является утверждение об отсутствии четкой границы между разрядами иноязычной лексики и существовании некоторой промежуточной зоны, регулируемой различными семантическими и функционально-речевыми факторами.

Обосновывая статус заимствованного слова, Л.П. Крысин показывает, какой путь проходит иноязычный элемент от момента появления до укоренения в русском языке. Выделенные пять этапов освоения иностранного слова вполне убедительны. Ценно, что автором устанавливается зависимость адаптации иноязычного слова в русском языке не только от степени его освоенности фонетической и грамматической системами, но также и от наличия/отсутствия жанрово-стилистических, ситуативных и социальных ограничений его употребления.

В связи с изучением вопросов ассимиляции иноязычных слов в системе заимствующего языка возникает необходимость квалифицировать то или иное слово либо как заимствование, либо как словообразовательное производное. Эта проблема с привлечением комплекса собственно языковых и неязыковых аргументов рассматривается и в рецензируемом труде. Учитывая такие факторы энциклопедического характера, как авторство слова, привязка к стране появления, а также морфемную структуру слова, в частности нетипичность суффикса, и особенности семантики, можно с достаточной долей уверенности однозначно признать слово заимствованным или словообразовательным производным. Однако, как справедливо отмечает Л.П. Крысин, во многих случаях “мы можем делать лишь *в е р о я т н о с т н ы е*, а не категорические утверждения” (с. 71).

Представляется важным и значимым, что при выявлении и описании теоретических вопросов заимствования автор постоянно держит в поле зрения функциональную составляющую, учитывает антиномии, которые служат движущим началом в процессе языковой эволюции, в частности антиномию говорящего – слушающего.

Вторая часть раздела “Заимствование иноязычной лексики русским языком XX века” состоит из нескольких глав, посвященных описанию процесса заимствования и судьбы ино-

язычных слов на нескольких хронологических срезах. На фоне общественной и культурно-речевой ситуации России разных десятилетий дан глубокий анализ лексики различных семантических сфер. Показаны тенденции в изменении лексического состава языка: что является, что уходит и что взаимодействует. Здесь содержатся интересные лингвистические и энциклопедические сведения, касающиеся отдельных слов. Составленный автором Словоуказатель с отсылкой к соответствующей странице позволяет использовать книгу как справочное лексикографическое издание. Автор не обходит стороной и вопрос об отношении к заимствованным словам: проводится мысль о терпимости к не своему в языке, о повышении толерантности общества к повседневному присутствию многочисленных элементов чужого языка в культурной среде.

Особое место занимает глава о "Представлении иноязычного слова в толковом словаре", в которой дано теоретическое обоснование выделения зон лексикографического описания (всего таких зон одиннадцать), содержащих разные типы лингвистической и энциклопедической информации об иноязычном слове. Практический результат такого осмысления – широко известный "Толковый словарь иноязычных слов" [Крысин 1998], ставший одним из самых авторитетных толковых словарей нашего времени.

Хотелось бы подчеркнуть, что Л.П. Крысину удалось спрогнозировать развитие неологии заимствований. Высказанные им идеи получили продолжение и развитие в последующих трудах лингвистов, на долгие годы определили развитие соответствующей отрасли научного знания.

В разделе II – Стилистика, культура речи – рассматриваются вопросы, связанные, во-первых, с отклонениями от норм литературного языка; во-вторых, с широко распространенными в разговорной речи явлениями гиперболизации и эвфемизации. Ожидаемый читателем нормативно-оценочный подход не является единственным и даже главным, он подкрепляется глубоким исследованием языковой природы "неправильностей". Нельзя не признать плодотворности положения о том, что в основе многих "неправильностей" лежит явление асимметрии. На примере лексических и лексико-стилистических фактов нарушения нормы Л.П. Крысин убедительно показал возможность трансформации эквиполюсной оппозиции в привативную и, поскольку этот процесс не противоречит одной из основных тенденций современного русского языка, доказал, что такого рода нарушения могут стать фактами языка.

Собственно нормативный подход к речевым ошибкам дополняется и социолингвистическим анализом. Социальная обусловленность языка, как известно, проявляется в том, что многие специфические, нарушающие языковую традицию факты могут быть квалифицированы как принадлежащие той или иной социальной среде (например, акцентологические варианты *осужденный, возбужденное дело* – в речи юристов; *прикус, наркомания* – в речи медиков; формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией *-д/-я: сродка, вызова, троска*). Подобные профессионально ограниченные явления приобретают функции социальных символов. При этом автор отнюдь не склонен видеть за каждой специфической особенностью результат социального влияния: далеко не все факты отклонения от литературной нормы следует считать социально маркированными, некоторые инновации отражают общие тенденции развития языка. Намеченные в этой главе идеи получают глубокую разработку в Разделе III.

В главах, посвященных гиперболе и эвфемизмам, автор выступает как исследователь живой разговорной речи, продолжатель одного из направлений Московской школы функциональной лингвистики [Земская, Крысин 1998]. Заслуживает внимания тонкий, глубокий анализ способов и языковых средств выражения гиперболы и эвфемизации. Собственно лингвистический интерес представляют выделенные автором социальные сферы деятельности человека, в которых используются эвфемизмы. Читателям известны многочисленные работы, затрагивающие процесс эвфемизации [Видлак 1967; Ларин 1961; Пауль 1960], однако именно исследование Л.П. Крысина является одним из первых, где проблема эвфемизма рассматривается применительно к русскому языку современности.

Заключает раздел глава "Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме русского литературного языка", в которой обоснована необходимость выделения функционального стиля, обслуживающего сферу религии, и показаны языковые (фонетические, лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические) особенности и жанровое многообразие религиозно-проповеднического стиля. Есть основания предполагать, что границы стиля охватывают не только жанр проповеди, но и другие жанры религиозной коммуникации, поэтому название "церковно-религиозный стиль", на наш взгляд, в большей степени отвечает объекту.

Раздел III – **Социоллингвистика** – включает ставшую классической монографию “Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка” [Крысин 1989] и более поздние труды, отражающие социоллингвистический аспект исследования русского языка второй половины XX – начала XXI в. Все эти работы дают представление и о состоянии современной социоллингвистики, развитие которой долгие годы тормозилось официальной политикой советских властей.

Определяющей является оппозиция **внутренних** (интерлингвистических, системно-структурных) и **внешних** (собственно социальных) факторов, обуславливающих развитие языка. Как в общетеоретических построениях, так и при анализе языкового материала исследователю удается сохранить баланс противопоставленных групп факторов и тем самым избежать нередкой в социоллингвистических работах гипертрофированности социального. По существу Л.П. Крысин предлагает модель социоллингвистики как науки и апробирует данную модель на материале общенационального русского языка (языка литературного, территориальных, профессиональных, социальных субъязыков). Динамический подход к языковому объекту позволяет установить направления и меру влияния на русский язык социальных условий. Реализация сопоставительного анализа основных подсистем дает возможность охарактеризовать специфику претерпевающей изменения российской социальной среды, установить постоянные и формирующиеся факторы влияния. Связь языка и общества подтверждается наличием социальной дифференциации языка. Оценивая многочисленные научные подходы к этой проблеме, Л.П. Крысин отказывается от характерной для многих социоллингвистических концепций прямолинейности, акцентирует внимание на реальных социально-языковых (в частности, социально-стилистических) связях, социальных факторах, детерминирующих языковое существование, вскрывает природу социальной маркированности единиц языка.

Внимательный читатель, интересующийся вопросом о **социальных условиях развития и функционирования языка**, найдет в книге Л.П. Крысина емкое изложение соответствующих социоллингвистических идей Е.Д. Поливанова, а также идей современных – отечественных и западных – социоллингвистов. В центре **теории социальной и функциональной дифференциации языка** лежит понятие о языковой подсистеме, или “разновидности языка, которая имеет своих носителей” (с. 323). Глубокое социальное и собственно лингвистическое обоснование получают такие подсистемы об-

щественно-национального современного русского языка, как литературный язык (книжный и разговорный), территориальные диалекты, городское просторечие. Комплексно описаны профессиональные жаргоны; особо охарактеризован молодежный жаргон. Автором устанавливается регулярность подвижных связей между подсистемами языка, фиксируются формы влияния литературного языка на каждую из подсистем и формы влияния каждой из периферийных подсистем на язык литературный, определяются направления влияния друг на друга некодифицированных подсистем и формулируется тенденция к образованию промежуточных форм речи, которые до настоящего времени не получили полного социокультурологического описания. Необходимо отметить, что именно Л.П. Крысин впервые осуществил системный подход к просторечию, определил два социальных “круга” носителей просторечия, описал языковые различия между *просторечием-1* (“старым”) – и *просторечием-2* (“новым”), обратил внимание на речеповеденческие характеристики носителей *просторечия-1* и *просторечия-2*.

Разсуждая о языковых подсистемах и функциональных стилях, Л.П. Крысин подчеркивает, что, в отличие от функционального стиля, подсистема “имеет своих носителей” (с. 323). Данное утверждение представляется спорным: чтобы выявить отличия коренные, необходимо оттолкнуться от принципа речевой системности стиля. Свообразие стиля как социально значимой разновидности речи создается “не набором средств одной стилистической окраски”, но “специфической речевой (текстовой) организацией, особым композиционным типом речи с определенным функционально-стилевым своеобразием” [Кожина 2003].

На фоне почти полного отсутствия новейших трудов, посвященных **функционированию русского языка в национальных республиках** Российской Федерации, особую актуальность приобретает разработанная Л.П. Крысиным программа исследования функционирования русского языка в инациональных условиях. Программируется описание уровневое варьирования языковых средств (поуровневая ось), варьирования на оси стилистической, а также на ситуативной и национально-культурной осях. Еще более широкое применение в лингвистике, социоллингвистике и методике преподавания русского языка в национально-однородной и национально-неоднородной аудиториях найдет концепция уровневого владения языком (выделяются уровни собственно лингвистической, национально-культурной, ситуативной, энциклопедической). Теоретические построения Л.П. Крысина полезно использо-

вать при составлении перспективных проектов Федеральной целевой программы “Русский язык”, предполагающей, в частности, разработку методик и технологий преподавания русского языка с учетом этнической составляющей [Федеральная... программа 2006–2010: 4–6, 9].

Нет сомнения в том, что осуществленные Л.П. Крысиным социолингвистические обобщения и специальные разработки (в том числе: систематизация терминологического аппарата, непротиворечивые дефиниции основных понятий, выявление социальных механизмов общения, определение репертуара ролей, а также соотношения ролевых и кодовых переключений, основанных на внутризязыковой диглоссии и соответствующих требованиям, санкционированном обществом, типологическое описание малых социальных групп и речевого поведения коммуникантов внутри группы) углубляют и уточняют имеющиеся в науке представления о социальной обусловленности использования языка. Соответствующие наблюдения и выводы автора окажутся востребованными лингвистическими направлениями, в границах которых исследуется социально-ролевая составляющая речевой коммуникации.

Для лингвистической науки и лексикографической практики до настоящего времени дискуссионной остается проблема социальных ограничений в семантике, прагматике и сочетаемости языковых единиц. Автор убедительно демонстрирует возможность влияния социальных факторов на план содержания единиц языка. Так, на материале русской лексики межличностных отношений, отражающей асимметрию социальных ролей участников коммуникативной ситуации, обнаруживается сущность социальной ориентации значений, выявляется место социального компонента в структуре значения и в структуре толкования значения. Специально рассматривается вопрос о неправильных высказываниях, которые содержат слова с социально ориентированными значениями (например: *Молодой солдат благоволил к своему командиру* – с. 456), вводится обогащающее технологию критики речи понятие о прагматических неправильностях. Специфика социальных ограничений в сочетаемости языковых единиц прослеживается на примерах употребления симметричных предикатов (например: *Этот старик похож на Жана Габена*, но не наоборот: *Жан Габен похож на этого старика* – с. 462) и на примерах употребления притяжательных местоимений. Тонкий многогранный анализ позволяет показать характер отношений социального и семантического, подтверждает мысль Л.П. Крысина о глубоком проникновении социального в ткань языка и

органической связи социолингвистики с лексикологией, семасиологией и синтаксисом.

Связь социолингвистики со стилистикой ресурсов подтверждается специальным исследованием социальной маркированности единиц языка. Обычно социальная маркированность прослеживается на материале лексики и фразеологии. В рецензируемой работе показано, что, несмотря на разную степень подверженности отдельных уровней языка социальному влиянию, такому воздействию подвержены акцентные и фонетические явления в области консонантизма и вокализма, формы словоизменения, словообразовательные модели и синтаксические конструкции. Несомненный интерес представляют наблюдения над функционированием социально отмеченных элементов в речи академика-металлурга И.П. Бардина и академика-филолога В.В. Виноградова, политиков М.С. Горбачева, В.С. Черномырдина и др. Блестящие социолингвистические этюды вскрывают источники профессиональной и социальной маркировки, обнаруживают природу соответствующих языковых явлений в их отношении к литературной норме, показывают, какую роль играют социально маркированные элементы в обновлении стилистических ресурсов современного русского языка.

Социальная маркированность реализованных в речи единиц языка выступает как основа создания методики социолингвистического портретирования. Последняя реализуется для создания речевого портрета современного интеллигента. Прослеживаются характерные направления отбора языковых средств и форм речевого поведения, закрепленных в интеллигентной среде. На материале живой речи фиксируются речеведческие стереотипы, бытующие в коммуникации, кодовые переключения, обусловленные ситуацией общения и социальной ролью партнера, выявляются источники прецедентных текстов, рассматривается игра с языком.

Обобщая содержание раздела “Социолингвистика”, подчеркнем, что в нем сконцентрированы оригинальные авторские идеи, реализованы лингвосоциологические методы, позволяющие по-новому осмыслить место социального в языке: с помощью использованных Л.П. Крысиным методов и приемов социальное интерпретируется не только как внешний фактор, задающий те или иные языковые процессы, но и как факт языка. Вместе с тем остается невыясненной роль собственно социологических методик (например, анкетирования) в социолингвистических исследованиях.

Два заключительных раздела книги представляют Л.П. Крысина как историка лингвистической науки и ее популяризатора.

Раздел IV – **Персоналии** – включает краткие описания жизненного, научного, творческого пути выдающихся русских лингвистов XX века. В этот же раздел помещен очерк, посвященный К.И. Чуковскому-лингвисту.

Автор очерков выступает не только как знаток отечественной науки, ее школ и направлений, но и как блестящий рассказчик, умеющий увлечь читателя повествованием о драматических событиях жизни и профессиональной деятельности ученого. По нашему мнению, созданные Л.П. Крысиным очерки целесообразно использовать в учебниках по русскому языку и истории отечественной науки.

Очерк, посвященный Д.Н. Ушакову, рисует образ истинного интеллигента, филолога и преподавателя, посвятившего свою жизнь науке. Характеристика многогранных научных интересов Д.Н. Ушакова разрушает стереотипное представление о Дмитрие Николаевиче как об авторе одного фундаментального труда – “Толкового словаря русского языка”. Будучи опытным лексикографом, Л.П. Крысин оценивает лексикографическое новаторство Ушакова, проявляющееся прежде всего в отборе лексики, использовании особых типов толкований, выработке системы ограничительных помет. Параллельно устанавливаются теоретические различия между словарями нормативными и ненормативными, филологическими и энциклопедическими. Описывая ближайшее окружение Д.Н. Ушакова, автор воссоздает атмосферу “интеллектуального блеска” и словесного творчества, без которой невозможно представить себе выход словаря, каждый выпуск которого находился под контролем жесточайшей политической цензуры. Можно надеяться, что реальный пользователь словаря (на которого в том числе ориентирован очерк) должен представлять себе меру современности словарных материалов. Данный словарь является идеологическим словарем советской эпохи. Он отражает не только системно-языковые нормы, но и нормы тоталитарной идеологии. Источниками иллюстративного словарного материала нередко служат партийные документы и труды вождей. Все это должен знать читатель словаря, прежде всего учитель и студент, который сегодня обращается к переизданным четырем томам [Сл. Ушакова].

А.А. Реформатский представлен прежде всего как один из основателей Московской фонологической школы. Верность основам и принципам школы, как показывает автор очерка, сочеталась в ученом с пристрастием “ино-го”, уважением к новаторству (в частности, освещается роль А.А. Реформатского в разработке проблем машинного перевода). Ярко

описан педагогический дар А.А. Реформатского, проявившийся как в трудах, ориентированных на учебную аудиторию, так и в личных контактах с учениками и последователями. Несмотря на штрихов к языковому портрету ученого характеризуют его как самобытную языковую личность (см. также [Язык и личность 1989]).

Многосторонне представлена деятельность Д.Н. Шмелева: лаконично и вместе с тем исчерпывающе точно определен личный вклад ученого в разработку проблематики и методики синхронной исторической семасиологии русского языка, проблем теории языка. Показано, как идеи Дмитрия Николаевича разрабатывались академическим коллективом ученых, создавшим под его руководством ряд известных научной общности монографий. В личности Д.Н. Шмелева автор очерка видит “лучшие черты русского интеллигента” (с. 543).

С особой точностью охарактеризован неординарный лингвистический талант М.В. Панова – генератора идей, определивших во многом развитие Московской фонологической школы и Московской школы функциональной социолингвистики. Отмечена роль этапных трудов ученого и коллективных трудов, выполненных под его руководством, в развитии фонологии, орфоэпии, словообразования, стилистики художественной речи и социолингвистики (см. также [Земская, Кузьмина 2004]). Как значительный справедливо оценен вклад ученого в становление методики преподавания русского языка в вузе и школе.

Характеризуя Чуковского-лингвиста, автор останавливается на наблюдениях и обобщениях писателя, которые недостаточно оценены специалистами по культуре русской речи и стилистике. Специально анализируется популярная книга К. Чуковского “Живой как жизнь”, формирующая у читателя философское, эстетическое и гражданское отношение к языку.

В заключительном разделе – **Языкознание и школа** – Л.П. Крысин предстает как талантливый популяризатор науки, открывающий тайны лингвистики и социолингвистики.

В простой и увлекательной форме излагаются общие сведения о языке, его строении и функциях. В ориентации на учителя и школьников старших классов автор рассказывает о социальной дифференциации языка, структуре и механизмах речевого общения. Без тени менторства обсуждаются острые в подростковой среде проблемы нормы и речевого этикета. С помощью впечатляющих примеров разъясняются выразительные возможности языка. Не менее увлекательны рассказы о слове и его “поведении” в речи. Системно-лингвистичес-

кий подход здесь сочетается с этюдно-атомарным. В соответствии с замыслом формируется не только научный взгляд на язык и его элементы, но и культурно-ценностное отношение массового читателя к слову как живому организму. Обе научно-популярные книги Л.П. Крысина о языке, включенные им в данный раздел [Крысин 1977; 1980], безусловно, способствуют развитию безукоризненного языкового вкуса, воспитывают любовь к родному языку.

Завершая рецензию, с сожалением отметим малый тираж издания (700 экз.): исследования Л.П. Крысина по современному русскому языку и социолингвистике, несомненно, будут востребованы не только лингвистами, но и социологами, культурологами, учителями-словесниками, учащейся молодежью. При переиздании, как нам кажется, желательнее дополнить книгу общим предметно-терминологическим указателем, который способствовал бы систематизации объемного понятийного аппарата.

Фундаментальный труд Леонида Петровича Крысина – теоретика и просветителя – еще раз свидетельствует о плодотворности идей и методов Московской школы функциональной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Видлак 1967 – С. Видлак. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология 1965. М., 1967.
- Земская, Крысин 1998 – Е.А. Земская, Л.П. Крысин. Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы исследований. М., 1998.
- Земская, Кузьмина 2004 – Е.А. Земская, С.М. Кузьмина. О Михаиле Викторовиче Панове // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М., 2004. Т. 1.
- Караулов 1991 – Ю.Н. Караулов. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции “Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики” и материалы почтовой дискуссии. М., 1991.
- Кожина 2003 – М.Н. Кожина. Речевая системность функционального стиля // Стилистический словарь современного русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
- Костомаров 1994 – В.Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
- Крысин 1968 – Л.П. Крысин. Иноязычное слово в современном русском языке. М., 1968.
- Крысин 1977 – Л.П. Крысин. Язык в современном обществе. М., 1977.
- Крысин 1980 – Л.П. Крысин. Жизнь слова. М., 1980.
- Крысин 1989 – Л.П. Крысин. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин 1998 – Л.П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- Ларин 1961 – Б.А. Ларин. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л., 1961.
- Пауль 1960 – Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.
- Принципы... 1968 – Принципы социолингвистического изучения русского языка советской эпохи // Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Лексика современного русского языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
- Склярская 2001 – Г.Н. Склярская. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Корейская ассоциация славистов. Сеул, 2001.
- Сквородников 1993 – А.П. Сквородников. Вопросы экологии русского языка. Красноярск, 1993.
- Сл. Ушакова – Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
- Федеральная... программа 2006–2010 – Федеральная целевая программа “Русский язык” на 2006–2010 гг. Проект. М., 2004.
- Язык и личность 1989 – Язык и личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1989.

Н.А. Кунина, О.А. Михайлова

Г.В. Колпакова. Семантика языковой единицы. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 216 с.

Рецензируемая монография Г.В. Колпаковой “Семантика языковой единицы” представляет собой экскурс в историю семантических учений в свете самостоятельной концепции значения, выдвигаемой автором.

Феномен значения интерпретируется в трех аспектах: лексическое значение, словообразо-

вательное значение, коннотативное значение. Лексическое значение рассматривается как понятие структурной лингвистики и как феномен когнитивной лингвистики. Г.В. Колпакова основывается на двух принципах, являющихся основополагающими для трактовки значения в структурной либо когнитивной лингвистике.

Так, структурная лингвистика опирается на теорию компонентного анализа, избирая в качестве наименьшей, далее неразложимой единицы семантической признак (сему). Концепция значения в когнитивной лингвистике базируется на признании существования двух видов знания: семантического, языкового и энциклопедического, неязыкового. В рецензируемой работе представлен новый, комплексный подход к изучению значения: значение рассматривается, с одной стороны, как структурированная сущность, состоящая из семантических признаков, сем, с другой стороны, значение интерпретируется как целостность семантического, языкового и энциклопедического, внеязыкового знания. Несмотря на признание холистической (целостной) концепции значения многими представителями когнитивной лингвистики, вопрос разграничения семантического и энциклопедического знания остается дискуссионным, а трактовка семантической структуры многозначного слова как структуры значения, в которой все значения производны от одного, основного значения, представляется спорной. В этом случае исчезает семантическая производность значений, нарушаются семантические связи (метафорические, метонимические) между отдельными ЛСВ, утрачивается смысл этимологический анализ семантики слова.

Отечественной лингвистикой накоплен богатый опыт лексикографического отображения значения многозначных слов, в его основе лежат традиции российского языкознания, представленного трудами А.А. Уфимцевой, К.Г. Крушельницкой, К.А. Левковской, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой. В теории языкового знака семантика языковой единицы интерпретируется не только в плане противопоставления другим значимым единицам системы языка или обусловленности значениями единиц в речевом контексте, вопрос о значении языковой единицы (слова) напрямую связывается с проблемой соотношения значения и понятия при исследовании взаимосвязи между окружающей действительностью, мышлением и языком. С этих позиций холистическая концепция значения, трактуемого как целостность семантического и энциклопедического знания, учитывая проблематичность разграничения этих двух видов знания, едва ли оправдана. Выдвигаемая теоретическая гипотеза о синтезе семантического и энциклопедического знания, о целостно воспринимаемых впечатлениях, образах извне не лишена научного интереса, но не подтверждена анализом широкого массива экспериментальных данных.

В этом смысле исследование Г.В. Колпаковой объемного экспериментального материала – синонимических рядов в концептосфере

“Mensch – человек” в двух сопоставляемых (немецком и русском) языках является новаторским, заполняет пробел в экспериментальном подтверждении научной идеи. Г.В. Колпакова убедительно обосновывает необходимость объединения двух подходов к анализу значения: изучение его как структурированной величины, состоящей из сем, с точки зрения структурной семантики и как целостности семантического и энциклопедического знания в аспекте когнитивной лингвистики. Привлекательна попытка автора трактовать понятие синонимии в сопоставительных исследованиях в широком смысле, избирая в качестве структурной единицы анализа межъязыковой синонимии идеографический ряд, позволяющий нивелировать различия концепций синонимии и лексикографических традиций ее отражения в различных языках. Синонимический же ряд как продукт традиции лексикографического описания синонимии в отдельном языке воплощает концепцию синонимии, по мнению автора, в узком смысле слова. Введение термина “контрастная синонимия”, обозначающего, по всей видимости, новое направление в исследовании синонимии, требует более глубокого обоснования, в частности, его отграничения от термина “межъязыковая синонимия”.

Интерес представляет и двухуровневая концепция семантических теорий зарубежных исследователей, включающая уровни семантической и концептуальной репрезентации воспринимаемой внеязыковой информации, реализованная Г.В. Колпаковой в виде двух уровней семантического анализа: 1) при исследовании синонимических рядов в отдельном языке с учетом языкового, семантического знания, т.е. знания о системе конкретного языка, и 2) изучении идеографических рядов в двух сопоставляемых языках с учетом внеязыкового, энциклопедического, “наивного” знания. Нельзя не признать правоту автора, утверждающего: “В трактовке значения отражается генеральная линия исследования, лингвистическая концепция, определяющая подход ученого к исследуемому материалу. Сегодня теорию значения правомерно рассматривать как своего рода методологию, определяющую отнесение языковедческой работы к структурной или когнитивной лингвистике” (с. 5). В этом смысле попытку Г.В. Колпаковой объединить два подхода к трактовке значения с позиций структурной и когнитивной семантики следует признать успешной.

В разделе “Понятие значения в структурной лингвистике”, самом объемном в представляемой работе, автор справедливо подчеркивает условный характер деления семантических теорий на узкие и широкие концепции значения

(с. 27–28), объясняя это многогранностью феномена значения, изменением концепции того или иного автора под влиянием новых, развивающихся направлений исследования или в результате применения иной методики исследования. Семантическая теория относится к широкой или узкой концепции значения в зависимости от “преимущественного внимания ее автора к внутрисистемному подходу к анализу значения или учета им внелингвистических факторов” (с. 28). Это замечание автора является своевременным, так как в ином случае отнесение отдельных концепций к разряду “узких” или “широких” могло бы вызвать возражения. Освещая трактовки значения многочисленных представителей структурализма, таких как Э. Косериу, М. Бирвиш, Х. Геккелер, Э. Агрикола, А. Нойберт, У. Беме, Х.-Ю. Гримм, Г.В. Колпакова останавливается лишь на отдельных работах представителей генеративной семантики (Фр. Хундснуршер, Дж. Катц) и интенциональной семантики (Фр. Кучера), что представляется не вполне обоснованным, поскольку отдельные работы не отражают всего спектра проблем, обсуждаемых данными лингвистическими направлениями. Г.В. Колпакова не ограничивается констатацией основных, общеизвестных положений семантической теории того или иного ученого, но стремится определить способ решения исследователем краеугольных проблем лингвистической семантики: определения значения слова, понятия, отражения (Abbild), референтной отнесенности, соотношения сигнификативного и денотативного значения слова, системного и актуализированного в речи значения и смысла, фоновых знаний, дефиниции семантической структуры слова и структуры лексикона (парадигматических лексических связей), понятия семантического признака и видов семантических признаков, семантической валентности и обусловленных языковым узусом ограничений, критериев разграничения полисемии и омонимии.

Не отличается точностью формулировка на с. 40 указанной работы: “Ряд немецких исследователей предлагает своеобразную трактовку значения”. На наш взгляд, здесь объединены большей частью психологические теории значения, основанные на теории поведения. Так, У. Пюшель определяет значение следующим образом: “Это установление связей между сходным поведением, похожими реакциями членов языкового коллектива и языковыми высказываниями составляет при данных условиях значение” (с. 40). К психологическим трактовкам значения с позиций теории употребления языка можно отнести также концепции Л. Блумфилда, Х. Кронассера, Э. Лай-

зи, Д. Вундерлиха. Своеобразие трактовки значения Г. Херманом состоит в определении значения как “когнитивного процесса, события”. Значение не является существованием отношения, как это следует из теории референции, напротив, “принятие к сведению, осознание такого отношения есть значение” (с. 41). Здесь же приводится дефиниция значения Г. Хермана на языке оригинала: “das Kenntnissnehmen, das Ins-Wissen-Rufen eines derartigen Zusammenhangs ist Bedeutung”.

К достоинствам рецензируемой монографии относится не только тщательный, глубокий анализ семантических теорий на языке оригинала, но и ясный, точный стиль изложения на языке перевода. Сопровождение основных, определяющих положений или дефиниций значения немецких лингвистов параллельными цитатами на языке оригинала, как в вышеприведенном случае, не только уточняет дефиницию значения и предоставляет возможность для собственной самостоятельной интерпретации, но и демонстрирует умение автора, преодолевая переводческие трудности, находить оптимальные, верные переводческие эквиваленты. Следует отметить, что, несмотря на комплексность, многоаспектность феномена семантики и сложность восприятия семантических проблем, Г.В. Колпаковой удалось в ясной, логичной форме донести до российского читателя проблемные постановки вопросов в семантических теориях зарубежных исследователей. Оригинальностью отличается трактовка значения Э. Лайзи, определяющего слово в аспекте речевого употребления: слово – не индивидуальный, а типический (т. е. повторяющийся) акт употребления. “Условия осуществления слова – акта” в процессе номинации и есть в понимании Э. Лайзи содержание слова (с. 42–43). Д. Вундерлих опирается в своей семантической теории на исходное положение П.Р. Лутцайера о том, что изолированные слова не имеют значения, а приобретают его лишь при их включении в объясняющий контекст. Д. Вундерлих выделяет три вида значений, основывающихся на ситуации употребления и актуализирующихся в них: значение предложения, значение высказывания и коммуникативный смысл (с. 43). Г.О. Нагю, также рассматривающий не слово само по себе, а слово, реализованное в речевом акте, контексте, определяет значение как функцию. Под номинативной функцией понимается та роль семем, которая интерпретируется как “обозначающее вещь (вещественное) значение слова” (с. 44–45).

Г.В. Колпакова указывает на два принципиально различных направления в исследовании и определении феномена значения: значение интерпретируется как отношение и определен-

ное содержание сознания (Bewußtseinsinhalt, Abbild), последнее характерно для работ семасиологического направления (Д. Фивегер, В. Лоренц, Г. Вотяк), подчеркивает преемственность данных работ и известной работы В. Шмидта "Lexikalische und aktuelle Bedeutung" (1967) в плане изучения референции, экстралингвистической отнесенности языкового знака.

В отличие от зарубежных лингвистов, утверждающих, что лексическая семантика шире учения о значении слова ввиду необходимости привлечения при трактовке многозначности и омонимии концептуального знания, отечественная лингвистика отдает приоритет значению слова, применяя для исследования семантической структуры слова зарекомендовавший себя как надежный и эффективный метод исследования компонентный анализ.

Достоинствам и недостаткам этого метода посвящен раздел "Критика теории семантических признаков (компонентного анализа)", в котором представлены точки зрения известных немецких исследователей (К.-П. Конердинга, А. Бланка, Кл. Мудерсбаха, Кл.П. Ланге и др.) относительно приемлемости компонентного анализа в качестве лингвистического метода. Подвергая критике ряд положений теории семантических признаков, ученые тем не менее вынуждены признать отсутствие в современной лингвистике метода идентификации семантических признаков, осуществляемой независимо от языковых знаков. Отсутствует метод, позволяющий ограничить число сем по сравнению с количеством лексем исследуемого языка. Главное возражение, выдвигаемое К.-П. Конердингом против теории семантических признаков, сводится к тому, что скорость, с которой происходит референционная категоризация (referentielle Kategorisierung), опровергает утверждение о наличии семантически релевантных списков признаков (с. 50). По-видимому, прототипические свойства должны интегрироваться в целостные значения, в психологическом отношении менее сложные, чем сумма их составляющих, подобные значения перерабатываются как единая когнитивная единица. Аналогичного мнения придерживаются Г. Фанзелов, П. Штаудахер. Они указывают, что концепты не могут быть описаны на основе совокупности признаков, так как выбор сем обусловлен не социальными конвенциями, а свойствами процесса познания человека, следовательно, "семь не заданы объективно изначально, а создаются в зависимости от специфики языка" (с. 50). А. Бланк указывает на двойственный характер семантических признаков. Семь абстрагируются как аспекты знания из энциклопедического знания (отождествляемо-

го в когнитивной лингвистике со значением), однако, они не отличаются от других аспектов знания. С другой стороны, семь являются различительными в рамках отдельного языка и используются для описания лексического знания в данном языке. Двойной статус сем свидетельствует о противоречии между семимическими и энциклопедическими моделями значения (с. 52). Кл. Мудерсбах акцентирует обязательное для каждой семы свойство отвечать лишь за одно различие между двумя лексемами. Слабость теории семантических признаков он видит в отсутствии метода, эксплицирующего построение семы для заданного смыслового отношения, и в "учреждении" заранее определенных множеств сем для специальных множеств лексем. Языковое представление семы не должно, по его мнению, подменять реляционный характер семы свойством вещи, так как сема, например, № 7142 могла бы обозначать "стулообразное" в отличие от "креслообразного" и "табуретообразного" (с. 54-55). Х. Дупю-Энгельхардт считает спорным статус сем, лингвистике предстоит ответить на вопрос о том, является ли сема дескриптором, метаязыковым конструктом для обозначения так называемой "различительной черты", либо она относится к когнитивным единицам. Нет ответа и на вопрос о том, описываются ли посредством сем внутриязыковые или также внеязыковые факты (с. 59-60). Лишь отдельные исследователи, например, Д. Буссе, М. Бирвиш, заявляют о своей приверженности семантике признаков (Merkmalssemantik). Д. Буссе считает компонентный анализ самым разработанным в техническом отношении методом исследования. Э. Лайс описывает архилексемь как величины, состоящие из пучков семантических признаков, и называет их "копиями без грамматики". "Чтобы представить себе архилексемь, следует думать, не прибегая к словам". Архилексемь как повторяющиеся реализации комбинаций семантических признаков представляют собой первый опыт внесения порядка в мир. С приобретением лексем, полагает Э. Лайс, мы становимся обладателями испытанных, передаваемых из поколения в поколение способов "упорядочивания нашего социального окружения" (с. 61-62).

Без сомнения, автору монографического исследования Г.В. Колпаковой удалось отразить в данном разделе широкий спектр проблем, связанных с признанием или отрицанием целесообразности применения компонентного анализа в лингвистических исследованиях. Но интерпретируя новые, не переведенные на русский язык семантические теории современных зарубежных исследователей, Г.В. Колпакова

ограничивается лишь кратким выводом констатирующего характера о "полезности выделения семантического признаков в качестве практического метода анализа семантики языковых единиц", не уточняя своей позиции по отношению к достоинствам и недостаткам данного метода.

Содержательно насыщенным является раздел "Понятие значения в когнитивной лингвистике", включающий анализ семантических теорий таких известных представителей когнитивной семантики, как М. Шварц, К.-П. Конердинг, Д. Вундерлих, а также теории П.-Р. Лутцайера, Фр. Хундснуршера, освещающие с когнитивных позиций концепт словарного поля. В семантической теории М. Шварц значительное место отводится описанию ментального уровня значений слов, репрезентирующего подсистему познания, а также определению отношений значений и внеязыковых референтов при семантической интерпретации. Значения в когнитивной семантике имеют статус ментальных единиц, хранимых в лексиконе, активизируемых в процессе переработки языковой информации (с. 63). В теории М. Шварц четко сформулировано отличие одноуровневой теории от многоуровневой семантической теории, способствующее размежеванию этих двух лингвистических направлений когнитивной семантики. Если одноуровневая теория не предусматривает разделения знания о мире и языкового знания при репрезентации значений в ментальном лексиконе, то многоуровневая теория постулирует различие между семантическими и концептуальными репрезентациями (с. 64). Определяющим для холистического направления в когнитивной лингвистике является невозможность разграничения языка и познания в целом, семантики и знания о мире. Язык при таком рассмотрении представляет собой, по мнению М. Шварц, не автономную систему внутри процесса познания, а открытую функциональную систему знания, составляющие которой соотносят разные типы информации из различных областей опыта (с. 64). Наличие двух уровней в семантических теориях, считает Д. Вундерлих, находит выражение, с одной стороны, в разграничении значений, обусловленных языковой системой, и концептов, дереминированных системой знания о мире, с другой стороны, двухуровневость выражается в различии значений, хранимых в лексиконе, и значений выражений, актуализированных в контексте. Следствием двухуровневости в семантических теориях является разграничение лексических значений и ситуативно обусловленных референционных значений (с. 66–67). Семантические репрезентации, в понимании Д. Вундерлиха, регулируются

языковыми принципами, концептуальные – внеязыковыми, всеобщими принципами концептуальной системы. Анализ концептуальных репрезентаций предполагает учет знания о мире и знания соответствующего контекста. В когнитивной лингвистике иную трактовку получает проблема полисемии, в ее основе лежат концептуальные сдвиги, сопровождаемые дифференциацией (с. 68).

Пристальное внимание лингвистов вызывает ментальная фаза переработки информации в человеческом сознании, памяти. В лингвистической литературе широко дискутируется проблема структурирования ментального пространства, т.е. наличие в нем концептуальных моделей (схем, фреймов, образов). Один из ведущих представителей немецкой когнитивной семантики К.-П. Конердинг отводит ведущую роль в процессах переработки информации категоризации, в основе которой лежит сравнение взаимосходных феноменов и их группировка в типы на основе общих целеустановок. К.-П. Конердинг уделяет особое внимание рассмотрению психологических особенностей человеческого восприятия. Из-за невозможности восприятия в одном акте целенаправленного внимания целостного образа и отношения части – целого возникают ассоциативные переходы от части к целому и от целого к части. В результате на основе контролирующих процессов внимания создаются ассоциативные цепи в долготермической памяти, составляющие основу новых категоризаций. Переплетения и инкорпорации (вложение одного в другое) схем представляют собой понятийные переплетения и образуют своего рода поля по смежности (с. 71).

Раздел "Современные семантические теории" посвящен становлению лексикологии как самостоятельной отрасли лингвистической науки в западно-европейской лингвистике. Выход в свет фундаментального издания "Lexikologie – Lexicology. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen" (Berlin: New York: Walter de Gruyter, 2002) знаменует собой новый этап в развитии лексикологии. Значимыми являются исследования П.Р. Лутцайера и Т. Шиппан. П.Р. Лутцайер предлагает три трактовки словаря: словарь как собрание всех слов естественного языка, словарь как ментальное хранение лексических единиц, как накопитель грамматической информации. Дальнейший прогресс лексикологии и признание результатов ее исследования П.Р. Лутцайер связывает с конкретными исследованиями отдельных частей словаря в специфических областях, считая приоритетным направлением лексикологии переориентацию исследований от содержания к форме (Lutzeier 2002). Т. Шиппан изучает природу слова как носителя понятия, строи-

тельного элемента мысли, отмечая, что ученые, стараясь осознать суть природы человека, всегда обращались к слову (Schirpan 2002). Кл.-П. Херберман указывает на необходимость терминологического уточнения языковых единиц, в частности термина слова, в связи с углублением теоретико-методологического подхода к лингвистическому анализу (Herbertmann 2002). Однако Дж. Лайонз употребляет термин значение без какой-либо дефиниции, уподобляя его неспециальному слову немецкой разговорной речи. Исследователь мотивирует свое нежелание определить термин значения отсутствием у большинства слов одного, четко определенного значения либо нечеткостью границ между значениями слова (с. 106). Рассматриваемые в данном разделе работы разноплановы по обсуждаемой ими тематике. В. Мотч интерпретирует словообразовательные образцы как “пары семантико-синтаксического и фонологического описания”, служащие образцами для исследования единиц лексикона с их специфическими формальными и содержательными особенностями (Motsch 1999). Т. Глонинг в своем исследовании, посвященном композиционной семантике как формализованному описанию языка, указывает, что понятие значения удастся определить однозначно лишь в том случае, если установлено, как должна выглядеть теория значения (Gloning 1996). Другие анализируемые в данном разделе работы не объединены общим стержнем: обсуждаются проблемы синтаксической семантики (Glinz 1995; Engel, Rytel-Kuc 1995) и лексической семантики, например, варьирование цитируемых формул (Schmidt 2000), семантика наименований человека (Braun 1997; Lang 2000). Данный раздел, содержащий анализ современных семантических теорий, представляет интерес, так как в нем репрезентируются работы известных зарубежных лингвистов, не переведенные на русский язык.

В главе “Словообразовательное значение” обращает на себя внимание оригинальностью авторской трактовки раздел “Словообразовательное значение в ономаσιологическом аспекте”. В интерпретации автора за ономаσιологией остается план референции языковых знаков, иными словами, здесь рассматриваются проблемы отражения влингвистических

объектов в сознании индивида и соотношения понятия как единицы сознания с внутрилнгувистической сущностью – значением. К номинации Г.В. Колпакова относит языковую технику номинации, типы и классификации номинативных единиц. Важен вывод автора о значимости ономаσιологического подхода к словообразовательным явлениям: ономаσιологический подход к анализу словообразовательной деривации “позволяет расширить рамки дескриптивного описания словообразовательной системы, связать словообразовательные явления с номинативной, познавательной-классифицирующей и коммуникативной деятельностью человека” (с. 134). Углубленный интерес исследователей к ономаσιологическим процессам, справедливо утверждает автор, обусловлен расширением спектра проблем, составляющих предмет изучения современной когнитологии и семантических теорий. Новизной, глубиной интерпретации отличается трактовка Г.В. Колпаковой ономаσιологических процессов в трех аспектах: ономаσιологическом, когнитивном – с позиции познающего мир субъекта – и лингвистическом.

Автору рецензируемой монографии Г.В. Колпаковой удастся привлечь внимание читателя к наиболее актуальным проблемам когнитивной семантики, избрав в качестве объекта анализа оригинальные когнитивные семантические теории немецких лингвистов. Г.В. Колпакова стремится сохранить логику научного изложения, свойственную немецким лингвистическим работам, не популяризируя, пытается воссоздать в монографии атмосферу научного поиска решения сложных семантических проблем, обсуждаемых немецкими исследователями, задается целью ввести читателя в новый неожиданный мир семантического когнитивного пространства иного языка, вызвать у читателя неподдельный интерес, что автору рецензируемой монографии в полной мере удалось. Это глубокое серьезное теоретическое исследование современных теорий когнитивной семантики немецких лингвистов является одним из первых опытов изложения концепции развития семантических учений на современном этапе в немецкой лингвистике.

В.В. Пономов

А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Тарту: Изд-во Тартуского университета. Т. I. 2003. 419 с.; Т. II. 2004. 398 с. (Тартуский университет. Кафедра славянской филологии).

Изучение славянских литературных микроязыков в XX в. получило мощный импульс после публикаций профессора Тартуского университета А.Д. Дуличенко, чья научная жизнь и деятельность уже несколько десятилетий не-

разрывно связаны с исследованием такого интересного и почти неизученного с лингвистической точки зрения феномена, как малые славянские языки, или микроязыки. Без преувеличения надо сказать, что рабо-

ты А.Д. Дуличенко стали прорывом в ту область славистики, которая в России многие годы обходилась стороной. Только изыскательная деятельность акад. Н.И. Толстого, знакового не понаслышке со славянской полифонией Европы и немало сделавшего для научной пропаганды данной проблематики, была, возможно, единственным достойным ориентиром для А.Д. Дуличенко, которого и в этом отношении можно назвать последовательным продолжателем лучших традиций русской славистической школы – школы академика Никиты Ильича Толстого.

Но, справедливости ради, вспомним, что интерес к микроязыкам Славии был в какой-то степени поднят еще в XIX в. (правда, на иной, диалектологический, уровень исследований) после публикаций И.А. Бодуэна де Куртенэ о резьянах и составленного им резьянско-словенско-русско-итальянского словаря, судьба которого уже более 100 лет в какой-то мере отражает перипетии нашей науки (вначале долгие поиски рукописи, затем работа по ее расшифровке и систематизации, исключительно сложный компьютерный набор, поиски издателей и финансовых ресурсов – это отдельная история, но имеющая непосредственное отношение к предмету настоящей дискуссии).

Новый труд А.Д. Дуличенко представляет собой фундаментальный компендиум-хрестоматию, включившую разножанровые тексты конца XVIII–XX вв. на славянских литературных микроязыках и их вариантах.

В первый том вошли островные литературные микроязыки: югославорусинский (бывшая Югославия, ныне Сербия и Черногория, Хорватия), градищанско-хорватский (Австрия), моллизко-славянский, резьянский (оба в Италии), банатско-болгарский (Румыния), а также кашубский литературный язык (Польша), и один из периферийно-островных микроязыков – карпаторусинский, со всеми его литературно-письменными вариантами (ныне Закарпатская Украина, Восточная Словакия, Польша, Венгрия, США и Канада).

Второй том включает образцы литературно-художественного творчества, публицистики, учебных и прочих текстов на эгейско-македонском, помакском (оба в Греции) и венецианско-словенском (Италия) литературных языках; тексты, относящиеся к региональной литературно-языковой традиции, – чакавский, кайкавский (оба в Хорватии), прекурско-словенский (Словения), ляшский (Чехия), опыты восточнословацкого (Словакия) и западнополезский (Белоруссия, частично Украина) литературные микроязыки; далее следует корпус текстов, созданных на так называ-

емых автономных литературных микроязыках, в частности, серболужицком, членящемся на верхнелужицкий и нижнелужицкий (Германия). Завершается том обзором экспериментальных проектов по созданию так называемых вичского и гал(ь)шанского литературных языков (Литва) и – что особенно ценно для исследователей – библиографией важнейших трудов и публикаций по данной проблематике, куда вошли работы общетеоретического характера – грамматики, учебники и справочники, словари, синтезированные очерки и монографии по славянским литературным микроязыкам, издания с образцами текстов, периодика, – охватившие практически весь отрезок научного изучения этого феномена начиная с XIX в. и по настоящее время (т. II: 369–394). В общей сложности книга дает нам представление о 18 славянских литературных микроязыках.

Кроме того, А.Д. Дуличенко снабдил издание многочисленными иллюстрациями (факсимиле) редчайших текстов – журналов, газет, книг и других материалов, отражающих функционирование микроязыка в реальной среде, которая и является двигателем развития славянского глоттогенеза. Добавим также, что автор приводил и краткие комментарии к тем текстам, где это было необходимо.

Важно отметить, что в книге даны образцы ж и в ы х микроязыков, которые в разной степени продолжают использоваться их носителями, в ряде случаев претерпевают географические, этноязыковые и социокультурные трансформации, но остаются в орбите речетворчества как исключительно ценные и оригинальные факты славянской истории.

Из представленного перечня содержания двух томов отчетливо видно, какую грандиозную задачу ставил перед собой автор. Но это не только “хрестоматия”, ее “не следует воспринимать как некую в строгом смысле слова антологию каждого литературного микроязыка...” (т. II: 5). Для ученого было не менее важным “дать образцы текстов, опираясь прежде всего на их жанрово-стилистическое распределение” (там же), чтобы в каждом случае показать именно феномен литературного языка. Поэтому даже один микроязык, имеющий очень незначительный ареал распространения, представлен в книге в полноте своих литературно-художественных, публицистических и иных характеристик, подтверждая этим не только свое право на существование как полноценный язык, но и показывая динамику развития и сферу применения его функциональных возможностей.

В Предисловии к книге А.Д. Дуличенко кратко описывает лингвистическую ситуа-

цию, сложившуюся вокруг изучения микроязыков, и рассказывает о тернистом пути исследователя этой области, вынужденного по крупицам собирать сведения, находить уникальные тексты, с большим трудом устанавливать контакты с носителями микроязыков и записывать их речь, словом, идти непроторенной дорогой поисковика. По словам ученого, “в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. об этноязыковой Микрославии едва ли можно было что-либо прочесть в авторитетных славистических изданиях. Ситуация постепенно меняется лишь к концу XX в.” (т. I: 5).

В общей сложности А.Д. Дуличенко посвятил изучению микроязыковой стихии более 30 лет. Но в науке его имя стало известно со времени защиты в 1974 г. кандидатской диссертации, представлявшей собой первую научную грамматику югославо-русинского языка (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), а затем и докторской в 1981 г. на тему “Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития)” (Институт языкознания Белорусской АН). Эти фундаментальные труды и последующие многочисленные публикации автора в России, Эстонии, странах Европы и Американского континента более чем на 20 языках мира в значительной мере посвящены славянской проблематике – как разработке теоретических вопросов, так и практическому изучению живой речи, быта и культурных традиций народов, рассеченных социально-политическими преобразованиями XIX–XX вв. на множество микрогрупп, найденных и описанных А.Д. Дуличенко не только практически во всех славянских странах, но и в Греции, Италии, Австрии, Румынии, Венгрии, Канаде и США (см. [Дуличенко 1981; 1995; 2002]). Ныне славянская микроязыковая проблематика, благодаря автору, достойно представлена в университетских учебниках преимущественно в западных странах – см., например [Einführung... 1998; 2003], в энциклопедиях (см. [Wieser Enzyklopädie... 2002]; соавтор энциклопедии о русинах [Encyclopedia... 2002]; автор очерков микроязыков и отдельно кашубского в энциклопедии РАН “Языки мира”) и др. Объективности ради добавим также, что микроязыковая проблематика все же не единственная сфера научных интересов А.Д. Дуличенко: он – автор многочисленных исследований крупных славянских языков (русского, сербско-хорватского, словенского и др.), занимается проблемами общей теории языка, интерлингвистики, истории языкознания и славистики.

Богатая лингвистическая география “Микрославии” поражает и разнообразием диалектов и естественно заставляет задуматься об их

этноязыковых корнях и истории их формирования.

В 1981 г. А.Д. Дуличенко впервые в славистике предложил к л а с с и ф и к а ц и ю славянских литературных микроязыков, выделив **островную** группу, оторванную от своего этнокорня в результате переселений части этноса в другие земли, и **периферийную**, располагающуюся в рамках некоторого этноязыкового единства. В дальнейшем определилась и еще одна группа “**периферийно-островных**” микроязыков, “проявляющих тенденцию к нормированию” (т. I: 6), а затем и так называемая **автономная**.

Кстати, несколько слов о последней группе, в которую А.Д. Дуличенко, помимо кашубского, включает серболужицкий в его двух литературных вариантах – верхне- и нижнелужицком. В монографии “Славянские литературные микроязыки”, названной в славистике вскоре после ее выхода в 1981 г. “библией малых славянских языков”, серболужицкие литературные языки автор не включает в состав микроязыков, заявляя, что серболужичане представляют собой сформировавшуюся самостоятельную народность, которая прошла этап своего “культурно-национального возрождения” [Дуличенко 1981: 16]. Однако здесь же он пишет, что “множество параллельных моментов в развитии серболужицких литературных языков, с одной стороны, и славянских литературных микроязыков, с другой, вынуждает нас неоднократно привлекать и этот материал” [Там же]. И действительно: привлечение серболужицкого материала к типологическому анализу микроязыков проводится автором не только в этой книге, но и в ряде его последующих работ, специально посвященных этому двулитературному языку. Только сейчас раскрывается, почему автор поступил с серболужицкими литературными языками именно так. Дело в том, что в 70-е гг. XX в., когда им создавалась теория микроязыков, в СССР действовала иная языковая практика. Поэтому носителей островных микроязыков он квалифицировал тогда как этноязыковые группы соответствующих крупных этносов и их языков (градишчанские хорваты – хорватов, резьяне – словенцев и т.д.), а носителей периферийных (или региональных) – как культурноязыковые образования в пределах соответствующих крупных этносов и их языков (чакавцы и кайкавцы – хорватов и т.д.); лишь югославо-русинским и кашубским пользуются “соответствующие этнические группы (общности), претендующие на роль народности” [Дуличенко 1981: 16]. Как видим, здесь достаточно осторожно назван этнический статус

югославских русин и кашубов. Такова была ситуация в науке и в обществе.

Указанная классификация и была применена автором при подготовке обсуждаемого труда, который станет, по нашему мнению, надежным подспорьем в дальнейшей разработке не только микроязыковой, но и славянской проблематики в целом. Отметим как несомненное достоинство книги привлечение разнообразного в стиливом, фактологическом, географическом и этнологическом отношениях материала, который более **нигде** в таком собранном и классифицированном виде в научной литературе не встречается.

Для представления этого огромного текстового массива А.Д. Дуличенко сознательно избрал два критерия: а) соблюдение хронологического принципа и внутри него б) жанрово-стилистического разграничения источников. Поэтому в книге получили второе дыхание очень разноплановые тексты: религиозные, литературно-художественные, публицистические, научные и научно-популярные, административно-деловые – вплоть до образцов эпистолярного жанра. “Самым важным, – и мы полностью разделяем точку зрения ученого, – для нас было показать р е а л ь н у ю (разрядка наша. – О.Н.) представленность микроязыков в тексте” (т. I: 8).

Данное собрание образцов славянских микроязыков можно отнести и к трудам справочно-библиографического характера, так как издание текстов предваряется краткими очерками – общими данными об их носителях, сведениями по истории формирования микроязыков и истории их изучения, представлением особенностей алфавитов; здесь же приводится и основная литература по конкретному микроязыку. Таким образом, т е к с т выступает во всеоружии исследовательского метода, позволившего объединить и систематизировать под одной “лингвистической крышей” пеструю гамму языковых красок “Микрославии” в их **реально**, живом виде. И здесь как раз место выразить некоторое недоумение, касающееся названия двухтомника. Все же, по нашему мнению, это не просто скромно названные автором “образцы текстов”, но – “Краткие очерки. Образцы текстов”. Таков, как нам кажется, должен был бы быть подзаголовок книги.

Наверное, большая сложность для автора-составителя этого объемного труда на самом последнем этапе состояла в графической подготовке издания и необходимости соблюдения о р и г и н а л ь н о й системы письма (не только буквенного ряда, но и всех нюансов внешнего рисунка конкретного микроязыка). Задача, надо прямо сказать, очень непростая, если не сказать более, – неподъемная для одного челове-

ка. Но и с ней А.Д. Дуличенко справился. Это свойство данного труда и самой личности ученого: внимание ко всем деталям языковедческих исследований (от рукописи до теории и оформления), основательность в подготовке любой научной работы – отлично характеризует п р и н ц и п ы научной деятельности и соответственно ее результаты. Для микроязыков характерны различные системы письма. С одной стороны, кириллическая в ее локальных вариантах (т.е. со своей диакритикой и под.) – таковы югославо-русинский, згейско-македонский, западнополесский, ср. по-русински: *Hir da go nih to ne vidzel na hovano* ‘Никто никогда не видел его на похоронах’. С другой стороны, преобладающая латиническая система также представлена в разнообразнейших вариантах – таковы все остальные микроязыки, кроме помакского и карпато-русинского. При этом письменные системы некоторых микроязыков отличаются чрезмерным обилием диакритики, ср. в банатско-болгарском: *Balgarsci ja jazic tvarde ij bugat sas takvizi hurti, kuj e samu na idin nacin mozi sa da pisai, a povi sefelnu se kazvat* ‘(Банатско-)болгарский язык очень богат такими словами, которые только одним способом (видом) могут быть написаны, но по-разному произносятся’; в кашубском: *Noprzod pdwiem, ze o kaszebsci pdezji jo pizaa drzedzi roz w zecym* ‘Сразу же скажу, что о кашубской поэзии я пишу второй раз в своей жизни’ и т.д. Карпато-русинский в своей истории, восходящей к XV в., использовал и ныне использует церковнославянское письмо, различные виды гражданской кириллицы и латинические варианты, ориентированные на латиницу чешско-словацкого типа. Помакский использует в основном греческое письмо, но здесь допустима также и латиница южнославянского типа. Можно себе представить, сколько труда стоило автору набрать и откорректировать текст такой книги.

Подготовка рецензируемого труда, безусловно, невозможна без глубокого знания истории и этнографии **всей** Славии и тех этноязыковых процессов, которые происходили и продолжают развиваться на ее особом континенте. Иными словами, А.Д. Дуличенко представил еще и своего рода содержательный к о м п е н д и у м славянских микроязыков, показал их внутренние связи, обратил внимание на социолингвистические факторы, которые во многих случаях оказывали довлеющее влияние на характер бытования и в целом традиции литературно-языковой “Микрославии”.

Исследование А.Д. Дуличенко убеждает нас в том, что литературные славянские микрогруппы при всей их “периферийности” оказались в центре языковых движений и эволюции

в одну из самых противоречивых эпох в истории Европы (и не только Европы) – период XX в. Они не остались в законсервированных формах как в области практического речетворчества, так и в своих основных грамматико-морфологических и лексических показателях. Напротив, повышенное внимание в конце XX в. к автономиям (в том числе и языковым), стремление наиболее культурных слоев политической элиты славянских государств поддерживать их статус и право на существование в сложной системе языковых “паритетов” позволили возродиться отдельным исчезающим видам микроязыковой “флоры” (в конце XX в. реанимировался банатско-болгарский, карпато-русинский в его европейских вариантах и некоторые др.). Показательно в этом отношении, что в ряде университетов стран Европы (и не только славянских) появились кафедры, например, югославо-русинской филологии (в Новосадском университете), просто русинской филологии (в Высшей педагогической школе в Ньиредьхазе), лектораты (кашубского в Гданьском, градишанско-хорватского в Венском университетах), научно-просветительские общества, издаются газеты, журналы и обильная литература на многих микроязыках. Все это, на наш взгляд, имеет не только социокультурную ценность, но и значительно более весомый смысл: сохраняя островки “Микрославии”, мы поддерживаем тем самым определенный лингвобаланс в жестокой конкуренции больших и малых языков.

Считаем, что было бы вполне целесообразным ввести в курсы филологических факультетов российских университетов семинары и лекции по литературно-языковой “Микрославии”, имеющей к тому же и очевидные сопоставления с русской, украинской и белорусской звеньями единой славянской семьи языков. Приобщение к этому лингвокультурному пространству, его глубокое изучение и вообще внимание к такой специфической сфере лингвистических знаний, открывающей большие перспективы в разных областях гуманитарных наук, – вот тот импульс, который исходит от труда А.Д. Дуличенко.

Разумеется, как и в любом большом труде, в двухтомнике А.Д. Дуличенко можно указать и на такие стороны, которые могли бы быть представлены как-то иначе. О том, что подзаголовок книги весьма скромно назван как только “Образцы текстов”, мы сказали выше. Несколько смущает нас и то, что расположение микроязыков в книге не вполне соответствует той классификации, которая приведена автором в Предисловии (т. I: 6), а именно: в первом томе после островных микроязыков следует один из автономных – кашубский, мес-

то которому логичнее было бы дать во втором томе рядом с серболужицкими литературными языками. Возможно, однако, это было сделано для “равновесия” объемов первого и второго тома. В комментариях к классификации славянских микроязыков, разделенных на четыре группы, кашубский обозначен как 15-й, а не 16-й по счету микроязык; серболужицкие должны выступать под номерами соответственно 17 и 18 (см. Предисловие, т. I: 7). Что касается самих текстов, то в корректорском плане они выверены, кажется, достаточно строго и последовательно.

В памяти всплывает одна фраза, когда-то прочитанная в одном из сочинений Н.Я. Марра: “В науке нет меньшинств и большинств”. А.Д. Дуличенко, может быть, совсем обособленно от теоретика “нового учения о языке”, но естественно для самобытного мыслящего исследователя почувствовал необходимость изучения именно малых языков, славянских микроязыков Европы, которые получили распространение далеко за пределами ареала своего первоначального функционирования. Тем самым сохранена для науки ценнейшая информация о тех элементах языковой системы, которые, несмотря на сильное внешнее воздействие, до сих пор украшают древо славистики и дают почву для дальнейших разысканий в этой области.

Примечательно суждение одного из “внутренних” рецензентов книги В.М. Мокленко: «Вопреки скептикам, давно предрекавшим таким языкам исчезновение под напором “мегалингвов”, А.Д. Дуличенко демонстрирует их активную жизнь» (т. II: 397). А ценность языковедческих и вообще гуманитарных исследований в том и состоит, что они показывают жизнеспособность системы, ее динамику. В этом же смысле выразился и другой рецензент, А.Ф. Журавлев, мысль которого созвучна и нашему представлению о филологии: «И хотя ежегодно с лица Земли исчезают десятки идиомов, о чем языковед может лишь горько сожалеть, лингвистический “конец света” еще не наступил. Работы А.Д. Дуличенко помогают нам понять, что мир еще жив» (т. II: 398).

В заключение стоит заметить, что славянские литературные микроязыки – особая область интернациональной лингвистической географии – требуют от ученых более пристального изучения, дальнейшей разработки проблематики и в целом сохранения для науки ценнейшего источника языкового этногенеза – “Микрославии”. Многолетний труд А.Д. Дуличенко на этом поприще еще раз показал и, быть может, убедил отдельных оппонентов, что славянские микроязыки продолжают существовать и развиваться, расширяя свои тер-

риториальные и культурные горизонты. Задача лингвистов – не упустить эти “островки”, не оставить их без должного внимания и корректной оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дуличенко 1981 – А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития). Таллин, 1981.
- Дуличенко 1995 – А.Д. Дуличенко. Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филології / Предходне слово Н.И. Толстой. Нови Сад, 1995.
- Дуличенко 2002 – А.Д. Дуличенко. Кніжка о руским язикау. Увод до рускей филології у документох и коментарох. Нови Сад, 2002.

S. Nirenburg, H.L. Somers, Y. Wilks (eds.). *Readings in machine translation*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2003. 413 p.

Рецензируемая книга представляет собой антологию по машинному переводу (МП), приуроченную к отмечаемому в 1999 г. полувековому юбилею этого направления. Редакторы сборника – признанные специалисты по МП, авторы оригинальных разработок. Г. Сомерс в настоящее время является редактором журнала “Machine translation”, бывший редактор этого журнала С. Ниренбург, как и Й. Уилкс, входят в Международной комитет по компьютерной лингвистике.

Сборник представляет собой переиздание 36 работ по различным аспектам МП, которые, по мнению составителей, оказали существенное влияние на техническое и идейное развитие МП, дали импульс новым направлениям исследования. Составителями отбирались только редкие, малодоступные работы, которые при этом наиболее широко цитируются. По другому критерию в сборник вошли только статьи, первоначально опубликованные на английском языке. Это объясняет, почему в нем всего одна работа российских авторов (О.С. Кулагиной и И.А. Мельчука) при большом количестве, например, японских.

Практически все авторы сборника широко известны в области МП своими пионерскими работами, и чтобы по достоинству оценить их оригинальность, читатель должен представлять технический и лингвистический контекст, в котором эти работы выходили. Предполагается также, что читатель знаком с базовыми понятиями МП, его основной проблематикой и периодизацией. В качестве учебника или исторического обзора по МП рассматривать сборник не следует. История МП, различные направления и системы достаточно подробно

Einführung... 1998 – Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie) / P. Rehder (Hrsg.). 3 Aufl. Darmstadt, 1998.

Einführung... 2003 – Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie) / P. Rehder (Hrsg.). 4 Aufl. Darmstadt, 2003.

Encyclopedia... 2002 – Encyclopedia of rusyn history and culture / P.R. Magocsi, I. Pop (eds.). Toronto; Buffalo; London, 2002.

Wieser Enzyklopädie... 2002 – Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10. Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt, 2002.

O.B. Никитин

освещены в другой литературе [МП 1957; АП 1971; Hutchins 1986; 2000; Слокум 1989; ИИ 1990; OHCL 2003; ACL].

Многие работы сборника, бывшие в свое время новаторскими, сейчас можно считать пройденным этапом. Однако “в построении лингвистического обеспечения систем МП бывает полезно вернуться к результатам ранее проведенных исследований в поисках ответа на сегодняшние актуальные проблемы” [Марчук 1983: 16]. В отношении же МП не перестала быть актуальной ни одна из основных проблем перевода: ни анализ текста, ни поиск переводных соответствий, ни синтез перевода. Поэтому сборник будет безусловно интересен специалистам по МП, на которых он рассчитан в первую очередь, а также всем, кто занимается смежными направлениями компьютерной лингвистики. Он также может служить прекрасным дополнением к учебной и справочной литературе по МП для студентов старших курсов и аспирантов, обучающихся по специальностям, связанным с прикладной лингвистикой и искусственным интеллектом.

Сборник покрывает период с 1949 по 1996 гг. Поскольку о исторической значимости работ последнего десятилетия говорить еще рано, в сборник они не вошли. Наиболее подробно представлено время возникновения и становления МП (до середины 1960-х) и период с начала 80-х, когда после относительного затишья 70-х началось активное развитие МП, продолжающееся до настоящего времени. В сборнике 3 раздела: исторический, теоретико-методологический и раздел, посвященный описанию конкретных систем. Как признают сами составители, такое разделение достаточно ус-

ловно, поскольку многие статьи одинаково могут быть отнесены к каждой из этих трех рубрик. Каждый раздел предварен предисловием; в конце сборника даны библиографические справки по всем работам и указатель.

Открывает сборник знаменитый "Меморандум" У. Уивера 1949 г. [МП 1957: 33–44], где впервые теоретически обоснована возможность использования ЭВМ в целях перевода. Именно с этим документом принято связывать рождение МП, хотя, как видно из статьи Э. Бута "Машинный перевод", теоретические работы были начаты несколько раньше: первый алгоритм поиска по словарю и способ представления текста и словаря в машинном виде были предложены Бутом уже в 1947 г. Первые реально работающие системы появились на несколько лет позже и получили название МП первого поколения. Для них был характерен прямой пословно-пооборотный способ перевода, нерасчлененность алгоритмов и лингвистических знаний, ориентация на определенную пару языков и одно направление перевода (с. 21). Для преодоления этих ограничений В. Ингве в статье 1957 г. "Один подход к синтаксическому переводу" предложил трехэтапный процесс перевода, состоящий из анализа, трансфера (переводных операций) и синтеза. Описание переводного и выходного языков становятся независимыми, кроме того, разделяются лингвистическое и алгоритмическое описание. Более подробная характеристика систем МП первого и второго поколений дается в работе Б. Вокуа "Автоматический перевод – обзор различных подходов" (1976). Именно в этой статье Вокуа, по словам составительницы сборника, впервые появилась широко известная теперь "пирамидальная" схема, описывающая зависимость сложности межъязыковых преобразований от глубины анализа входного текста.

Период бурного развития МП первого десятилетия, связанного с надеждами на скорые успехи, сменяется разочарованием. Й. Бар-Хиллел в критическом обзоре "Современное состояние в области автоматического перевода языков" 1960 г. убедительно показал, что полностью автоматический высококачественный перевод невозможен без учета семантики текста и знаний о мире, что в его представлении делало эту задачу практически безнадежной. Тему критики МП продолжает историческое исследование Дж. Хатчинса под заголовком "(Печально) известный доклад ALPAC" (1996), посвященное опубликованному в 1966 г. докладу Консультативного комитета по автоматизированной обработке естественных языков (ALPAC) при Национальной академии наук США. Считается, что именно заключение

этого доклада об экономической бесперспективности исследований по МП привело к сокращению финансирования работ в США, а затем и других странах. Анализируя документ в исторической перспективе, Дж. Хатчинс приходит к выводу, что скептицизм того времени о возможностях МП был вполне оправдан, хотя были проигнорированы реальные потребности промышленности и коммерции. При этом негативные последствия доклада Хатчинс считает в определенной степени преувеличенными: в 1966 г. в США не произошло полного прекращения работ по МП, несколько проектов финансировались до середины 80-х, с другой стороны Джорджтаунский, Гарвардский и некоторые другие проекты не получали государственного финансирования уже с 1963 г.

Первые работы по МП с русского, английского и других европейских языков достаточно известны. В этой связи любопытны две пионерские работы, посвященные переводу с японского языка. Сусуму Куно в статье "Предварительный подход к японско-английскому автоматическому переводу" (1961) предложил оригинальную процедуру перевода японского предложения в направлении справа налево. Такое решение продиктовано структурой японского предложения, в котором сказуемое стоит в конце. В статье "Англо-японский машинный перевод" 1959 г. японских авторов С. Такахаси, Х. Тадэnuma и С. Ватанабэ представлено первое описание экспериментов по МП, проведенных в Японии на специально созданной для этих целей ЭВМ Yamato.

Переход к системам второго поколения сопровождался активными синтаксическими исследованиями. Два принципиально различных подхода к синтаксическому анализу представлены в работах Д. Хейса "Методы исследований в области автоматического перевода" 1963 г. [АП1971: 41–84] и И. Родес "Новый подход к машинному синтаксическому анализу русского языка" 1961 г. [АП1971: 84–101]. В первом случае, известном как метод фильтров, синтаксическая структура предложения выбирается из множества предварительно построенных вариантов анализа. Метод И. Родес – последовательный, в нем строится только одна структура, которая по необходимости исправляется методом возвратов. Другой вариант последовательного анализа представлен в работе П. Гарвина "Место звистик в алгоритме машинного перевода *Фулькрум*" 1968 г. [АП1971: 26–40].

Р. Каплан, К. Неттер, Ю. Ведекинд и А. Ценен в статье "Перевод на основе структурных соответствий" (1989) описывают схему МП, в которой нахождение переводных соответствий возложено на многоуровневый трансфер, по-

строенный на основе Лексико-функциональной грамматики Дж. Бреснан и Р. Каплана.

К 1970-м гг. все более очевидной становится ограниченность чисто синтаксического подхода и необходимость использования в переводе семантики. Новый подход оформился в модели с так называемым **семантическим языком-посредником**. Хотя на возможность такого подхода указывалось уже У. Уивером (с. 17), неисследованность семантики и сложность ее формального описания стали главным препятствием для его реализации в полном виде.

Одной из первых возможностей создания искусственного семантического языка-посредника для многоязычного МП исследовала М. Мастерман в статье "Машинный перевод на язык пиджин", 1967 г. В наиболее полном виде представление о МП как о процессе многоступенчатого преобразования входного текста в выходной через семантический уровень представлено в статье О.С. Кулагиной и И.А. Мельчука "Автоматический перевод: некоторые теоретические аспекты и общая схема системы перевода" (1967).

Среди языков-посредников выделяют языки логического и лингвистического типов. Вопрос их соотношения и возможность совместного использования рассматривает Й. Уилкс в статье "Стэнфордский проект машинного перевода" (1973). Одна из основных проблем перевода с использованием **логического языка-посредника** – проблема "непереводимого подмножества" – описана Я. Ландсбергером в статье "Грамматика Монтеги и машинный перевод" (1987). Перевод на логический язык-посредник всех возможных значений входного и выходного языков связан с большими вычислительными трудностями. Если число переводимых значений ограничить, то может оказаться, что для некоторого подмножества выражений на языке-посреднике, получаемом при анализе, не окажется соответствий на выходном языке.

Общие проблемы, возникающие в системах МП с языком-посредником, описываются в статье К. Боте "За и против подходов с языком посредником и трансфером в случае многоязычного машинного перевода" (1988). В их числе: собственно теоретическая возможность создания языка-посредника, трудность сохранения порядка слов и стиля в тексте перевода, рентабельность такого подхода в случае нескольких языков и направлений перевода. Из-за наличия преимуществ и слабых сторон как у подхода с языком-посредником, так и у трансферного подхода, у каждого из них были свои противники и защитники. Своего рода черту в споре между ними подводят С. Ниренбург и К. Гудман в работе "Использование зна-

чения в МП" (1990): в той или иной степени обращение к семантике присутствует почти в каждой системе, вопрос лишь в степени ее реального использования и в том, что декларируется самими создателями системы. Как показывают авторы, нередко причина неудачи семантического подхода неоправданно приписывается языку-посреднику там, где в действительности используется не язык-посредник, а трансфер (с. 288).

Важной составляющей ставшего традиционным МП с трансфером или языком-посредником является экспликация лингвистических, в том числе контрастивных знаний в виде набора правил (rule-based translation). Задачей лингвиста становится поддержание и расширение таких правил в соответствии с принципом лингвистического описания, принятым в системе. С развитием системы такие подходы сталкиваются с трудноразрешимыми сложностями, в частности, с необходимостью контроля за неограничиваемым объемом правил и невозможностью предсказания эффекта от добавления новых правил. Для преодоления противоречий традиционного подхода было предложено получать лингвистические знания не от эксперта-лингвиста, а извлекать непосредственно из текстов. Этот принцип лег в основу корпусных и статистических методов, объединяемых по тому признаку, что центральная роль в них отводится текстовым данным (data-driven approaches). К настоящему времени они заняли в МП доминирующее положение, чему немало способствовало появление больших корпусов, Интернета и дешевых компьютеров.

Первые идеи использования **корпуса текстов** высказывались С. Лэмом еще в 1961 г. В работе "Об автоматизации синтаксического анализа" он описал процедуру автоматического построения синтаксического описания на основе текста. Настоящий же расцвет корпусных методов в МП произошел сравнительно недавно, и первенство здесь отдается выдающемуся японскому исследователю М. Нагао и его работе "Машинный перевод для японского и английского языков, основанный на аналогии" 1981 г. В ней впервые предложено вместо набора переводных правил использовать параллельный корпус и тезаурус. Идея Нагао была реализована только в 90-х. По предложенной им схеме сначала в японской части корпуса ищется предложение грамматически и лексически наиболее близкое к переводимому предложению. Для оценки подобия лексических единиц используется тезаурус и специальные функции оценки "семантической близости". Затем из английской части корпуса берется перевод выбранного образца и в нем производится замена лексических единиц в со-

ответствии с тем, что есть в исходном японском предложении. Если в корпусе не обнаруживается подходящего образца, перевод оказывается невозможен. Такой подход избавляет от необходимости содержать большой набор лингвистических знаний, записанных в виде правил, а качество перевода до определенной степени можно повышать простым пополнением корпуса. Однако, как показали дальнейшие исследования, при всех своих преимуществах, без использования лингвистических правил такой подход не может достичь высокой точности перевода [Sumita, Iida 1991].

Независимо от Нагао в середине 1980-х в голландской компании BSO был предложен похожий метод, описанный в статье В. Садлера "Банк текстовых знаний: проектирование, создание и применение" (1991). Описанный "двухязычный банк знаний" сейчас назвали бы выровненным параллельным корпусом с синтаксической разметкой. В проекте BSO было предложено устанавливать соответствия между текстом и его переводом на уровне лексических единиц и групп составляющих. В отличие от М. Нагао, который говорил только о поиске переводных соответствий, у В. Садлера предполагалось извлекать из корпуса все возможные виды лингвистической информации, в том числе экстралингвистическую.

Возможность использовать лингвистические знания в их неявном виде, как они есть в парах переводных соответствий, дала начало таким направлениям как "МП, основанный на примерах" (example-based translation) и "МП с использованием банка переводных соответствий" (memory-based translation).

Корпусный подход тесно связан со **статистическим**. Указание на возможность использования статистического анализа для снятия омонимии было уже в Меморандуме Уивера (с. 16), в 1956 г. Г. Кинг в статье "Вероятностные методы машинного перевода" предложил несколько идей для разрешения текстовой неоднозначности статистическими методами, в частности указал на возможность статистического определения жанра текста, снятия частеречной неоднозначности, перевода идиом и терминологических словосочетаний (с. 38).

До 90-х методы статистического анализа в компьютерной лингвистике не имели широкого признания, что принято связывать с их негативной оценкой в работах Н. Хомского и Дж. Миллера [Chomsky, Miller 1963]. Импульс статистическому подходу к МП дала работа "Статистический подход к машинному переводу" (1990) группы авторов из ИВМ Т. J. Watson Research Center под руководством Ф. Джелинека. Она до сих пор считается хорошим введением в область статистического перевода. Группа

Джелинека изначально работала над статистическими методами распознавания речи, и именно успехи этих разработок подтолкнули к применению так называемой N-граммной модели к анализу текстов. В данной статье впервые была представлена статистическая модель именно перевода в целом, а не отдельных его этапов. Если до этого МП был жестко ориентирован на точность перевода и одновременно его формальную правильность с точки зрения выходного языка, то статистическая модель позволила гибко балансировать между этими противоречивыми требованиями, компенсируя недостаток одного другим. В описанной модели за единицу перевода принято слово, но авторы справедливо предполагают, что более адекватным будет выделение в качестве переводных единиц целых фраз. Как показывают новые статистические модели, учет дистантных зависимостей между словами или группами слов в предложении дает более точные результаты [GuoDong, KimTeng 1998; Yamada, Knight 2001].

Хотя статистические методы позволяют преодолеть некоторые проблемы традиционного подхода, они не всемогущи. На принципиальную ограниченность чистого статистического подхода при снятии некоторых видов неоднозначности указывают Ниренбург и Гудман (с. 284). Сейчас все очевиднее становится целесообразность комбинирования переводных правил со статистическими методами [ONCL 2003: 518].

Автоматический перевод устной речи – задача значительно более трудная, чем перевод текста. Представление о том, что для такого перевода достаточно добавить к системе текстового перевода модуль распознавания речи, конечно же, неверно [ONCL 2003: 521]. Как показано Д. Цудзии и М. Нагао в статье "Перевод диалога vs. перевод текста – подход, основанный на интерпретации" (1988), закономерности построения устного и письменного текста, их формальные средства слышком различны, чтобы можно было свести одну задачу к другой. Кроме того, в случае диалогической речи требуется перевод не всего текста, а только части наиболее релевантной для коммуникативных задач говорящих. Задача выявления релевантной информации может упрощаться сужением предметной области, в которой ведется диалог. Первые успешные результаты в этой области принадлежат системе перевода, созданной в японской исследовательской группе ATR. Детальное описание разработки дано в статье Т. Моримото и А. Курэмацу "Автоматический перевод речи в ATR" (1993).

Отдельная тема в МП – это **синтез текста** из внутреннего представления, полученного на

этапе перевода. В одних подходах операции анализа и синтеза текста рассматриваются как принципиально различные и несводимые друг к другу, в других синтез трактуется как обращенный анализ. Аргументам за и против симметричного описания анализа и синтеза посвящена статья Й. Уилкса "Откуда я пришел: обратимости анализа и синтеза в обработке естественного языка" (1990).

Одной из сложнейших задач в МП до сих пор является снятие разного рода неоднозначности в тексте. Одним из путей если не полного решения, то упрощения этой задачи является ограничение лексики и грамматики в тексте переводимого языка. Такое ограничение достигается естественным образом в случае перевода с **подъязыка** (sublanguage). Название "подъязык" не вполне точно отражает суть явления – это не обязательно подмножество какого-либо другого языка, чаще это самостоятельный язык определенной проблемной области. Дж. Лербергер в статье "Автоматический перевод и понятие подъязыка" (1982) исследует, в какой мере один подъязык отличается от других, а также какие виды неоднозначности встречаются в подъязыке, а какие нет. Так, в приводимом в качестве примера языке авиационной документации отсутствуют вопросительные предложения, связочные предложения с обобщающим значением (*двигатель – это механическое устройство*), многие существительные (*воздух, раствор, инструмент*) не употребляются в абстрактном значении и т.д. (с. 208–210). С другой стороны, в большом количестве имеются неоднозначные последовательности типа *pump case drain fitting*. Как отмечается в [Sumita, Iida 1991: 191], наиболее просто перенастраиваться с одного подъязыка на другой позволяют корпусные методы перевода: грубо говоря, для этого достаточно лишь заменить корпус.

Другим возможным путем является искусственное **ограничение языка** (controlled language). В системе МП с ограниченным языком подаваемый на перевод текст либо изначально пишется с использованием ограниченного словаря и заданного набора грамматических конструкций, либо приводится к нужному виду редактором. Ограниченный вариант английского и метод его использования в компании XEROX описаны в статье Дж. С.Г. Эллистона "Перевод с помощью компьютера: коммерческий подход" (1979). Характерным для английского языка является запрет на конверсивное употребление слова: например, в описываемом языке *switch* можно использовать только в значении "переключатель", но не "переключать".

В МП всегда существовала проблема выбора между созданием коммерческого продукта

или инструмента для исследования свойств языка и текста. Преодолеть это противоречие пытаются Р. Джонсон и П. Уайтлок: "Система МП должна обеспечивать не только более эффективное использование человеческих возможностей, но и создавать для исследователя условия, в которых можно было бы лучше понять, какие знания необходимы для перевода" ("Машинный перевод как экспертная задача", 1985, с. 235).

До сих пор нет единства в вопросе о целесообразности полностью автоматизированного МП. Аргументы за и против МП без вмешательства человека рассматривает М. Кэй в статье "Должное место человека и компьютера при переводе естественных языков" 1980 г. Статья А. Мелби "Многоуровневые вспомогательные средства для перевода" (1982) поднимает проблему недостаточного внимания, уделяемого редакторам и переводчикам, которым приходится работать с системами МП.

Современный МП освоил перевод на уровне предложения. Однако при выходе за границы предложения или абзаца требуется учет до сих пор мало исследованных языковых правил, действующих в масштабах целого текста. Для преодоления такого рода трудностей Г. Сомерс, Д. Цудзии и Д. Джонс в работе "Машинный перевод без входного текста" 1990 г. предложили радикально новый подход к переводу. Их гипотетическая система предназначена для создания перевода, а не исходного текста, и принципиально отличается от "рабочего места переводчика", снабженного МП. Такая система позволила бы автору не писать полного текста на исходном языке, как это принято, а сразу создавать перевод с учетом правил структурирования текста, принятых в выходном языке, т.е. учитывать намерение самого автора, что в традиционном переводе возможно только в качестве гипотезы.

Создание МП как любого крупного компьютерного проекта связано с выбором средств программной реализации. Общую ситуацию описывают Р. Джонсон, М. Кинг, Л. де Томб в статье "EUROTRA: методы вычислений" (1985). Как правило в МП используется либо язык программирования общего назначения, либо создается специальный язык, ориентированный на лингвистов с разной степенью математической подготовки. Общая закономерность такова: чем более произвольна, свободна форма записи, тем более эксплицитным становится лингвистическое описание. И наоборот: большая формализованность языка ведет к лаконичности записи.

Можно заключить, что сборник отвечает задачам, поставленным составителями. Помимо возвращения в научный обиход многих ред-

ких, но влиятельных работ книга имеет и символическое значение – это своего рода дань признания и памяти исследователям, которые внесли весомый вклад в становление и развитие МП. Как видим, охвачены все важные направления в МП и основная проблематика. Из тем, отдельно никак не отраженных, можно назвать важную для МП проблему оценки качества перевода. В МП она разрабатывалась давно и имеет свою специфику по сравнению с другими направлениями компьютерной лингвистики (см. в частности о приложении к докладу ALPAC, составленном Дж. Кэрролом, оказавшем большое влияние на способ оценки многих дальнейших проектов, с. 132). К сожалению, в исторической части не представлены ранние работы по МП с китайского языка (Э. Райфлер, Г. Кинг), хотя успехи в этой области были сопоставимы с успехами русско-английского перевода [Hutchins 1986, гл. 4]. Возникает также естественное желание увидеть в сборнике больше работ отечественных авторов. По словам составителей, предполагается продолжение данного сборника, освещающее работы национальных школ МП, и можно надеяться, что российские разработки будут представлены полнее. Однако очевидно, что необходима и отечественная антология подобного рода, отражающая основные этапы и достижения советских и российских исследований в области МП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АП 1971 – Автоматический перевод. Сб. статей / Ред. О.С. Кулагина и И.А. Мельчук. М., 1971.
- ИИ 1990 – Искусственный интеллект. 1: Системы общения и экспертные системы / Ред. Э.В. Попов. М., 1990.
- Марчук 1983 – Ю.Н. Марчук. Проблемы машинного перевода. М., 1983.
- МП 1957 – Машинный перевод. Сб. статей / Под ред. П.С. Кузнецова. М., 1957.

K. Hale, S.J. Keyser. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge (MASS): MIT press. 2002. x + 286 p.

Книга Кена Хейла и Самуэля Кейсера “Введение в теорию аргументной структуры” является результатом многолетних трудов авторов над описанием аргументной структуры лексических единиц и ее взаимодействия с другими аспектами грамматики. Авторы широко известны своими работами как на материале английского языка, так и на материале языков Австралии и Америки. Как пишут сами авто-

Слокум 1989 – Дж. Слокум. Обзор разработок по машинному переводу: история вопроса, современное состояние и перспективы развития // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика. М., 1989.

ACL – <http://www.aclweb.org/anthology> (Труды международных конференций COLING и ACL, семинаров по МП, а также тексты журнала Computational Linguistics).

Chomsky, Miller 1963 – N. Chomsky, G. Miller. Introduction to the formal analysis of natural languages // Handbook of Mathematical psychology 2 / Ed. by R.D. Luce, R. Bush, E. Galanter. New York, 1963.

GuoDong, KimTeng 1998 – GuoDong Zhou, KimTeng Lua. Word association and MI-Trigger-based language modeling // Proceedings of the 17th international conference on computational linguistics. Montréal, 1998.

Hutchins 1986 – J. Hutchins. Machine translation: past, present, future. Chichester, 1986. См. также: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/WJHutchins/>.

Hutchins 2000 – Early years in machine translation. Memoirs and biographies of pioneers / Ed. by W.J. Hutchins // Studies in the history of the language sciences. Amsterdam; Philadelphia, 2000.

OHCL 2003 – The Oxford handbook of computational linguistics / Ed. by R. Mitkov. Oxford, 2003.

Sumita, Iida 1991 – Eiichiro Sumita, Hitoshi Iida. Experiments and prospects of example-based machine translation // Proceedings of the 29-th annual meeting of the Association for computational linguistics (ACL-91). Berkeley, USA, 1991.

Yamada, Knight 2001 – K. Yamada, K. Knight. A syntax-based statistical translation model // Proceedings of the conference of the association for computational linguistics (ACL). Toulouse, 2001.

А.В. Костыркин

ры, их книга – попытка остановиться и проанализировать пройденный путь, собрав воедино и доработав материалы из множества уже опубликованных работ. Как оказывается, такой подход имеет и очевидные плюсы, и определенные минусы.

Итак, книга посвящена теории аргументной структуры лексических единиц. При этом под аргументной структурой понимается синтакси-

ческая структура (или, иначе, структура синтаксических отношений), которая привязана к определенной лексической единице, выступающей в роли вершины, обусловлена ей (или в терминологии авторов, “проецируется” лексической единицей) и представлена в виде дерева составляющих. Вводятся всего два возможных структурных отношения в рамках аргументной структуры: отношение “вершина – комплемент” (head – complement) и отношение “спецификатор – вершина” (specifier – head) и даются следующие определения:

(1) X является комплементом вершины H, если X является единственной сестрой H в дереве составляющих (X и H имеют взаимный структурный приоритет)¹.

(2) Если X является спецификатором вершины H и P является первой проекцией H, то X является единственной сестрой P.

Далее авторы выделяют четыре логически возможные типа аргументной структуры:

I) вершина не требует ни комплемента, ни спецификатора;

II) вершина требует комплемент, но не требует спецификатора;

III) вершина требует и комплемент, и спецификатор;

IV) вершина требует спецификатор, но не требует зависимого комплемента.

Последняя ситуация может возникнуть только в результате объединения двух структур, так как при непосредственном сочетании двух синтаксических единиц (merge) всегда возникает отношение “вершина – комплемент”. Никакая лексическая единица не может непосредственно комбинироваться со своим спецификатором. Поэтому вершина, требующая присутствия спецификатора, должна сама стать комплементом другой вершины, и уже эта вершина проецирует позицию спецификатора.

Указанные типы обнаруживают определенную корреляцию с частями речи. Так, тип I свойствен прежде всего существительным, тип II – глаголам, тип III – предлогам, а тип IV – прилагательным. Однако, несмотря на то, что такое соответствие типологически устойчиво, авторы все же предпочитают считать, что в общем случае тип аргументной структуры лексической единицы и ее частеречная принадлежность – два независимых параметра.

¹ О русских эквивалентах терминов грамматики непосредственных составляющих, используемых авторами, подробнее см., например, в [Тестелец 2001: 107 и сл.].

В первых трех главах авторы рассматривают материал английского языка и на его основе выстраивают свою теорию аргументной структуры. Эта теория призвана объяснить различие в поведении разных типов английских глаголов по отношению к двум синтаксическим свойствам. Первое из них – лабильность (или так называемая “инхоативно-транзитивная” альтернатива). Многие глаголы английского языка проявляют способность возглавлять как непереходную, так и переходную клаузу, при этом аргумент, который выступал в роли подлежащего при непереходном употреблении, при переходном употреблении становится прямым дополнением. Например:

(3a) *The leaves turned red* ‘Листья покраснели’.

(3b) *The cold turned the leaves red* ‘Листья покраснели от холода’ (букв. ‘Холод сделал листья красными’).

(4a) *The screen cleared* ‘Экран очистился’.

(4b) *I cleared the screen* ‘Я очистил экран’.

К этому классу относятся все глаголы, образованные от прилагательных (в том числе и те, которые образованы при помощи специальных морфологических показателей, например *redde* ‘краснеть’). Однако этим свойством обладают далеко не все глаголы английского языка. Ср. следующие примеры с непереходным глаголом:

(5a) *The engine coughed* ‘Двигатель забарахлил’.

(5b) **I coughed the engine*.

По мнению авторов, это различие в синтаксическом поведении напрямую связано с различиями в аргументной структуре, которую проецируют лексические единицы. А именно, участие в инхоативно-транзитивной альтернативе возможно лишь в том случае, если в аргументной структуре глагольной вершины присутствует спецификатор (типы III и IV). Так, глагол в примерах (3a) и (3b), допускающий как переходное, так и непереходное употребление, имеет аргументную структуру типа IV, так как его аргументная структура включает глагольную вершину (в данных примерах *turn*), которая в качестве комплемента принимает требующую спецификатора (здесь *the leaves* ‘листья’) адъективную лексему (в данных примерах *red* ‘красный’). Авторы подробно описывают синтаксический механизм, который обуславливает данную структуру. При непереходном употреблении глаголов, образованных от прилагательных, вершина их аргументной

структуры является единственной глагольной вершиной клаузы, и при этом она не приписывает винительного падежа. Так что для получения падежа спецификатор данной структуры поднимается в позицию подлежащего предложения, где ему приписывается именительный падеж. При переходном употреблении данная аргументная структура становится компонентом еще одной глагольной вершины, которая и приписывает спецификатору винительный падеж. Подлежащим же становится другая именная группа, являющаяся внешним аргументом по отношению к глаголу: *the cold* 'холод' в примере (3b), *I* 'я' в примере (4b).

Непереходные же глаголы, не имеющие переходных употреблений, обладают аргументной структурой типа II, т.е. без спецификатора (см. ниже). При непереходном употреблении их подлежащее исходно является внешним по отношению к глаголу аргументом. Переходное же употребление невозможно, так как просто отсутствует кандидат на роль прямого дополнения: нет именной группы, которая могла бы принять винительный падеж от более высокой глагольной вершины.

Помимо лабильности авторы рассматривают еще одно свойство лексических единиц, которое определяется их аргументной структурой: конструкцию с так называемым средним залогом (*middle construction*). Например:

- (6) *This paint thins easily* 'Эта краска легко разводится / Эту краску легко развести'.
 (7a) *He bagged the apples* 'Он упаковал яблоки'.
 (7b) *These apples bag easily* 'Эти яблоки легко пакуются / Эти яблоки легко упаковать'.

Опять же, многие глаголы не допускают такого употребления, ср.:

- (8a) *He made a fuss* 'Он поднял шум'.
 (8b) **A fuss makes easily*.

Возможность данной конструкции, по мнению авторов, также объясняется наличием спецификатора в аргументной структуре глагола – конструкция со средним залогом возможна только с аргументными структурами, в которых присутствует спецификатор. Аргументная структура глагола в примере (6) относится к типу IV, так как здесь мы имеем дело с глаголом, образованным от прилагательного *thin* 'тонкий; редкий; жидкий'. Аргументная структура, предлагаемая авторами для примеров типа (7), в которых участвует так называемый "глагол перемещения", более сложна и будет описана позже, однако она также включает

спецификатор. В примерах же (8) аргументная структура глагола относится к типу II, т.е. включает глагольную вершину (*make*), которая принимает в качестве комплемента именную группу (*a fuss*). Так как ни сам глагол, ни именная группа не требуют присутствия спецификатора, он не проецируется – и конструкция со средним залогом оказывается невозможна.

Авторы уделяют основное внимание трем типам глаголов. Во-первых, это так называемые "отыменные" глаголы, которые чаще всего (хотя и не всегда) соотносятся с именным корнем. Это непереходные глаголы, типа *sneeze* 'чихать', *cough* 'кашлять', *foal* 'жеребиться', *dance* 'танцевать' и др. Их аргументная структура относится к типу II. Она включает глагольную лексему и комплемент, в роли которого выступает существительное. Сперва авторы предлагают считать, что в данном случае глагол фонологически пуст, а изначально фонологически наполненным является именно комплемент, и лишь в процессе синтаксической деривации фонологическая оболочка переносится с комплемента на глагол (этот процесс близок к инкорпорации, хотя авторы подробно рассматривают различия между этими процессами). Однако впоследствии по ряду причин (см. ниже) авторы отказываются от этой точки зрения и приходят к тому, что сама лексическая единица в данном случае имеет неопределенную категориальную принадлежность (может выступать как в роли глагола, так и в роли существительного в зависимости от синтаксической позиции), и в данном случае мы имеем дело с полноценным непустым глаголом. В этом случае нулевым оказывается именное дополнение (хотя в других случаях оно может реализовываться и полноценной именной группой). Поскольку в аргументной структуре отыменных глаголов отсутствует спецификатор, они не могут участвовать в инхоативно-транзитивной альтернативе и в конструкции со средним залогом.

Во-вторых, это глаголы, "образованные от прилагательных". К этому классу относятся глаголы *redde* 'краснеть', *melt* 'таять', *thin* 'делаться тонким, жидким', *clear* 'очищаться(ся)' и др.² Как уже говорилось, аргументная структура этих глаголов относится к типу IV. Глаголь-

² Следует отметить, что обозначение данного класса в некоторой мере условно, так как в этот же класс попадает ряд глаголов, напрямую не связанных с прилагательными, типа *break* 'ломать(ся)'; но возможность таких исключений не отрицается авторами, так как связь с частью речи – это всего лишь тенденция.

ная вершина в данном случае нулевая, в то время как прилагательное имеет полноценную фонологическую оболочку. Поскольку прилагательное должно относиться к какой-либо именной группе, оно требует наличия спецификатора в той структуре, в которой оно находится, и этот спецификатор здесь проецирует глагольная вершина. При этом прилагательное "инкорпорируется" в нулевую глагольную вершину (отчего на поверхности оно и выступает в роли основного предиката). Аргументную структуру типа IV могут иметь и ненулевые глаголы, принимающие в качестве дополнения прилагательное (см. в (3)), и здесь также присутствует позиция спецификатора. Как уже указывалось, глаголы этого класса свободно участвуют в инхоативно-транзитивной альтернации и допускают конструкцию со средним залогом.

И наконец, третий тип глаголов, оказавшийся в фокусе внимания авторов, — это глаголы, связанные с перемещаемым объектом или местом, куда перемещается некоторый объект (*location and locatum verbs*), например, *saddle* 'седлать', *shoe* 'обувать', *salt* 'солить', а также *bag* 'паковать', *cage* 'помещать в клетку', *shelve* 'ставить на полку':

- (9) *I shelved the books* 'Я поставил книги на полку'.
 (10) *She saddled the horse* 'Она оседлала лошадь'.

Авторы проводят аналогию между конструкциями с этими глаголами и конструкциями с глаголами типа *put* 'ставить, класть, помещать':

- (11) *I put the books on the shelf* 'Я поставил книги на полку'.

Глагол *put* имеет аргументную структуру типа II, в которой, однако, в качестве компонента выступает более сложная аргументная структура типа III, где вершиной является предлог, спецификатором — именная группа, выступающая на поверхности в винительном падеже (*books* 'книги' в примере 11), а компонентом — именная группа со значением места (*the shelf* 'полка' в данном примере). Согласно авторам, глаголы перемещения участвуют в похожей синтаксической структуре, с тем лишь отличием, что предлог в данном случае нулевой и на его компонент накладываются определенные семантические ограничения, благодаря чему он тоже может быть нулевым. При этом наличие в структуре спецификатора (именной группы, которая в данном случае при переходном употреблении на поверхности вы-

ступает в винительном падеже, а при непереходном — в именительном) позволяет глаголам данного класса участвовать как в инхоативно-транзитивной альтернации (см. примеры 12а и 12b), так и в конструкции со средним залогом (см. пример 7).

- (12a) *The pigs splashed mud on the wall* 'Свиньи разбрызгали грязь по стене'.
 (12b) *Mud splashed on the wall* 'Грязь разбрызгалась по стене'.

Однако оказывается, что не все ограничения на лабильность и участие в конструкции со средним залогом можно объяснить исключительно на основе аргументной структуры. Например, часть глаголов перемещения допускает непереходное употребление (пример 12), а часть не допускает, хотя аргументная структура этих глаголов предположительно идентична.

Аналогично, часть экспериенциальных глаголов и глаголов физического воздействия участвует в конструкции со средним залогом (пример 13), а часть не допускает такого употребления (пример 14):

- (13a) *The truth angers politicians* 'Правда раздражает политиков'.
 (13b) *Politicians anger easily* 'Политики легко раздражаются'.
 (14a) *My kids love French films* 'Мои малыши любят французские фильмы'.
 (14b) **French films love easily*.

Для объяснения этих явлений (чему посвящена вторая глава книги) авторы обращаются к лексической семантике рассматриваемых глаголов. Интуитивно понятно, что глаголы перемещения, допускающие непереходное употребление, в своем лексическом значении содержат какую-то информацию о пациенте, в то время как глаголы, не допускающие такого употребления, содержат информацию об агенте. Похожие наблюдения можно сделать и в отношении рассматриваемых классов экспериенциальных глаголов и глаголов физического воздействия. Авторы разрабатывают формальный механизм, схожий с механизмом связывания в теории анафоры, который, с одной стороны, позволяет уловить интуицию относительно лексического значения рассматриваемых глаголов, а, с другой стороны, легко встраивается в предлагаемую теорию аргументной структуры, взаимодействуя с ней.

Третья глава устроена несколько необычно. В ней авторы разрабатывают подробную теорию синтаксического процесса, который они называют "слияние" (*conflation*), и ограничений на этот процесс, однако в конце главы прихо-

дят к выводу, что (по крайней мере, в английском языке, материал которого и находится в центре внимания) этот процесс вообще не следует постулировать. Согласно разрабатываемой теории, если при соединении (merge) вершины и комплемента первая имеет "пустую фонологическую матрицу", то фонологическая матрица комплемента автоматически копируется на вершину и у комплемента стирается. При этом все остальные семантические и синтаксические признаки комплемента остаются неизменными. Этот процесс, как считали авторы, происходит в случае отыменных глаголов, глаголов, образованных от прилагательных, и глаголов перемещения, когда нулевая глагольная или предложная вершина принимает в качестве комплемента полноценную лексическую единицу. Кроме того, этот же процесс участвует в транзитивации, когда нулевая глагольная лексема в качестве комплемента принимает глагольную группу, и фонологическая оболочка этой группы копируется на нулевой глагол. При этом авторы подчеркивают отличие данного процесса от процесса инкорпорации, подробно описанного в [Baker 1988], что подтверждается особенностями поведения глаголов перемещения. Однако оказывается, что эта теория сталкивается с серьезными трудностями. В английском языке отыменные глаголы в ряде случаев могут иметь переходные употребления. Авторы различают два таких случая: конструкции с "внутренним" объектом (cognate object constructions; пример 15) и конструкции с гипонимичным аргументом (hyponymous argument construction; пример 16).

(15) *She slept the sleep of the just* 'Она спала сном праведника'.

(16) *He danced a jig* 'Он станцевал джигу'.

Очевидно, что эти конструкции являются проблемой для описанной теории "слияния", так как она предполагает, что на месте дополнения изначально находился именной корень, который затем передает свою фонологическую оболочку нулевой глагольной вершине. Более того, согласно этой теории после переноса фонологической оболочки ничего в свойствах дополнения не меняется, оно просто само становится фонологически пустым, так что в синтаксической структуре просто отсутствует место для еще одного дополнения. Сходная проблема возникает и с глаголами перемещения (пример 17):

(17) *He shelved the books on a windowsill* 'Он поставил книги на подоконник'.

В результате, авторы вынуждены отказаться от процесса "слияния" и признать, что в словаре существуют категориально неопределенные единицы, способные в зависимости от синтаксической позиции выступать как в роли существительного, так и в роли глагола. Более того, выступая в позиции глагола, эти единицы могут накладывать ограничения на семантические свойства своих дополнений (так, глагол *dance* 'танцевать' требует, чтобы его дополнение обозначало вид танца). Однако встает вопрос, что же происходит с дополнением при переходном (наиболее частотном) употреблении этих глаголов? Авторы предлагают считать, что именно наличие упомянутых ограничений и является необходимым условием для возникновения нулевого дополнения. Правда, все это не касается глаголов, образованных от прилагательных. В этом случае по ряду причин (в частности из-за отсутствия конструкций типа 15 и 16) авторы остаются при точке зрения, что глагольная лексема получила фонологическую оболочку в результате синтаксического процесса (инкорпорации прилагательного). Итак, оснований для сохранения процесса "слияния" для рассматриваемого типа глаголов действительно не остается, хотя особый подход к глаголам, образованным от прилагательных, наносит определенный урон симметричности и последовательности теории и представляется не до конца обоснованным.

В четвертой главе авторы совершают попытку типологически расширить рамки своего исследования, привлекая материал четырех неродственных языков Северной Америки, где исследуется феномен "инхоативно-транзитивной" альтернативы, уже описанный выше для английского языка. Оказывается, что во всех рассматриваемых языках имеются лабильные и нелабильные глаголы, причем состав этих классов в различных языках семантически схож. Однако между рассматриваемыми языками и английским наблюдаются существенные различия. Так, в навахо (атабаскская семья) переходный вариант глагольной лексемы маркируется особым показателем, и лишь непереходный вариант немаркирован; в языке улва (мисумальская семья) переходный и непереходный варианты глагольной лексемы различаются классными показателями, которые в обоих случаях нулевые. Авторы замечают, что большинство глаголов, допускающих в этом языке подобную смену переходности, связано морфологически с прилагательными, хотя существуют и исключения. Как и в случае с английским языком, такое распадение на классы в отношении инхоативно-транзитивной альтернативы в этих языках авторы объясняют

различиями в аргументной структуре, проецируемой различными лексическими единицами.

Далее авторы рассматривают материал двух юто-ацтекских языков: папаго и хопи, где также существуют особые показатели переходности, делящие глаголы на два класса. Одни глаголы при присоединении этих показателей становятся переходными по схеме "инхоативно-транзитивной альтернации" (т.е. аргумент, являющийся субъектом при непреходном употреблении, становится прямым дополнением при переходном). Другие же при присоединении соответствующего показателя становятся переходными, присоединяя "новый" аргумент с семантической ролью бенефактива (а субъект остается прежним). Как и раньше, подверженность "инхоативно-транзитивной" альтернации объясняется через наличие позиции спецификатора. Однако в данном случае особенно интересным представляется анализ, предлагаемый для так называемой "аффективной конструкции" (конструкции с бенефактивным аргументом), которая свойственна отыменным глаголам. В папаго существует класс отыменных глаголов, образованных путем присоединения специального морфологического показателя со значением создания соответствующего объекта ('строить дом', 'делать корзину' и т.п.). Эти глаголы не участвуют в инхоативно-транзитивной альтернации, однако могут образовывать аффективную конструкцию ('делать для кого-л.') путем присоединения одного из показателей переходности. При этом показатель, образовавший эти глаголы от существительных, вытесняется. Авторы предлагают считать, что в данном случае показатель переходности играет иную роль, а именно, здесь он выступает в качестве глагольной вершины, принимающей именной комплемент, и имеет значение принадлежности. В процессе синтаксической деривации именной комплемент инкорпорируется в вершину, создавая отыменную глагольную лексему. При этом глагольная вершина со значением принадлежности, предполагающая в числе аргументов как обладаемое, так и обладателя, проецирует аргументную структуру типа III. Эта структура имеет спецификатор, так что может транзитивироваться стандартным образом, получая значение каузации к обладанию. Таким образом, значение 'строить дом для кого-то' сводится к значению 'делать так, чтобы кто-то имел дом'. Сразу возникает вопрос о семантической приемлемости такого анализа аффективной конструкции, однако никаких тестов на это авторы не приводят.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в языке хопи, где ряд отыменных глаголов со значением создания, не вступающих в инхо-

ативно-транзитивную альтернацию, также образуют аффективную конструкцию, однако в данном случае показатель отыменного образования не вытесняется, а сочетается с показателем переходности. В данном случае авторы предлагают считать, что иную функцию имеет не показатель переходности, а показатель, образующий глаголы со значением создания от существительных. Опять же, в этом случае этому показателю приписывается значение принадлежности, в результате чего проецируется аргументная структура типа III, которая затем становится комплементом для вершины, выраженной на поверхности показателем переходности. Это, как и в предыдущем случае, создает структуру аффективной конструкции, имеющую значение каузации обладания. Представляется, что данный анализ имеет определенные недостатки. В первую очередь это касается необходимости постулировать в обоих языках омонимичные аффиксы; более того, эти аффиксы в двух языках наделяются различными функциями. Если в папаго омонимичным оказывается аффикс переходности, то в хопи омонимичным признается деривационный аффикс, образующий отыменные глаголы. Кроме того, похоже, что ни в одной другой посессивной конструкции эти аффиксы не участвуют (для хопи это указывается самими авторами, для папаго этот вопрос не затрагивается).

При этом в данной главе авторы широко оперируют понятиями "слияние" (conflation) и "инкорпорация", и остается неясным как то, насколько эти процессы следует различать в отношении рассматриваемых языков, так и то, действительно ли в данном случае мы имеем дело с ситуацией, принципиально отличной от английского, где понятие "слияние" избыточно.

Пятая глава посвящена анализу конструкций с двойным объектом (double object construction) в английском языке. Авторы отстаивают точку зрения, согласно которой именная группа с ролью пациенса исходно находится в синтаксическом дереве выше именной группы с ролью адресата как в конструкции с предложным непрямым дополнением (пример 18), так и в конструкции с двойным объектом (пример 19), но в последней аргумент с семантической ролью адресата поднимается в процессе деривации.

(18) *She gave a book to her daughter* 'Она дала дочери книгу'.

(19) *She gave her daughter a book* 'То же'.

Эта точка зрения обосновывается, исходя из данных о синтаксическом поведении вторичных предикатов, особенностях деривационной морфологии, а также на основании семантики

конструкции с двойным объектом в противопоставлении с конструкцией с предложным непрямым дополнением. Особенно интересен в данном случае анализ феномена так называемого "обратного анафорического связывания" (*backward binding*) (пример 20).

- (20) *I showed each other's pictures to the boys* = 'Я показал каждому мальчику фотографии другого' (букв. 'показал мальчикам фотографии друг друга').

Для него авторы привлекают тот же аппарат (хотя и несколько расширяя его), что и для анализа семантических ограничений на участие глаголов в инхоативно-транзитивной альтернатики и в конструкции со средним залогом.

В шестой главе авторы касаются проблемы глаголов, традиционно относимых к классу "неаккузативных" на основании того, что они могут участвовать в так называемой конструкции с субъектным эксплетивом *there* (*there-insertion*). Это глаголы типа *arrive* 'прибывать', *occur* 'происходить', *appear* 'появляться' и др., ср. пример (21):

- (21) *There arrived many guests (at the party)* 'На вечеринку) пришло много гостей'.

Такие глаголы проецируют аргументную структуру типа II, а компонентом их оказывается аргументная структура типа III, вершиной которой является предлог. Т.е. их аргументная структура синтаксически эквивалентна аргументной структуре глаголов перемещения, а также глаголов, образованных от прилагательных, в их переходном употреблении. Однако в отличие от последних двух классов, данные глаголы не имеют переходного употребления. Это отличие можно было бы объяснить тем, что глаголы типа *appear* не приписывают падежа спецификатору своего дополнения (в отличие от вершинных глаголов типа *put*), но авторам это представляется лишь "симптомом", а не сутью проблемы. Основываясь на теории "падежного связывания" (*case-binding theory*), предложенной в [Bitner 1994], они постулируют довольно сложный синтаксический механизм, связывающий возможность употребления рассматриваемых глаголов в конструкции с *there* и невозможность их переходного употребления (причем авторы вновь пользуются теорией "слияния", указывая, что их анализ является лишь предварительной попыткой решения данной проблемы).

В седьмой главе авторы касаются проблемы взаимодействия аргументной структуры с аспектуальными свойствами предикатов. Они показывают, что хотя в ряде случаев статов-

ность предикатной группы можно связать с категориальной (частеречной) принадлежностью ее вершины (это относится в первую очередь к прилагательным и, возможно, к экспириенциальным глаголам), в общем случае это два независимых параметра. Вводится параметр "центрального vs. терминального совпадения" (*central vs. terminal coincidence*), в соответствии с которым каждая вершина, имеющая два аргумента в аргументной структуре, устанавливает либо стативное, либо динамическое отношение между этими аргументами. Так, предлог *at* в примере (22) выражает отношение "центрального совпадения", т.е. его аргументы "неподвижны" относительно друг друга. В примере же (23) предлог *into* выражает отношение "терминального совпадения", т.е. один из его аргументов изменяет положение относительно другого аргумента – цели перемещения.

- (22) *With Kirsten at Lincoln Center, ballet remains supreme* 'С Кирстен в Линкольн-центре балет остается непревзойденным'.

- (23) *Frankie walked into the room* 'Фрэнк вошел в комнату'.

Авторы заключают, что аспектуальные свойства предикатов независимы от аргументной структуры в их понимании, а обусловлены другими компонентами грамматики, в частности теми семантическими отношениями, которые вершины навязывают своим аргументам.

Последняя глава книги посвящена подробному анализу возможной позиции спецификатора в аргументной структуре лексической единицы. В ней авторы показывают, что помимо непосредственного проецирования спецификатора существуют случаи "позднего введения" (*delayed gratification*) спецификатора. В этом случае лексическая единица, требующая присутствия спецификатора в своей аргументной структуре, сначала занимает позицию компонента при некоторой другой вершине, а затем уже эта вершина проецирует необходимый спецификатор. Авторы демонстрируют такую структуру на примере конструкций с частицами в английском языке (см. пример 24). Они убедительно показывают, что в этом случае необходимость предложной вершины в спецификаторе удовлетворяется лишь после того, как "ненасыщенная" аргументная структура предлога (вершина, в данном случае предлог *on* 'на', и дополнение, именная группа *the fence* 'забор') оказываются в позиции компонента к частице (в данном примере *up*).

- (24) *She put her saddle up on the fence* 'Она повесила седло на забор'.

Кроме того, Хейл и Кейсер рассматривают еще одну известную альтернативу, проиллюстрированную в примерах (25) и (26):

(25) *They loaded hay onto the truck* 'Они грузили сено на платформу'.

(26) *They loaded the truck with hay* 'Они загрузили платформу сеном'.

Авторы доказывают, что если в конструкциях типа (25) спецификатор *hay* 'сено' находится внутри аргументной структуры предложения, то в предложениях типа (26) спецификатор, требуемый предложением (*the truck* 'платформа; грузовик'), располагается выше в синтаксическом дереве, т.е. не входит непосредственно в аргументную структуру предложения, хотя его наличие и обусловлено свойствами предложной вершины.

Итак, в книге излагается оригинальный и не лишенный изящества подход к теории аргументной структуры, при котором авторы стре-

мятся обобщить механизмы, работающие в данной области. Основным недостатком книги является определенная непоследовательность изложения и несогласованность между отдельными частями (о чем, впрочем, предупреждают и сами авторы). Правда, следует заметить, что перед нами скорее отражение определенного этапа в развитии теории, чем изложение окончательно оформленной концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
Baker 1988 – M. Baker. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago, 1988.
Bittner 1994 – M. Bittner. *Case, scope, and binding*. Dordrecht, 1994.

С.А. Минор

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 9 по 12 октября 2004 г. в г. Казани, в Казанском государственном университете, проходила Первая Российская конференция по когнитивной науке. Когнитивная наука – это междисциплинарное направление, объединяющее лингвистов, психологов, философов, специалистов в области искусственного интеллекта, антропологов, нейрофизиологов – всех, кто так или иначе занимается исследованием мыслительной деятельности человека и механизмов, обеспечивающих работу мысли. Когнитивная наука на Западе уже давно является одним из самых мощных направлений как фундаментальных, так и прикладных исследований. Истоки когнитивной науки – в философии, экспериментальной психологии, разработках в сфере искусственного интеллекта. В числе предшественников когнитивной науки такие крупные ученые, как Л. Витгенштейн, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Ж. Пиаже, Дж. Миллер, Н. Хомский, М. Минский, Н. Винер. Можно считать, что окончательно как отдельная научная дисциплина когнитивная наука оформилась в середине 1970-х годов: в Америке образовалась особая организация – Cognitive Science Society (Общество Когнитивной Науки), и началось издание журнала *Cognitive Science* – официального печатного органа Общества. Цель Общества – объединить усилия исследователей, работающих над изучением человеческого интеллекта. Сейчас когнитивная наука входит в число специализаций более чем шестидесяти ведущих университетов Европы и Северной Америки.

Когнитивная наука в значительной степени была и остается междисциплинарным направлением, отличающимся большим разнообразием методов: психология экспериментально изучает мыслительные операции человека, специалисты в области искусственного интеллекта строят компьютерные модели ментальных операций и репрезентаций, благодаря экспериментам нейрофизиологов многое стало

известно о том, какие зоны мозга отвечают за те или иные мыслительные действия и процессы, антропологи исследуют связь интеллектуальных операций с культурной средой, лингвистика обратилась к отражению структур мысли в языковых построениях. Однако в рамках когнитивной науки все эти разносторонние исследования призваны дать ответы на общие вопросы, связанные с работой человеческого мозга: Какова природа мыслительных операций и репрезентаций? Что здесь врожденное, а что – приобретенное? Как соотносятся результаты исследований когнитивной деятельности, полученные в разных областях? Соответственно, самые интересные для когнитивной науки результаты также будут иметь пограничную, междисциплинарную природу: например, это философские концепции, подтверждаемые данными экспериментальной психологии, или компьютерные модели, построенные на основе нейрофизиологических экспериментов.

В то время, как когнитивная наука на Западе уже имеет свою, пусть и не очень долгую, историю, в России когнитивная наука только зарождается. И поэтому о конференции по когнитивной науке в Казани можно в полном смысле этого слова говорить как о конференции исторической: с этого момента когнитивная наука в России также обретает свою историю. Целью конференции было создание совместного форума для представителей разных наук, исследующих познание и его эволюцию, интеллект, мышление, восприятие, сознание, представление и приобретение знаний, язык как средство познания и коммуникации, мозговые механизмы познания, эмоций и сложных форм поведения. В конференции участвовали психологи, лингвисты, нейрофизиологи, специалисты по искусственному интеллекту, нейронформатике и компьютерной науке, философы, антропологи и другие ученые, интересующиеся междисциплинарными вопросами в области когнитивных исследований. Не случайно, что конференция проводилась именно в

Казани: Казанский университет – один из старейших в России (в ноябре 2004 г. отмечалось двухсотлетие со дня основания университета). Кроме того, этот университет имеет давние традиции междисциплинарных и новаторских научных исследований: достаточно вспомнить неувклидову геометрию Н.И. Лобачевского, первую в России лабораторию экспериментальной психологии В.М. Бехтерева, казанскую лингвистическую школу И.А. Бодуэна де Куртенэ. Наконец, Казань – это родной город А.Р. Лурия. Председателем Программного комитета конференции был доктор психологических наук, проф. Б.М. Величковский (Дрезденский университет и Федеральный центр патологии речи и нейрореабилитации, Москва); заместители председателя – доктор филологических наук А.А. Кибрик (Институт языкознания РАН и МГУ, Москва) и доктор биологических и филологических наук, проф. Т.В. Черниговская (СПбГУ, Санкт-Петербург). Председателем Оргкомитета конференции был доктор физико-математических наук, проф. В.Д. Соловьев (КГУ, Казань); заместитель председателя – доктор психологических наук А.Н. Гусев (МГУ, Москва). Для участия в конференции были приглашены крупнейшие российские и зарубежные специалисты различных направлений, составляющих когнитивную науку: это К.В. Анохин (НИИ нормальной физиологии РАН, Москва, нейробиология), С.В. Кодзасов (МГУ, Москва, лингвистика), М. Познер (Университет Орегона, Юджин, нейропсихология), Х. Риттер (Университет Билефельда, нейроинформатика и роботика), М. Томаселло (Ин-т эволюционной антропологии им. М. Планка, Лейпциг, психология, антропология), У. Чейф (Университет Калифорнии в Санта-Барбаре, лингвистика). Среди организаций, поддерживающих проведение конференции, были Казанский государственный университет, Академия наук Республики Татарстан, Институт языкознания Российской Академии наук, Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет СПбГУ, Московский городской психолого-педагогический университет, Институт психологии Российской Академии образования, Федеральный центр патологии речи и нейрореабилитации, Общество когнитивной науки, Международная ассоциация когнитивной лингвистики, Славистическая ассоциация когнитивной лингвистики, Российская ассоциация искусственного интеллекта, Российское психологическое общество, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов.

Конференция состояла из пленарных и секционных заседаний; кроме того, каждый день имело место одно вечернее заседание. Пленар-

ные заседания состояли из лекций, на каждую из которых выделялся один час; такой же была длительность лекций на вечерних заседаниях. На пленарных и вечерних заседаниях с лекциями выступали крупные ученые, специально приглашенные организаторами для участия в конференции. Кроме того, некоторые из приглашенных участников выступали с докладами и на секционных заседаниях (длительность одного секционного доклада – 30 минут).

Вводная лекция. Конференция была открыта вводной лекцией профессора Б.М. Величковского (Москва) на тему “Когнитивная наука вчера, сегодня, завтра”. Будучи крупнейшим специалистом в области когнитивной науки, в своем выступлении он попытался дать обзор основных тенденций и стадий развития когнитивных исследований в течение последних десятилетий. Эта задачу нельзя назвать простой по той причине, что когнитивная наука предполагает, в первую очередь, междисциплинарность и использование самых разнообразных методов исследования, а значит обобщить что-либо в этой области достаточно проблематично, однако докладчик блестяще справился с поставленной задачей.

В развитии когнитивной науки Величковский выделил две парадигмы. Первая из них связана с компьютерной метафорой, предполагающей “жесткое разделение ментального софтвера и физиологического хардвера”. К этой парадигме докладчик среди прочих теорий отнес и “картезианскую лингвистику” Хомского. Вторую же парадигму можно назвать нейрокогнитивной. По мнению Величковского, поддержанная новыми физическими методами нейровизуализации, эта парадигма доминирует сегодня в исследованиях познания. Своими корнями она восходит к исследованиям А.Р. Лурия.

Основной упор в своем докладе Величковский все же делал не столько на философских основаниях для этой междисциплинарной области исследования, сколько на перспективах ее использования для решения прикладных проблем. В докладе широко обсуждались проблемы, связанные с созданием разнообразных “когнитивных технических систем”. Под такими системами Величковский понимает любые системы, учитывающие знания, намерения и функциональные состояния пользователя. Докладчиком была приведена масса примеров воплощенных в жизнь и реально работающих систем, в основе работы которых лежат, прежде всего, когнитивные исследования и обобщения. В создании большинства из приведенных в качестве примеров систем докладчик лично принимал участие, а над многими и сейчас продолжает работать. Одна из таких систем, к примеру, помогает водителю автомобиля сле-

дить за дорожной обстановкой и своевременно на нее реагировать. При этом "когнитивность" системы заключается в том, что она приходит в активное состояние (в котором она фактически может сама управлять автомобилем) только тогда, когда глаза водителя не направлены на опасные объекты на дороге. Это обеспечивается микрокамерой, направленной на зрачки водителя и анализирующей направление его взгляда. При этом такая камера далеко не единственный датчик, оценивающий состояние и реакции водителя.

Этот пример конкретной прикладной системы напрямую связан с исследованиями в области внимания, которые также были подробно описаны в докладе. По результатам одного из таких исследований, в каждый момент времени в фокусе внимания человека, читающего печатный текст, находится очень маленький фрагмент, соответствующий по объему даже не одному слову, а только части слова. Остальная информация (текст), имеющаяся "вокруг" этого фрагмента, распределена по так называемым зонам внимания, каждая из которых характеризуется разной степенью доступности для читателя. Выясняется, что при чтении человек даже не различает цвет крайних частей текста, находящихся в отдаленных от фокуса зонах внимания.

Благодаря широте взгляда Величковского на современную когнитивную науку, его доклад помог "сплотить" и объединить в достаточной степени разнородную аудиторию конференции. Именно после вводной лекции у участников конференции могло сложиться впечатление, что они действительно работают в очень близких областях и даже в какой-то степени делают общее дело. Следует иметь в виду, что до этой лекции такое впечатление у многих могло отсутствовать.

Лекции приглашенных докладчиков. Каждая приглашенная лекция имела собственное посвящение. Так, например, лекция Х. Риттера (Билефельд) была посвящена Н.И. Лобачевскому, и это не случайно, так как автор в своей работе оперировал с понятием пространства. Тема данной лекции звучала следующим образом: "Гиперболические самоорганизующиеся карты: сравнение структур данных с вниманием человека". Как утверждалось в докладе, человеческое внимание может соотносить предметы из реального мира с объектами из "концептуальных окрестностей", что значительно усложняет понятие ментального пространства по сравнению с привычным для нас евклидовым пространством. Автор рассказал о так называемых гиперболических самоорганизующихся картах, в которых проблема таких соотношений решена с помощью введения спе-

циальных функций от расстояния, которые (с уменьшением расстояния) экспоненциально увеличивают важность "концептуальных окрестностей". При этом описанная модель применяется к текстам, и в результате ее работы текстам сопоставляются их гиперболические карты, которые, по словам автора, являются точными, хорошо структурированными и удобными для визуализации представлениями текстовых документов.

Лекция (посвящ. А.Р. Лурия) классика когнитивной психологии и нейронауки М.И. Познера (в соавторстве с М.К. Ротбарта) (Юджин) "Развитие нейронной сети, связанной с вниманием и саморегуляцией" была посвящена обзору новейших исследований в области нейронных сетей, которые стали возможны благодаря вычислению генома человека и прогрессу в области нейровизуализации. Эти достижения, по словам авторов, заставили по-новому оценить значение "сетей внимания" для поведения человека. М.И. Познер надеется, что эти новые методы, а также попытка авторов объединить их окажутся полезными для когнитивных исследований во всех областях.

Лекция (посвящ. В.М. Бехтереву) К.В. Антона (Москва) «Ген языка» и "корсаковская мьшь": что мы можем узнать о когнитивных функциях от трансгенных животных?» была посвящена проблемам, лежащим на границе между психологией и биологией (молекулярной генетикой). В лекции обсуждались вопросы связи между генами и когнитивными функциями человека и животных, и было приведено два конкретных примера.

В первом речь шла о гене FoxP2. Было доказано, что мутация этого гена вызывает нарушение развития речи у детей, что и послужило основанием для некоторых авторов окрестить его "геном грамматики" или "геном языка". Однако, как указал докладчик, целый ряд факторов противоречит мнению о прямой связи между функционированием этого гена и развитием языковых способностей человека. Во-первых, было показано, что этот ген участвует в развитии структур мозга не только у людей, но и у приматов, и даже у крыс и мышей. Кроме того, и у человека действие этого гена было выявлено не только в "языковых областях" мозга, но и в областях, не связанных с языковыми способностями.

Другой ген, свойства которого описывались докладчиком, был ген FoxB1. Мутация этого гена у мышей приводит к повреждению тех же структур мозга, что и у человека при синдроме Корсакова, который характеризуется глубокими нарушениями памяти. Автор описал проведенные им эксперименты, которые показали, что и у мышей, в которых ген FoxB2 "не рабо-

тает”, наблюдается выраженная амнезия, которая затрагивает отдельные формы памяти. Однако и в этом случае нельзя говорить о прямом и одно-однозначном соотношении между функционированием этого гена и специфическими когнитивными функциями, так как животные с мутацией этого гена имеют и другие расстройства поведения, помимо нарушений памяти.

В конце выступления автор сделал вывод о необходимости замены теории, предполагающей существование одно-однозначной связи между отдельными генами и отдельными когнитивными функциями, новой, более адекватно отражающей всю сложность функционирования генов в развитии многофункциональных структур мозга.

С.В. Кодзасов (Москва) выступил с лекцией (посвящ. М.М. Бахтину) на тему “Логико-коммуникативные функции интонации”, в которой он рассказал о своих исследованиях семантики различных интонационных средств, а именно их роли в маркировании различных логико-коммуникативных категорий. При этом, говоря об ограниченности объекта традиционных исследований интонации, где во главу угла ставились функции тональных акцентов (восходящий, нисходящий), С.В. Кодзасов указал на важную роль, которую играют иные просодические средства: громкостные акценты, тембровые изменения, удлинение/сокращение акцентированных гласных и др.

Автор проиллюстрировал функции, которые могут выполнять эти средства, конкретными примерами из русского языка. Так, докладчик показал, что новая информация маркируется громкостным акцентом, при этом, если блок новой информации содержит более одного слова, существует две стратегии акцентирования. Либо акцент падает на одно слово из группы, либо акцентируются все полнозначные слова. Выбор конкретной стратегии определяется степенью “клишированности”, стандартности для определенного момента той ситуации, которая представлена блоком новой информации.

Другое средство, выполняющие логико-коммуникативные функции в русском языке, — это размещение тонального акцента внутри слога. Например, при положительном ответе нисходящий тон помещается на гласный, если ответ зависел от воли говорящего, на согласный — если выбор положительного ответа вынужден ситуацией. Если же выбор ответа вообще не зависит от говорящего, тон распределяется на оба компонента слога. Кроме того, размещение тона внутри слога играет роль при перечислениях, маркируя открытость перечисляемого списка или же полное покрытие множества.

Многие просодические средства играют роль в маркировании уровня информационной важности высказываний. Докладчик ввел понятие “фокализации” (мобилизации внимания говорящего), которая происходит в случае, когда высказывание содержит какую-либо неожиданную для локуторов информацию. Так, для фокализации компонентов дискурса, указывающих на объекты дейктического окружения, используется просодическое средство повышения общей громкости соответствующего компонента. Контрастная же фокализация маркируется тембровым изменением ударного гласного, которое производится за счет жеста импульсного понижения гортани.

Наоборот, низкий информационный уровень, который имеют тривиальные для собеседников высказывания, а также высказывания, важность которых снижается говорящим, обозначается особым типом редукции гласных соответствующего компонента дискурса. Наконец, еще один пример функционирования просодических средств в русском языке — это пространственная символика количественной просодии. Удлинение акцентированной гласной указывает на пространственную протяженность или удаленность, а сокращение — наоборот, на пространственную близость или краткость.

Свою лекцию (посвящ. И.А. Бодуэну де Куртене) “Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в изучении разума” крупный американский лингвист У. Чейф (Санта-Барбара) начал с утверждения неразрывной связи и взаимовлияния языка и мышления. Затем докладчик перешел к исторической справке и рассказал о развитии психологии в период с девятнадцатого века по сегодняшний день и о том, как формировалась методология этой науки. Кроме того, Чейф описал развитие лингвистики за тот же период, которое во второй половине двадцатого века привело к раздробленности этой науки на множество школ, исповедующих различные подходы и методологии. При этом докладчик указал на потенциальные преимущества, которые могут быть извлечены из взаимодействия различных подходов.

Далее автор обратился к проблеме исследования человеческого мышления, указывая на эффективность различных подходов: эксперимента, наблюдения и интроспекции. Автор предложил гипотезу, согласно которой человеческое мышление включает три основных компонента: “внутренний язык”, образное мышление и переживание эмоций. В первую очередь, по мнению автора, это подтверждается данными интроспекции, однако на важную роль, которую все эти три компонента играют в человеческом мышлении, указывают мно-

гие данные, полученные в рамках лингвистики и психологии как в результате эксперимента, так и в процессе наблюдения. Затем, обратившись к феномену языка, автор показал, как в результате действия множества различных когнитивных процессов мысли преобразуются в семантические структуры. Синтаксические же структуры, по мнению автора, – это семантические структуры, “деформированные” в процессе развития языка. В этой связи автор доклада продемонстрировал важность двух диахронических процессов в языке: лексикализации и грамматикализации. Таким образом, с точки зрения Чейфа, синтаксис не следует рассматривать как нечто абсолютно обособленное. Синтаксис определяется семантикой и диахроническими процессами, протекающими в языке. В своем выступлении автор коснулся также явлений, связанных с временной природой языка и мышления, а также проблемы выделения различных состояний человеческого сознания.

Доклады приглашенных участников. Свой доклад на тему “Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры” А.Е. К и б р и к (Москва), один из ведущих представителей функционального и когнитивного подхода к языку в отечественной лингвистике, начал с обсуждения проблем соотношения языка и мышления и говорил о неразрывности этих явлений. По мнению докладчика, язык следует рассматривать как инструмент, обслуживающий когнитивную деятельность человека. Затем А.Е. Кибрик обратился к рассмотрению методов современной когнитивной лингвистики, основывающейся на постулате о когнитивной мотивированности языковых форм и стремящейся на основании внешних фактов языка реконструировать стоящие за ними когнитивные структуры. Это соотношение языковых и когнитивных структур не является, разумеется, тривиальным изоморфизмом, однако не является оно и совокупностью случайных соотношений. За ним стоит определенная “семиотическая логика”. Когнитивная лингвистика знает два основных метода обнаружения этой логики: внутриязыковая реконструкция, основанная на изучении отношений между формами одного языка, и типологическая реконструкция, основанная на сравнении сопоставимых фактов многих языков.

Далее докладчик перешел к иллюстрации методов лингвистической реконструкции когнитивной структуры. В качестве примеров были приведены факты двух неродственных языков: цахурского и бенгальского. В цахурском языке аспектуальные свойства глаголов могут выражаться редупликацией глагольного корня. При этом, однако, для одних глаголов про-

стой корень обозначает совершенный вид, а редуплицированный – несовершенный. Для других же глаголов это соотношение обратно. А.Е. Кибрик объясняет эту странную на первый взгляд ситуацию совмещения в одном языковом средстве (в данном случае редупликации) противоположных значений важным когнитивным обобщением: человек стремится маркировать “ненормальное положение дел в мире” в противоположность “нормальному”, которое обозначается наиболее экономным средством. Таким образом, в цахурском языке редупликация указывает на маркированное для данной глагольной лексемы значение параметра вида, при этом для одних маркированным является совершенный вид, а для других – несовершенный.

Другим примером проявления этой закономерности в языке является падежная система некоторых индийских языков. Докладчик привел ряд предложений из бенгальского языка, в котором субъекты и объекты при переходном глаголе могут маркироваться одним из трех падежей: номинативом, объективом и локативом. При этом, как показал Кибрик, выбор конкретного падежа зависит от того, является ли функция субъекта или объекта для данного участника ситуации “когнитивно маркированной”. Так, функция субъекта когнитивно не маркирована для одушевленных участников, в то время как функция объекта – для неодушевленных. Таким образом, было продемонстрировано, как особенности грамматической системы естественных языков отражают особенности когнитивной деятельности человека.

Доклад Т.В. Черниговской (Санкт-Петербург) “Язык, сознание, мозг: зеркальные отражения?” был посвящен вопросу об отделимости языковой способности человека от остальных когнитивных функций и возможности отражения структуры мозга в структуре языка. Черниговская приводила различные примеры подходов, по-разному связывающих языковую способность человека с устройством человеческого мозга. Также приводились примеры экспериментальных исследований, посвященных изучению языковой способности, которые, по мнению докладчика, не всегда учитывают все факторы, влияние которых на результат очевидно. Черниговская приходит к выводу о необходимости преодоления пропасти между традиционными антропологическими науками и философией, с одной стороны, и современными технически точными фактами нейронаук, с другой. По ее мнению, это преодоление является необходимым условием какого-либо процесса в данной области.

Сходная тематика была затронута в докладе О.П. Кузнецова (Москва) (доклад напи-

сан в соавторстве с А.В. Марковским) “Голографические подходы к обработке различной информации: нейросетевые и цифровые модели”. В нем авторы также задают вопросы моделирования умственной деятельности человека. Информационные процессы, происходящие в человеческом мозге, сравниваются ими с аналогичными процессами в компьютере. В докладе предложены две модели, основанные на так называемой “голографической гипотезе”, объясняющей механизмы работы мозга с образами.

Доклад О.В. Митиной (Москва) “Математические методы в психосемантике” также близок по тематике вышеупомянутым, так как он посвящен формализации картины мира и различных аспектов сознания или менталитета как отдельной личности, так и общества в целом. Митина перечисляет несколько конкретных математических методов описания разных областей психосемантики, говорит об их достоинствах и недостатках, а также рассуждает о тенденциях развития математического аппарата, применяемого в этой области. В заключении доклада автор замечает, что, в отличие от естественных наук, математическое моделирование в гуманитарной области не достаточно развито для того, чтобы предсказывать поведение такой сложной системы, как человеческое общество. Причину этого Митина видит в том, что в этой системе слишком велико количество “степеней свободы”, и к тому же ее элементы обладают такой не формализуемой способностью, как “свобода воли”.

С докладом на тему “Полиметодические нейрофизиологические исследования когнитивных процессов человека” выступил С.В. Медведев (Санкт-Петербург) в соавторстве с Н.П. Бехтеревой. Доклад был посвящен психофизиологии творчества, которая, по мнению авторов, еще только зарождается как отдельное направление когнитивных исследований.

Пленарная секция. В этой секции Е.В. Рахилиной (Москва) был прочитан доклад на тему “Категориальная структура и грамматика конструкций: контейнеры”. Он был посвящен исследованию структуры одной из “топологических категорий”, а именно категории “контейнеров”. Точнее, автор ставит под вопрос существование единой структуры у данной категории, такой, что ее представители одинаково вели бы себя в различных языковых условиях.

Автор отталкивается от исследований, выполненных в рамках когнитивной семантики. В этих работах преобладает мнение, что понятийная категория такого типа, как категория “контейнеров”, должна обладать структурой, состоящей из центра, куда попадают прототи-

пические представители категории, и периферии, которая охватывает непрототипических представителей. Именно нахождение в центре категории или на периферии определяет лингвистическое поведение того или иного представителя категории. Однако на примере категории “контейнеров” докладчик показала, что ситуация может быть и иной. Так, оказывается, что допустимость того или иного слова со значением контейнера в определенных языковых контекстах определяется не структурой понятийной категории, а собственной семантикой той или иной языковой конструкции.

Такая ситуация хорошо вписывается в теорию Грамматики конструкций, разрабатываемой рядом лингвистов, в том числе Ч. Филлмором и А. Голдбергом.

И.В. Ближниковой (Москва) был прочитан доклад на тему “Когнитивные карты в деятельности человека”. В нем были проанализированы результаты многолетних исследований “когнитивных карт” – ментальных представлений человека о пространственной организации окружающей среды. Автора особо интересовали ошибки и искажения в полученных в ходе эксперимента когнитивных картах. Описав несколько экспериментов, в которых испытуемым предлагалось, например, оценить расстояние между знакомыми ему зданиями, а также отвечать на многие другие вопросы исследователя, автор изложил выводы, которые заключались в том, что когнитивные карты отражают не только параметры пространства, но и характеристики деятельности, в рамках которой они формируются, а также отношение человека к этому пространству.

Близкую тематику затронул доклад, прочитанный Ю.И. Александровым (Москва), на тему “Единая концепция сознания и эмоций: экспериментальная и теоретическая разработка”. В нем также шла речь о тех представлениях об окружающем мире, которые могут складываться у человека. Однако здесь автор обращался не к представлениям о пространстве, а к представлениям о поведении человека, к сознанию и эмоциям. В ходе доклада автор выдвинул концепцию, которая помогает по-новому посмотреть на сознание и эмоции и лучше понять, как они соотносятся.

Работа, положенная в основу доклада Е.В. Бобровой (в соавторстве с А.Г. Бобровым; Санкт-Петербург) на тему “Нейрофизиологические механизмы целенаправленных движений и труды В.Я. Проппа”, появилась, как утверждает автор, вследствие “недоумения нейрофизиолога”: почему существует некая устойчивая структура сюжета волшебной сказки, о которой писал В.Я. Пропп, и не лежат ли в ее основе какие-либо морфо-функциональ-

ные свойства мозга человека. Авторами была выдвинута возможность наличия аналогии между движением от реального мира к волшебному, описываемым в сказках, и основным поведенческим актом, присущим любому живому существу, – актом двигательного достижения цели. Авторы считают, что, порождая и рассказывая сказки, человек лишь вновь и вновь облекает в слова наиболее древний, глубинный архетип.

“Адаптивное поведение” – направление исследований, о котором шла речь в докладе В.Г. Р е д ь к о (Москва) “Модели адаптивного поведения – задел исследований когнитивной эволюции”. Это направление имеет своей целью исследование принципов функционирования, позволяющих аниматам (модельным организмам) приспосабливаться к переменной внешней среде. В ходе доклада автор представил оригинальные компьютерные модели, призванные моделировать эволюционное происхождение целенаправленного адаптивного поведения.

М.А. Х о л о д н о й (Москва) был прочитан доклад “Когнитивные и метакогнитивные предпосылки интеллектуальной компетентности” (в соавторстве с И.С. К о с т р и к и н о й). Авторы в своей работе затрагивают проблему интеллектуальной компетентности человека, под которой они понимают интеллектуальные ресурсы человека, обеспечивающие высокий уровень достижений в условиях его реальной жизнедеятельности. Исследования авторов показали, что можно говорить о существовании определенного симптомокомплекса нелинейно связанных интеллектуальных свойств, которые благоприятствуют реальным интеллектуальным достижениям. Среди таких свойств можно выделить: высокий уровень развития понятийных и числовых способностей, а также сформированность мобильного, рефлексивно-гибкого стилей переработки информации.

“Синаптическая пластичность как основа когнитивной функции нервной системы” – так звучит тема доклада А.Л. З е ф и р о в а (Казань), в котором автор подробно описывает процессы так называемой синаптической активности, происходящие в нервной системе. По мнению автора, именно эти процессы лежат в основе когнитивных функций нервной системы – обучения и памяти.

Е.В. М н а ц а к а н я н (Россия) в своем докладе “Опознавание и сравнение объектов: анализ источников вызванной зрительной активности мозга человека” (доклад написан в соавторстве с И.-М. Т а р к к а) рассказала об экспериментах, в которых исследовались процессы опознавания и сравнения, при этом в качестве стимулов использовались как абстракт-

ные объекты, так и человеческие лица (знакомые испытуемым).

Секция “Сознание и обработка информации”. В этой секции, как и в других тематических секциях, были подобраны доклады с близкими темами, что по достоинству оценено аудиторией, которая из нескольких докладов могла составить для себя единую и достаточно широкую картину того, что происходит сегодня в данной области когнитивных исследований.

Сразу несколько докладов было посвящено процессам запоминания и обучения. Так, например, доклад В.М. А л л а х в е р д о в а (Санкт-Петербург) “Роль сознания в процессах заучивания и научения” был посвящен следующей проблематике. По мнению автора, в памяти человека хранится гораздо больше информации, чем он способен воспроизвести. В чем в таком случае состоит деятельность по сознательному заучиванию уже хранимой в памяти информации, спрашивает автор. Гипотеза Аллахвердова, призванная ответить на этот вопрос, состоит в том, что человеческий организм идеально приспособлен для познания, однако сознание не отражает, а – на основе накопленной организмом информации и в соответствии с некоторыми законами – конструирует гипотезы об окружающем мире, проверяя свои построения на опыте. Именно в этом, по мнению автора, состоит процесс обучения.

Несколько другие подходы к процессам обучения и запоминания были продемонстрированы в докладе Т. К ё л е р а (Потсдам) “Усвоение знаний и новые разработки в области технологий коммуникации: вызов классическим теориям обучения”.

Также в этой секции были представлены доклады: Н.П. Б е х т е р е в о й и С.Г. Д а н ь к о (Санкт-Петербург) “Когнитивно-специфические функциональные состояния мозга по данным количественной электроэнцефалографии”; В.Б. Д о р о х о в а (Москва) «Концепция “presence” и нарушения деятельности при засыпании»; А.Е. В о й с к у н с к о г о, О.В. М и т и н о й и А.А. А в е т и с о в о й (Москва) “Опыт потока в ходе опосредствованных Интернетом групповых ролевых игр”.

Секция “Восприятие, внимание и распознавание образов”. А.Н. Г у с е в и И.С. У т о ч к и н (Москва) в своей работе “Парадигма унилатерального предъявления в психофизических задачах: возможности и ограничения ресурсного подхода” исследовали правомерность трактовки внимания как ограниченного количества ресурсов, которые распределяются организмом по разным задачам. Исследователей интересовало, прежде всего, ко всем ли типам предлагаемых испытуемым задач приме-

нима данная метафора, имеющая в психологии богатые традиции. Результаты исследований оказались таковы: ресурсный подход работает при анализе задач, решение которых зависит от активации субъекта, а также при анализе задач умеренной сложности; исследование же процесса решения очень сложных задач требует обращения к иным понятиям и моделям, чем "когнитивные ресурсы".

В других докладах этой секции также обсуждались интересные проблемы, связанные с вниманием и распознаванием образов. Среди этих докладов: Х. Риттер "Искусственное внимание как основа для когнитивных роботов"; Дж. Гросси (Нью-Йорк) "Экспериментально-психологическое и электрофизиологическое исследование семантического прайминга с маскировкой"; М.В. Фаликман и Е.В. Печенкова (Москва) "Стратегическая регуляция решения перцептивной задачи как класс нисходящих влияний на процесс построения перцептивного образа".

Секция "Семантика и категоризация". Доклады этой секции были посвящены различным подходам к семантическому представлению текстов и к когнитивной категоризации. Так, доклад С.А. Жаботинской (Черкассы) "Геометрия смысла: концептуальные модели языка и фрактальные формы" представляет собой попытку ответить на вопрос, как структурирована информационная система мышления, стоящая за языковыми знаками. Автор начинает с того, что рассказывает о современных школах когнитивной лингвистики и об их подходах к понятию фрейма (паттерна). Далее С.А. Жаботинская предлагает пять основных фреймов, выделенных ею с использованием работ, представляющих разные семантические школы. Среди них: предметный фрейм, акциональный фрейм, possessивный фрейм, таксономический фрейм и компаративный фрейм. Автор утверждает, что в ряде случаев базисные фреймы подобны фракталам. Свойство фрактальных форм заключается в том, что их характерные конфигурации, или паттерны, многократно повторяются на нисходящих уровнях так, что части на любом уровне по форме напоминают целое. С.А. Жаботинская делает попытку показать, что свойствами фрактала обладают предметный фрейм, а также комплексный паттерн, состоящий из предметного, таксономического и possessивного фреймов. Репрезентация фреймов в технике фракталов позволяет получать представления в виде геометрических форм, которые призваны объяснить, как структурирована система мышления.

Эта секция включала также следующие доклады: Д. Биттнер (Берлин) "Бинарное ре-

шение в абстрагировании и логический алгоритм грамматической категоризации"; А.А. Кулинич (Москва) "Динамическая модель понятийной системы субъекта и ее применение в процессах принятия решений"; В.Д. Соловьев (Казань) "К когнитивной классификации эмоций"; А.О. Прохоров (Казань) "Семантические пространства психических состояний".

Секция "Развитие и обучение". В этой секции среди прочих был представлен доклад В.В. Казаковской (Санкт-Петербург) "Когнитивное развитие и семантическая типология вопросо-ответных единств: данные речевого онтогенеза (на материале русского языка)". Тематика доклада затрагивала проблему "когнитивного онтогенеза" – анализа путей, по которым интеллектуальные способности и знания о мире изменяются по мере развития ребенка. Эти вопросы давно стали основным объектом изысканий в области психологии речи и когнитивной психологии. В докладе были представлены результаты коррелятивного анализа семантической типологии вопросо-ответных единств "взрослый – ребенок". Автору удалось показать, что основные тенденции в развитии семантической типологии вопросо-ответных единств соотносятся с направлениями развития интеллекта ребенка. Другой интересный результат, полученный в ходе исследования, заключается в том, что автор связывает функционирование модусных вопросов и модусных маркеров в диалогических репликах с развитием "нового поля" интеллекта ребенка раннего возраста ("области внутреннего"), которое характерно ростом инвариантности детских представлений о действительности.

Близким проблемам был посвящен доклад Е.А. Сергиенко, Е.И. Лебедевой, А.С. Герасимовой и О.А. Прусаковой (Москва) "Развитие модели психического у детей дошкольного и младшего школьного возраста". В этой работе авторы тоже анализируют процесс становления у детей различных психических возможностей. А именно, авторы имеют дело с так называемой "моделью психического" ("The Theory of Mind") – способностью, которая дает возможность человеку понимать убеждения, желания, намерения других людей, прогнозировать их поведение. Приводя результаты экспериментов, авторы показали, что принципиальное изменение ментальных представлений о психическом происходит в возрасте 6–7 лет. Особое внимание исследователи уделили становлению в детской психике такого важного элемента психического, как обман. Результаты показали, что понимание обмана начинается в возрасте 5 лет, и только в возрасте 11 лет можно говорить о дифферен-

цированном, успешно обнаруживаемом обмане. Авторами также были выделены различные виды обмана, понимание которых закрепляется у детей в разном возрасте. Если младшие дети называют обманом любой вид неверного информирования (альтруистический, эгоистический, ненамеренный, невербализованный), то с возрастом зона обмана сужается, и к концу периода становления обмана у детей появляются адекватные стратегии обнаружения обмана в области намерений.

Также в этой секции были заслушаны доклады М.М. Б е з р у к и х (Москва) "К вопросу о функциональной асимметрии мозга и использовании данных нейробиологии в педагогике"; Р.И. М а ч и н с к о й, О.А. С е м е н о в о й и Е.В. К р у п с к о й (Москва) "Мозговая организация произвольной регуляции деятельности и избирательного внимания у детей с трудностями обучения"; В.А. М а л ю ш е н к о в о й (Санкт-Петербург) "Морфологические процедуры у изучающих иностранный язык: экспериментальные данные".

Секция "Представление знаний и память". Эта секция была посвящена одной из основных проблем современной когнитивной науки – представлению знаний. Выступление М.Б. Б е р г е л ь с о н (Москва) на тему "Моделирование культурно обусловленной коммуникативной компетентности с помощью когнитивных категорий: анализ повседневных рассказов и представление знаний" касалось эксперимента, в котором собирались и анализировались устные рассказы на тему "Опасный случай в моей жизни" (рассказы не были спонтанны, а были получены путем интервьюирования). Среди результатов, полученных автором, можно выделить следующие: наиболее частые стратегии рассказчиков связаны с подчеркиванием идеи случайности и внезапности наступления ситуации, а также ее благополучного исхода, с отстраненностью сознания и рефлексизирующим выходом из мира нарратива в кульминационный момент. Автор также отмечает, что устанавливаются соответствия между изменениями темпа речи, повторами, лексическими и интонационными изменениями, с одной стороны, и отдельными частями культурной схемы и нарративной схемы рассказа – с другой.

Несколько иные проблемы обсуждались в докладе А.К. К р ы л о в а (Москва) "Неадекватность представления знаний как рефлексов в когнитивной модели мобильного робота", который представлял собой попытку соединить в одной модели интеллектуальный алгоритм, основанный на нейрональных данных, с моделью мотивационной сферы. Таким образом, автором была сделана попытка проведе-

ния исследований на стыке теории нейронных сетей, когнитивной науки и искусственного интеллекта, инженерии мобильных роботов и психологии.

Также в этой секции был заслушан доклад В.В. Н у р к о в о й и О.В. М и т и н о й (Москва) на тему «Действительно ли мы помним о юности больше, чем о других периодах жизни? К вопросу об универсальности эффекта "пика" в автобиографической памяти».

Секция "Мышление и интеллект". Работа головного мозга и каждого из его полушарий по отдельности – проблема, давно ставшая одной из важных направлений развития современной нейробиологии и ряда смежных с ней дисциплин. Именно эту проблематику затрагивал доклад Т.А. Г а в р и л о в о й, Т.В. Ч е р н и г о в с к о й и А.В. В о и н о в а (Санкт-Петербург) на тему "Некоторые аспекты исследования индивидуальных когнитивных профилей". Авторы провели обширное исследование, в котором изучались сенсорно-моторные доминантности испытуемых (какое из полушарий испытуемого отвечает за сенсорно-моторную активность каждого из органов), а также их когнитивные стили (к какому стилю мышления близок испытуемый – к левостороннему или правостороннему). Задачей авторов был анализ соотношения полушарий испытуемого, участвующих в сенсорно-моторной активности разных органов, и полушария, отвечающего за когнитивный стиль. Результаты показали, что испытуемых можно разбить на несколько групп, в которых наблюдаются разные соотношения полушарий. Главный же вывод, который сделали исследователи, следующий: среди людей с левополушарными сенсорно-моторными доминантностями больше половины предпочитают преимущественно правополушарный когнитивный стиль. Авторы отмечают, что это еще одно из категориальных делений, свидетельствующих о том, что человечество не гомогенно.

Помимо интеллекта отдельного индивидуума в этой секции обсуждался и так называемый социальный интеллект. Этому понятию был посвящен доклад Д.В. У ш а к о в а (Москва) на тему "Является ли социальный интеллект интеллектом?", в котором автор утверждал, что давно сложившееся в психологии понятие социального интеллекта ускользает, однако, от интерпретации в рамках общей теории интеллекта. Задачей автора было интегрировать это понятие в общую теорию, для чего ему пришлось внести в нее некоторые коррективы. Помимо других интересных обобщений, автор привел следующее: средовые условия формирования социального интеллекта во многом обусловлены коммуникативными осо-

бенностями людей. Именно эта характеристика социального интеллекта является причиной его невысоких корреляций с другими видами интеллекта.

Проблемам мышления и интеллекта были также посвящены доклады: Е.Е. Васюковой (Москва) "Вербализованные операциональные смыслы в структуре принятия решения в сложных ситуациях"; С.В. Щербакова (Уфа) "Нормативные языковые игры и интеллект"; В.Д. Менделевича (Казань) "Прогностические способности человека и риск развития психической патологии".

Секция "Функционирование языка". В этой секции подробно обсуждались проблемы, связанные с функционированием языка в привязке к другим психофизическим процессам и видам деятельности человека. В докладе А.А. Залевской (Тверь) "Интегративный подход к языку как средству познания и общения" была поставлена проблема, заключающаяся в том, что ученые разных областей давно признали, что язык необходимо трактовать как одну из составляющих сложного ансамбля психических процессов, включенного в социальное взаимодействие индивида, однако инструменты для такой трактовки до сих пор не найдены – до сих пор не разработана методология нового – интегративного – подхода к языку. Автор отмечает, что отсутствие такого инструментария проявляется, например, в неопределенности и расплывчатости терминологии, используемой в публикациях, так или иначе связанных с когнитивными исследованиями. К тому же, как отмечает автор, необходимо определить набор определенных исследовательских процедур и их сочетаний, которые позволили бы описывать не поддающиеся прямому наблюдению процессы. Автор видит выход из сложившейся ситуации в постоянном соотношении формулируемых гипотез и постулатов с новейшими данными относительно взаимосвязи и взаимодействия реальных структур, механизмов, процессов и продуктов функционирования индивида, включенного в социально-культурные и межкультурные взаимоотношения.

Интересной и популярной в последнее время тематике был посвящен доклад А.А. Котова (Великобритания) "Механизмы речевого воздействия и перспективы их описания в когнитивной модели". Автор сделал попытку формального и претендующего на лингвистическую точность описания механизмов речевого воздействия, использующихся в современном дискурсе СМИ. Одно из нетривиальных наблюдений автора состояло в том, что он выделил среди прочих следующее средство воздействия: использование омонимии (далекой

полисемии) с целью заставить адресата отождествить два смысла (выраженных омонимично). Это средство автор проиллюстрировал примером из передачи С. Доренко: *Каждый человек за каждый кусок хлеба заплатит за репутацию Чубайса как блестящего экономиста*. В данном примере использование омонимии лексемы *заплатит* заставляет адресата отождествить два смысла: 'мы платим за хлеб' и 'мы страдаем из-за/ради Чубайса'. Воздействие на адресата заключается в том, что, будучи выражены одновременно и даже в составе одной лексемы, эти два смысла связываются, и адресат отождествляет их. Интересен при этом тот факт, что приведенное предложение, вообще говоря, не грамматично, так как у лексемы *заплатить* валентность за что заполнена дважды, однако это не мешает автору (предложению) пользоваться этим средством воздействия, и, более того, результат этого воздействия, по-видимому, вполне удовлетворителен (для автора предложения).

Также очень интересную проблематику затрагивал доклад на тему "Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего", авторами которого были: А.А. Кибрик, В.И. Подлеская, Ю.В. Дараган, З.В. Ефимова, Н.А. Коротаев, А.О. Литвиненко, В.Л. Цуканова (Москва). Данный доклад был посвящен проблемам исследования устной речи, а именно проблемам транскрипции устного дискурса. При этом одним из основных вопросов, встающих перед исследователем устной речи, признается вопрос сегментации, разбиения потока речи на отдельные единицы, которые авторы называют элементарными дискурсивными единицами. Это понятие восходит к работам известного американского лингвиста У. Чейфа, присутствовавшего, кстати, на докладе, который предложил гипотезу, согласно которой дискурс разбивается на кванты. При этом каждый квант дискурса содержит тот объем информации, который в данный момент находится в "фокусе сознания" говорящего. Чаще всего разбиение на элементарные дискурсивные единицы совпадает с разбиением на предикации, однако существует целый ряд случаев, когда элементарная дискурсивная единица оказывается больше или меньше предикации. Классификация и когнитивному объяснению таких случаев и была посвящена основная часть доклада.

Доклад был основан на исследовании корпуса устных детских рассказов о сновидениях, и каждый случай несовпадения элементарных дискурсивных единиц с предикацией был подробно проиллюстрирован примерами. Авторы выделяют пять типовых случаев, когда эле-

ментарная дискурсивная единица оказывается по объему меньше предикации. Во-первых, это конструкции с вынесенным топиком, который является отдельной элементарной дискурсивной единицей. Авторы объясняют возникновение подобных конструкций желанием говорящего одновременно активизировать и предикацию, и некоторый новый референт, который и выносится "влево", в то время как в самой предикации его место занимает местоимение. Во-вторых, существуют случаи, когда говорящий, наоборот, откладывает вербализацию какой-либо составляющей предикации, произнося ее позднее в виде отдельной элементарной дискурсивной единицы. Для этого явления авторы предложили два возможных когнитивных объяснения: либо новой информации просто слишком много для одной элементарной дискурсивной единицы, либо, оформляя предикацию в элементарную дискурсивную единицу, говорящий "забывает" о каком-либо компоненте этой предикации, и ему приходится вербализовать этот компонент отдельно а posteriori.

Третий случай – это разрыв элементарной дискурсивной единицы, который возникает, когда говорящий, желая уточнить один из начальных компонентов элементарной дискурсивной единицы, вынужден разорвать ее на две, а внутрь вставить еще одну дискурсивную единицу, несущую эту уточняющую информацию. Четвертому случаю авторы дали название "сильный фальстарт". Он возникает, когда говорящий, начав вербализацию элементарной дискурсивной единицы, отказывается от ее завершения. По мнению авторов, сильный фальстарт может возникать при двух обстоятельствах: вербализуя элементарную дискурсивную единицу, говорящий решает, что она неуместна в данной точке дискурса ("ошибка планирования"), или же в процессе вербализации говорящий осознают неадекватность самого пропозиционального содержания дискурсивной единицы. Так или иначе, это приводит к полному отказу от вербализации данной единицы. И наконец, последний случай, при котором элементарная дискурсивная единица может по объему уступать предикации, – это случай так называемых "регуляторных" элементарных дискурсивных единиц, то есть таких, которые состоят целиком из дискурсивных маркеров.

Рассмотрев эти пять случаев и предложив для них когнитивное обоснование, авторы перешли к ситуациям, при которых элементарные дискурсивные единицы могут, наоборот, превосходить по объему одну предикацию. Такое явление характерно в первую очередь для конструкций с предикатами, которые авторы называют "когнитивно ослабленными" и кото-

рые маркируют модальные, фазовые и пр. характеристики синтаксически зависимой от них предикации.

Другой подобный случай, рассмотренный авторами, был случай так называемого "слабого фальстарта", при котором, в отличие от сильного фальстарта, говорящий не отказывается от вербализации всей элементарной дискурсивной единицы целиком, а лишь от вербализации какой-то ее части. Иногда это приводит к возникновению в рамках одной дискурсивной единицы нескольких предикатов.

Итак, в данном докладе авторы попытались продемонстрировать, как, опираясь на транскрипцию устной речи, возможно исследовать когнитивные процессы, протекающие в сознании говорящего в момент вербализации. Таким образом, было показано, что исследование устного дискурса – это еще один потенциальный вклад, который может внести лингвистика в общую область исследования когнитивных процессов.

В докладе А.В. Мячикова (Юджин) "Синтаксис как фактор переключения внимания" излагались результаты эксперимента, в рамках которого исследовалось соотношение фокуса внимания и определенных синтаксических структур; в эксперименте автора участвовали носители русского языка, а полученные данные сравнивались с данными, полученными при участии носителей английского языка. Исходная гипотеза состояла в том, что порядок слов (SVO vs. OVS) будет меняться в зависимости от переключения фокуса внимания, так как известно, что в русском языке порядок слов служит для противопоставления элементов высказывания, разных по коммуникативной значимости. Автором был получен интересный вывод: в русском языке определенная синтаксическая структура (SVO, активный залог) доминировала независимо от изменений коммуникативной значимости участников описываемой ситуации, но время от времени у носителей возникал конфликт между навязываемой языком структурой и ходом когнитивных процессов при подготовке и производстве высказывания. Этот вывод очень важен и интересен для выявления и объяснения соответствий между языковыми и когнитивными структурами.

В этой секции был также заслушан доклад Т.В. Ахутиной (Москва) "Л.С. Выготский и А.Р. Лурия как когнитивные психологи: проблема внутренней речи вчера и сегодня".

Секция "Культура и концептуальные структуры". В этой секции выступил И.В. Утехин (Санкт-Петербург) с докладом на тему "Детский анекдот – структура и функционирование". В докладе были приведены результаты

исследования функционирования анекдотов в разных культурных средах, в том числе разных по возрасту рассказчиков и слушателей. Среди многих обобщений, сделанных автором, можно отметить следующее: “детскость” или “взрослость” анекдота определяется не столько тематическим материалом, сколько степенью когнитивной сложности приема, на котором анекдот построен.

Секция “Горизонты когнитивной науки”. В этой секции вниманию аудитории были предложены доклады, чья тематика более отдаленно связана с когнитивной наукой, однако, возможно, сами доклады способствовали изменению такого положения вещей.

Так, например, А.А. К о б л я к о в (Москва) в своем докладе “Смысл музыки как отражение универсального смысла бытия” рассуждал о “понимании” музыки, задаваясь вопросом, в какой ситуации правомерно говорить, что кто-либо понял смысл данной фуги или не понял его. Для приближения к ответу на этот вопрос автором была предложена концепция в духе когнитивного подхода, в соответствии с которой произведение интерпретируется как процесс постановки проблемы и ее решение. Решение проблемы и является смыслом и целью музыкального процесса. К примеру, проблема, поставленная в хорошо известной фуге Баха си-бемоль мажор, заключается в том, что в ней рассогласованы реальная (модальная) и подразумеваемая (тональная) опоры, что приводит к “аномалиям” – нарушениям грамматики фуги. Однако в дальнейшем Бах переходит к аккорду, в котором, по утверждению автора, разрешается заявленное в теме противоречие за счет того, что происходит переход от интервала-двузвучия к аккорду-трехзвучию.

Доклад А.В. К о р о б е й н и к о в а (Ижевск) “Алгоритмы доисторических фортификаций” показал, что использование когнитивных методов или, по крайней мере, понятий когнитивной науки возможно и в исторических исследованиях. Автор утверждает, что предметом его исследования явилась когнитивная составляющая деятельности древнего фортификатора. А.В. Коробейников вводит в научный оборот понятие уровня защиты городища (как функцию от его высоты и площади) и предлагает методику оценки укрепленных поселений по этому показателю, получая при этом несколько отличные от данных других исследователей результаты, которые, впрочем, представляют собой довольно правдоподобными.

Также представляли значительный интерес доклады Д.Н. А х а п к и н а (Санкт-Петербург) “Когнитивный дейксис и проблемы анализа художественного текста”; К.А. Н и к о л ь с к о й (Москва) “Психолингвистический опыт изуче-

ния познавательной деятельности животных: закономерности функционирования памяти”; Г.В. Гореловой и Е.Н. Захаровой (Таганрог, Майкоп) “Когнитивное моделирование региональной социально-экономической системы”.

Стендовая секция. На конференции было также представлено некоторое количество стендовых докладов, посвященных разной тематике и использующих разные методики: от лингвистики до медицины и от психологии до математики. Следует отметить, что стендовый формат докладов, с одной стороны, позволял участникам конференции обратить внимание только на те работы, которые их действительно интересовали, но, с другой стороны, интегрировал все представленные работы в единое информационное пространство, в котором все участники познакомились с гораздо большим количеством работ, чем предполагали, о чем, впрочем, никто не пожалел.

В работе Е.Ю. К а л и н и н о й (Москва) “Финитность в типологической перспективе: константы и переменные” было показано, что финитность (понимаемая как набор некоторых свойств предикации) может рассматриваться как семантическая категория, которая может обеспечить исследователю языка доступ к когнитивным структурам, лежащим в основе процесса коммуникации.

В докладе С. М и н о р а (Москва) “Лексическая семантика и выбор контролера” рассматривались факторы, влияющие на выбор контролера нулевого подлежащего при инфинитиве в конструкциях с глаголом речи (например, в таких конструкциях, как *Иван посоветовал Маше сходить ко врачу*). Для объяснения правил выбора контролера подлежащего при инфинитиве среди актантов главного предиката (рассматривался материал русского, немецкого, французского и марийского языков) автор апеллирует к семантической структуре глаголов речи в разных языках и постулирует наличие особого типа отношений – отношения между актантом главного предиката и ситуацией, обозначаемой предикатом зависимого предложения (инфинитивом). Автор выявил два типа таких отношений: каузальное (Caus) и бенефактивное (Benef). Оказывается, что в русском языке, в отличие, например, от немецкого, при выборе контролера действует иерархия этих отношений, где каузальное отношение выше бенефактивного. Таким образом, показано, как синтаксические структуры определенным образом взаимодействуют с когнитивной организацией представлений о мире – в частности, представлений о взаимодействии участников ситуации. Так, чувствительность русского языка к тому, кто является каузато-

ром ситуации, проявляется еще и в наличии безличных конструкций (*Мне не играет*), где дативный субъект не является каузатором.

О.В. Федорова (Москва) в своей работе "Предикативное согласование по числу в русском языке: анализ речевых ошибок" показала, что причиной преобладания ошибок в предикативном согласовании является перцептивная различимость имени, а не его родовая характеристика. Этот вывод говорит о том, что процесс согласования начинается на функциональном, а не на синтаксическом уровне.

Работа А.В. Богданова (Москва) "Учет фактора адресата при описании пространства: психолингвистическое исследование" представляла собой эксперимент, направленный на исследование влияния присутствия/отсутствия адресата на лингвистические параметры высказываний. Все обнаруженные в ходе исследования зависимости говорят о том, что адресант (говорящий) в присутствии адресата старается производить более понятные (удобные для адресата) высказывания, чем в случае его отсутствия.

Также в секции были представлены следующие работы: Минамцу И. (Кобе) "Оценка доступа в процессе перекодирования при синхронном переводе"; А.Н. Шестакова (Хельсинки) "Как дети раннего возраста учатся различать звуки чужого языка? (по результатам регистрации негативности рассогласования)"; Ю.А. Бурдукова, Т.А. Строганова, И.Н. Посикера и М.М. Цетлин (Москва) "Особенности развития психических функций у глубоко недоношенных младенцев"; Х.М. Восканова (Москва) "Эффект напоминания неосознаваемыми залаховыми стимулами на извлечение из памяти у человека"; А.Г. Горкин, А. Кузина и Ю.И. Александров (Москва) "Психофизиологические закономерности формирования системной структуры индивидуального опыта в норме и патологии"; С.Э. Давтян (Санкт-Петербург) "Семиотика психотической реальности"; Н.Н. Данилова (Москва) "Гамма ритм как частотно-специфический механизм внимания"; И.И. Митин (Москва) "От когнитивной географии к мифогеографии: интерпретации пространства и места" и другие.

Заключение. Можно обобщить, что когнитивная наука открывает новые перспективы перед лингвистикой. Когнитивная наука – это поле для регулярных контактов между представителями всех тех областей знания, на перес-

екрестке которых она складывается. Это позволит ученым, работающим в разных сферах, лучше и шире понимать проблематику, связанную с изучением интеллектуальной деятельности человека, и увидеть больше путей для сближения. В частности, для лингвистики это означает расширение горизонтов – постановку новых исследовательских задач и использование знаний о мыслительной деятельности человека, накопленных в других областях. В когнитивной науке безусловно будет востребовано все то, что лингвистике известно о манифестации мыслительных операций в языке и о реконструкции когнитивных структур через структуры языковые. В то же время, лингвистика тоже может делать свои "заказы" когнитивной науке – например, это может быть подтверждение или опровержение лингвистических построений на основании результатов из других сфер изучения интеллектуальной деятельности. Можно ожидать, что когнитивная наука даст мощный импульс развитию смежных лингвистических дисциплин: психолингвистики, нейролингвистики, количественной и компьютерной лингвистики, лингвистического направления исследований в области искусственного интеллекта. Однако когнитивная парадигма значима и для теоретического языкознания: ведь часто, когда от лингвистики требуется решение конкретных задач, поставленных в рамках того или иного прикладного или смежного направления, одновременно проверяются "на прочность" теоретические постулаты.

Но главное, что когнитивная наука может дать лингвистике – это объяснительная парадигма. Большинство лингвистических теорий и направлений уже в той или иной степени для объяснения многообразия лингвистических структур и ограничений на возможные языковые конструкции апеллируют к не собственно языковым механизмам – например, это врожденность языкового модуля сознания, принципы оптимального функционирования языка и так далее. Теории и модели когнитивной деятельности – это очень многообещающая основа для объяснений, сообщающих значимость лингвистическим концепциям.

А.В. Богданов,
Е.Ю. Калинина,
С.А. Минор (Москва)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. **Рукописи** представляются в двух экземплярах: текст и подстрочные примечания *должны быть набраны* через два интервала *на машинке или* через полуторный интервал *в электронном виде*. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес.

1.1. Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу. В состав электронной версии статьи должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации. Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями. На диске желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты). Во избежание технических неполадок запись на диске рекомендуется тестировать и проверять на вирусы.

1.2. Подготовка электронной версии основного текста.

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows. При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т.п.). Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на диске. Размер шрифта – 12.

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter). Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы.

1.3. Подготовка электронной версии графического материала.

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

– для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого;
– векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны: CorelDraw (до версии 8.0), Adobe Illustrator (до версии 8.0), FreeHand (до версии 8.0) или в формате EPS.

– для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi.

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS.

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения. Каждый файл должен содержать один рисунок.

2. **Примеры** в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. Библиография

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

– “Код работы” (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа “и др.” или “et al.”

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например:

Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой 1990 – Н.С.Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то “кодом” является одно из двух:

а) фамилия редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием “ред.” (для других языков – ed., hrsg. и т.п.);

б) сокращенное название и год.

Greenberg 1978 – J. Greenberg (ed.). Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals 1978 – Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2. **В тексте ссылки на литературу** даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992 : 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a].

4. Подстрочные примечания

5. Непринятые рукописи не возвращаются.

6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

7. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале “Вопросы языкознания” не принимаются.

CONTENTS

Vjač. V s. I v a n o v (Moscow). Typology of languages spoken in the region of the Amazon-river. II. Numerals and counting; A.V. Lušnikova (Moscow). Calenders of Northern Eurasia and Siberia as source for reconstructing of the ancient "Weltbild"; A.K. Šapošnikov (Moscow). Indoarica in the Northerd Black Sea coast; A.S. Nikolajev (St.-Petersburg). Toch. A *šamantär* and the Indo-European preterit with prolonged ablaut in the root; E.V. Padučeva (Moscow). Once more on the genitive of the subject in the negative; D.S. Ganenkov (Moscow). "Contact" localizations in the Nakh-Daghestan languages; **Reviews:** N.A. Kupina, O.A. Mikhailova (Ekaterinburg). *L.P. Krysin*. The native and loan words in Russian: studies in contemporary Russian language and sociolinguistics; V.V. Potapov (Moscow). *G.V. Kolpakova*. Semantics of the language unit; O.V. Nikitin (Moscow). *O.V. Duličenko*. Slavonic literary microlanguages; A.V. Kostyrkin (Moscow). *S. Nirenburg, H.L. Somers, Y. Wilks* (eds.). Readings in machine translation; S.A. Minor (Moscow). *K. Hale, S.J. Keyser*. Prolegomenon to a theory of argument structure; **Scientific life:** Chronicle features.

Сдано в набор 21.06.2005	Подписано к печати 15.08.2005	Формат 70 × 100 ^{1/16}		
Офсетная печать	Усл. печ.л. 13,0	Усл. кр.-отт. 18,8 тыс.	Уч.-изд.л. 15,4	Бум. л. 5,0
Тираж 1417 экз.		Зак. 616		

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ДОГОВОР

о передаче авторского права

г. Москва

" " _____ 20 г.

Автор _____,
(ф.и.о.)

именуемый(е) в дальнейшем "Автор", и Издательство "Наука", именуемое в дальнейшем "Издатель", в лице _____

(Должность)

_____, действующего на основании
(ф.и.о.)

_____, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Автор с момента заключения настоящего договора передает Издателю на безвозмездной основе права на издание своей Статьи _____

(название статьи)

одобренной и принятой к печати редколлегией оригинального журнала РАН на русском языке (далее по тексту "Журнал") _____

(название журнала)

на срок – до выхода Журнала со Статьей Автора в свет в печатном и (или) электронном виде и его распространения по подписке или отдельным заказам на территории России и других стран.

2. Автор гарантирует, что:

2.1. он имеет согласие всех соавторов Статьи, права на издание и распространение которой передаются Издателю по настоящему договору;

2.2. он не публиковал Статью в объеме более 50% в других печатных и (или) электронных изданиях, кроме публикации Статьи в виде препринта;

2.3. статья содержит все предусмотренные действующим законодательством об авторском праве ссылки на цитируемых авторов и (или) издания, а также используемые в статье результаты и факты, полученные другими авторами или организациями;

2.4. статья не включает материалы, не подлежащие опубликованию в открытой печати, в соответствие с действующими нормативными актами.

3. Автор обязуется:

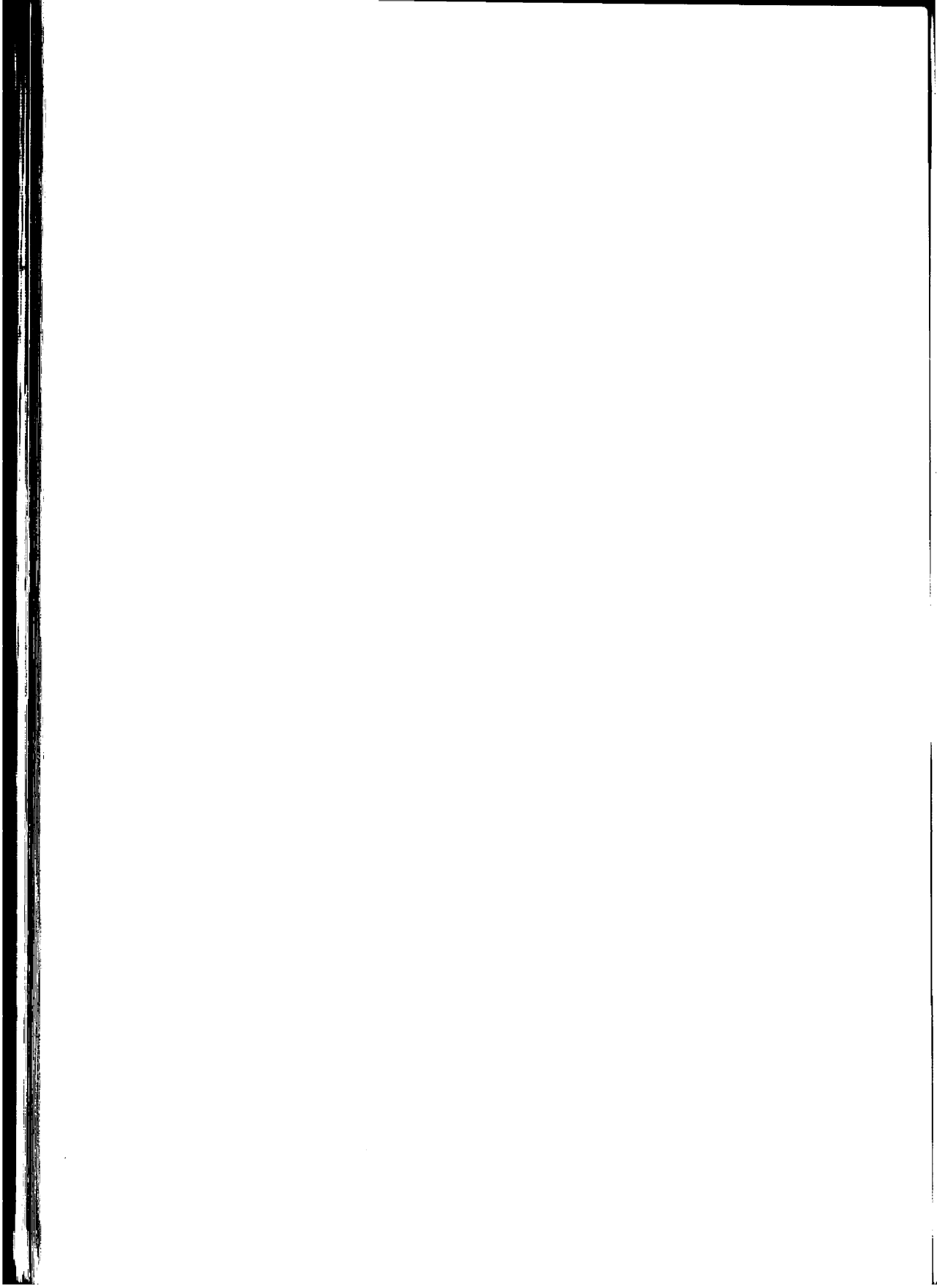
3.1. внести в текст статьи исправления, указанные рецензентами и принятые редколлегией Журнала;

3.2. читать корректуру(ы) статьи в сроки, предусмотренные графиком выхода Журнала;

3.3. не публиковать статью в объеме более 50% в других печатных и (или) электронных изданиях до выхода в свет Журнала со статьей Автора, являющейся предметом настоящего договора;

3.4. представить оригинал Статьи в электронном виде с распечаткой на бумаге, а в случае отсутствия таких возможностей – в форме, согласованной с редакцией Журнала.

3.5. вносить в корректуру Статьи только тот минимум правки, который связан с необходимостью исправления допущенных в оригинале Статьи ошибок и (или) внесения фактологических и конъюнктурных изменений;

3.6. не использовать в коммерческих целях и в других изданиях без согласия Издателя электронный оригинал-макет Статьи, подготовленный Издателем, в случае его передачи Автору.

4. Издатель обязуется:

4.1. за свой счет обеспечить рецензирование Статьи, научное, литературное и художественно-техническое редактирование, изготовление и (или) обработку иллюстративного материала, изготовление бумажного и электронного оригинала-макета, полиграфическое воспроизведение Журнала со статьей Автора и его распространение в соответствии с условиями настоящего договора, а также проведение подписной кампании и сбору заявок на тираж Журнала, включая рекламные мероприятия;

4.2. согласовать с Автором вносимую в Статью правку с учетом условий пп. 2.4 и 3.1 настоящего договора;

4.3. предоставить Автору корректуру верстки Статьи и внести обоснованную правку в нее в объеме не более трех исправлений на тысячу знаков с учетом условий п. 3.5 настоящего договора;

4.4. выделить Автору оттиски опубликованной в журнале Статьи в пяти экземплярах.

5. Издатель гарантирует, что без согласия Автора:

5.1. не будет использовать Статью или ее отдельные части ни в одном из других печатных и (или) электронных изданий;

5.2. не передаст права на опубликование Статьи, бумажный или электронный оригинал-макет третьей стороне.

6. Издатель имеет право:

6.1. допечатывать тираж Журнала со Статьей Автора при поступлении дополнительных заявок;

6.2. выплачивать по отдельным статьям, подготовленным по заказу Издателя (редколлегии), но не являющимися итогом выполнения служебных обязанностей или служебного задания, авторский гонорар по расценкам, установленным Издателем;

6.3. размещать в СМИ предварительную и (или) рекламную информацию о предстоящей публикации Статьи и вышедших в свет Журналах.

7. Настоящий договор вступает в силу с момента решения редколлегии Журнала о принятии Статьи для публикации в Журнале*.

Если Статья не принята к публикации, настоящий договор не вступает в силу, и Издатель извещает об этом Автора в течение 15 календарных дней.

8. Подписи сторон:

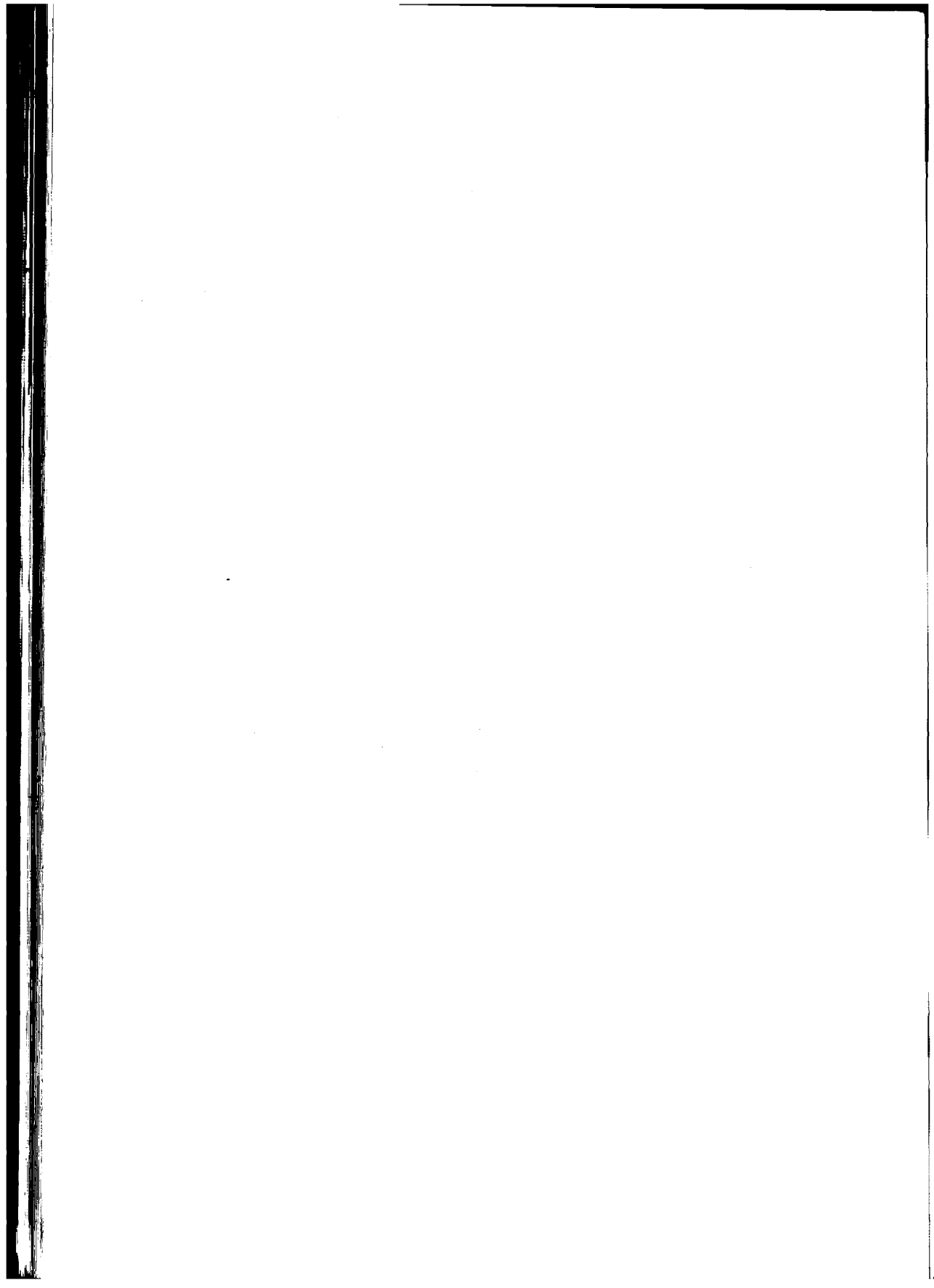
Автор

Издатель

_____
_____
_____

_____
_____
_____

* Текст Договора размещен на сайте Издательства "Наука" www.naukaran.ru

Договор о передаче авторского права

г. Москва

«__» _____ 200__ г.

1. Стороны договора

Автор (соавторы) _____
_____

и Компания «Pleiades Publishing, Inc.» (далее – «Издатель»);

Название рукописи _____
_____

(именуемая в дальнейшем «Материалы»),
Журнал (русское/английское название)

« _____ »

2. Предмет договора

А. Авторское право

1. Автор (и каждый соавтор) с даты вступления настоящего Договора в силу передает и продает Издателю на срок действия авторского права все исключительные права на использование Материалов на английском языке, включая права на перевод, воспроизведение, переиздание (право выдавать лицензию), передачу, распространение или иным способом использование Материалов или содержащихся в них частей (фрагментов) для публикации по всему миру на английском языке в научных, учебных, технических или профессиональных журналах или других периодических изданиях и производных работах: в печатных и электронных версиях таких журналов, периодических изданий и производных работах во всех средствах и форматах, существующих на данный момент и которые могут возникнуть в будущем, а также право на выдачу лицензии (или разрешения) третьим сторонам использовать Материалы для публикации повсеместно в таких журналах, периодических изданиях и составительских работах.

Передача прав по настоящему Договору включает право на обработку формы представления материалов для использования во взаимодействии с компьютерными программами и системами, воспроизведения или публикации в машиночитаемом формате и внедрения в системы поиска.

Издатель вправе передавать права и обязанности, предусмотренные настоящим Договором третьим лицам, включая его аффилированных лиц.

2. Воспроизведение, размещение, передача или иное распространение или использование Материалов или любой отдельной части (фрагмента) материала, содержащейся в ней, любым разрешенным настоящим Договором способом должно сопровождаться ссылкой на Журнал и упоминанием Издателя, а именно: название статьи, имя Автора (соавторов), название Журнала, том/номер, копирайт Издателя «Pleiades Publishing, Inc.» или иного обладателя авторских прав, указанного в Журнале, год первого опубликования.

В. Сохраненные права

Автор (соавторы) или работодатель Автора (соавторов) Материалов сохраняет все права собственника (за исключением прав, переданных по настоящему Договору Издателю).

С. Другие права Автора (соавторов) Материалов

Издатель разрешает Автору (соавторам) Материалов (работодателю) следующее:

1. Право пользоваться печатными или электронными препринтами неизданных Материалов в форме и содержании, принятыми Издателем для публикации в Журнале. Такие препринты могут быть размещены в виде электронных файлов на веб-сайте Авто-

ра (соавторов) или на защищенном внешнем веб-сайте работодателя Автора (соавторов) Материалов, но не для коммерческих продаж или систематического внешнего распространения третьей стороной. При этом автор должен:

– включить в препринт следующее предупреждение: «Это препринт Материалов, принятых для публикации в (название Журнала, (С), авторское право (год), владелец авторского права, указанный в Журнале)»;

– обеспечить электронную ссылку на сайты Издателя, имеющие URL <http://www.maik.ru>.

2. Право безвозмездно фотокопировать или передавать коллегам копию напечатанной статьи целиком или частично для их личного или профессионального использования, для продвижения академических или научных исследований или для информационных целей работодателя в соответствии с изложенным ниже Параграфом D.2.

Право использовать Материалы из опубликованной статьи в написанной Автором (соавторами) книге.

Право использовать отдельные рисунки или таблицы и отрывки текста из Материалов в собственных целях обучения или для включения их в другую работу, издаваемую (в печатном или электронном формате) третьей стороной, или для представления в электронном формате во внутренней компьютерной сети или на внешнем веб-сайте Автора (соавторов) или его работодателя.

Право включать Материалы в учебные сборники для использования в аудитории, для безвозмездного распространения Материалов студентам Автора (соавторов) или сохранять Материалы в электронном формате на локальном сервере для доступа студентов, как к части курса обучения, а также для внутренних обучающих программ в учреждении работодателя.

D. Материалы, которыми владеет Работодатель

Если Материалы были подготовлены в порядке выполнения служебного задания, и они являются собственностью Работодателя, то Автор (соавторы) должен получить (в дополнение к своей подписи) подпись Работодателя в Приложении №1 к настоящему Договору. Настоящим Договором Работодатель передает Издателю все авторские права на использование Материалов на условиях, предусмотренных настоящим Договором.

В дополнение к правам, обозначенным в параграфе «B» и правам, переданным Автору (соавторам) в соответствии с параграфом «C», Издатель настоящим безвозмездно передает такому Работодателю право делать копии и распространять напечатанные Материалы внутри учреждения в печатном или электронном виде на локальном сервере Работодателя. Размещение Работодателем опубликованных Материалов на общедоступном сервере может быть осуществлено только с письменного согласия Издателя и при осуществлении всех необходимых платежей.

E. Предупреждение об авторском праве

Автор/Работодатель соглашаются, что каждая копия Материалов или любая её часть, распространенная или размещенная ими в печатном или электронном формате, что разрешено настоящим Договором, будет содержать указание на авторское право, предусмотренное в Журнале и полную ссылку на Журнал Издателя.

F. Гарантии автора

Автор (соавторы) гарантирует, что Материалы являются оригинальной работой, представлены на рассмотрение только этому Журналу и ранее не публиковались. Если Материалы были написаны совместно с соавторами, Автор гарантирует, что проинформировал их относительно условий этого Договора и получил их подписи или письменное разрешение подписываться от их имени.

(Если в Материалах включаются отрывки из работ или имеются указания на работы, охраняемые авторским правом и принадлежащие третьей стороне, то Автору необходимо получить письменное разрешение владельцев авторского права на все использования и сделать ссылку на первоисточник.) Автор также гарантирует, что Материалы не содержат клеветнических высказываний и не посягают на права (включая без ограничений авторское право, или права на патент или торговую марку) других лиц и не содержат материалов или инструкций, которые могут причинить вред или ущерб третьим лицам и их публикация не приведет к разглашению секретных или конфиденциальных сведений (включая государственную тайну).

Г. Обязательства и гарантии Издателя

Издатель обязуется опубликовать Материалы в установленные в Издательстве сроки и предоставить Автору (соавторам) по его требованию электронный оттиск Материалов после их опубликования.

Издатель обязуется выплачивать за использование Материалов по настоящему Договору Автору (соавторам) – гонорар или Работодателю – сумму, эквивалентную гонорару, в соответствии с расценками, устанавливаемыми Издателем на год опубликования Журнала. Оплата будет осуществляться, начиная с 1 июля года, следующего за годом публикации Материалов.

Издатель гарантирует адекватный перевод Материалов на английский язык, международный стандарт полиграфических работ, распространение Материалов во всем мире в соответствии с полученными заказами, защиту авторских прав от незаконного использования третьими лицами и соблюдение личных неимущественных прав Автора (соавторов) Материалов.

Н. Вступление Договора в силу

Настоящий Договор вступает в силу в случае и с момента вынесения Редколлегией Журнала решения о принятии Материалов к публикации и действует в течение срока, предусмотренного в п.1 параграфа А. Если Материалы не принимаются к публикации или Автор (авторы) до «публикации» отозвал работу, настоящий Договор не вступает в силу. Издатель обязуется в течение 15 календарных дней с момента принятия соответствующего решения уведомить Автора (Работодателя) об этом.

Л. Область применения договора

Настоящий договор регулирует отношения только Автора статьи (Материала) и Издателя Журнала Российской академии наук (РАН) на английском языке, в который включена указанная в Договоре статья Автора, и не распространяется на правовые отношения Издателя и Российской академии наук в отношении Журнала в целом как составного произведения. Эти отношения регулируются в соответствии с постановлением Президиума РАН от 25 ноября 2003 г. № 319 отдельным Договором между РАН и Издателем.

Автор:

_____

_____

(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____

Подпись автора

_____

Дата

(Соавторы):

_____
_____
_____
(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____
_____
_____
Подпись соавтора

_____
_____
_____
Дата

_____
_____
_____
(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____
_____
_____
Подпись соавтора

_____
_____
_____
Дата

_____
_____
_____
(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____
_____
_____
Подпись соавтора

_____
_____
_____
Дата

_____
_____
_____
(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____
_____
_____
Подпись соавтора

_____
_____
_____
Дата

_____
_____
_____
(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____
_____
_____
Подпись соавтора

_____
_____
_____
Дата

_____
_____
_____
(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____
_____
_____
Подпись соавтора

_____
_____
_____
Дата

(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____

Подпись соавтора

_____

Дата

(Фамилия, имя и должность, паспортные данные)

Адрес автора для переписки: _____

Телефон: _____

e-mail: _____

_____

Подпись соавтора

_____

Дата

От Издателя
Pleiades Publishing, Inc.
32 Loockerman Square
Suite L-100
City of Dover
County of Kent 19901
State of Delaware USA

_____

Фамилия, имя, должность

_____

Подпись

_____

Дата

«Принято к публикации»

_____

Подпись

_____

Дата

Приложение №1 к Договору о передаче авторского права от «__» _____ 200__ г.
(Заполняется, если автор предоставил Материалы, подготовленные в порядке служебного задания)

г. Москва

«__» _____ 200__ г.

_____
Наименование работодателя (институт /компания или учреждение) Юридический адрес:
Контактный телефон _____
Банковские реквизиты _____

«Согласен с условиями настоящего Договора от «__» _____ 200__ г.

Гонорар за использование Материалов просим перечислить (ненужное зачеркнуть):

А. Автору (соавторам) статьи

Б. Работодателю по следующим реквизитам (указать):

_____
_____
_____

_____
Ф. И. О. уполномоченного лица работодателя (правообладателя)

_____
Подпись

_____
Должность уполномоченного лица работодателя (правообладателя)

_____
Печать